63
3 291

А. И. ЗАОЗЕРСКИЙ

ЦАРСКАЯ ВОТЧИНА XVII ВЕКА

2216
1505-20
1575-72
6053.22

ПРОВЕРЕНО 1954 г.
Проверено 1960 г.
63
3-29
ПРОВЕРЕНО 1959 г.

А. И. ЗАОЗЕРСКИЙ

ЦАРСКАЯ ВОТЧИНА XVII в.

НГПУ проверено 19 5 г.

ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРИКАЗНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Второе просмотренное и исправленное издание

26522
Библиотека Педуниверситета г. Новосибирск
37335
Ц/ф

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1937

9(e)13
9(47)
329

Книга А. И. Заозерского «Царская вотчина XVII в.» выходит вторым, исправленным, изданием. Написанная на основе обширного неопубликованного материала, она дает яркую характеристику эволюции феодального хозяйства и административного аппарата XVII в. Исследовательская работа, предназначенная для научного работника и студента, книга по своему изложению доступна каждому интересующемуся вопросами истории.

Редактор *Н. Л. Рубинштейн*
Техред *О. Прохорова*
Корректора *С. Шихманова и С. Либова*

Сдано в набор 29/VIII-36 г. Подписано в печ. 7/I-37 г. Тираж 10.000 экз. Формат бумаги 62×94 1/16. 19 1/4 п. л. 40480 зн. в п. л. Огиз № 1776. Заказ № 2491. Уполномоч. Главлита № Б-32156. Цена книги 3 руб. 90 коп. Переплет 1 руб. 25 коп.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга А. И. Заозерского вышла первым изданием в 1917 г. под названием «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве», небольшим тиражом и в настоящее время стала уже библиографической редкостью. На основе кропотливого изучения одного из крупнейших вотчинных хозяйств XVII в. и одного из новых административных учреждений, возникших в этот период, — Тайного приказа Алексея Михайловича, — автор освещает две важнейшие проблемы XVII в. — вопрос о крепостном хозяйстве XVII в. и о зарождении бюрократического аппарата.

Конкретное описание хозяйства царя Алексея Михайловича дает наглядную картину типичного феодального крепостного хозяйства.

История Тайного приказа — яркая страница эволюции политического строя Московского государства от самодержавия XVII в. с боярской думой и боярской аристократией к самодержавию XVIII в. с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма».

ВВЕДЕНИЕ

Вскоре после смерти царя Алексея Михайловича его преемником были изданы в один и тот же день — 18 февраля 1676 г. — два указа, тесно связанные между собой: согласно одному из них, передавались в ведомство Приказа Большого дворца «Оптекарской двор с каменным и з деревянным строеньем, и иные покупные и взятые дворы,... да волости и села» в разных уездах, «что ведомо было при отце ево государеве (т.) в Приказе ево государевых тайных дел» [1]; согласно другому, должны были поступить в ведение Стрелецкого приказа «Хлебный приказ и в нем всякие дела, ...и городы, которые ведомы в том же приказе..., да волости и села розных уездов» [2]. При жизни Алексея Михайловича Хлебный приказ и подчиненная ему территория также «ведомы» были в Тайном приказе, и этим объясняется одновременность обоих актов: тот и другой были вызваны последовавшим за смертью царя Алексея упразднением Приказа тайных дел и необходимостью определить положение территории, состоявшей в заведывании — частью непосредственном, частью посредственном — упраздненного учреждения.

Указы 18 февраля, перечисляя города, волости и села, рядом с ними отмечают в качестве предметов, подлежавших передаче в новые ведомства, «хлеб молоченой и немолоченой», «хлебные и лесные запасы», дворы конюшенные, скотные и птичьи, заводы соляные, железные и поташные, промыслы «рыбной и насадной», давая таким образом понять, что ликвидация застала в пределах очерченной в них территории хозяйственную жизнь в полном ходу. Более наглядное представление об этом хозяйстве помогает составить произведенная тогда же опись владений, бывших в непосредственном ведомстве Тайного приказа. Опись подробно перечисляет хозяйственные «статьи», оказавшиеся

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 191—195.
[2] Там же, стр. 280—282.

налицо в разных селах, и уже по тому, что она занимает собой более 80 столбцов печатного текста[1], можно догадываться, как полно были обставлены в хозяйственном отношении описываемые в ней владения. И на самом деле, как ни бедно красками ее содержание, при последовательном ее чтении за разнообразными хозяйственными терминами и рядами цифр отчетливо вырисовывается ряд благоустроенных имений, слагавшихся в руках деятельного и заботливого хозяина в обширную хозяйственную организацию. Другие документы вводят нас в историю и повседневную жизнь этой организации, изображают образование и рост территории, административный строй, технические приемы и результаты хозяйственной работы, состав и положение рабочего населения. И каждая подробность, попадающая в поле зрения наблюдателя, подтверждает первое впечатление, а все вместе делают очевидными наличность обдуманного плана и большие затраты энергии и материальных средств на его осуществление.

Любитель старины может закрепить вынесенное им из документов представление с помощью и некоторых материальных следов этого хозяйственного предприятия, сохраняющихся по крайней мере в одном из пунктов бывшего ведомства Тайного приказа. За Москвой, в 2—3 верстах от города, неподалеку от шоссе, которое идет от Преображенской заставы, ему укажут Николаевскую военную богадельню. С первого же взгляда он заметит, что это благотворительное учреждение поместилось в необычной обстановке. За ровным, слегка покатым к шоссе, обширным лугом протекает речка (Серебрянка), огибая поднимающуюся за ней, наподобие острова, площадь и ниже образуя, благодаря плотине, довольно большой пруд. На площади, за речкой, — солидное трехэтажное здание николаевского стиля, с возвышающимися посередине пятью главами: это и есть богадельня, она прежде всего бросается в глаза. В некотором расстоянии от нее, частью заполненном низкими постройками, на берегу, по направлению к плотине, — небольшая церковь с колокольней, обе старинной архитектуры. В сторону от богадельни, ближе к мосту через речку, выдвигается своеобразное сооружение, которое главным образом и дает картине тон, — трехъярусная шатровая башня, с проезжими воротами в середине: при виде ее у наблюдателя не будет сомнения, что перед ним — место с особым историческим прошлым. Таким представляется в настоящее время, если смотреть со стороны, знаменитое

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 195 и сл.

Измайлово, одна из летних резиденций царя Алексея и вместе хозяйственный центр ведомства Тайного приказа. Дорога, отделяющаяся от шоссе, приведет через мост, мимо башни, на площадь, причем здание, увенчанное главами, и еще два других того же типа окажутся направо, а против них, налево, два длинных одноэтажных каменных корпуса и в середине между ними старинные ворота.

Главное здание богадельни — это древний Покровский собор; он цел и сейчас, но загорожен пристроенными к нему с трех сторон корпусами. В углу двора, на берегу, рядом с замеченной уже небольшой старинной церковью, стоял деревянный, в три жилья, царский дворец, соединявшийся с нею крытыми переходами; он держался в полуразрушившемся, правда, виде, до половины прошлого столетия, когда был окончательно сломан, и на его месте поставлен был деревянный флигель для призреваемых офицеров. По сторонам двора шли, начинаясь у самого дворца, длинные одноэтажные каменные корпуса, разобранные потом одновременно с дворцом по той причине, что понадобился материал для богадельни; они служили и оградой двора и жильем для дворцовых слуг, приказчиков, охотников; тут же помещались и разные хозяйственные службы—хлебни, погреба, пивоварни, медоварни, квасоварни, винный завод. Все это устроил царь Алексей Михайлович. Он лично смотрел за хозяйством, а в той шатровой башне созывал своих бояр на совет о государственных делах. Начинаясь у самого дворца, разбит был «регулярный» сад: он тянулся вниз по берегу приблизительно на тридцать саженей. А за тем прудом, который окружал царский двор с противоположной стороны, был расположен Виноградный сад. Это название постоянно встречается в хозяйственных документах Тайного приказа — знак того, что сад был предметом особенно тщательного ухода. Он занимает около квадратной версты. По середине его и теперь — роскошные аллеи вековых лип; если не эти живые липы, так те, другие, от которых остались прочно усевшиеся местами колоссальные пни, уж наверное были современницами царя Алексея. Тут разводились виноградные лозы, росли яблони, груши, дули, вишни, сливы, даже тутовое дерево.

Позади Виноградного сада должны быть следы разных хозяйственных построек, а за ними уже начинались государевы поля. При возвращении можно воспользоваться дорогой, которая обходит низом регулярный сад и приведет к упоминавшейся раньше плотине. Это — также памятник: кирпичная кладка расходится полукругом далеко в стороны от стока, глубоко уходя в землю, и повидимому не-

сокрушима. У плотины прежде стояла каменная мельница, на которой мололи государев хлеб. Отсюда тропинка поведет вас лугом на шоссе; но прошлое, которое овладело вами там, на царском дворе и в садах, не хочет отпустить вас сразу: за открывающейся перед вашими глазами современной картиной вам все хочется представить себе эти места, как они выглядели тогда, в обстановке той далекой жизни.

История хозяйственного быта Московской Руси вообще не богата цельными памятниками, и уже потому для историка может быть привлекательной попытка восстановить, пользуясь «делами» Тайного приказа, хозяйственный строй находившейся в его ведомстве территории. Другое обстоятельство, отчасти и отмеченное, сообщает однако предмету более широкий интерес. Не в предании только, а и в архиве Тайного приказа осталось много подлинных следов того, что царь Алексей в самом деле по-настоящему чувствовал себя хозяином в подведомственных Приказу владениях и лично входил во все мелочи их хозяйственной жизни. Являясь любопытной биографической чертой сама по себе, хозяйственная деятельность Алексея Михайловича своей формальной обстановкой поднимает вопросы, которые выводят ее значение за пределы личной характеристики. Из каких владений составилось царское хозяйство, и почему оно поручено было Тайному приказу? В специальном исследовании Гурлянда о Тайном приказе эти вопросы поставлены и на них дан следующий ответ. Хозяйственная деятельность царя «началась с немногих подмосковных сел и с немногих на этих землях улучшений», но потом разрослась и захватила «весьма большую площадь земли» отчасти «в силу хозяйственной необходимости, отчасти по развившейся страсти». Так в пределах дворцового ведомства образовался «круг имений», в которых царь «пожелал непосредственно заведывать хозяйством» и которые были потом «изъяты из ведения Большого дворца» и «переданы в Тайный приказ». Это была новость, потому что до Алексея Михайловича «не делалось еще различия между управлением загородными имениями царя (как бы личной его собственностью) и управлением дворцовыми землями». Почему однако царь не продолжал управлять «своими имениями» через Приказ Большого дворца? «По некоторому недовольству Большим дворцом», — отвечает автор. Привыкнув требовать быстроты и точности в исполнении своих распоряжений, царь вообще убедился, что его требования «не по плечу всему дворцовому ведомству» и «тяжелая ма-

шина дворцовых учреждений» не может «поспевать за ним»[1].

Итак, выходит, что царское хозяйство сложилось, как любительское предприятие, в рамках дворцового ведомства, и передача его Тайному приказу была только делом административного удобства. Это мнение, внешне правдоподобное, подсказано не наблюдениями над фактами. В свое время мы увидим, что в действительности хозяйственное ведомство Тайного приказа возникло как самостоятельная организация, сразу же получившая крупные размеры, причем в образовании ее «загородные имения царя» играли нисколько не большую роль по сравнению с остальными частями территории. Отсюда — приходится спрашивать не о том, почему все эти владения были «изъяты» из ведения Большого дворца, а о том, почему для заведывания сложным хозяйственным предприятием царь выбрал не какой-нибудь другой, а именно Приказ тайных дел — учреждение, по своим задачам, казалось бы, не имевшее ничего общего с хозяйственными интересами. Гурлянд настаивает, что царь был недоволен «тяжелой машиной дворцовых учреждений», но в подтверждение своего мнения он мог привести только один факт, который на самом деле скорее опровергает, чем подкрепляет его. В 1652 г., заменив прежнего управляющего Дворцом, кн. А. М. Львова, новым—В. В. Бутурлиным, царь с чувством удовлетворения писал патриарху Никону: «а слово мое ныне во Дворце добре страшно и делается без замотчанья». Ясно, что недовольство царя относилось не к учреждению, а к лицу. Ушел кн. Львов, старый и упрямый боярин, и Дворец стал послушным и исполнительным[2]. Потому конечно царь до конца не находил препятствий оставлять в дворцовом ведомстве любимые свои подмосковные села, как Преображенское, Воробьево, Коломенское и др. Вывод, который следует отсюда, может быть лишь тот, что в данном вопросе решающее значение имели не только административно-технические, а общие свойства учреждения и что следовательно нельзя рассматривать хозяйственное ведомство Тайного приказа вне связи с общим назначением Приказа. Но как бы ни различались в подробностях определения Тайного приказа, в основном своем назначении он был несомненно политическим учреждением и вызван к жизни политическим мировоззрением царя Алексея. А это значит, что и осуще-

---

[1] Гурлянд, Приказ великого государя тайных дел, стр. 67. 162 и сл.

[2] Стр. 67; автор цитирует не точно — «слово мое... страшно», в подлиннике сказано сильнее: «добре страшно».

ставлявшаяся через него хозяйственная деятельность Алексея Михайловича, оставаясь эпизодом экономической истории, могла быть вместе с тем отражением условий политической жизни и потому может характеризовать собой определенный момент в политической эволюции Московской Руси.

Будем ли мы изучать хозяйственное ведомство Тайного приказа или самый Приказ, как учреждение, в обоих случаях основным источником будут служить «дела» Тайного приказа, но не в одинаковом составе. В первом случае наибольшее значение имеют документы внутреннего делопроизводства Приказа—приходо-расходные и записные книги, дополняемые в некоторых частях документами, содержащимися в столбцах. Приходо-расходные книги[1] составились из сокращенных записей государевых указов о производстве денежных выдач и о приеме денежных поступлений. Записи полнее в статьях первой категории и досадно скупы в статьях второй; поэтому приходо-расходные книги, позволяя наблюдать царское хозяйство в движении различных его отраслей, во многом оставляют закрытым общий ход хозяйственного оборота. Местами в своем содержании они выступают из рамок чисто финансовых операций, сообщая попутно сведения, характеризующие другие стороны хозяйственной жизни,— отмечая нужды, на удовлетворение которых производились ассигновки, воспроизводят нередко порядок работ и технические приемы, состав администрации и рабочих. Большим лишением для исследователя являются дефекты в составе этого памятника; приходо-расходные книги имеются лишь за 7 лет, и то не полностью за каждый год. Этот пробел восполняют, но только до некоторой степени, «расходные столбцы», сохранившиеся как раз за те годы (именно за 6 лет), от которых недостает приходо-расходных книг. Столбцы содержат документы в подлинном виде и потому богаче конкретным материалом: рядом с государевыми указами по хозяйству в них нередко встретим приказные справки, подрядные записи, челобитные — словом, документы, которые ставят исследователя лицом к лицу с людьми и их отношениями. Столбцы вероятно служили источником при составлении приходо-расходных книг и были бы без сомнения ценнее последних, если бы еще больше, чем те, не пострадали в своем составе: из 6 годов, от которых они дошли до нас, ни за один они не сохранились целиком, а только частями: за 1, за 2, за 3, самое большое— за 8 месяцев.

Шире и разнообразнее по содержанию записные книги

[1] Р. И. Б., т. 23.

Тайного приказа[1]. Составляясь путем регистрации входящих и исходящих бумаг Приказа — государевых грамот и указов, приказных памятей, отписок с мест, — они велись систематически в течение ряда лет, изо дня в день, и потому должны отражать в себе полный круг деятельности учреждения. Хозяйственные дела, не являясь их единственным предметом, как то видим в приходо-расходных книгах, в известной части записных книг решительно преобладают над другими, — доказательство между прочим того, насколько важное место занимали хозяйственные функции в деятельности Приказа. Содержащиеся здесь распоряжения и донесения по хозяйственному управлению затрагивают самые различные стороны хозяйственного быта, и, можно сказать, если бы соответствующие акты давались в подлинниках, легко восстановлялся бы по записным только книгам весь строй жизни царских владений. Но составители книг подвергали каждый поступавший в их руки документ переработке, руководясь при этом потребностями приказной памяти, и потому старались извлекать из него те сведения, которые могли пригодиться потом для справок и еще, может быть, при составлении общих ведомостей. Оттого например в записных книгах тщательно выписаны цифры натуральных поступлений и лишь в случайных намеках проступают черты, характеризующие административный строй или правовое положение населения. По этой причине значение их как источника становится более скромным; притом и в отношении сохранности они разделили участь приходо-расходных книг: в их составе недостает значительной по объему (почти за 2 года) и важнейшей по характеру захватываемого момента части,—именно с 11 мая 1662 г. по ноябрь 1664 г. Невыгодные для исследования свойства изложения записных книг и указанный пробел в их составе могли бы быть возмещены подлинными документами, которые подклеивались в Приказе в особые «столпы всяких дел». Эти документы, естественно, являются драгоценным источником и помимо содержания интересны самой формой. Один из них имеют официальный характер, т. е. прошли через обычные стадии приказного делопроизводства, и потому изложение их мы найдем в записных книгах или нашли бы, если бы те сохранились полностью; другие, напротив, не были официальными и не подлежали приказной регистрации, как например некоторые собственноручные заметки царя Алексея, меморандумы, экстренные доклады царю и т. п. Тем большее сожаление вызывает у исследователя то со-

[1] Р. И. Б., т. 21.

стояние, в каком «столпы всяких дел» дошли до нас: особенно в категории хозяйственных дел это, за немногими исключениями, — разрозненные отрывки, в значительной части черновики, иногда рассыпающиеся от ветхости при попытке взять их в руки.

Известную помощь при изучении царского хозяйства могут оказать, наконец, описи «дел» Тайного приказа, составлявшиеся в то время, когда все дела Приказа были еще налицо. Описи, при своей краткости, тем и ценны в данном случае, что воспроизводят состав приказного архива в полном его объеме, давая понятие о таких документах, которые потом бесследно погибли.

Отмеченными особенностями источников устанавливаются пределы, в каких может быть выполнена первая из поставленных задач. Перерывы в записях приходо-расходных и записных книг, хронологически измеряющиеся годами, не позволяют проследить процесс образования хозяйственного ведомства Приказа с одинаковой полнотой во всех моментах и, может быть, в наиболее существенных моментах сделают необходимым путь догадок. С другой стороны, благодаря специальным приемам изложения одних источников (книг и описей) и крайней отрывочности других (столбцов) самая схема хозяйственного строя в ведомстве Приказа может выйти не во всех частях одинаково отчетливой, и неизбежными окажутся важные пробелы в заполнении ее конкретным содержанием. И все же надо отдать справедливость составителям приходо-расходных и записных книг, являющихся основным нашим источником, — подъячим Тайного приказа. Их работа по самому назначению своему и должна была носить протокольный характер. Но бумажное производство видимо не убило в этих представителях канцелярской профессии восприимчивости к впечатлениям от конкретных фактов. Они ведут свои записи, держась специальных рамок и по определенным формулам, но поверх этих рамок в эти формулы свободно проникают непосредственные отголоски жизни: мы чувствуем их и в дословной выдержке из воеводской отписки или памяти приказчику, где вдруг выглянет живое лицо или со всей непосредственностью скажется житейский казус, и в какой-нибудь детали «реальных отношений», которая, может быть, потому только и попала в книгу, что возбудила любопытство подъячего, и в наивно-метких оборотах речи, в которых иной раз, точно в зеркале, отразится своеобразный облик создавшей их среды. Можно поэтому сказать, что, составляя книги, московские подъячие сделали в пределах своей профессиональной задачи больше, чем могли бы, давая возможность современ-

ному исследователю собрать рассыпанные ими краски в цельную картину, хотя кропотливостью такой задачи и подвергая его опасности сделать меньше, чем он должен.

Другие особенности источников выдвигаются перед исследователем, когда он пытается уяснить себе общее назначение Тайного приказа. Приказ оставил после себя огромный архив, разборка и описание которого, предпринятые вскоре по его упразднении, на несколько лет задали работу специальным комиссиям и содержание которого воспроизводят явившиеся в результате работы описи, а частью и подлинные документы, рассеянные по разным современным архивам. Но архив Приказа удивляет, может быть, не столько количеством оказавшихся в нем «дел», сколько их разнообразием: последнее непременно бросится в глаза при знакомстве с описями и с особенной наглядностью выступает в том факте, что, при рассылке «дел» при ликвидации, ими наделены были 29 приказов — каждый по предметам своего ведомства. Можно ли заключить отсюда, что Тайный приказ совмещал в себе и соответствующее разнообразие функций? Очевидно положительный ответ на это следовал бы с необходимостью, если бы все отмечаемые описью документы принадлежали к делопроизводству Приказа. В действительности однако по бесспорным признакам многие из них не производились в Тайном приказе, поступив сюда из других учреждений, и потому в качестве источников, естественно, не могут иметь одинакового значения с делами собственного производства Приказа. Совершенно ясно, что исследователь, который пользовался бы документами по описям, не учитывая должным образом момента их происхождения, открыл бы тем самым полную свободу наделять Приказ любыми функциями и объявлять ту или другую из них, по выбору, основной в жизни учреждения. А между тем опись, передавая содержание дел, чаще всего не указывает их происхождения, и в то же время нет возможности разыскать все упоминаемые ею документы в подлинниках. При таких условиях осторожность становится первым требованием к исследованию, и вместе с тем особую ценность приобретают некоторые общие показания источников, помогающие ориентироваться в указанном направлении в представляемом ими же материале.

Эти показания даются прежде всего самими описями. Помимо частичных имеются три описи, которые могут быть названы общими: одна и произведена была с специальной целью описания дел [1]; другая составлялась при рассылке дел

[1] Р. И. Б., 21 стр. 1—190.

по приказам [1]; в третьей описаны дела, оставшиеся после рассылки. Первые две по содержанию почти совпадают, точнее, роспись, составлявшаяся при рассылке, повторяет произведенное раньше описание; но обе они по-разному классифицируют дела: в то время как последняя расписывает их между наличными приказами и уже не считается с Тайным, первая отводит ему определенное место среди других и относит на его долю часть из общего состава описываемых дел, тем самым давая как бы очерк его подлинной компетенции. Аналогичное значение имеет и третья из перечисленных описей. Дела Приказа были разосланы не все; оставшиеся хранились сначала в Печатном приказе, а потом были переданы в Ближнюю канцелярию [2], знаменитый начальник которой Н. М. Зотов и составил им особую опись [3]. Произошло все это едва ли случайно, хотя бы например потому, что у разборной комиссии нехватало рук для рассылки всех дел: оказавшиеся не разосланными документы слишком ценны по содержанию, и если бы наряду с другими предназначались к рассылке, то, думается, скорее всего попали бы в первую очередь. Среди них находим расходные столбцы Приказа, приходо-расходные и записные книги, дневальные записки, походные дневники царя Алексея, его грамоты и письма, тайные наказы послам и секретную дипломатическую переписку, наказы воеводам и их отписки в Тайный приказ с театра военных действий, дела по сношениям с иноземцами, дело патриарха Никона — все документы, или являющиеся основными в собственном делопроизводстве Приказа или относящиеся к вопросам первостепенной государственной важности, притом некоторые из них собственноручно писаны царем и многие им редактированы. Можно поэтому думать, что при разборке дел Тайного приказа комиссия отсылала в другие учреждения преимущественно те, которые или принадлежали к их делопроизводству или были необходимы им по связи с задачами текущего управления, но что она не имела с самого начала в виду разбивать тот круг дел, в котором отражалась собственная компетенция учреждения. И мы могли бы довериться получившейся классификации: комиссия состояла по преимуществу из бывших дьяков и подъячих Тайного приказа — людей, которые могли, как никто другой, разбираться в его действительном назначении. Сопоставляя указания той и другой описи, найдем, что в общем обе согласно намечают

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 345—688.
[2] Там же, стр. IV.
[3] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, ст. 1—44.

то направление, в каком может быть произведено упрощение пестрого архивного наследства Тайного приказа в смысле приблизительного выделения сферы подлинного его ведомства. Дальнейшее упрощение может быть достигнуто с помощью записных книг и уже в другом направлении. Согласно самому способу своего составления эти книги рисуют круг деятельности Приказа в порядке хронологической последовательности и потому позволяют поставить вопрос: можно ли считать все разнообразие функций, которое заставляют предполагать описи, в том числе даже и зотовская, свойственным Приказу в каждый момент его существования, или, может быть, определенные функции являются характерными для отдельных периодов в жизни Приказа, смена которых обозначала бы собой известную пережитую Приказом эволюцию? Не приходится доказывать, насколько существенно изменилась бы картина деятельности Приказа, получающаяся путем простого суммирования «дел», в том случае, если бы сказалось верным второе предположение.

В вопросе о назначении Тайного приказа предлагаемое исследование и исходит из этих общих показаний названных источников [1].

---

[1] Упомянутая книга Гурлянда и в этом вопросе также не внушает к себе доверия ни степенью полноты использованных в ней источников, ни приемами исследования. С одной стороны, зная, что «дела» приказного архива могут иметь в качестве источника очень различное значение в зависимости от их происхождения, Гурлянд фактически игнорирует этот момент и пользуется ими как однородным в формальном отношении материалом, — описями например так же, как подлинными документами приказного делопроизводства. С другой стороны, важнейшим источником при изучении круга деятельности Приказа являются, как мы знаем, записные книги, и по заявлению Гурлянда, эти книги им «изучены»; а между тем их «изучение» ни в какой мере не сказывалось ни на суждениях его о Приказе, ни вообще на содержании книги. Поверхностное отношение к источникам, открывая перед автором полную свободу построений, сделало возможным и общее определение Тайного приказа как «органа высшей справедливости», по одной из второстепенных функций, и естественно, что, полученное таким путем, это определение осталось несогласованным с детальной характеристикой учреждения. Разнообразные функции Приказа оказались лишенными внутренней связи, и автор заменил ее в их описании чисто внешней схемой: разделил их на две группы, из которых в одну поместил «специальные ведомства» — числом 15 (не считая подразделений), в другую — функции, выражающие «общие начала управления», оставив обе группы в полной обособленности. В результате у Тайного приказа получилось столько же самостоятельных задач, сколько можно насчитать предметов ведомства, и понятно, что при такой конституции общее назначение учреждения так же мало может объяснить отдельные функции, как и последние — иллюстрировать первое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пока нельзя сказать, каким образом в составе компетенции Тайного приказа появилось самостоятельное хозяйственное ведомство: было ли оно установлено специальным государевым указом или сложилось фактически, по мере подчинения Приказу отдельных владений. Зато рядом косвенных признаков довольно точно определяется время, на которое приходятся начальные моменты его формирования.

Хронологические границы, в пределах которых это должно было произойти, намечаются записными книгами Тайного приказа, точнее, пространством, захватываемым их утерянной частью: до 11 мая 1662 г., т. е. до того числа, на котором записные книги обрываются, в них не найдется ни одного распоряжения, которое касалось бы состоявших потом за Приказом владений, даже ни одно из этих владений не названо; наоборот, с первого же числа ноября 1664 г., на котором книги возобновляются, хозяйственные распоряжения становятся преимущественным предметом их содержания, и страницы их начинают пестреть соответствующими географическими названиями. Таким образом как бы сам собой выделяется, с значением промежутка времени, в течение которого образовалась в ведомстве Приказа хозяйственная организация, 1663 (171—172) год. Рядом с этим наблюдением не кажется простой случайностью, что и приходо-расходные книги Приказа, имея дело, в сохранившемся их составе, уже с налаженным хозяйством, начинаются как раз с 172 г., т. е. с сентября 1663 г. Правда, зотовской описи известны «тетрати в полдесть приходные и расходные же со 164-го по 172-й год приему подъячих Федора Казанцова, Протасья Никифорова, Григория Ключарева»[1]; однако сама опись, соединив эти «тетрати» трех разных подъячих, отделила их как одно целое от «столпов и тетратей приходных» последующих лет и «приему» других подъячих, т. е. от известных нам приходо-расходных книг

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., Рус. Арх. Общ., т. II, стр. 29.

Приказа, и тем позволяет предполагать в качестве основания для разделения различие между теми и другими по содержанию, аналогичное тому, какое выступает так ясно в записных книгах. Может быть даже, что и записные книги тем же хронологическим пунктом, т. е. 172 г. (сентябрем 1663 г.), делились на две части, и это могло способствовать впоследствии утрате конца первой их части и начала второй. Итак, из намечаемых записными книгами хронологических рамок выпадают прежде всего 1662 и 1664 гг., а затем и вторая половина 1663 (т. е. первая половина 172) и остается, следовательно, первая половина 1663 г. (или вторая 171), как наиболее вероятный хронологический термин, с которым можно связывать возникновение хозяйственного ведомства Тайного приказа.

К тому же хронологическому пункту приводят и некоторые фактические сведения о хозяйственной деятельности Приказа. 171-й год отмечен в документах рядом важных хозяйственных мероприятий в ведомстве Тайного приказа, и все они носят характер первых шагов. В этом году начинается искусственное заселение с. Измайлова [1] и Домодедовской волости, [2]—двух главных хозяйственных центров ведомства; производятся разведки в Скопине, Романове и других местах, «где быть его, великого государя, десятинной пашне» [3]; заводится пашенное хозяйство в г. Богородицком [4]; переводятся в ведомство Хлебного приказа Терюшевская волость и мордовские села Арзамасского и Алатырского уездов [5]; в то же время на казенных железных заводах изготовляются, по специальному распоряжению, в огромном количестве орудия «для пашенного заводу» и рассылаются потом, по указу из Тайного приказа от 15 февраля 1663 г., по городам и селам, числящимся за Приказом: на Скопин и Романов (по 250 плугов, по 50 косулей, по 300 топоров, по 300 кос), на Пахру Домодедовской в. (1 000 сошников, 300 плугов, 300 косулей, 1 800 топоров, 1 400 кос), в Измайлово (600 сошников, 100 плугов, 200 косулей, 400 топоров, 600 кос) и в Чашниково (200 сошников, 100 плугов, 200 косулей, 400 топоров, 600 кос) [6]; одновременно с этим запасаются и живым инвентарем: «по наряду из приказу

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Прик., ст., № 786, g. 173; ср. Р. И. Б. т. 21, стр. 24—25.

[2] Гафкэ, А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 17—19.

[3] Гафкэ, А. М. Ю., Новгор. ст., № 128, л. 342.

[4] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст. № 531, л. 2—23; № 586, л. 31—39.

[5] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела, вновь разобранные, № 263, л. 1—2; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 23.

[6] А. А. Э., т. IV, № 138. В указе назван еще г. Дедилов, положение которого будет выяснено ниже.

Библиотека Пермского университета г. Новосибирск
3735

тайных дел» покупаются в 1663 г. лошади [1], а с начала следующего года и «племянная рогатая животина» [2]; можно, наконец, упоминаемую в описи «роспись... что отпущено патриарша хлеба в — Ызмайлово, в Покровское, в Семеновское, в Чашниково, в Звенигородский у. в Домодедовскую в. во 171-м году» [3], понять, как указание на заем хлеба для первого крупного посева.

В 1664 г. хозяйство в ведомстве Тайного приказа было, как можно наблюдать хотя бы по записным книгам, в полном ходу, и в распоряжении Приказа имелась уже обширная территория. Кроме только что названных владений — городов: Скопина, Романова и Богородицкого, волостей Домодедовской и Терюшевской, сел Измайлова и Чашникова — в состав ее в это время входят еще следующие: волости Карамышевская и Славецкая, села: Ермолино, Лопатино, Дмитровское, Степановское, Алексеевское, Балабаново, Смердово, Лычово, Лысково, Мурашкино, Дехтяное, Сасово, Порецкое и Семеновское.

В дальнейшем рядом с этим появляются почти ежегодно новые владения: в 1665 г. села Черкизово и Шилбутово [4]; с 1666—г. Гороховец [5], Аргуновская и Городецкая волости [6]; села и сельца: Красное [7], Ситково [8] и Борисовское [9]; с 1667—с. Сорокино [10]; с 1668—с. Сергач [11]; с 1670—д. Загорье, Изварино, Деревягина [12]; с 1673—Колдомская в. [13] и села: Котельники, Петровское, Соколово и Либерицы [14]; с 1674—посад Соль Малая и с. Княжчино [15]; с 1675 — села Шишковердь, Денисово, Вески, Золотилово [16]; сверх того ряд деревень и пустошей [17]. Последнее по времени приобретение (с. Шишковердь) было сделано в декабре 1675 г., и можно думать, что только последовавшая вскоре смерть царя Алексея прекратила дальнейший рост территории. Во всех этих вла-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 19.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст. № 365, л. 39—40.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 26.
[4] Там же, стр. 368, 1172—1173.
[5] Там же, стр. 1236.
[6] Там же, стр. 825, 1179.
[7] Там же, стр. 1188.
[8] Там же, стр. 371.
[9] Там же.
[10] Там же, стр. 372.
[11] Там же, стр. 1382.
[12] Там же,стр. 373—374.
[13] А. М. Ю., Прик. ст., № 786, л. 173.
[14] Р. И. Б., т. 21, стр. 375, 1673.
[15] Там же, стр. 376.
[16] Там же, стр. 375.
[17] Там же, стр. 369—377.

дениях числилось в конце царствования Алексея Михайловича 17 342 двора, из них за Тайным приказом, по отчетной хозяйственной ведомости 184 г., — 2 458 дворов [1], за Хлебным, по переписным книгам 182 и 186 гг., — 14 894 двора [2]. Значение этих цифр выступит нагляднее, если приведем на справку, что в имениях самого крупного землевладельца половины XVII в., Н. И. Романова, было 7 012 дворов [3] — в 2½ раза меньше, а в ведомстве Приказа Большого дворца в то же приблизительно время (в 1646 г.) — 27 200 дворов [4], больше всего только в 1½ раза. С меньшей точностью может быть определена площадь пахотной земли. Для одних владений данные вовсе отсутствуют, для других имеются лишь показания позднейших источников. С такой оговоркой количество пашни «всякой» в общем ведомстве Тайного приказа может быть принято приблизительно в 150—180 тыс. дес. [5].

Владения Приказа, как легко заметить из сделанного выше перечня их, не представляли собой сплошной области; в окончательном своем составе, как он определяется ликвидационными указами 1676 г., они образуют территорию, разбросанную в пределах 20 уездов (Алаторского, Арзамасского, Балаханского, Богородицкого, Боровского, Владимирского, Вологодского, Гороховского, Звенигородского, Костромского, Каширского, Курмышского, Московского, Нижегородского, Переяславль-залесского, Переяславль-рязанского Романовского, Скопинского, Шацкого и Юрьев-польского). Та же пестрота и в их размерах: тут и обширное имение—торговое село, волость или даже город с приселками и деревнями,—захватившее собой не одну тысячу десятин и рядом с ним—сельцо с двумя-тремя крестьянскими

[1] Гафкэ, Г. А. XXVII, И 532, л. 54—75.

[2] Доп. к А. И., т. VIII, № 48, стр. 137.

[3] С. В. Рождественский, Роспись земельных владений московского боярства, стр. 36.

[4] Милюков, Очерки по истории русской культуры, изд. 6-е, ч. 1, стр. 275.

[5] Кроме упомянутой в тексте отчетной ведомости 184 г. и записных книг относящиеся сюда данные содержатся главным образом в так называемой «Книге очистительной дворцовых городов», Арх. Ор. Пал., № 120—139, оп. № 39. «Книга очистительная» представляет собой хозяйственное описание дворцовых земель, оставшихся за Приказом Большого дворца в начале XVIII в. Составлена она в 1705 г., но в ней использованы и результаты более ранних описаний, близких по времени к деятельности Тайного приказа. Аналогичные сведения представляют также «Ведомости о раздаточных селех и деревнях из дворцовых волостей»; из них одна напечатана Устряловым в прилож. к I т. «Истории царствования Петра Великого» (стр. 290 и сл.), другая хранится в Г. А. IX, отд. II, № 92. Последняя захватывает более ранний период (о 184 г.) и важна еще тем, что дает краткие справки о

дворами, или пустошь в несколько десятков десятин; в нескольких местах за Приказом — только часть владения: «полсела» Сасова, «полсела» Красной слободы. Эта пестрота территориального состава объясняется способами его образования.

Подведомственная Тайному приказу территория не была результатом какой-нибудь случайной комбинации: земель искали и при подборе их руководились в известной степени, определенными хозяйственными соображениями. Начиная с 171 г. и на протяжении едва ли не всех последующих лет «по наряду из Тайного приказа» производятся в разных направлениях, чаще через специально назначав-

---

тех из розданных владений, которые были в ведении Тайного или Хлебного приказов. Привожу данные, какие удалось собрать о количестве пашни и дворов по отдельным владениям:

В ведомстве Тайного приказа:	Количество четей в поле		Количество дворов
	поля крестьянские	поля десятинные	
Измайлово	1 103	600	239
Домодедовская в.	6 270	1 000	465
Ермолино	573	270	94
Екатерининская роща	—	160	33
Степановское	107		17
Дмитровское	653		63
Сорокино	—	30	—
Алексеевское	80	40	33
Княжчино	—	60	—
Соколово			
Петровское	—	316	93
Котельники			
Либерицы	266		30
Алчево	45		—
Хорошево	1 183	106	—
Семушкино			
Кудрявцево	—	170	9
Новоселки			
Балабаново	—	292	19
Васильевское	529		24
Загорье	—	80	—
Чашниково	231		243
Черкизово	775		
Рюминское	1306		43
Колдомская в.	4555		318
Сунгурово	2800		664
Оздемерово			
Брынково	—	30	33
Соли Малая и Большая	—	—	—

шихся лиц, «досмотры» владений, которые были бы пригодны для хозяйственной эксплоатации. Так, «пересматриваются и переписываются», по указу из Тайного приказа от 3 сентября 1663 г., в Дорогоб. у. дворцовые села и деревни, которые «были за кем в прокормленье и ныне в поместье»[1]. В том же году стряпчему Богдану Полибину поручается Приказом—«осмотрити... в Можайском у. государственных земель, где б мочно поселить крестьянских 100 или 150 дворов и завесть государева десятинная большая пашня, а осмотря описать имянно, сколь далече от Можайска и у каких рек и озер и иных всяких угодий, и много л земли пашенной и лесом поросло десятин будет, и к хлебородию какова земля, и какие леса селидобные и иные, и на много л верст, и много л сенных покосов, и в каких местех и в скольких верстах от Москвы реки». Ос-

	Количество четей в поле		Количество дворов
	поля крестьянские	поля десятинные	
В ведомстве Хлебного приказа:			
Скопин	14253		2 000
Романов	1014		
Богородицкой	46000		622
Гороховец	—	—	—
Терюшевская в.	—	1 456	283
Алаторский у.	—	—	1 2?3
Арзамасский у.	—	—	1 974
Карамышевская в.	1469		2 038
Смердово			
Лычово	929		380
Клины			
Славецкая в.	—	—	81
Лысково	ок. 21000		2 607
Мурашкино			
Городецкая в.	1572		1 476
Аргуновская в.	409		233
Гридино	—	—	104
Шишковердь	10		120
Фрязиново	—	—	116
Дехтяное	—	—	208
Сасово	—	—	115
Кучина	—	—	35
Порецкое	—	—	423
Семеновское		—	—
Киреевское	481		40
Красная слобода	113		63
Борок	186		256

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 3—4.

мотру должны подлежать всякие земли, населенные и «порозжия», по писцовой книге; иное угодье, случалось, и не попадало на глаза писцам, — и в наказе, выданном Полибину из Приказа, предусмотрительно добавлялось: «да ему ж, Богдану, проведывать и крестьян и иных людей роспрашивать тайно, ест ли где и иные пустоши, которых в писме нет, и теми пустоши и иными угодьи владеет кто безоброчно или ими нихто не владеет, а лежат порозжи»[1]. В 172 г. другой стряпчий, И. Юшков, по поручению Тайного же приказа, ездил в вотчину Спаса-Нового монастыря, Владимирского у., с. Закопье, где также должен был, переписавши население и «пашню паханую и перелог и лесную поросль и сенные покосы и всякие угодья», «россмотрить, можно л в тех селех впред десятинные пашни прибавить из перелогу или из лесные росчисти» и сверх того «то село и деревни начертит на чертеж», а «с книгами и с чертежем ехать к великому государю к Москве»[2]. Приказ интересуют и другие статьи хозяйственной эксплоатации, помимо пашенных земель и сенных покосов. Отправляя подъячего Тайного приказа П. Оловенникова на досмотр Яблоновой пустыни, Ворон. у., в Приказе, как видно из наказа, хотели на первом месте получить сведения о монастырской мельнице, «по многу л чети в сутки ржи и инова какова хлеба мелет, и почему от чети от какова хлеба промолу емлют и по много л в год всего збору бывает», а после того предписывали осмотреть и описать «пашню паханую и непаханую... и бобровых гонов, и лес, и камыш, и что каких бывает зверей и в реках какая рыба»[3]. По таким же, можно думать, соображениям в конце 60-х годов состоялась «посылка» начальника Хлебного приказа И. С. Хитрова «на реку Хопер, на усть речки Олферовки, для досмотру места, где поставить город, и в которых реках и озерах белуга и осетры и всякая большая рыба, и сколко в Тамб. у. в Верхоценской в. крестьянских и бобыльских дворов»[4]. Верхоценская волость, бывшая вотчина инокини Марфы, славилась всякими естественными богатствами, а постройка города при заведении пашенного хозяйства вблизи южной границы уже была в практике Приказа (город Богородицкой), должно быть и на этот раз предполагалось повторить опыт в другом месте, но повидимому по более широкой программе.

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., л. 73—74.

[2] Там же л. 34—35.

[3] Там же, л. 60—62; см. также указание на «посылки» из Тайного приказа «для досмотру земель, пустошей и иных угодий» на Коломну, Каширу, в Рязань и Можайск. у. Р. И. Б., т. 23, стр. 553.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 864.

О результатах командировок в Приказ представлялись отчеты. И здесь — аналогичная картина. В 172 г. подъячий Тайного приказа П. Кудрявцев объехал несколько уездов с целью «досмотра» продававшихся земель; от его доклада сохранился в делах Приказа только отрывок, но и в отрывке содержится описание до 20 вотчин и поместий, причем указаны размеры пашни, качество почвы, виды угодий, количество и состав владельческого дохода, расстояние от Москвы или от ближайшего хозяйственного центра ведомства Приказа; и тут же местами — справки о цене, например: «цена 3 т. руб., а давали 2 500 р.», «просит 200 р.», «дают 3 т. р.»[1]. Иногда отчет развертывается в обширный хозяйственный план. В докладе например, составленном в Приказе со слов симбирского воеводы Дашкова, дается подробная характеристика Симбирского и смежных с ним Алаторского, Корсуновского и Саранского уездов в хозяйственном отношении и предлагаются на усмотрение государя разнообразные способы эксплоатации описанных мест: во всех тех уездах «земли самые добрые», и, если великий государь «изволит», здесь «мочно завесть на него, в. г., пашни великие»: отсюда «хлебной отпуск» в Астрахань «перед нынешними отпусками будет горазд», и для астраханского же отпуску выгодно устроить «винокуренные поварни на реке Суре», потому что, как знает докладчик, «сурская вода к винному куренью угодна»; хлеб и вино — главные статьи, но обещают успех и другие: в Симбирске «под городом» и ниже, по Волге, «соляные росолы», в лесах — «многие бортные ухожьи», растет «тутовое многое деревье, чем черви шелковые кормят», в реках «осетры и белуги и белые рыбицы и лососи», — значит можно будет завесть и соляные варницы, и рыбные ловли, и «мельницы многие», также медвяной и даже «шелковой промысл многой»[2].

«Угодная» земля могла однако войти в состав ведомства только в том или другом юридическом порядке, соответственно характеру владения, и отсюда получали силу разнообразные условия, формальные и частью психологические, которые определяли собой сферу приложения хозяйственного критерия, становясь через то источником пестроты и разбросанности территории. Изучая эти условия и приемы освоения, применявшиеся Приказом, мы получаем вместе с тем возможность уяснить себе и общий характер ведомства как формы владения.

[1] Г. А., XXVII, № 310, л. 19—59.

[2] Там же, № 223, л. 1—6. Напечатано у Гурлянда в приложении.

Все земли, которые ведает Тайный приказ, называются государевыми, но одни из них принадлежали и раньше государю, другие — частным лицам, и в зависимости от того, было ли владение государевым или частным, видоизменялись и формы отчуждения. Приказ вообще конечно действует государевым указом, но в первом случае воля государя является и единственным формальным основанием, так что акт отчуждения сводится к перечислению владения из одного ведомства в другое с соответствующей переменой в администрации: переход сел Дехтяного, Сасова и д. Кучиной, бывших в ведомстве Большого дворца, считается состоявшимся с назначением приказчика из Тайного приказа, согласно государеву указу — «прежних прикащиков их тех сел выслать и во Дворце те села ничем не ведать»[1]. Однако под однообразной формой государева указа и в этих случаях можно заметить различные, если не основания, то мотивы выбора. Хозяйственные соображения имеют решающее значение, когда Приказу отводятся земли, не бывшие и ранее в частном владении. Наиболее крупными из них были дворцовые земли в Нижегородском, Арзамасском и Алаторском уездах и г. Богородицкой с приписанной к нему обширной площадью «дикаго поля». Первые, состоя в ведомстве Нижегородской чети, эксплоатировались, как можно судить по составу поступавших с них доходов; только оброчным способом[2]; а между тем «хлебородие» мордовского края и тогда уже, видимо, было оценено: из росписи боярских земель середины века видно, что редкий боярин не имел здесь вотчин[3], и возможно, что Тайный приказ следовал в этом случае общему тяготению тогдашних землевладельцев. «Дикое поле», на краю которого устроен был г. Богородицкой, кажется, все числилось за Разрядом. Это были земли, только наполовину освоенные государством и едва тронутые земледельческой культурой, в то же время по своему положению окраины государства чрезвычайно важные в хозяйственно-стратегическом отношении. По сходным же соображениям, можно думать, от Приказа Казанского дворца «взяты» были астраханские рыбные ловли и учуги. Эти «угодья», эксплоатировавшиеся раньше традиционным способом — посредством откупов, доставляли правительству много хлопот и мало выгод — лежали, как доносил астраханский воевода в 156 г., «впусте лет 10 и больше, потому что те рыбные ловли в прошлых

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1023.
[2] Там же, т. 28, стр. 117 и сл.
[3] С. В. Рождественский, Роспись земельных владений Московского боярства, 1647—1648.

годах откупщики с откупов на указные сроки отказали, а иные откупщики... на откуп не взяли»; не лучшие результаты давало и другое средство: «а которые учуги и рыбные ловли в прошлых годех по большей неволе ведали на вере, и у верных целовальников с тех учюгов денег в сборе ничего не было»[1]. Не знавшую что делать с своими богатствами казну выручил на время кн. Я. Черкасский, который держал черноярские рыбные ловли на откупу с 164 по 169 г.[2], после чего они продолжали вероятно попрежнему «лежать впусте», пока их не взял в свои руки Тайный приказ.

Картина меняется, когда мы обращаемся к казенным землям из бывших частновладельческих. Конечно и по отношению к ним хояйственные соображения должны были иметь свое значение, но решающую роль в их выборе играли повидимому другие мотивы. Среди этих земель на первом месте в количественном отношении стоят вотчины Н. И. Романова: города Скопин и Романов, волости Домодедовская, Карамышевская и Славецкая и села: Измайлово, Ермолино, Лычово, Смердово, Клины, Чашниково, слободка Товаркова и д. Петелино[3], составлявшие около половины всех владений боярина. Двоюродный дядя царя и последний из рядовых представителей фамилии, Н. И. Романов, умер бездетным в 1652 г., и Алексей Михайлович оказался прямым наследником родового достояния. Конечно он и в качестве государя имел право на романовские вотчины как на выморочные, и даже вряд ли можно говорить о том, какое из этих прав имело в действительности большее значение или было выдвинуто, когда владения Никиты Ивановича отписывались на государя. Но психологически их фамильное значение несомненно учитывалось царем; потому вероятно он вместе с имуществом как бы принял на себя и домашние отношения прежнего владельца: одновременно с переходом к государю земель Н. И. Романова были взяты на государеву службу разные слуги из дворового штата боярина — столповые приказчики, конюхи стрмянные, стряпчие и стадные, «мастеровые люди», сокольники[4]. С другой стороны, заметна вообще тенденция стягивать в ведомство Тайного приказа романовские земли; так, сюда же переведены были из ведомства Большого дворца владения, принадлежавшие другим представителям

[1] А. И., т. IV, № 40.
[2] Арх. Ор. Пал., № 43028, л. 1.
[3] С. В. Рождественский, цит. соч., стр. 31—35. Относительно Домодедовской волости — Доп. к А. И., т. VIII, стр. 126.
[4] Гафкэ, А. М. И. Д., Прик. д. ст. л. 1652 г., № 89, л. 51—56.

фамилии: с. Хорошево, вотчина инокини Марфы [1], села Сунгурово и Оздемерово, вотчины Ирины Никитичны, бывшие потом за Г. И. Морозовым [2] и после его смерти поступившие во Дворец [3]; было, как мы знаем, намерение включить в круг хозяйственных операций Приказа еще вотчину «великой старицы» — Верхоценскую в. и с. Заколпье.

Не с такой определенностью, но все же достаточно ясно личные отношения царя в качестве основания, определявшего собой выбор земель в пределах той же категории, выступают в переходе к Тайному приказу нескольких других владений: с. Дехтяного и д. Кучиной, Колдомской волости, сел. Дмитровского и Степановского. Дехтяное и Кучина принадлежали кн. А. Н. Трубецкому [4], — вероятно были пожалованы ему после смерти предыдущего владельца, Д. П. Львова [5]. По сведениям Бодянского, боярин Трубецкой умер в 171 г. бездетным, в досаде на своего законного наследника, своего племянника, «возвратив» царю пожалованный ему в 1660 г. г. Трубчевск [6]. Не получил ли от него царь Алексей вместе с Трубчевском и названные владения, которые могли быть пожалованы Трубецкому в том же году [7] и, может быть, по одному и тому же поводу (занятие Переяславля и договор с Ю. Хмельницким)? В глазах царя это, естественно, выделяло бы их среди других дворцовых владений и могло бы объяснять, почему потом они перечислены были из ведомства Большого дворца в ведомство Тайного приказа. Аналогичным, в том же смысле, представляется положение Колдомской в. Она была пожалована Ф. Б. Далматову-Карпову, второму «дядьке» царя [8], к которому до последних его дней Алексей Михай-

---

[1] Арх. Оп. Пал., № 4132, 4908.

[2] М. Кожевников, Земельные владения дома Романовых в XVI и XVII ст., стр. 37.

[3] История Сунгурова и Оздемерова особенно характерна. Повидимому оба села мало подходили к хозяйственным целям Тайного приказа и взяты были в его ведомство едва ли не по их главным образом фамильному значению; по крайней мере их предположено было потом возвращать Приказу Большого дворца. Г. А., XXVII, № 526, л. 11.

[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 129.

[5] С. В. Рождественский, цит. соч., стр. 60.

[6] Чтения в О. И. и Д. Р., 1873 г., кн. 3, стр. 70—71, прим.

[7] Д. П. Львов, умер в 1659—1660 гг. Др. Рос. Вивл., XX, стр. 114.

[8] Дворцовые разряды, т. II, ст. 409, 465. Раньше Колдомская в была дворцовой. См. Ю. В. Готье, Замосковный край, стр. 334. О принадлежности ее Далматову-Карпову — Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., 786, л. 173. В Боярской книге названы телько относящиеся к ней села Семеновское и Новленское. С. В. Рождественский, цит. соч., стр. 62.

лович хранил теплое чувство [1], и вполне возможно, что, умирая также бездетным, Далматов-Карпов распорядился своими землями подобно кн. Трубецкому.

Другим путем попали в ведомство Большого дворца села Степановское и Дмитровское. Это бывшие патриаршие вотчины, купленные «в дом пресвятые богородицы» патриархом Иосифом [2]. С 1656 г. оба, первое несомненно, а второе предположительно, были причислены к дворцовым землям [3]. В период дружбы между царем и преемником Иосифа патриархом Никоном подобная экспроприация могла произойти только с согласия патриарха и по личной просьбе царя, хотя Никон впоследствии, в раздражении на Алексея Михайловича, и мог иначе осветить этот случай [4]. По каким соображениям царь хотел иметь за собой названные села тогда, мы не знаем, но в данной связи важно, что он лично был в них заинтересован раньше их перехода к Тайному приказу [5].

В истолковании каждого из рассмотренных случаев приходится, за недостатком точных сведений, довольствоваться предположениями. Отсюда только более или менее вероятным будет вывод, что из обширного казенного запаса отбирались в ведомство Тайного приказа или земли достаточно плодородные, но слабо эксплоатировавшиеся государством, или «новоотписные» владения, при своей хозяйственной годности отмеченные личными связями и

---

[1] Во время военных походов Алексея Михайловича Далматов-Карпов оставался в Москве и выполнял разные поручения царя, а тот сообщал ему в письмах о ходе событий; в одном из писем царь собственноручно приписал: «Хотя все тебя позабыли, однако мы государь, за твою работу прежнюю к нам и нынешнюю не позабыли, за милостию божиею и впредь не покинем». Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 740.

[2] Горчаков, Земельные владения российских патриархов стр. 330 и 336, прим.

[3] Степанов, Село Ильинское, стр. 33.

[4] Думаю, что эти села между прочим имел в виду патриарх Никон, когда писал: «Царь сего ради возлюби церковь, якоже Давид Уриеву жену Вирсавию, и тешится харчем ее со всем домом... Все, елико собранное прежде нас архиереи, движимые и недвижимые вещи в патриархии... в потребы свои и сущим с собой царь усвоил». Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 190.

[5] О дворцовом селе Петровском (Моск. у.) не удалось найти сведений, которые могли бы объяснить их передачу в Тайный приказ. Можно указать только, что «приселок» с. Петровского с. Богородицкое было пожаловано патриарху Никону в Крестный монастырь. Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 632. Принодлежавшее кн. И. С. Прозоровскому в Московском же уезде с. Петровское было вероятно другое. Степанов, цит. соч., стр. 31.

отношениями царя с их недавними владельцами. Конечно это основания совершенно разные, но при известных условиях и между ними возможны точки соприкосновения: то, что лежало «впусте», с большей легкостью могло стать предметом личного интереса, хотя бы в той мере, в какой последний предполагается приложением личной инициативы.

Сложнее и разнообразнее пути, которыми частновладельческие земли поступали в ведомство Приказа непосредственно. Владельцы их по своему общественному состоянию очень различны: среди них лица духовные и светские, вотчинники и помещики, люди с большими именами и совсем безвестные. А в зависимости от состояния лиц и их отношений менялись условия, как и приемы действий Приказа.

Из владений этой категории наибольшую ценность представляли села Лысково и Мурашкино, вотчины боярина Б. И. Морозова, которому они были пожалованы «за ево службу, что он был у него, великого государя, в дядьках» [1]. Морозов умер в 1662 г., а 13 сентября 1665 г. государь указал ведать их в Тайном приказе. На каком основании? Как вотчины жалованные, они должны были, по закону, поступить в род, значит, к племяннику боярина И. Г. Морозову [2]. В действительности Лысково и Мурашкино в течение некоторого времени после смерти Бориса Ивановича (около 2 лет) оставались во владении его вдовы Анны Ильиничны [3]. Это можно бы объяснить тем, что в жалованной грамоте, данной ее мужу, было названо и ее имя, но в таком случае Анна Ильинична должна бы и владеть ими до конца, и передача их в ведомство Тайного приказа при ее жизни была бы явным нарушением ее прав, совершенно непонятным со стороны царя. Остается предположить, что Морозов, любимый дядька и свояк царя, которого Алексей Михайлович «чтил вместо отца родного», перед смертью отказал часть своих владений царю, и царь только не сразу осуществил свои права. Потому, может быть, так значительна и была сумма, розданная, по государеву указу, по боярине Морозове «на погребении и в

---

[1] Р. И. Б. т. 21, стр. 30. О ценности этих вотчин может дать представление количество оброчных сборов (с пашни, с лавок, с полок, с рыбных ловель, с кузниц и т. п.): в 173 г. послано было в Москву 4 128 руб. с Мурашкина и 3 256 руб. с Лыскова да кабацких и таможенных: с первого 4 000 руб., со второго 4 200 руб. Г. А., № 213, л. 88—91, 102, 119.

[2] Брат Бориса Ивановича Глеб Иванович умер в том же 1662 г. Др. Рос. Вивл., т. XX стр. 115.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 94.

церкви на сорокоусты», 10 тыс. руб.[1]. На том же вероятно основании взяты были в Тайный приказ и другие вотчины Морозова — Села Сергач, Борок и Фрязиново — уже после смерти Анны Ильиничны[2]. Аналогичные отношения позволяет предполагать и другой случай — поступление в ведомство Приказа г. Гороховца и Городецкой в. после дяди царя по матери С. Л. Стрешнева, которому они были в свое время пожалованы[3]. Значит в обоих случаях мы имеем уже наблюдавшееся явление: Морозов и Стрешнев повторяют то, что перед ними сделали Трубецкой и Далматов-Карпов. Самый акт завещания в этих случаях происходил скорей всего в форме изустной духовной. Завещатели конечно должны были иметь уверенность, что их распоряжения будут угодны царю, но кажется взгляды царя на этот предмет были достаточно известны и людям, стоявшим от него много дальше, чем названные лица. В 1680 г., по указу Феодора Алексеевича, комиссия по разбору дел Тайного приказа должна была например произвести справку: «блаженныя памяти в. г. ц. и в. к. Алексею Михайловичю (т.) стольник князь Алексей князь Иванов сын Буйносов-Ростовский в Гороховском уезде селом своим Красным з деревнями во 174-м году челом ударил ли?»[4]. Указ без сомнения был вызван желанием Буйносова-Ростовского вернуть подаренную им вотчину. Всего вероятней он ударил ею челом в свое время с каким-нибудь расчетом, считая такое средство действительным по отношению к царю Алексею; получившиеся результаты, может быть, и не соответствовали надеждам дальновидного стольника, но самое возникновение дела не оставляет сомнения, что подарок был принят.

Дальше на сцене новые лица и новая юридическая обстановка: к Тайному приказу также безвозмездно переходят частновладельческие земли, но уже потому, что они «отписаны» у их владельцев за вину перед государем. И все же, наблюдая и эти случаи, мы не совсем выходим из круга личных отношений царя Алексея. Так, в числе владений, состоявших в ведомстве Приказа, значатся несколько вотчин, принадлежавших Г. И. Морозову, — Аргуновская в. и села Порецкое и Семеновское, После смерти Глеба Ива-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 170.

[2] Некоторые владения достались и И. Г. Морозову; из них после его смерти с. Котельники «с приселки и з деревнями и с пустошьми» (Моск. у.) также взято было в ведомство Тайного приказа, может быть, как выморочное. Р. И. Б., т. 21, стр. 1673.

[3] Ю. В. Готье, Замосковный край, стр. 326, 559—560; ср. С. В. Рождественский, цит. соч., стр. 70—71.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 825.

новича одни из его владений вскоре же (в 172 г.) «справлены» были за сыном его Иваном [1], другие оставались за его вдовой Федосьей Прокофьевной и потом были конфискованы у нее за приверженность к расколу. Записные книги ясно отмечают Аргуновскую в., как владение Федосьи Прокофьевны [2], но ей же, можно думать, принадлежали и названные два села, судя по тому, что оба обычно называются рядом с первой. Конфискация конечно была произведена по государственным соображениям, но по отношениям царя к семье Морозовых конфискованные у знаменитой раскольницы земли, естественно, привлекли его внимание. Аналогичный случай мы имеем также, когда, по выражению патриарха Никона, «царским гневом восхищено бысть имение» боярина Н. А. Зюзина за неловкую дружескую услугу, которой тот хотел улучшить положение опального патриарха. Это было, как известно, в половине декабря 1664 г., а в следующем, 1665 г. по грамотам из Тайного приказа лысковский воевода уже должен был «Микитины вотчины Зюзина» в Нижегородском уезде «переписать», а в одной из них — с. Гридине с деревнями — «государеву десятинную пашню пахать и всякие заводы заводить» [3].

В обоих случаях конфискация без сомнения не имела целью приращение владений Тайного приказа; последнее происходило post factum, как результат своеобразной ассоциации. Но, кажется, бывало, что хозяйственные потребности ведомства, счастливо совпадая с личными переживаниями государя, становились и ближайшей причиной соответствующего акта. В марте 1666 г. государь, читаем в записных книгах, указал «взять на себя» у думного дворянина Г. М. Аничкова «свое государево село» Черкизово с деревнями к с. Чашникову и ведать в Приказе тайных дел, владельцу же «вместо того села» давать ежегодно по 400 руб. и по 200 четв. ржи и овса [4]. Раньше Черкизово принадлежало патриарху Никону, который купил его себе «в особь» и потом «дал» в свой Крестный монастырь, но в 1657 г., вероятно по связи с делом Никона, оно было

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 141—142.

[2] Там же, стр. 1229. Конфискация произведена была сначала вероятно в мае 1666г. (по крайней мере в записных книгах Аргуновская в. упомянута впервые под 4 июня этого года); но потом «для прошения государыни Марьи Ильичны» была отменена и окончательно принята уже после, ввиду непримиримости боярыни. Об отношених царя к семье Г. И. Морозова см. Тихонравов, Боярыня Морозова, «Русский вестник» 1865 г., т. 59.

[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1053, 1078.

[4] Там же, стр. 1172—1173.

взято у монастыря на государя «в обмен» на некоторые оброчные волости[1] и, видно, пожаловано Г. М. Аничкову. Очевидно село это ввиду соседства с другим государевым селом — Чашниковым — стало нужно Тайному приказу по чисто хозяйственным соображениям, а оправдание произведенной экспроприации было найдено в его недавнем прошлом. Или вот еще другой случай. В 185 г. В. Б. Шереметев бил челом царю Федору Алексеевичу о возвращении «приданой» его вотчины сельца Селивачова, которое, по его словам, было «отписано» у него в 174 г. и было «приписано» к государеву селу Пахрину (Домодедовской в., состоявшей в ведомстве Тайного приказа); челобитчик ссылался на свою «скудость и маловотчинство» и подкреплял свою просьбу разъяснением, что «та-де ево вотчина от села Пахрина удалела и угодья в той деревне никакова нет»[2]. Вызванный челобитьем указ о справке считает одинаково возможным, что вотчина Шереметева была взята или за деньги, или «в обмен» на крестьян и земли, или, наконец, «безденежно». Вернее однако последнее. В 174 г. В. Б. Шереметев сидел в крымском плену, куда был отведен после чудновского поражения, и при таких условиях в Приказе едва ли думали о компенсациях. Скрытой конфискацией, под формой купли, было также приобретение в Тайный приказ вотчины И. С. Хитрово — с. Шишковерди с деревнями. Об этом случае мы также узнаем из челобитной владельца, поданной им в июле 1676 г. Федору Алексеевичу. Прося о возвращении ему с. Шишковерди, Хитрово, пояснял, что «та его вотчина», по указу отца его государева блаженныя памяти в. г. (т.) Алексея Михайловича взяты у него в Приказ тайных дел... бес торгу, а он де тое вотчины не продавал, а денег де ему за тое вотчину дано самою малою ценою 5 000 рублев»[3]. Из представленной при челобитной купчей видно, что за с. Шишковердь заплачено было братьями Хитрово 10 тыс. руб.[4]. Государь указал возвратить челобитчику его вотчину с обязательством вернуть в казну выданные ему 5 тыс. руб., косвенно признав таким образом несправедливость произведенной Приказом оценки. Из справок однако выясняется, что Хитрово в своей челобитной сказал не все: некоторые из его деяний объясняют происшедшую с ним неприят-

[1] Архимандрит Леонид, Историческое описание ставропигиевого Воскресенского монастыря, стр. 507—509; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 844.

[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 821—822.

[3] Там же, стр. 314—316.

[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 364, л. 52.

лость иначе. Командированный в 1675 г. на Дон, он обнаружил вздорный нрав в отношениях к ближайшим своим начальникам и в то же время «разогнал донских казаков своей жесточью и поморил с голоду их, казаков, и государевых ратных людей всех, а который был хлеб великого государя привезен из городов для великого государя служилых людей, и он тот хлеб весь испродал». По этому поводу государь, т. е. Алексей Михайлович, указал: «выписать, что за ним, за думным дворянином И. С. Хитрово, всего поместья и вотчин... купленных и некупленных, и о том... себя, великого государя, доложить» [1]. Очевидно «испроданный» государев хлеб и поставлен был предприимчивому дворянину в счет; а почему проданная неволею вотчина поступила в распоряжение Тайного приказа, это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, И. С. Хитрово был начальником Хлебного приказа — лицом, непосредственно подчиненным Тайному приказу; во-вторых, как отмечено в приходо-расходной книге Приказа, Шишковердь «взята на великого государя (можно читать: нужна была) для заводу будных майданов» [2]. Наконец уже открытую конфискацию можно предполагать в переходе к Тайному приказу с. Рюминского. У владельца этого села, дьяка Д. Дерябина, в 172 г. были отписаны на государя, по указу из Тайного приказа, вотчины и поместья за то, что он «будучи... на денежном дворе у переделу денег, серебро, которое прислано было из Приказу Большого дворца, охулил ложно, бутто то серебро с подмесом» [3]. В указе с. Рюминское не названо [4], но конфискация других владений неосторожного дьяка делает очень вероятным, что оно разделило общую участь, может быть, только по особому указу.

До сих пор, как легко заметить, на долю Приказа выпадала довольно пассивная роль: отказывалась ли вотчина государю из добрых чувств или отписывалась по вине владельца, в обоих случаях с формальной стороны дело почти всегда сводилось к тому, чтобы зарегистрировать только в форме государева указа совершившийся факт. раз владение оказывалось подходившим к целям ведомства. Но Приказ, мы знаем, пользовался и более активными приемами для пополнения своих владений, стараясь приобретать «угожия» земли частных владельцев и следователь-

[1] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1099.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1376.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 167.
[4] О принадлежности Рюминского Д. Дерябину — Гафкэ Г. А., XXVII, № 63, л. 7.

но встречаясь на этом пути с чужими правами. В результате — ряд сделок, заключавшихся в обычных формах — купли и мены.

Общее указание на широкие применения таких сделок в практике Приказа находим в одном из указов Федора Алексеевича, предписывавшем ликвидационной комиссии «выписать из дел Тайного приказа, в прошлых годех в Московском уезде к селу Измайлову и к иным ко всем селам, сколько в котором году и у кого имяны куплено и взято на обмен вотчин и земель»[1]. И по поводу отдельных челобитий вроде тех, какие приведены выше, ликвидационной комиссии обыкновенно ставятся вопросы для справок: «за те (пустоши, деревни или села) в отмен где даны ль земли или ис Приказу тайных дел деньги?»[2]. Обменивались по преимуществу поместные земли, причем владельцам их отводились новые наделы из казенного фонда; но в какой форме происходила мена и даже вообще оформлялся ли этот акт, из дел Приказа не видно. Повидимому чаще земли покупались и конечно главным образом вотчины. В описи дел Приказа имеется «роспись купчим и всяким крепостям» (более 30), из которой видно, что за период времени от 174 по 183 г. Тайным приказом куплены были: 1 посад, 9 сел, 10 деревень и много пустошей, всего на сумму около 44 тыс. руб.[3]. Наличность купчих в составе приказного архива сама по себе служит показателем, что продажа совершалась по установленной форме; но сохранились и образцы купчих[4]. Процедура обычная: писалась купчая площадным подъячим, обыкновенно на имя Тайного приказа, иногда на имя дьяка Приказа[5]; записывалась затем, хотя и не всегда, в Поместном приказе, и в заключение уплачивались продавцом или покупателем — смотря по условию — пошлинные деньги[6].

В какой мере соблюдались при этих операциях интересы владельцев? Оценка условий мены конечно недоступна; но по отношению к купле-продаже некоторые наблюдения возможны. По сохраненным описью данным купчих, цена пустошей колеблется, в оценке Приказа, между 9½ и 33 руб. за четь (в 5 случаях: 9½, 9½, 11, 17, 33), населенной земли с пустошами — между 7½ и 60 руб. (в 12 случаях: 7½, 10½, 11, 11, 18, 22, 22, 23, 31, 33, 40, 60).

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 834.
[2] Там же, стр. 812, 813, 820 и др.
[3] Там же, стр. 368—378.
[4] Там же, стр. 315; в отрывке там же, стр. 884.
[5] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 440, л. 36—37.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 315, 884.

В среднем эти цены довольно близки к обычным для того времени: по известному уже например нам докладу подьячего Кудрявцева о продававшихся вотчинах самими владельцами, населенная земля в том же приблизительно районе (в Московском и смежных с ним уездах) оценивалась по 8½, 9, 10, 20, 29 руб. за четь [1]. По отношению к отдельным лицам, например к жене кн. Ю. А. Долгорукого, которой платили по 60 руб. за четь населенной земли, или к митрополиту Сарскому и Подольскому Павлу, получившему за четь пустоши по 33 руб., Приказ был даже щедрее, чем позволял тогдашний земельный рынок. Иногда, как в известном нам случае с с. Черкизовым, уплачивали с рассрочкой [2]. А боярину И. Б. Милославскому «вместо денег, что довелось ему дать» за с. Золотилово и д. Беликово, отдавали кирпичом с государевых заводов, камнем, известью, щебнем [3].

Из ряда наблюдений однако открывается, что фактическая обстановка довольно часто не соответствовала ни общему характеру, ни формальным условиям сделки. Может быть, потому, что деньги или «земля в отмен» не всегда находились под рукой, а медлить покупкой не позволял хозяйственный темперамент; вознаграждение за приобретенное владение, случалось, откладывалось на неопределенное время, и владельцу приходилось или терпеливо ждать, пока о нем вспомнят, или отправляться в поиски, иногда очень продолжительные, за своим правом. Под 24 января 1670 г. в приходо-расходной книге записано например, что по государеву указу выдано 100 руб. «в приказ» двум недорослям, сыновьям стряпчего конюха, с их матерью и сестрой, и пояснено: «для того, что у отца их, Григория, взята на него, в. г., к селу Измайлову деревня Липягина, а в то число отцу и им поместья не дано многое время» [4]. И это — случай не единственный [5]. Следующая история живо воспроизводит перед нами создававшееся такой, скажем, забывчивостью Приказа положение владельцев. В 182 г. архимандрит Андроникова монастыря с братией обратились к царю Алексею Михайловичу с челобитной, в которой писали: в 173 г. изволил в. г. их «старинную вотчину сельцо Глинково со крестьяны и с мельницею и с сенными покосы и с пустошми и со всеми угодьи взять на себя»; тогда же Тайных дел дьяк Ф. Михайлов «привез» им в монастырь государева жалованья

[1] Гафиэ. Г. А., XXV, № 310, л. 19—54.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1172—1173.
[3] Там же, стр. 1699.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 1262—1263.
[5] Там же, стр. 1246—1247.

230 руб., да в 182 г. государь пожаловал им еще 100 руб. Между тем за истекшее время «монастырь от пожару разорился, оскудение болшое, долгами болшими одолжался и колокол благовестной разбился, воску и ладану и вина церковного и всякой монастырской потребы и зажилых братьи и служебником монастырским дать нечего». Челобитчики просили, чтобы государь пожаловал «богомольцов своих» — «за достальной оброк» велел дать соли и рыбы «по продажной цене». Из произведенной по поводу челобитья справки выясняется, что в своих почтительно-осторожных напоминаниях архимандрит с братиею имели в виду довольно грубый факт. Оказывается, что монастырская вотчина взята была в Тайный приказ сначала «из оброку» на 3 года, «а оброку в монастырскую казну на те годы» условлено было «дать 230 руб.» на год. Вместе с тем велено было в течение этих трех лет «приискать, где доведетца, деревню дворов 10 или 15 и дать ту деревню в монастырь вместо деревни Глинковы и мельницы и рыбных ловель и сенных покосов». В действительности «иной деревни» дано не было «и по се число», а в то же время из следуемых монастырю оброчных денег 536 р. 22 к., считая по 182 г., «пожаловано было» 100 руб., и то лишь в 182 г.[1]. Несмотря однако на обнаруженную справкой основательность претензий монастыря, он все же не получил полного удовлетворения, как следует из того, что уже при Федоре Алексеевиче, в 1680 г., снова, по государеву указу, производилась справка: «в Андроньев монастырь архимандриту с братиею за взятую их вотчину, Московского уезду, за деревню Глинково, за пашню и сенные покосы и за всякие угодья и за мельницу, которые... взяты к селу Измайлову, деньги 77 рублев из Приказу тайных дел даны л?»[2]. Неисправность Тайного приказа в отношении принятых на себя обязательств получала в отдельных случаях тем большее значение, что переход частновладельческой земли в его ведомство повидимому не всегда закреплялся формальным способом. Опись отметила, что некоторые купчие не были записаны в Поместном приказе[3], а в других случаях были повидимому потеряны вообще всякие следы[4]. Отсюда возможность следующих инцидентов. Стольник И. В. Фефилатьев бил царю Федору Алексеевичу челом о возвращении взятой у его дяди пустоши Волковой «с пустошми», за которую, по словам челобитчика, «в отмен нигде не дано было». Сначала его просьба была уважена.

[1] Арх. Ор. Пал.; из непис. столб. Тайного приказа.
[2] Р. И. Б., т. 21 стр. 490.
[3] Там же, стр. 370, 371, 372.
[4] Там же, стр. 947.

и ему выдали уже ввозную грамоту; однако приказчик с. Измайлова, как писал Фефилатьев потом во второй челобитной, «людем и крестьяном ево сена косит и владет не велел». Тогда потребована была от Поместного приказа и от путного ключника Устина Зеленого (управляющего с. Измайлова) справка: «за ту вотчину в котором году и в отмен что дано было?», но ни там, ни здесь сведений не оказалось, и Фефилатьеву в челобитье было отказано [1].

Может быть, в большей степени, чем неисправность в платежах, контрагентов Тайного приказа удручала другая особенность его коммерческих приемов. Документы дают возможность отметить, что царь при покупке или мене земель хотел бы не стеснять владельцев в их праве на свободное распоряжение имуществом. Когда в хозяйственных интересах ведомства предположено было приобрести поместные земли, смежные с принадлежавшими Приказу селами Смердовым и Лычовым, из Приказа дан был наказ доверенному лицу «поговорить» с помещиками «собою, а не государевым указом, чтоб они тех своих поместных земель поступились», причем посредник получил полномочие обещать, что «вместо тех их земель пожалует великий государь — велит им дать то же число земель на Украйне, где они приищут» [2]. Неизвестно конечно, что последовало бы, если бы юрьевские помещики остались равнодушны перед перспективой превращения в украинских землевладельцев; но несомненно, что во многих других случаях добрая воля владельцев играла довольно скромную роль. В результате получилось немалое юридическое замешательство, разбираться в котором пришлось уже преемнику царя Алексея. Вынужденные «поступиться» в той или другой форме своими землями государю, владельцы видели в операциях Приказа акт государственного отчуждения, вызванный временными условиями, и со вступлением Федора Алексеевича рассчитали, что при изменившихся обстоятельствах они могут получить свои земли обратно. Из государева указа от 21 мая 1680 г., которым предписывалось «всякие крепости на государевы дворцовые села, и на деревни, и на пустоши, и на всякие угодья, которые в прошлых годех по указу ево блаженные памяти великого государя (т.) Алексея Михайловича всяких чинов у людей взяты и отписаны и куплены были в Приказ тайных дел, прислать в Приказ Большого дворца», узнаем, что «всяких чинов люди ему, великому государю, бьют челом о взятых своих поместьях и вотчинах, а бес тех

---

[1] Арх. Ор. Пал.; из неопис. столб. Тайного приказа.
[2] Гафкэ, Г. А., XXII, № 310, л. 38.

крепостей против их челобитья по тем делам указу учинить не мочно»[1]. Повидимому челобитчиков нашлось много,— и состояние ли приказного архива не позволило собрать необходимые сведения или испугало количество заявлений, но вскоре правительство почувствовало себя в большом затруднении и прибегло к единственному надежному в его положении средству разрешить коллизию: указом от 30 апреля 1681 г. установлен был, задним числом, своего рода срок давности, не только прекращавший попытки претензий на будущее время, но уничтожавший значение и сделанных раньше, начиная со смерти царя Алексея. Указ гласил: «Которые земли и всякие угодья у розных монастырей, и у помещиков, и у вотчинников взяты и покупаны к селу (Измайлову) и к приселкам и к деревням, и челобитья отцу ево государеву блаженные памяти великому государю от них помещиков и вотчинников по 184 год не было, и тех земель никому не отдавать»[2]. Надо сказать, что в документах Приказа следов таких челобитий «по 184-й год» не заметно, и если это значит, что до указанного срока никто из владельцев челом и не бил, то, можно думать, едва ли по простой недогадке.

По указам 1676 г., в момент ликвидации Тайного приказа собранная им территория, как мы знаем, является распределенной между ним и Хлебным приказом. Именно, в ведомстве Тайного приказа значатся: в Московском у.— Домодедовская в., села и сельца, в большинстве «с приселки и з деревнями»: Измайлово, Ермолино, Екатерининская роща, Степановское, Дмитровское, Сорокино, Алексеевское, Княжчино, Соколово, Петровское, Котельники, Либерицы, Кудрявцево, Семушкино, Новоселки, Балабаново, Васильевское, Загорье, Чашниково и Черкизово; в Переясл. у. (Залесском) — Аргуновская в. и с. Рюминское; в Рузском у.— с. Брынково; в Костромском у.— Колдомская в., села Сунгурово и Оздемерово и посады — Соль Малая и Большая; сюда же — рыбные промыслы Астраханский, Черноярский и Яицкий[3]. За Хлебным приказом — города: Скопин, Романов, Богородицкой и Гороховец, волости и села: в Боровском у.— Карамышевская в., в Юрьевском (Польском) — Смердово, Лычово и Клины; во Владимирском у.— Славецкая в.; в Курмышском у.— Лысково и Мурашкино; в Нижегородском у.— Терюшевская в. и села: Гридино, Сергач и Шишковердь; в Арзамасском у.— бортничьи и мордовские села; в Воло-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 391—392.
[2] Арх. Ор. Пал., из неопис. столб. Тайного приказа.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 193—194.

годском у. — с. Фрязиново и «полсела» Сорочнева; в Переяславском у. (Рязанском) — Дехтяное, Борок и «полсела» Красной слободы; в Алаторском у. — Порецкое и Семеновское, бортничьи и мордовские села; в Балахонском-Юрьевском у. — Городецкая в.; в Шацком у. — «полсела» Сасова; в Каширском у. — Киреевское [1]. Формально компетенция Хлебного приказа определяется в указе от 2 августа 1667 г. по поводу передачи в его ведомство нескольких сел, состоявших до того времени в непосредственном ведении Тайного приказа, — Лыскова, Мурашкина, Гридина, Краснова, Киреевского, Дехтяного, Сасова и д. Кучиной; перечисляя эти села, указ предписывает Хлебному приказу ведать их «судом и всякими росправными делы, и в них десятинную пашню и денежные и всякие доходы» и тут же определяет отношение его к Тайному: «и что в тех селех и во всех городех и в селех же, которые ведомы в Хлебном приказе, учнет впредь делатца, — и о том докладывать великого государя... и в Приказе тайных дел приносить перечневые выписки почасту» [2].

Таким образом перед нами особое хозяйственно-административное ведомство, состоящее под контролем Тайного приказа, и, как вытекает из указа, ведомство это создалось не теперь только: в Хлебном приказе кроме вновь порученных ему сел «ведомы» были и раньше «города и села». Действительно, с ним мы встречаемся уже на первых страницах записных книг (во второй их части) и с самого же начала находим в его распоряжении ряд владений, которые остаются за ним и потом, до конца. Конкретнее, взаимное отношение обоих учреждений рисуется по документам в следующем виде. Одни владения состоят в непосредственном и исключительном ведении Тайного приказа; это — его специальное ведомство. Но ему же принадлежат официальное представительство и распорядительная роль по отношению ко всей территории. Купчие например пишутся на имя Тайного приказа, хотя бы приобретаемое имение сразу же поступало в ведение Хлебного, пример—с. Шишковердь. В делах текущего хозяйственного управления по ведомству Хлебного приказа, например при назначении сроков для доставки тех или других запасов, государевы указы в форме памятей обыкновенно передаются ему из Тайного, в свою очередь Хлебный сообщает последнему «письмом» об исполнении, и сверх того его подъячие «онсят» туда «выписки из посевных и ужинных книг», присылаемых с мест [3]. В во-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 280—282.
[2] Там же, стр. 1338.
[3] Там же, стр. 1362.

просах распорядительного характера, например при организации заново хозяйства или какой-нибудь его отрасли в известном владении, — иначе: в подобных случаях Тайный приказ уже непосредственно от себя направляет государевы грамоты в соответствующий пункт [1], требуя от местной администрации по своему же адресу и «отписки» об исполнении [2], а Хлебному приказу только сообщая государев указ к сведению [3]. За исключением таких случаев в общем положение Хлебного приказа определяется следовательно ролью посредствующей инстанции в управлении определенной частью территории, подчиненной в целом Тайному приказу. Каким образом и когда установилось такое соотношение? Этот вопрос возвращает нас вновь к начальному моменту в образовании хозяйственного ведомства Тайного приказа.

О Хлебном приказе документы дают очень мало сведений; а специалисты повидимому даже склонны отождествлять его с Хлебенным дворцом, с которым в действительности он не имеет ничего общего. Автор известной статьи о московских старинных приказах по вопросу о возникновении Хлебного приказа нашел возможным только отметить, что «по записным книгам» (каким?) он значится с 1663 г. [4]. Из Тайного приказа можно еще узнать, что в ведении Хлебного приказа находились каменные житницы (в Кремле у Троицких ворот), куда свозился стрелецкий хлеб; поэтому, надо думать, он иногда называется в актах «Приказом стрелецкого хлеба», или «Хлебным стрелецким приказом» [5]. Более содержательно показание Котошихина; по его словам, «ведают в том Приказе городы и волости и села, и кабаки, и таможни, с доходы и с податми после боярина Никиты Ивановича Романова» [6]. Показание как будто бесспорное: за Хлебным приказом действительно состояли, как видно хотя бы из указа 1676 г., некоторые из бывших вотчин Никиты Ивановича: города Скопин и Романов, Карамышевская и Славецкая волости и села Смердово, Лычово и Клины. Если однако сопоставим эту характеристику с выясненным только что положением Хлебного приказа в общем ведомстве Тайного, будет странно, что Котошихин

---

[1] Там же, например стр. 1053, 1263, 1087—1088, 1094—1095, 1420 и др.

[2] Там же, стр. 1048, 1064, 1163.

[3] Там же, стр. 1266—1267.

[4] Др. Рос. Вивл., т. XX, стр. 406.

[5] Воронежские акты, ч. III, стр. 124—126 и 143—147. Дворцовые разряды, т. III, ст. 1412.

[6] «О России в царствование Алексея Михайловича», изд. 4-е, стр. 110.

ничего не сказал ни о подчинении первого второму, ни в частности о распределении между ними романовских земель, часть которых, по данным аналогичного указа 1676 г., находилась в специальном ведомстве Тайного приказа, именно: Домодедовская в. и села Измайлово, Ермолино, Чашниково с приселками и деревнями. Затруднение это устраняется, если допустим, что Котошихин, бежавший из России в 1664 г. и в последние годы перед тем редко бывавший в Москве, описывает Хлебный приказ до того момента, как он был подчинен Тайному. Вполне вероятно, что владения Н. И. Романова ввиду их фамильного значения с самого начала были переданы после его смерти не Приказу Большого дворца, а Хлебному приказу, который, может быть, тогда же и создан был специально для заведывания ими и другие функции которого по отношению к этой, главной, были производными. Пример подобных административных образований можно указать: в 147 г. заведывание отписанными на государя селами и деревнями после «старицы» княжны Ирины Милославской было поручено особому приказу кн. И. Б. Черкасского[1]; и в то же время в обстоятельствах перехода романовского наследства к царю имеются подробности, которые намекают на изначальную, как бы сказать, прикосновенность Хлебного приказа к стрелецкому хлебу: из оставшихся после Никиты Ивановича запасов значительная часть пошла на раздачу московским стрельцам[2].

Всем этим намечается и последующий момент: когда в 1663 г. стала осуществляться мысль о создании хозяйственной организации под руководством Тайного приказа, романовские вотчины и перешли к нему путем подчинения заведывавшего ими Хлебного приказа, а частью взяты были у последнего в непосредственное ведомство Тайного. Но Хлебный приказ, сколько можно судить по состоянию хозяйства, какое застал в его области Тайный приказ, довольствовался теми порядками, какие заведены были при прежнем владельце, кажется, даже упростил их, переведя всю землю на оброк. С подчинением же его Тайному введение здесь новых порядков, рассчитанных на более интенсивную эксплоатацию, стало первой задачей, и, естественно, что в той мере, в какой осуществление ее требовало хозяйственной инициативы, Тайный приказ вступает в непосредствен-

---

[1] Гафкэ, А. М. Д., Прик. д. ст. л., 1639 г., № 62, л. 57, 59, 62.

[2] Чтение в О. И. и Д. Р., 1887 г., кн. 3, стр. 33; роздано было семи приказам московских стрельцов: сухарей 21 чуль, толокна 90 кулей, муки ржаной 150 кулей, ржи 184 чети, овса 100 четей и 500 полтей ветчины.

ные отношения к области Хлебного приказа, в остальном удерживая за собой только право контроля. Позднее, когда определенный хозяйственный строй в ведомстве наладился, поводов к такому вмешательству становится меньше, и Хлебный приказ получает, в пределах своей территории, все большую самостоятельность, а вместе с тем Тайный приказ начинает выделять в его распоряжение некоторые из своих владений, как Лысково, Мурашкино, Дехтяное, Сасово и др. Потому и в записных книгах последних лет почти не встречается случаев непосредственного обращения из Тайного приказа к городам и селам, подчиненным Хлебному[1]. С другой стороны, первые отчетные ведомости хозяйственного характера, оказавшиеся в делах Тайного приказа, говорят о состоянии хозяйства именно бывших вотчин Н. И. Романова. Таким образом складывается представление, что в родовом наследстве царя хозяйственное ведомство его Приказа получило как бы свою территориальную основу.

Как известно, в практике приказного управления XVII в. бывало нередко, что наряду с территориальными приказами хозяйственно-административные функции, в пределах определенной территории, осуществлялись также приказами, которые имели общегосударственное значение, как Разряд, Посольский, Стрелецкий приказы и др. Земельные владения обыкновенно рассматривались прежде всего как источник доходов приказа, и в соответствии с этим его хозяйственно-административная деятельность сводилась к разным сборам с населения, денежным и частью натуральным, лишь по требованию особых обстоятельств принимая характер непосредственной эксплоатации в форме десятинной пашни. Отсюда подчинение приказу известной территории не влекло за собой непременно изменений в ее юридическом составе, и ведомство его могло включать земли разных категорий —

[1] Вероятно в силу подобного же процесса в последние годы царствования Алексея Михайловича происходит некоторое перераспределение компетенции внутри ведомства самого Хлебного приказа: в списке приказов, помещенном под 1675 г. в Дворцовых разрядах, уже нет Хлебного приказа как одного учреждения, а показаны два самостоятельных — «Хлебный стрелецкий приказ» и «Хлебный приказ мордовских дел» (т. III, стр. 1412 и 1414). При увеличившейся самостоятельности Хлебного приказа такое разделение могло без сомнения представлять свои технические удобства; но как была поделена между этими двумя приказами территория, с точностью сказать нельзя. Можно только предполагать, что к Хлебному стрелецкому приказу отошли города Скопин, Романов, Богородицкой и села Лысково и Мурашкино, а Приказ мордовских дел, как показывает его название, стал заведывать мордовскими селами Алаторского, Арзамасского и Нижегородского уездов, а также вероятно Терюшевской в.

казенные и частновладельческие. С другой стороны, и самый выбор территории, чаще всего предполагавший простое перечисление владений из одного ведомства в другое, мог производиться с неограничиваемой правами владельцев и характером владений свободой, единственно по соображениям административного удобства. Исключением, и то лишь до известной степени, был Приказ Большого дворца. Согласно своему происхождению ведомство его и по назначению и по приемам эксплоатации в значительной степени продолжало сохранять и в XVII в. владельческий тип и потому отличалось однородностью территориального состава. Однако по юридическому значению территории оно уже стало в общий уровень с другими: дворцовые земли перестали быть частным имуществом государей и считались государевыми потому, что были государственными. Поэтому они начинают встречаться среди владений, подчиненных другим приказам, например Нижегородской чети, Приказа Казанского дворца, и втягиваются наравне с прочими казенными землями в общую мобилизацию.

В ведомстве Тайного приказа согласно изложенным выше наблюдениям находим ряд существенных отличий. Хозяйственная программа, с которой знакомят нас наказы и доклады по «досмотрам», убеждает в том, что собиравшиеся Тайным приказом владения предназначались к непосредственной и сравнительно с обычными приемами приказного хозяйства интенсивной эксплоатации; отсюда их юридическая однородность, как непременное условие основной хозяйственной задачи ведомства. В то же время энергия и настойчивость, с какими производился подбор владений, — явление само по себе совершенно исключительное, — служат показателем, что действиями Приказа руководили личная воля и личный интерес, а из справок с прошлым отдельных владений и из условий фактической обстановки их перехода в ведомство вытекает, что в большей части своей территория составилась или путем реализации наследственных прав Алексея Михайловича, или в связи с его личными переживаниями, или, наконец, при его личном участии в операциях, — другими словами, что главным двигателем предприятия был царь. В частности, имея в виду особую роль романовского наследства, сказавшуюся между прочим в истории Хлебного приказа, можно притти даже к мысли, что в организации хозяйственного ведомства Тайного приказа мы имеем попытку восстановления родового землевладения Романовых, которое должно было растаять с исчезновением рядовых представителей фамилии. Даже официальный язык как будто склонен отметить эту специфическую черту

владений ведомства: излагая содержание государева указа об отмежевании нескольких «сел со всякими угодьи, которые взяты на него, великого государя», записные книги, не смущаясь, помещают среди этих сел и с. Петровское, которое, как сообщается тут же, «ведомо было во Дворце»[1]. Отсюда вообще, может быть, следует заключить, что перед нами государевы земли уже в смысле не государственного, а личного владения («личные имения») царя. Но что значит, формально, термин личное владение или личное имение в применении к московскому государю XVII в.?

В эпоху, когда государство и форма правления совершенно не различались, понятия государев и государственный неизбежно должны были покрывать друг друга. Государство и государственный интерес мыслились не иначе, как конкретно — в форме живой личности государя и государева дела. В полном согласии с этим и самый процесс образования подчиненной Тайному приказу территории, если оставить в стороне мотивы, а иметь в виду только форму, воспроизводит скорее обстановку государственного, чем гражданского быта. Как было показано, одни из владений — земли казенные и частью владельческие — поступили в ведомство Приказа путем простого перечисления по государеву указу; другие, именно некоторые из частновладельческих земель, приобретались, правда, в обычном гражданском порядке, но в этих случаях под формами купли или мены зачастую скрывалось несомненно принудительное отчуждение. Все это — признаки, несовместимые с понятием личной, хотя бы и царской, собственности. С другой стороны, такой квалификации мало благоприятствовала бы и конечная судьба хозяйственного ведомства Тайного приказа: как уже было отмечено, с упразднением Приказа владения, непосредственно подчиненные ему, переданы были Большому дворцу, подчиненные Хлебному приказу — сначала Стрелецкому приказу, а затем, в 1679 г., тому же Дворцу, причем те и другие, еще при царе Федоре, обращены были наряду с дворцовыми землями в раздачу частным лицам[2]. Таким образом перед нами форма не частного, а государственного владения, однако совсем не обычная по условиям своего возникновения. Остающаяся вне всякого сомнения личная заинтересованность царя Алексея, объясняющая состав и способы образования подведомственной приказу территории, ясно

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1673.
[2] Гафкэ, Г. А., IX, отд. II, № 92.

вместе с тем указывает на то, что хозяйственное ведомство Приказа должно было служить целям, которые были особенно близки царю и в этом смысле позволяют называть все предприятие царским хозяйством. Эти цели не формулируются в наших источниках, но они должны без сомнения сказаться в самом строе хозяйственной жизни царских владений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хозяйственное ведомство Тайного приказа в административном отношении было с такой же определенностью отграничено от ведомств других учреждений, как и в территориальном, представляя собой совершенно самостоятельную хозяйственно-административную организацию. Выше уже были отмечены последствия, которыми сопровождалось перечисление сел Сасова и Дехтяного и д. Кучиной из ведомства Большого дворца в ведомство Тайного приказа: «а прежних прикащиков велено ис тех сел выслать и во Дворце те села ничем не ведать»[1]. Когда «отписывалось» в ведомство Тайного приказа село Селивачово у его владельца боярина Шереметева, последовало то же распоряжение: «а того села прикащика выслать вон»[2]. Примененная таким образом в обоих случаях и к землям разных категорий одинаковая формула выражала, можно думать, правило, которому следовали постоянно. Если с переходом в ведомство Тайного приказа земельное владение совершенно выступало из компетенции учреждений или лиц, в ведении которых находилось раньше, то и наоборот: перечисление владения, уже состоявшего в ведомстве Тайного приказа, в другое должно было вести за собой прекращение отношений к нему со стороны Приказа. В 1674 г. решено было села Сунгурово и Оздемерово передать из Тайного приказа во Дворец и в Тайном приказе «тех сел никем не ведать». Об этом мы узнаем из царского наказа и там же в статье, содержащей соответствующее распоряжение, находим добавление: «а во Дворец по Семен день указу (о передаче) не посылать—для того, чтоб с них (крестьян) оброки собрать, да косцов взять, по договору их, 200 человек на два месяца»[3]. Потом почему-то передумали, послали указ до «Семена дня», а ввиду нового решения изменилась и форма, в которой названными селами выполнен был «договор»:

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1024.
[2] Там же, стр. 1239—1240.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 11.

под 29 марта 1674 г. в записных книгах значится государев указ, которым велено с крестьян Сунгурова и Оздемерова «вместо работников 400 человек взять ныне денег по 4 рубля за работника... и о тех денгах великого государя указ из Приказу тайных дел в Приказ Большого дворца послан тогож числа»[1]. С такой точностью старались размежеваться в праве распоряжения землями и их населением с Дворцом. Вообще в делах Приказа не находим случаев, которые указывали бы на самостоятельное участие каких-нибудь учреждений в жизни подчиненного ему населения, а в то же время не раз встречаем факты, свидетельствующие об определенной тенденции Приказа устранять вмешательство властей, не принадлежащих к составу его администрации. Вероятно, имея в виду только эту тенденцию, лысковцы могли обратиться к государю с челобитной (которая и была уважена), чтобы «из Нижнего от сыщика от Дмитрея Плещеева (сыскивавшего беглых крестьян) никаким присыльщиком к ним не въезжать, а до ково какое дело дойдет и таких отсылать к нему, Дмитрею, по отпискам» местного воеводы[2]. В другой раз вывезенные в Измайлово крестьяне Славецкой волости, которую, согласно общему правилу, было предписано местному владимирскому воеводе «ничем не ведать»[3], жаловались на воеводу, что он правит на них «стрелецких и ямских хлеба и денег и всяких городовых доходов», а оставленных «у скотинишки на всяком дворе» людей «побрал в тюрму и на правеже по вся дни держит». И первое решение государя, изложенное в помете на челобитной, гласило: «Государь пожаловал — не велел их ему, воеводе, ведат им (?) ни в чем. А что он сажал их в тюрму и держал на правеже, и за то доправить на нем пени двацат рублев». Правда, пеня была потом снята, потому что, как разъяснил воевода в отписке, он требовал с крестьян денег, которые те должны были уплатить еще «до тое... грамоты за многое время,.. а что тех славецких крестьян ни в чем не ведат» и потому что «по грамотам из Ямского и Стрелецкого приказов недоплатные денги и хлеб правят на нем»; однако в главном вопросе прежнее решение государя осталось в силе[4].

Местное управление в ведомствах как Тайного, так и Хлебного приказов строилось в общем по одному типу. Основными административными ячейками, из которых слагалось каждое, являются группы селений, расположенных

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1724.
[2] Там же, стр. 1130.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела, вновь разобранные, № 224, л. 19
[4] Там же, л. 151—165.

по соседству или по близости друг к другу. Это своего рода административные округа с особым представителем приказной власти в лице воеводы или приказчика и с своим административным центром в виде села или города. Они очень разнообразны по размерам; от обширных волостей до небольших сел с 2—3 деревнями или приселками. Объясняется это разнообразие тем, что Тайный приказ, включая в состав подведомственной ему территории то или другое владение, чаще всего оставлял неприкосновенным внутренний строй, какой оно имело в этот момент, и только сменял представителя администрации. Отсюда рядом с такими крупными административными единицами, как города Скопин и Романов или волости Лысковская, Мурашкинская, Терюшевская, Городецкая, Карамышевская в ведомстве Хлебного приказа и как в ведомстве Тайного приказа волости Домодедовская и Колдомская, оказались и совсем незначительные, вроде сел Киреевского и Популова — в первом, или Барабанова и Загорья — во втором. Иногда однако вновь приобретавшееся владение не получало особого представителя администрации, а вводилось в состав ближайшей административной единицы: с. Черкизово с деревнями присоединено было например к с. Чашникову (ведомство Тайного приказа), с. Гридино — к Мурашкину, Шишковердь — к Сергачу (ведомство Хлебного приказа). Чаще всего такой прием применялся в подмосковном районе, где Приказ с особенной энергией старался округлять наличные владения, в результате чего почти все подмосковные села, имевшие с самого начала особую администрацию, получили потом большие или меньшие приращения и в документах выступают обыкновенно как бы в свите из так называемых «приписных» сел, например «село Степановское и к тому селу приписные: село Княжчино»; «село Соколово, а к нему приписные села: Петровское, Котельники, Либерицы з деревнями»; «сельцо Кудрявцево и к нему приписные два сельца — Семушкино и Новоселки»[1] и т. п. Во всех этих случаях принимались прежде всего в расчет конечно условия географические; но свое значение без сомнения имели и хозяйственные соображения.

Вообще, можно сказать, административное строение группы довольно точно отражало в себе хозяйственное соотношение ее составных частей. Административным центром всегда является село, совершенно независимо от количества его населения, но при условии, что в нем заведено государево хозяйство. Соседние села и деревни, те,

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 193.

которые в документах называются «приписными», играли вспомогательную роль — частью своими угодьями и рабочими средствами, частью разными запасами. Не имея таким образом самостоятельного хозяйственного значения, они и в административном отношении становились в подчиненное положение. По этой причине маленькое село Балабаново, в котором не было и 10 дворов, но распахивалась десятинная пашня, имело особого приказчика и являлось вместе с своими двумя деревеньками, насчитывавшими также не больше 10 дворов (во всех трех было 19 дворов) [1], особой административной единицей; между тем большое село Черкизово (около 100 дворов), в котором государево хозяйство заведено не было, должно было подчиняться приказчику с. Чашникова, и даже когда туда назначен был, в помощь первому, второй приказчик, он все-таки считался чашниковским, а не черкизовским [2]. Но «приписное» село могло повыситься в своем ранге, если становилось местом каких-нибудь чрезвычайных хозяйственных операций: на этом например сделал свою карьеру приселок с. Измайлова Николаевское, ставшее резиденцией особого приказчика, когда там стала строиться государева мельница [3]. Подобное же явление мы наблюдаем в Домодедовской в. В селах, входивших в ее состав, а именно: в Пахрине, Екатерининской роще и Ермолине, государево хозяйство велось в очень широких размерах, и волость раздробилась: в каждом из этих сел появился свой приказчик, и таким образом все они с «приписными» своими деревнями превратились в особые административные единицы. Бывали и обратные случаи: хозяйственные интересы какого-нибудь крупного владения заставляли «приписывать» к нему иногда довольно отдаленные местности, лишая их благ самостоятельной администрации. В этом отношении характерна административная эволюция, какую пережили за короткое время Славецкая в. (Влад. у.) и юрьевские села — Смердово, Лычово и Клины (Юрьева-Польского у.). Сначала все они эксплоатировались только оброчным способом и состояли в ведомстве Хлебного приказа, образуя самостоятельную административную группу. В 1666 г. однако названные села велено было «ведать пашенными делами к селу Измайлову голове Василью Пушечникову (т. е. измайловскому приказчику) кроме столовых запасов» [4], — может быть, потому, что Измайлово тогда стало нуждаться в рабочих руках и хлебных запасах.

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 17.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1288.
[3] Там же, стр. 152; т. 23, стр. 628, 865.
[4] Там же, т. 21, стр. 1188.

Таким образом одной стороной своей хозяйственной жизни юрьевские села вышли из сферы компетенции местного приказчика и вместе — Хлебного приказа; через несколько лет такое положение было распространено на все стороны, причем перемена коснулась и Славецкой в.: в 1674 г. по памяти в Хлебный приказ было «велено Володимерскаго уезду Славецкую волость да Юрьевского уезду Полского село Смердово, село Лычово и Клины со всеми доходы ведать к селу Измайлову»[1], иначе — в Тайном приказе, а вместе с тем упразднялась повидимому и должность юрьевского приказчика. На этом однако не кончилось: в последнее время существования самого Тайного приказа возник проект организовать в названных владениях самостоятельное и довольно интенсивное хозяйство («завесть пашню большую»), и потому сделано было распоряжение — «в юрьевские села отпустить на приказ Григорья Каменева и Славецкую волость ведать ему же, а не к Измайлову»[2]. Таким образом в момент ликвидации ведомства Тайного приказа Славецкая волость с юрьевскими селами оказалась в числе «ведомых» не к Измайлову, а снова — в Хлебном приказе в качестве самостоятельной административной единицы[3].

В специальном ведомстве Тайного приказа, где сравнительно интенсивное хозяйство делало более сложными и задачи администрации, крупное административное деление было неудобно, и потому здесь административные группы в общем значительно меньше по размерам, чем в ведомстве Хлебного; обыкновенно они состояли из 3—4 селений, редко больше. Зато слишком дробная организация не обеспечивала в полной мере согласованного участия отдельных групп в жизни целого; отсюда наблюдаем в ведомстве потребность в известной централизации, следы которой довольно ясно выступают в соотношениях по крайней мере некоторых групп. Так, с. Ермолино, выделенное из Домодедовской в. и получившее, как говорилось, собственного приказчика, состоит однако под общим надзором домодедовского приказчика, которому ермолинский, согласно данной из Приказа инструкции, должен быть «послушен»[4]. Подобная же субординация заметна в отношениях между домодедовским же приказчиком и приказчиком села той же волости — Екатерининской рощи[5], равно как между приказчиками измайлов-

[1] Р. И. Б., стр. 1725.
[2] Г. А., XXVII, № 526, л. 12—13.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 280.
[4] Там же, стр. 1583—1584.
[5] Там же, стр. 1594.

ским и николаевским. Может быть, ввиду проистекающих отсюда осложнений обязанностей — назовем так — главных приказчиков им назначены были особые товарищи [1].

Приказчик является постоянным представителем центральной власти; его присутствие собственно и делает известную группу селений административной единицей, самый состав которой очерчивается пределом распространения его компетенции. Там, где имелись укрепления и гарнизоны, к обязанностям по хозяйственному управлению присоединялись функции военного начальника, и приказчик получал название воеводы — все равно, был ли его резиденцией город или село. Воевод мы одинаково видим и в городах, как Богородицкой, Скопин, Романов, и в селах Лыскове и Мурашкине, где еще Б. И. Морозовым были построены земляные укрепления и заведены стрельцы [2]. Приказчик и воевода стояли в одном административном ряду, в котором место каждого определялось только хозяйственным значением его группы. Военные функции воеводы ввиду более чем скромного военно-административного значения любого из названных пунктов едва ли играли большую роль в оценке его социального положения. Бывали случаи, когда сельские приказчики переводились на места воевод и там получали уже новый титул [3], но, меняя свое прежнее звание на более громкое, они могли ничего не выиграть в материальном отношении, потому что расценка их службы не была выше: домодедовский например приказчик получал государева жалованья «против лысковского и мурашкинского воевод» [4]. Воевода и приказчик обыкновенно назначались из Тайного приказа, хотя бы место службы того или другого из них числилось в ведомстве Хлебного приказа [5]. При назначении каждый получал наказ «почему ему... ведать» свои села или город, но уже из того Приказа, в ведомстве которого ему предстояло действовать [6]. Впрочем в специальном ведомстве Тайного приказа в некоторых случаях, например для приказчиков подмосковных сел, письменные наказы являлись бы излишней формальностью и вероятно заменялись словесными инструкциями; по крайней мере в документах указаний на них нет.

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1347—1348.

[2] Акты Моск. Гос-ва, т. III, № 446.

[3] А. Мерчюков из Домодедова например был переведен в Скопин и после того называется воеводой. Р. И. Б., т., 21, стр. 1171; также С. Нелединский из с. Киреевского — в г. Богородицкой. Р. И. Б., т. 21, стр. 1294.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1344.

[5] Там же, стр. 1171, 1174, 1291, 1294; Г. А., XXVII, № 526 л. 14

[6] Там же, стр. 1171, 1174, 1291.

Ни одного наказа в делах Тайного приказа не сохранилось, но в записных книгах Приказа содержится по обычаю очень точная, хотя и краткая запись наказа, который был послан из Тайного приказа мурашкинскому воеводе, когда тому поручено было ведать «новоприписное» село Гридино. При своей краткости она довольно хорошо обрисовывает общий круг обязанностей представителей местной администрации. Воеводе предписывалось «село Гридино с деревнями ведать во всем и государеву десятинную пашню пахать и всякие заводы заводить по государеву указу и по статьям, каковы ему даны о Мурашкинской волости, и таможни, кабаки и мельницы в этой вотчине отдавать на откуп из наддачи, как прибыльнее, и денежные и медвяные оброки збирать, и над крестьяны смотрить всего, и от сторон их оберегать, а угодья всякие досмотрить самому»[1]. Насколько можно судить по изложению записной книги, в Приказе считали нужным разъяснять обязанности воеводы общеадминистративного характера гораздо меньше, чем задачи его, относящиеся к организации разных отраслей хозяйства. Эта черта наказа, вышедшего из Тайного приказа, особенно бросается в глаза при сопоставлении его с наказами приказчикам дворцовых волостей, выдававшимися Приказом Большого дворца: там, наоборот, подробнейшим образом регламентируются судебные и фискальные функции приказчика и почти нет речи о хозяйственных[2]. Помимо наказов приказчики, как и воеводы, уже на месте своей службы получали инструкции в форме «статей», государевых грамот и приказных памятей, которыми они должны были руководиться в отдельных случаях хозяйственно-административной практики и на которые в свою очередь должны были посылать отписки в Приказ. Записные книги Тайного приказа в большей своей части и являются по существу сокращенным изложением этой переписки, позволяя воспроизвести в более или менее конкретном виде деятельность и положение воеводы и приказчика.

Перед нами например скопинский воевода, назначенный сюда, как только Скопин поступил в ведение Тайного приказа. В Приказе решили завести в Скопине обширное пашенное

[1] Там же, стр. 1078.

[2] См. наказ 155 г. приказчику дворцовых сомерских волостей, напечатанный А. М. Гневушевым в его книге «Новгородский дворцовый приказ», стр. VII—XI. Еще характернее наказ 165 г., данный из Большого дворца Мине Взимкову при назначении его приказчиком Верхоценской в. Верхоценская в. была одной из плодороднейших местностей среди дворцовых владений, где десятинная пашня велась в широких размерах, и тем не менее наказ имеет точно такой же характер, как и предыдущий. Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 214, л. 78—87.

хозяйство, и с первой государевой грамотой об этом для воеводы наступают хлопотливые дни. Прежде всего надо «осмотреть» и «отвести» под десятинную пашню удобную землю, обмерить поля и распределить повинности по крестьянским дворам, применяясь к общим указаниям полученной из Приказа инструкции. Под его непосредственным наблюдением будут затем происходить все последующие полевые операции; а когда хлеб снимут с полей, воевода должен будет «устроить» его в житницы и «беречь», пока не получатся из Приказа дальнейшие распоряжения. С заведением десятинной пашни становятся особенно ценными крестьянские руки, не говоря уже о том, что с крестьянских «живущих вытей» идут денежные и хлебные доходы; поэтому необходимо наблюдать за тем, чтобы крестьянские «жеребьи» не пустели, и было бы хорошо, если бы воеводе удалось заселить новые: тогда «за прибылые выти ис пуста в жило» ему пришлют из Приказа государеву грамоту «с похвалою» [1]. Но при пашенном хозяйстве должна водиться всякая «животина», и на этот счет воеводой из Москвы уже получены предписания. Велено заводить «племянных свиней» и «кормить и беречь» их в Скопине до указу [2]; то же — и овец, для которых устроить двор и «на том дворе беречь, чтоб они з бораны до времени не ходили» [3]. В Скопин же обещают прислать «на корм в зиму» 500 государевых «подъемных» лошадей, и воевода заблаговременно должен «изготовить сена, чем мочно прокормить их до травы, и построить сараи, в которых тех лошадей кормить и беречь», а сараи, пишут из Приказа, следует крыть «соломою гораздо, чтоб капели не было» [4]. Не забыто и птичное хозяйство: воеводе прислали точную «роспись», сколько надо завести гусей и утят и сколько кур купить для отправки в Москву [5]. Ему же предписано устроить пасеки в Скопине [6]. Надававши столько дел, в Москве не забудут при случае напомнить, чтобы воевода сам смотрел, «чтоб всякая животина была сыта и в осеннее время в ненастные дни и по ночам стояла под навесами, а зимним временем в теплых сараях» [7]. Потом по экстренным ли запросам из Приказа или в установленные заранее сроки воевода должен будет отправить приплодных и племенных птицу и скот в Москву, частью жи-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1126.
[2] Там же, стр. 1038—1039.
[3] Там же, стр. 1039, 1074.
[4] Там же, стр. 1094—1095.
[5] Там же, стр. 1038.
[6] Там же, стр. 1334.
[7] Там же.

выми, частью битыми, а кур «сушеными»; на последний предмет он также имеет особую инструкцию в государевой грамоте: «а куры сушити, пластать и распластав натирать солью и в соли держать сутки и сушить в печах в лешедях» [1] — грамота повидимому предполагает, что эта операция должна производиться под его личным присмотром. Возможно, что впереди будут и другие поручения в том же роде. В Скопине например имеется кружечный двор, и воевода может ждать, что из Приказа потребуют устроить при нем, как это сделано в других местах, винокурню, — значит придется покупать «винные кубы и всякие суды», подыскивать «винокуров и солодовников», «запасать для винокурни дрова» и «хмель садить» [2]. Положение осложняется еще тем, что на все требуемые разными «заводами» покупки в местной кассе может не оказаться наличных средств. В Приказе этим не смущаются: пусть воевода займет денег у крестьян. Там даже предвидят возможность, что «крестьяня взаймы денег не дадут», но тогда воевода может «у крестьян все имать в долг» (т. е. взять натурой) [3]. Рекомендуя такой выход, в Москве уверены, что в руках твердого администратора он не вызовет затруднений.

На воеводе, естественно, лежит главная ответственность за точное исполнение предписаний центра и в связи с этим строгая отчетность по управлению и по ведению хозяйства. Он представляет в Приказ точные сведения о составе и количестве подведомственного ему крестьянского населения и вместе — о форме и размерах крестьянского тягла. Затем идут оброчные статьи — с «непашенных» бобылей, с «пустовой» десятинной пашни, с сенных и лесных угодий, с рыбных ловель, за мельничные места и т. п. Все это — в окладах, установленных Приказом. Подобные же сведения даются и по неокладным статьям. Подводя итог по всем статьям, воевода сообщает, сколько «из того числа» состоит «в расходе» — на жалованье ему и стряпчим, на разные постройки и текущие нужды, а в заключение ставит суммы, «что в остатке» или чистого дохода. Такой отчет составляется за целый год [4]. Столь же обстоятельные ведомости, но чаще, требуются специально по сельскому хозяйству. В Приказе хотят знать, «сколько хлеба остается от прошлых лет, молоченого и не молоченого, и сколько сеяно к отчетному году и какого, сколько десятин... какова хлеба пожато, и сколько сот-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1122.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 1038.
[4] См. например отчеты лысковского и мурашкинского воевод. Г. А., XXVII, 213, л. 85—125.

ниц и по опыту в умолоте по чему чаять и сколько копен сена сметано и на скольких пустошах неподкошенные травы по смете копен будет»[1]. Ответы на все эти вопросы составляют содержание так называемых посевных, ужинных, опытных и укосных книг. Воевода же должен сообщить, «что у него на лицо какой старой и молодой, племянной и на убой, животины и птиц имянно»[2], а если имеются пасеки, то—«сколько у крестьян пчел взято и молодых прибыло и пасеки построены ль и пасечники прибраны ль». На эти и подобные запросы воевода должен отвечать отписками и притом, по крайней нетерпеливости Приказа, — «на скоро», «не испустя времени», «безо всякаго мотчанья». Иногда его самого вызовут в Москву — «на время», т. е. для личного отчета, «буде... тамошние какие дела не зайдут»[3]. Давая в руки Приказу цифры частью точные, частью предположительные («опытные») по всем хозяйственным статьям, воевода волей-неволей чрезвычайно суживает сферу безнаказанного проявления своей профессиональной «бездельной корысти» и вместе с тем вынуждается внимательно следить за тем, чтобы в пределах его ведомства все делалось исправно, воздерживаясь от «всякой поноровки» по отношению к своим подчиненным. Их неисправность может создавать свои казусы и доставить ему новые хлопоты. Отпустил он например в Москву, по распоряжению Приказа, 4 000 живых кур с скопинскими целовальниками, а из Москвы пишут, что из 4 000 оказалось 682 курицы «недовозных», и воевода должен произвести расследование, кто был виновником происшествия: подрячик ли Трофимка—в предположении, что он вместо двух стругов отпустил кур только в одном «и от тово куры з духу померли»; или скопинцы выборные люди,— что выбранные ими целовальники «за их выбором своим нераденьем тех кур в дороге поморили»[4]. Может впрочем случиться, что за своими многосложными обязанностями воевода и сам что-нибудь недосмотрит; в Приказе же недосмотра не пропустят. Вот например собрал он и отправил в Москву свиное мясо, а оттуда в ответ грамота — уже по его адресу: доправить на воеводе пени 50 руб., а за то: «свиные мяса прислал к Москве полтями, а не тушами, а грудинок и потрохов не прислал; а как те мяса збирал, и их держал в ызбых, а не в анбарех, и от тово мяса перепортились»[5]. 50 рублей—это половина годового жалованья,

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1602.
[2] Там же, стр. 1544.
[3] Там же, стр. 1129, 1132, 1562, 1669.
[4] Там же, стр. 1068.
[5] Там же, стр. 1032.

и еще при условии, что компенсация на счет сборной казны рискованна. Впрочем у воеводы есть другой, более податливый источник.

Воевода, как и приказчик, чувствует на себе все непривлекательные стороны своего положения, когда имеет дело с Москвой; зато, когда он обращается к крестьянскому миру, перед ним раскрываются более приятные перспективы. Здесь он представитель власти, облеченный широкими полномочиями. В селе или городе, служащем административным центром группы, есть особое присутственное место, где воевода или приказчик отправляют свои публичные функции, — традиционная приказная или съезжая изба (например в с. Измайлове, Пахрине, Степановском) [1]. Там, судя по описанию с. Измайлова, лежала Уложенная книга и хранился сундук с денежной казной, а также местный архив, содержавший в себе «указные памяти о всяких делех», «приводные и распросные речи», приходо-расходные книги и другие хозяйственные документы [2]. При съезжей избе — подъячий, в некоторых местах он же и стряпчий, а где—просто земский дьячок. Если в глазах центра, как можно заключить по содержанию официальной переписки, воеводы и приказчики прежде всего — его агенты по хозяйственному управлению, то для населения вероятно чувствительнее были их полномочия, как представителей публичной власти. Они творят суд и расправу во всех будничных коллизиях крестьянской жизни; иногда же, по особому поручению, их компетенции подлежат и случаи более серьезных потрясений деревенского «покоя»: они «разыскивают» например в разбойных делах, получая при этом в распоряжение столь грозное для обывателя орудие к отысканию правды, как право «розпрашивать у пытки с пристрастьем» [3]. Не менее глубокие жизненные интересы крестьянского мира затрагивала их фискальная роль. Вообще следует сказать, что в делах Тайного приказа крестьянское тягло, как и крестьянский суд фигурируют крайне редко, и первое еще реже, чем второй. Но потому, что иногда Приказ запрашивает своего агента, сколько в его волости «крестьянских и бобыльских дворов и по скольку крестьянских дворов в выть положено», а с другой стороны, предписывает ему стрелецкие, ямские и полоняничные деньги «имать» и отсылать «от себя» [4], можно думать, что не без существенного участия воеводы и приказчиков происходили как установление размеров окладных

[1] Там же, стр. 243, 252.
[2] Описание с. Измайлова, л. 175, об. и сл.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1375.
[4] Там же, стр. 1161—1162.

единиц, так и сбор по ним денежных окладов. На них же равным образом возлагалась Приказом обязанность смотреть, чтобы крестьяне «в тягле» окладывались «вправду»[1]. Но без сомнения крестьянин чаще всего сталкивался с местной «приказной» властью в качестве жильца на государевой земле, обязанного оброками и натуральными повинностями Приказчики и воеводы распоряжаются, по крайней мере в первой инстанции, крестьянскими жеребьями, сажая на опустевшие из них новых тяглецов[2]. Они раздают крестьянам на оброк «пустовую десятинную землю» и разные угодья, причем иногда уполномочены, «на что мочно, оброк прибавить и... о том чинить по своему рассмотренью»[3]. Они же могут посадить жильца на льготу или оказать помощь ссудой по случаю «пожарного разоренья» или, если «хлеб градом побило», — «по разсмотренью ж»[4]. Тем же их «разсмотреньем» решается вопрос, когда крестьянин может получить «взаймы» хлеб на семена[5]. Наконец, они собирают с крестьян разные «запасы» и наряжают на всякую государеву работу. Конечно при отсутствии сколько-нибудь точных данных неосуществима была бы попытка сравнить различные функции приказной администрации по степени влияния на крестьянскую жизнь, и по этой же причине безнадежно задаваться вопросом об относительной роли каждой в выработке самого типа «приказного». Совмещение в одном лице этих разнородных функций создавало своеобразную юридическую амальгаму, в которой только искусственным путем различимы составные элементы, и чем слабее была по степени развития среда, на которую распространялась приказная власть, тем слияние этих элементов становилось полнее и тем бо́льшую силу приобретал самый приказный орган. При этих условиях каждый крестьянин в отдельности, естественно, становился объектом самого всестороннего воздействия приказчика или воеводы, а органы мирского самоуправления, старосты и целовальники, теряя самостоятельность, превращались в их руках в вспомогательное средство. В документах Тайного приказа мирские выборные люди действительно всегда выступают в пассивной роли: они раскладывают подати и оброки, собирают их, возят деньги и «запасы» в Москву, берегут на месте государев хлеб в житницах, заведуют государевыми мельницами и винокурнями, все—под непосредственным наблюдением и

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1126.
[2] Там же, стр. 1594.
[3] Там же, стр. 1078, 1126, 1139 и др.
[4] Там же, стр. 1179, 1185, 1215.
[5] Там же, стр. 1048, 1174, 1477.

по распоряжению «приказного». Таким образом воевода или приказчик имели полную возможность стать хозяевами по отношению к подчиненному им крестьянскому миру, даже действуя вполне закономерно.

«Приказные» однако повидимому и в ведомстве Тайного приказа оправдывали установившуюся за ними дурную репутацию, неумеренностью аппетитов и широким размахом волевых импульсов подвергая иногда колебаниям прочность своего положения. Как ни мало места занимает в делах Тайного приказа административная деятельность его местных агентов, все же то там, то здесь, в описях и записных книгах, мелькают указания на крестьянские челобитные, вызванные злоупотреблениями приказчиков и воевод. Самый состав злоупотреблений источники отмечают обыкновенно в очень общих чертах: почти всегда это—«налоги и увечья» [1]. Из подлинных же документов такого рода уцелели всего два; и из них один — черновик доклада государю с подробным изложением жалоб бортников и мордвы Терюшевской в. на своего приказчика Василия Пестрикова. Случай этот имеет до известной степени местный характер, но в нем выступают некоторые и типические черты. Челобитчики писали: «Чинит... он, Василей, им всякие налоги и емлет с них посулы большие и продает и убытчит их напрасно и держит у себя приставы и сторожей, неведомо каких людей, и велит им, бортникам и мордве, наймовать их дорогою ценою и в тех наймех бьет их на правеже». Далее идет описание насилий приставов и сторожей, а затем челобитчики снова возвращаются к своим «убыткам» от приказчика: «Да он же, Василей, емлет с них хлеб не по указу—с выти по 3 чети в нижегородскую меру, да сена по копне мерной, а велено... ему имать копны волоковые (т. е. приблизительно в 20—25 раз меньше по размерам)». А когда, наоборот, государевым указом 182 г. было «велено ему дать (им) на кузи и на меливо денги (вероятно на государеву винокурню), и он.., тех денег им не дал». Наконец еще две обиды чинит им приказчик: в их бортные ухожьи «пущает сторонних людей», беря с них «явки», и на тягла мордовские сажает беглых крестьян, а оттого самим бортникам и мордве происходит «теснота». Челобитная заканчивается просьбой — «Василья переменить» [2]. Второй из упомянутых документов представляет собой отрывки из следственного дела («роспросных речей») по жалобе ермолинских крестьян также на приказчика. Этот документ рисует перед нами сельский быт несколько с иной стороны

[1] Там же, стр. 534, 711, 747, 1079, 1174, 1408.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 524, л. 47—48.

и особенно интересен той полнотой, с какой в нем отразились оттенки правосознания действующих лиц и объем фактического воздействия приказных на крестьянскую жизнь. Крестьяне «государева села Ермолина деревни Сулицина Лукашка Матвеев да деревни Лушкина Афремка да Захарка Сергеев» подали в 172 г. челобитную на ермолинского приказчика Никиту Шевелева. По словам первого из них, Лукашки, приказчик «прислал» к нему однажды старосту и целовальника с требованием представить поручную запись (как видно из дальнейшего — в воздержании от пьянства); а когда он, Лукашка, «с тем старостою и целовальником пришел к нему, Миките», последний «учел» его «бить и увечить и живот (ему) оттоптал (!)». Другие два челобитчика, Ефремка и Захарка, заявили, что приказчик и их «призвал к себе... бил и увечил безвинно», не рассказывая однако подробностей и только подкрепляя свою жалобу указанием на то, что в практике приказчика бывали случаи и хуже: «преже сего он же, Микита, дер. Суханова крестьянина Трошку бил смертным боем», так что Трошка «от ево микитиных побоев и умер». По челобитной был произведен «сыск», и суровому администратору пришлось давать объяснение, а в то же время к допросу были привлечены свидетели, ермолинские же крестьяне и сокольники. Шевелев показал, что он «крестьянина Лукашку Матвеева за невежество на лугу... и что он приходил на сход пьян, велел ево за пьянство дать на поруку, а топтушками ево не бивал». Жалобу же Ефремки и Захарки Сергеевых он объяснял таким образом: «велел он призвать их на сход и иных крестьян многих для разверстки государевы пашни», и тут, на сходе, староста пожаловался ему на брата Ефремки Харлашку, что «он, Харлашко, ево, старосту, бить хотел,... как возили лед в ледник на государев двор»; по жалобе старосты, «опрося крестьян», он и велел Харлашку «бить батоги да брата ево, Ефремку, за невежество в то же время батоги бил же», да и за то, прибавил приказчик, что «он же, Харлашко, отпрашивался у него же, Никиты, на неделю на Коломну, а ездил де на Резань недельством». Вызванный к допросу сокольник И. Шункин уклонился от показаний, заявляя, что он «явок ничего не слыхал и про то не ведает»; но свидетели крестьяне поддержали всех троих жалобщиков, заявив, что приказчик Лукашку действительно «бил топтушками, а Ефремку бил дубинкою — за то: он учел ему, Миките, печаловаться за брата своево Харлашку»[1]. Думается, и нарочно составленное для будущего

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 357, л. 1—5.

исследователя русского прошлого описание роли приказчика в повседневной жизни государева села не могло бы много прибавить к тому, что рассказал протокол подьячего. Тут налицо и в очень характерных положениях все элементы сельского общества, как оно строилось в условиях «приказного» управления: и органы деревенского самоуправления, — с одной стороны, мирской сход, на котором обсуждаются под наблюдением приказчика общественные дела и в то же время производится им собственноручная расправа с провинившимся крестьянином; с другой—староста и целовальники, состоящие у него на посылках и прибегающие к его авторитету для восстановления оскорбленного достоинства; и отдельные живые лица из крестьян в качестве объекта приказного попечения, — эти Лукашка, Ефремка и Харлашко, «топтушками» и батогами отучаемые от пьянства, «невежества» и самовольства в распоряжении своим временем; наконец весь крестьянский мир, поддерживающий своего сочлена в отличие от сокольника, который в качестве аристократического элемента в деревне тянет, видимо, сторону приказчика. А в центре картины конечно сам приказчик во всеоружии своих официальных полномочий и со всей силой своих административных приемов.

Мы не видим из документов, чем кончилось рассказанное только что дело ермолинских крестьян, но, судя потому, что обидчик их Н. Шевелев остается ермолинским приказчиком и после произведенного сыска, надо думать, что он был «оправлен». Вышел сухим из воды повидимому и В. Пестриков, который также не потерял своего места. Но бывали несомненно случаи и с иным исходом. Формально Приказ ставил «сыски» по таким делам вообще довольно тщательно. В той же например Терюшевской в., где мы познакомились с В. Пестриковым, до него был «на приказе» его отец Федор [1], у которого сын очевидно и брал уроки административного искусства: по крайней мере терюшевской мордве в свое время пришлось бить челом и на старшего Пестрикова. Тогда, по государеву указу, послан был в Терюшевскую в. стряпчий Е. Зиновьев «сыскать про Федора», причем в обеспечение правильности сыска стряпчему был дан наказ: «ево т. е. Ф. Пестрикова распрося, докамест сыск минетца, выслать куды пригож» [2]. По сыску и этот Пестриков был оправдан; но в Приказе повидимому не было уверенности в справедливости решения, и спустя уже 1½ года лицу, отправленному для ревизии тех мест,

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1295.
[2] Там же, стр. 1078—1079.

между прочим поручали: «в Терюшеве и в Олатарском уезде против сыску Елисея Зиновьева розведать, не было ль кому в том сыске поноровки»[1]. Возможно, что Пестриковы с привычкой к твердой власти соединяли уменье быть мягкими с нужными людьми, и потому ревизия не изменила результата, несмотря на сомнения Приказа. Важно однако сказавшееся здесь самое отношение Приказа к подобным делам, благодаря которому при других условиях увлечения администрации приводили к отставкам. Так, смещен был в Скопине воевода Д. Остафьев, — по всей вероятности, из-за «налогов, которые он чинил крестьянской жене Офимьице»[2], и так же закончилась карьера сергацкого приказчика А. Кучецкого, с просьбой «переменить» которого сергацкие челобитчики явились прямо в Москву[3].

Описанными чертами местная приказная администрация характеризуется в общем одинаково — как в специальном ведомстве Тайного, так и в ведомстве Хлебного приказов. Там и здесь наблюдаются, правда, и некоторые различия в положении и деятельности административных органов; но эти различия зависели от условий, по отношению к постановке самой «должности» случайных; например благодаря близости к Москве в специальном ведомстве Тайного приказа контроль был строже и формы его были разнообразнее, чем в ведомстве Хлебного приказа. Может быть, наиболее характерным надо признать различие в социальном составе представителей администрации: в первом ведомстве мы почти всегда видим «на приказе» лиц, числившихся в придворном штате, — сокольников и конюхов разных степеней — стремянных, стряпчих и задворных[4]; между тем во втором на приказные должности назначали обыкновенно «дворян добрых», которые «службою ведомы в Разряде» и из Разряда присылаются, по государеву указу, в распоряжение Хлебного приказа[5]. Эта черта в практике

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1164.

[2] Там же, стр. 1171, 1174, 1205.

[3] Там же, стр. 1408.

[4] Например приказных в Измайлове Устин Зеленый — сокольник, его «товарищ» Ф. Геев — задворный конюх; в Алексеевском П. Брехов — стремянной конюх; в Ермолине Н. Шевелев — стремянной конюх; в Степановском Ф. Чертков — задворный конюх (там же — дворянин М. Кобыльский, но он заведывал специально железными заводами); в Соколове Ю. Долгинский — сокольник; в Васильевском В. Саймонов — конюх; в Балабанове П. Озорной — стремянной конюх; в Кудрявцеве И. Чепелев — стремянной конюх; в Брынкове П. Кондауров — стремянной конюх. Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532 л. 7-20; также Р. И. Б., т. 21 и 23.

[5] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 721; список с указанием порядка назначения — там же, Моск. ст., № 491, л. 205—209.

приказов проводится довольно последовательно и приобретает особую значительность в связи с некоторыми явлениями, которые наблюдаются в организации управления уже на следующей ступени.

Воеводы и приказчики—постоянные органы хозяйственного управления. Но рядом с ними в царских селах мы постоянно встречаем других лиц, которые, принадлежа по роду своей постоянной службы к иным категориям и появляясь здесь только на время, также однако заняты в администрации царского хозяйства. Это — головы и сотники московских стрельцов, «начальные люди» — полковники, майоры и поручики — двух «выборных» солдатских полков М. Кравкова и А. Шепелева, те же затем сокольники и конюхи, потом — подьячие Тайного приказа, изредка — начальники и дьяк Хлебного приказа, а иногда и сам «в государеве имени» дьяк Тайных дел. Встречаются, правда, и носители высших придворных чинов — стольники и стряпчие, но в незначительном числе, всего 2—3 человека, так что появление кого-нибудь из них в государевом селе — более или менее редкий случай. Различаясь между собой служебным значением, лица перечисленных категорий образуют тем не менее как бы особую группу, объединяясь тем общим признаком, что одни из них почти, а другие и совсем не были «ведомы» в общих учреждениях. В царском хозяйстве они выполняют самые разнообразные функции, но также сходные в одном признаке: все это были в большей или меньшей степени чрезвычайные поручения, которые выдвигала интенсивная хозяйственная жизнь и которые не могли удовлетворяться средствами обычной «приказной» администрации. В смысле подготовки, поскольку о ней могут свидетельствовать постоянные занятия людей, исполнители стояли, надо думать, все на одинаковом уровне, т. е. одинаково не имели ее. Но эту заботу брал на себя Приказ, откуда каждому при всяком поручении, важном и незначительном, давались «статьи» — универсальное средство, с помощью которого, по тогдашнему верованию, можно было всякого сделать мастером на все руки, по крайней мере в области администрации. Таким образом мы постоянно видим, что одно и то же дело поручается разным лицам и, наоборот, одному и тому же лицу даются нередко совершенно различные поручения. Впрочем поручения, требовавшие особого опыта и налагавшие большую ответственность, иногда приурочивались к определенным лицам, становясь в некотором роде их должностями. По документам все эти случайные специалисты по хозяйственному управлению, составляя количественно довольно значитель-

ную группу (несколько десятков человек), большую часть времени проводят или в разъездах по экстренным делам или у каких-нибудь более или менее постоянных «государевых дел», внося много своеобразия и движения в хозяйственную жизнь ведомства. Таково впечатление, но передать его путем описания их деятельности трудно, потому что в подробностях она скудно освещается материалом, равно как и потому, что по большей части она связана с индивидуальными условиями и бледнеет в рамках классификации. В общем ее разнообразные формы могли бы быть сведены к трем главным: 1) экстренные «посылки»; 2) общий надзор за хозяйством в пределах определенного района; 3) заведывание специальными хозяйственными операциями.

«Посылки» преследовали разные цели. Иногда они имели характер ревизий, предпринимавшихся для ознакомления с состоянием хозяйства на местах, а, может быть, и с деятельностью местной администрации. В записных книгах Тайного приказа под 9 октября 1667 г. записан например государев указ о выдаче прогонных стольнику И. С. Хитрово с подъячим и двумя приставами «от Москвы до Гороховца, до Городца, до Лыскова, до Мурашкина, до Терюшева и до Арзамасу, до Алатаря и где ему надобно»[1]. В указе перечислены, как видим, важнейшие местности ведомства Хлебного приказа, а И. С. Хитрово незадолго перед тем (в мае того же года) был назначен начальником Хлебного приказа[2], и поездка его, которую имеет в виду указ, вероятно означала объезд нового начальника подведомственной ему хозяйственной территории. Злоупотребления местных приказчиков и воевод бывали причиной и специальных командировок: так, голова московских стрельцов Н. Колобов производил «сыск про приказчика про Льва Осеина о взятках»[3], голова А. Лопухин—«про приказчика Карамышевской волости С. Соболева»[4]. С ревизией могли соединяться и известные распорядительные полномочия. В марте 1666 г. в те же самые места, куда ездил Хитрово, командирован был тот же голова московских стрельцов Аврам Лопухин; согласно данным ему «статьям», он должен был «рассмотрить (в указанных местах) о десятинной пашне и положить на крестьян хлебные и денежные всякие доходы по рассмотренью, как бы государеве казне прибыльнее, а крестьяном не в тягость, и тот бы оклад и впред

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1360.
[2] Там же, стр. 1309.
[3] Там же, стр. 747.
[4] Там же, стр. 698.

был прочен и постоянен»[1]. Вообще установление размеров крестьянских оброков и повинностей через посылаемых на места доверенных лиц было в ведомстве Тайного приказа повидимому довольно обычным явлением. Соответствующий пункт имеется например и формулирован с большой предусмотрительностью в двух сохранившихся черновых наказах, из которых один был дан Ф. Н. Елизарову, первому по счету начальнику Хлебного приказа, и дьяку того же Приказа Н. Насонову, посылавшимся в Скопин и Романов[2]; второй — неизвестному лицу, которому велено было объехать юрьевские села, волости Славецкую и Колдомскую и другие места, «где (как сказано в наказе) не был голова Юрья Лутохин» (очевидно ездивший раньше с той же целью)[3]. Как видно из обоих наказов, в Приказе намечали примерные или желательные нормы крестьянских оброков и повинностей, но не только не упраздняли собственного «разсмотренья» командируемых лиц, но даже требовали его ввиду особых местных условий: в первом например наказе предписывалось «всево досмотрить и по разсмотренью наш великого государя указ учинить», или во втором — «разсмотреть крестьян и пашня и, будет крестьяном в тягость, положить на них по мере». При этом установленные Елизаровым и Насоновым порядки должны были стоять так же «вечно и постоянно», как и по наказу Лопухину. Иногда посредством ревизий или специальных посылок хотели выяснить общие хозяйственные условия той или другой местности. Иногда же на посылаемых лиц возлагалась вместе и самая организация хозяйства или какого-нибудь хозяйственного предприятия в новом месте, разумеется, сообразно с директивной Приказа. Знакомый уже нам голова А. Лопухин посылался, как значится в описи дел Тайного приказа, «для досмотру и описи» ярославских и ростовских заводов[4] и в Переяславский у. «к государевым соляным заводам» с «наказом — приехов, что ему делать»[5]. Голова московских стрельцов В. Пушечников «сыскивал» в дворцовых селах Суздальского, Ростовского, Московского и Костромского уездов «о сенных покосах»—также по «статьям»

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1164.

[2] Гафкэ Г. А., XXVII, № 339, л. 1—11. Напечатано, не в полном виде, в Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх. Общ., т. II, стр. 780—786.

[3] Там же, № 526, л. 339—344; ср. «Статьи С. Нестерову (начальник Хлебного приказа) да Емельяну Кириллову (подьячий Тайного приказа) о окладе за десятинную пашню денгами с Олатарской, и с Арзамасской и с Терюшевской Мордвы». Р. И. Б., т. 21, стр. 711.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 34.

[5] Там же, стр. 167.

из Приказа[1]. В одних случаях цель подобных командировок обозначается в наказе или статьях кратко и подробности предоставляются инициативе командированного лица; таково например предписание: «съездить по времени в Балабаново и осмотрить всего, где что пристойно зделать»[2]. В других случаях осмотр должен производиться по разработанной в Приказе программе. Так, в наказе неизвестному лицу даются поручения о досмотре в Славецкой в. лесов и о принятии мер к охране их от порубок, о беглых крестьянах и мастеровых людях; тут же — предписание «розведать о заводе юфтей, что прибыльнее, живае ли старые скотины или телята или кожи к тому заводу готовить»; то же — о сене, «что ныне в тех местех сена стало и преже сево в тех местех постольку ли сена ставилось и ныне по чему за копну дадут». Посылавшиеся в Скопин и Романов Ф. Елизаров и Н. Насонов должны были между прочим «рассмотрить рек, которые мочно судами возить... и тех рек на пристанех делать анбары (для склада скопинского и романовского хлеба); также — осмотрить мест пристойных под мельницы», и еще — «распрашивать всякими мерами и доведываться соляных озер», все это — помимо точно определенных в наказе распоряжений об организации десятинной запашки. Впрочем случалось, что в тех же целях пользовались и приказчиками. Отправляя например «на приказ» Г. Каменева в юрьевские села и Славецкую в., ему вместе с тем предписывали в «статьях» — «съездить в Славецкую волость и осмотрить прилежно, какова та волость, — людна, угодна и хлебородна, и какие заводы в ней завесть мочно, и чево впредь к прибыли чаять, и Клинов и от Смердова и от Лычова (села ведомства Тайного приказа) в скольких верстах от котораго села»[3]. К той же категории экстренных поручений можно, наконец, отнести командировки для описания земельных владений ведомства Тайного приказа. Описание производилось обыкновенно или теми же головами московских стрельцов и подьячими Тайного приказа, или — реже — местными приказчиками и лицами других чинов[4]. Как видно из описи документов, в архиве Тайного приказа хранилось несколько десятков

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 539, прим.
[2] Гафкэ Г. А., XXVII, № 357, л. 1.
[3] Г. А., XXVII, № 526, л. 12—13.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 319—405. Судя по описи книг, описание производили: в 18 случаях головы московских стрельцов (7 чел.), в 12 — местные приказчики (11 чел.), в 11 — подьячие Тайного приказа (7 чел.), в 8 — стольники и стряпчие (6 чел.), в 4 — дьяк и подьячие других приказов, в 1 — стремянной конюх, в 1 — сокольник.

«описных», «дозорных» и «переписных» книг, которые потом переданы были в Приказ Большого дворца.

Еще разнообразнее поручения, имевшие предметом руководство отдельными хозяйственными операциями. Значительно больше в этих случаях и количество действующих лиц, притом среди них замечается уже некоторая специализация. Одни например чаще, а другие исключительно назначаются к сельскохозяйственным делам. Так, головы московских стрельцов Г. Соловцов и Б. Бухвостов распоряжаются «по статьям» возкой сена на конюшни с подмосковных лугов [1]; голова Ф. Александров также «отпускает» сено с лугов [2]; полковник А. Шепелев «отпускает» струги с терюшевским хлебом из Нижнего в Москву [3], и он же распоряжается на рыбных ловлях в Городецкой в. [4]; голова А. Лопухин устраивает в Карамышеве маслобойню и повидимому некоторое время заведует этой отраслью хозяйства [5]. «Полковник Фан-Кампен» наблюдает за работами на льняном дворе [6]; сотники московских стрельцов Ф. Меркулов [7], Т. Лабутин [8], П. Теряев [9] посылаются в разные села вообще «для сенокосу»; те же однако Ф. Меркулов и П. Теряев и еще майор И. Ходырев заняты «у лесного чищенья» [10]; сотник И. Рыкачев живет в Домодедове «для нынешнего пашенного времени» [11] и там же заменяет потом «у всяких государевых дел» домодедовского приказчика, который «отпущен во Псковскую ево деревню на время» [12]; в с. Измайлове сотники М. Есипов, Д. Бедняков и П. Чюбаров остаются подолгу у какого-то «государева дела» [13]; другие два сотника Ф. Молчанов и А. Чюбаров да «выборного полка порутчики» Б. Близнецов, Я. и С. Ждановы состоят в Измайлове «у государевых дел у наряду работников» [14]. Иногда за теми же делами видим подьячих Тайного приказа и сокольников, например подъячий П. Кудрявцев нанимает в д. Теннееве жнецов [15], он же отправлен туда «для

---

[1] Там же, стр. 174.
[2] Там же, т. 23, стр. 434.
[3] Там же, т. 21, стр. 1317.
[4] Там же, стр. 1322—1323.
[5] Там же, стр. 1179; т. 23, стр. 529, 564, 1151.
[6] Там же, стр. 954.
[7] Там же, т. 21, стр. 1218.
[8] Там же, стр. 1216, 1224.
[9] Там же, стр. 1107.
[10] Там же, т. 23, стр. 775, 782, 787, 792, 1375, 1386 и др.
[11] Там же, т. 21, стр. 1219.
[12] Там же, стр. 1256.
[13] Там же, стр. 1357.
[14] Там же, стр. 1331—1332.
[15] Там же, т. 23, стр. 64—65.

лесной чистки»[1]; подьячему Ф. Годовикову велено быть в Домодедове «у пашенного дела»[2], и это его назначение получает такое постоянство, что он начинает писаться «Домодедовские волости пашенных дел подьячей»[3]. Бывало даже, что работы производились под непосредственным наблюдением самого дьяка Тайных дел; в расходных статьях Тайного приказа от 11 марта 182 г. например записано, что приказчику с. Степановского выданы деньги «на корм работникам, которые работали в Степановском при Даниле Полянском» (дьяк Тайного приказа с 1672 г.)[4]. Повидимому преимущественно на подьячих, сокольниках и конюхах лежали финансовые операции, связанные с удовлетворением текущих хозяйственных нужд: они покупают сено, дрова, скот, мясо и рыбу, для чего командируются иногда в довольно отдаленные места, например в Галич, Самару, на Яик[5]; с другой стороны, по приходо-расходным и записным книгам Приказа, они же получают из приказной кассы и потом раздают деньги жнецам, косцам, садовникам, прудникам, плотникам и всяким другим «работникам»[6]. В экстренных случаях кого-нибудь из них же пошлют собирать оброчные запасы с крестьян[7], а однажды подьячий Тайного приказа П. Кудрявцев даже был отправлен на «Улицкое озеро» «ловить рыбу всякую» с наказом «той рыбы прислать с Благовещеньеву дни, а к вербному воскресенью привесть самому»[8]. Сокольникам и конюхам не раз приходилось ездить в Киев, Симбирск, Астрахань, даже на Терек за плодовыми и тутовыми деревьями для царских садов[9].

Особые хозяйственно-административные задачи ставили строительные работы, в широких размерах производившиеся в ведомстве Тайного приказа, и в этих случаях агентами Приказа видим лиц того же круга. Одним поручается по преимуществу заведывание подготовительными операциями, например рубкой леса и его доставкой на место стройки. В этой роли чаще всего выступает полковник выборного полка М. Кравков, который с своими солдатами в течение ряда лет «ронит лес на строенье

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1360.
[2] Там же, стр. 1185.
[3] Там же, т. 23, стр. 506.
[4] Там же, стр. 271.
[5] Там же, т. 21, стр. 1481.
[6] Там же, т. 23, стр. 15, 67, 257, 261, 474 и др.
[7] Там же, стр. 64—65, 72, 74, 75, 637, 728, 774 и сл., 867 и сл.
[8] Там же, т. 21, стр. 1590—1591.
[9] Там же, стр. 1139, 1169, 1182; т. 23, стр. 697, 748.

государевых хором» в Муромском, Арзамасском, Гороховецком, Елатомском, Касимовском и Кадомском уездах, причем «для присмотру над работными людьми» привлекаются иногда и другие «начальные люди» его полка [1]. По надзору за самими строительными работами имелись свои специалисты. В их ряду мы встречаем между прочим будущего знаменитого «канцлера», а в тот момент только еще полковника и голову московских стрельцов А. С. Матвеева: за его собственноручной подписью была представлена в Приказ «роспись, что надобно на хоромное строенье иноземцу Фалентину садовнику» в с. Измайлове [2]. А затем, когда строилась в Измайлове церковь во имя преподобной Евдокии, «у того строенья, — читаем в приходо-расходных книгах Приказа, — был полковник и голова московских стрельцов Артемон Матвеев» [3]. В других местах в качестве таких же импровизированных инженеров действуют в с. Алексеевском «у церковного» и «у прудового дела» майор выборного полка Р. Жданов [4], в с. Котельниках у церковной постройки — майор И. Лукин [5], на Меленках (в Измайлове) «у прудового дела» и у строенья «льняного двора» — майор Скариков [6], «у каменного дела» при измайловских льняных амбарах — полковник Густав Фан-Кампен [7], у измайловской «новой каменной риги» — голова московских стрельцов Ю. Лутохин [8], «у строенья нового Аптекарского двора» — полуголова И. Ефимьев [9], в с. Алексеевском «у дворового строенья» — голова московских стрельцов Ст. Янов [10], в с. Екатерининской роще «у полатного строенья» — голова Ю. Лутохин и сотник московских стрельцов И. Рыкачев [11]. Едва ли не чаще и к строительным работам, только, может быть, менее видным, посылались подьячие Тайного приказа: многочисленные например плотины и мельницы в царских селах, устройство которых потребовало огромного труда и расходов, все, кажется, были сделаны под их наблюдением, так что иногда в одном только Измайлове скоплялось за этим,

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1285, 1320, 1382, 1391.
[2] Там же, т. 23, стр. 21.
[3] Там же, стр. 647.
[4] Там же, стр. 119, 124, 130, 136 и др.
[5] Там же, стр. 388, 390, 1382.
[6] Там же, стр. 784, 809, 810.
[7] Там же, стр. 885.
[8] Там же, т. 21, стр. 1322, 1326, 1329 и др.
[9] Там же, т. 23, стр. 387, 389, 390 и др.
[10] Там же, стр. 120, 127, 131, 187.
[11] Там же, стр. 712—713, 1107.

главным образом, делом до 6 подьячих [1]. Следя за ходом работ и ведя отчетность по ним, эти лица обязаны вместе с тем заботиться о доставлении материалов и нужных рабочим предметов: они покупают лес, «скалы», лубья, мельничные жернова, сани, хомуты, дуги, оси, колеса; заготовляют мох и известь, «подрежают» рабочих; они же составляют расходные «росписи», по которым ассигнуются из Приказа деньги [2].

Те же по существу, приемы управления применялись и в разнообразных промышленных предприятиях Тайного приказа, также выходивших из рамок компетенции обычной приказной администрации. По записи от 21 июня 1666 г., голова московских стрельцов П. Лопухин и подьячий Тайного приказа Артамон Афанасьев были «отпущены» в Ростов и Переяславль-Залесский «для соляного варенья, и статьи им даны, а в городе к воеводам посланы государевы грамоты — велено им к тому делу давать кузнецов и плотников и о всяком вспомогательстве» [3]. Потом на место П. Лопухина к ростовским и переяславским «соляным заводам» был послан полковник выборного полка И. Сторм с обычным напутствием: «а что ему Ивану Сторму делать, и ему даны статьи» [4]. Подьячий А. Афанасьев, оставленный на некоторое время при Сторме, получает затем в самостоятельное заведывание соляной завод на Девичьем поле [5], а под конец сменяет в Ростове и Переяславле Сторма, который при этом передает ему «того соляного заводу приходные и расходные книги и деньги и соли и всяким запасам, и наличные деньги и соль и всякие заводы и подъячих и целовальников и мастеровых и работных всяких людей» [6]. Подьячий Тайного приказа И. Кириллов состоит как бы управляющим на железных заводах в с. Степановском, может быть, в связи с тем, что временно ему были поручены и другие хозяйственные дела в этом селе [7]. Вместе с ним видим на тех же заводах его брата и коллегу по Приказу — Емельяна Кириллова, который считался, надо думать, знатоком литейного дела и имел специальное поручение — «пушки, которые вылиты на железном заводе,...

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1207, 1315 и др.; т. 23, стр. 87, 567, 580, 637, 646, 727–728 и др.

[2] Там же, т. 21, стр. 1093, 1098, 1112; т. 23, стр. 429, 581, 637, 712, 733, 782, 784, 962; о А. С. Матвееве — Р. И. Б., т. 23, стр. 589, 596, 716, 733, 912, 1149 и др.

[3] Там же, т. 21, стр. 1209.

[4] Там же, стр. 1248.

[5] Там же, стр. 1384.

[6] Там же, стр. 1596—1597.

[7] Там же, стр. 1608, 1616.

вычистить и просверлить и изготовить к прострелам... и пушечные образцы делать и пушки лить попрежнему наскоро»[1]. Подьячие Тайного приказа Кирилл Демидов и по его смерти Артемий Степанов заведывали Московским сафьянным заводом[2], который потом велено было «отдать в Приказ Малые Росии стольнику и полковнику Артемону Сергееву сыну Матвееву»[3]. Подьячий М. Ватолин и Ю. Никифоров заведывали в течение некоторого времени «огородным делом» в Измайлове, а первый кроме того состоял еще при Измайловском стеклянном заводе[4]. Во всех этих, как и в других, случаях чрезвычайных поручений с исполнением также связывалась отчетность. Например с Звенигородских железных заводов (в с. Степановском) велено было «присылать росписи наличному железу в Приказ Тайных дел помесячно»[5]; полковник Сторм (и подьячий А. Афанасьев) должны были отписывать «к Москве», «сколько на Переславских и Ростовских варницах соли и по чему пуд ставитца и сколько дров в покупке на лицо и по чему в тех городех соль ценою купят и вновь в Ростове трубы и лари ставят ли, и сколько поставлено и сколь глубоко в землю впущено, и в сколько в котором месте цренов соль варят»[6]; сохранились также отчеты о работах на сафьянном заводе[7] и стеклянном[8], предназначавшиеся уже для Федора Алексеевича, но составленные по данным предшествующего времени, и несколько докладов царю Алексею (в отрывках) о состоянии садов и огородов в царских селах[9].

Поручения перечисленных категорий имеют специальный характер; каждое из них относится к какой-нибудь одной отрасли хозяйственной жизни. Но в порядке чрезвычайных же поручений создавались в ведомстве Тайного приказа и такие административные положения, которые предполагают полномочия общего характера и представляются, по первому впечатлению, параллельными должности приказчиков. В качестве постоянного явления это наблюдается в Измайлове и отчасти в Домодедове. В Измайлове приказчиком все время остается сокольник Устин Зеленый, но в документах его имя встречается сравнительно

[1] Там же, стр. 1622, 1624—1625.
[2] Там же, стр. 1397.
[3] Там же, т. 23, стр. 1640—1641.
[4] Там же, стр. 1335, 1337, 1342, 1347 и др.
[5] Там же, т. 21, стр. 1747.
[6] Там же, стр. 1380.
[7] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела, вновь разобранные, № 973.
[8] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 399—409.
[9] Г. А., XXVII, № №532, л. 39—50.

редко: гораздо чаще в роли представителей измайловской администрации выступают, заслоняя его собой, другие лица — сначала (до 1666 г.) голова московских стрельцов В. Пушечников, а потом голова Ю. Лутохин. Последний до перевода в Измайлово такую же приблизительно роль играет в Домодедове, хотя и после не совсем отстраняется от домодедовских дел и до конца продолжает получать жалованье из домодедовских запасов. Этих лиц по функциям, которые они выполняют, можно бы назвать главноуправляющими наиболее важных царских имений. В государевом указе, которым из ведомства Хлебного приказа переводились в ведомство Тайного села Смердово, Лычово (и Клины), прямо говорилось, что их велено «ведать... к с. Измайлову голове Василью Пушечникову»[1], а не У. Зеленову. В. Пушечников и Ю. Лутохин обыкновенно распределяют рабочих по местам[2], «принимают» и «пересматривают» оброчный скот[3], распоряжаются хлебными запасами[4]; при ближайшем участии второго из них вырабатывался план расположения хозяйственных построек и сооружений в Измайлове[5]; он же, надо думать, был автором представленного государю доклада об устройстве в Измайлове конюшенного двора, винокурни, стеклянного завода[6]. С другой стороны, к ним чаще всего адресуются государевы грамоты и памяти из Тайного приказа; их нередко видим в самом Тайном приказе, где они лично «берут» указы и даже непосредственно от государя получают распоряжения, только сообщая о них приказным для записи. При таком их значении местный приказчик должен был, казалось бы, занимать подчиненное положение. В действительности однако У. Зеленый имеет самостоятельный голос в вопросах хозяйственного управления по крайней мере в некоторых случаях. Когда например думали о том, чтобы Славецкую в. взять от Измайлова и снова передать в Хлебный приказ, велено было предварительно «с Устином Зеленым поговорить, с Славецкой волости наперед сего какие доходы бывали и ныне та волость им надобна ль, и будет надобна, — для чего?»[7]; в другой раз хотят знать его мнение по вопросу о месте для нового скотного двора: «поговорить с Устином Зеленым скотному пятому двору в

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1188.
[2] Там же, стр. 1094, 1120, 1170, 1207, 1356—1357, 1360 и др.
[3] Там же, стр. 1072, 1079, 1102, 1359.
[4] Там же, стр. 1133, 1175, 1191, 1368 и др.
[5] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 524, л. 26—27; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 1169.
[6] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 387—390.
[7] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 13.

Лукине л быть или где пристойно и в котором месте?» — и Устин Зеленый категорически отвечает: «пристойно быть на Демине»[1]. В одном случае У. Зеленый выступает в хозяйственно-административных делах с одинаковой авторитетностью рядом с Ю. Лутохиным: в докладе одного из польячих Тайного приказа, посылавшегося в Измайлово с распоряжением о подводах под лес, читаем: «а о перевоске, государь, Юрья (т. е. Лутохин) и Устин отказали, что им того лесу возить некем и неначем»[2]. Возможно, что такая неопределенность в разграничении компетенций приказчика и — будем называть — главноуправляющего обусловливалась постоянством должности первого при экстренном характере полномочий второго.

Деятельность чрезвычайных агентов Приказа в разных областях его хозяйственного ведомства находила для себя применение не в одинаковой степени. Она была разнообразнее, и ими пользовались чаще в подмосковных имениях, находившихся в специальном заведывании Тайного приказа, в особенности в Измайлове и Домодедовской в. Наоборот, в более отдаленных областях, составлявших по преимуществу ведомство Хлебного приказа, они появляются сравнительно редко и мало стесняют самостоятельность представителей местной администрации — приказчиков и воевод. Применение чрезвычайных поручений само по себе конечно означает осложнение хозяйственных задач, и их исполнители в общей своей массе представляются ближайшими виновниками особой интенсивности, отличающей хозяйственную жизнь специального ведомства Тайного приказа. При видимом однако различии в положении и значении административных органов того и другого типа в основном моменте их роль одинакова: каждый из них действует в рамках, которые ему в общем очень точно ставятся Приказом, и все являются проводниками идущей оттуда хозяйственной инициативы, только в одних случаях более, в других — менее широкой. Там, следовательно, находится ключ, которым приводился в движение весь этот довольно сложный механизм.

---

[1] Там же, л. 11.
[2] Там же, № 524, л. 27.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Руководящая роль Тайного приказа, постоянно сказывающаяся в действиях местных агентов, с наибольшей конечно наглядностью выступает в фактах, характеризующих порядок в сфере центрального управления. В записных книгах например на протяжении любого года мы почти под каждым числом находим записи — редко одну, иногда до 10 и больше — хозяйственных распоряжений, выходящих из Приказа, в форме ли общих инструкций (наказов и статей) или специальных предписаний (грамот и памятей), и едва ли можно указать какие-нибудь стороны хозяйственной жизни, которые бы не затрагивались этими распоряжениями. Десятинная пашня и разные промыслы, скотоводство и птицеводство, сады и огороды, строительные и земляные работы, оброки и натуральные повинности крестьян, управление и суд над ними, наем и содержание рабочих, доходы и расходы по хозяйству, доставка и распределение продуктов, технические приемы работ — все это входит в круг внимания Тайного приказа и все подлежит его регламентации. Притом в качестве руководящей инстанции Приказ, как видно из приводившихся уже примеров, не ограничивался общими директивами, а неизменно держал в виду и повседневные мелочи хозяйственной жизни. В то же время он, естественно, хочет по возможности всегда быть осведомленным обо всем, происходящем в пределах его ведомства. Не довольствуясь очередными отчетами с мест, он постоянно, как мы знаем, пользуется чрезвычайными средствами контроля: или посылает специальных ревизоров, наказывая им «разсмотреть» и обо всем «розведать», согласно данной им инструкции [1], или время от времени обращается к местной администрации с требованием писать к великому государю о том, «что у них делается» [2]. И в этих случаях точно так же не забывается, кажется, ни одна подробность хозяйственного обихода.

[1] Г. А., XXVII, № 525, л. 1—5.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1142, 1216, 1301, 1322 и др.

Служа административным средоточием в своем ведомстве, Тайный приказ, естественно, является его официальным представителем и посредником в сношениях с другими учреждениями и отдельными лицами. Ни одно дело, касавшееся подчиненных Приказу владений, важное или второстепенное, не могло пройти мимо него. Если в хозяйстве какого-нибудь из них ощущался пробел, который можно было восполнить при помощи стороннего ведомства, всякий раз соответствующее распоряжение делается Тайным приказом в форме памяти или государева указа. Так, в случаях нужды из других приказов берут для царских сел необходимые при постройках материалы и орудия: из Оружейного приказа — гвозди и железо [1], из Каменного — кирпичи и щебень [2], из Пушкарского — канаты, заступы, лопаты, кирки [3], из Большого дворца — бревна и топоры [4], берут, когда «взаймы», когда «безденежно», но всегда через Тайный приказ. Тем же путем и на таких же условиях получаются разные хозяйственные продукты: из Большого дворца например рожь, овес, льняное семя, сухари, крупа, рыба [5], из Приказа Большой казны — соль [6]. Посредничество Приказа необходимо даже для того, чтобы взять из Конюшенного приказа для Аптекарского двора «копну сена взаймы» [7], или из Большого дворца в Измайлово «два подъема железные на время» [8], или из Пушкарского приказа туда же «иготь большую» [9]. В свою очередь и эти учреждения, чаще других Большой дворец, обращаются в Тайный же приказ, чтобы пополнить свои недочеты из запасов государевых сел. С тем же значением официального представителя Приказ выступает в случаях юридических отношений, возникающих в условиях хозяйственной деятельности. Как указывалось уже, обыкновенно он является контрагентом в сделках по приобретению земельных владений и особенно часто по подрядам. «Подрядилися мы ис Приказу Тайных дел», или «в Приказе великого государя Тайных дел», — определяют своего контрагента стрельцы плотники, взявшие подряд на постройки в Измайлове [10]; или: «договорился он, Михайлов, великого

[1] Там же, стр. 1249, 1277—1278, 1294, 1308, 1329 и др.
[2] Там же, стр. 1294, 1302, 1361, 1384 и др.
[3] Там же, стр. 1294, 1299, 1300, 1309 и др.
[4] Там же, стр. 1112, 1306, 1356.
[5] Там же, стр. 1173—1174, 1194, 1272, 1341, 1401, 1658 и др.
[6] Там же, стр. 1056, 1263—1264, 1297, 1450, 1540 и др.
[7] Там же, стр. 1739.
[8] Там же, стр. 1306.
[9] Там же, стр. 1451.
[10] Там же, т. 23, стр. 768; ср. стр. 245, 309, 373, 377 и др.

государя перед диаком Данилом Полянским», — значится в поручной по подрядчике Приказа М. Прокофьеве [1]. То же самое — в порядных крестьян, поряжающихся на летние работы: «порядились мы, наемщики, великого государя из Приказу тайных дел», и внизу подпись одного из тогдашних нотариусов: «а запись писал Измайловской площади подьячий (такой-то)» [2]. Приказ принимает на себя и вытекающие из таких соглашений последствия: с одной стороны, он требует исполнения обязательств, являясь, кстати сказать, при их нарушении одновременно и истцом и судьей, с другой — производит все расчеты с подрядчиками, нередко оказываясь, правда, гораздо менее строгим к себе, чем к своим контрагентам.

В огромном большинстве случаев хозяйственно-административной практики Приказ действует, если судить по терминологии официальных документов, от имени государя. «По указу великого государя», «великий государь указал», «послан государев указ» или «грамота» — обычные формулы, под которыми записываются в книгах выходящие из Приказа распоряжения. В практике других московских учреждений такие формулы к XVII в. успели сделаться простой принадлежностью приказного стиля, и потому рискованно в каждом случае их применения придавать им реальное значение. Следовал ли Тайный приказ в своей терминологии той же приказной традиции, воспроизводя привычную фикцию, или был исключением, и его официальный язык отражал в большей степени действительный порядок отношений? В пределах хозяйственной компетенции Приказа этот вопрос по существу значит, кто был фактическим хозяином в его ведомстве, и ответ на это будет более или менее точным и полным очевидно в зависимости от того, как далеко мы можем проникнуть за кулисы официальной жизни Приказа.

Приказный штат состоял, как и всегда, из дьяка и подьячих. Количество подьячих не превышало 15, а бывало по временам и меньше. Их роль в хозяйственных делах представляется очень разнообразной. Выше указывалось, что подьячие Тайного приказа нередко получали разные специальные назначения хозяйственно-административного характера в местном управлении, иногда целыми месяцами проживая по этой причине вне Москвы. Но и в самой Москве на их долю выпадало едва ли не больше чисто хозяйственных хлопот по сравнению с другими обязанно-

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 273; ср. стр. 236, 300, 309 и др.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 512, ч. 1, л. 3—8.

стями. Обыкновенно они исполняют все те необходимые, но заранее непредвиденные в хозяйственном обиходе, поручения, для которых в большом хозяйстве должны быть постоянно люди под рукой и которые в старом боярском доме возлагались на доверенных слуг из холопов: по приходо-расходным книгам подьячие Приказа то покупают в лавках на разные случаи съестные продукты или разные предметы «на государев обиход» — материи, книги, краски, или «для государевых сел» — быков, баранов, кур, сено, солому, дрова, то разносят и развозят государевы подарки по домам придворных, пироги по богадельням, то кормят стрельцов, нищих и колодников по праздникам, то на площади подряжают сторожей, извозчиков, рабочих, подрядчиков на разные работы; их же посылают с деньгами, вещами и по всяким экстренным делам к великому государю во время его «походов» в подмосковные села[1]. В документах довольно ясно выступает при этом различие между подьячими по характеру поручаемых им дел и отчасти по степени значения. Одних мы видим по преимуществу в роли самостоятельных исполнителей поручений, иногда заведующими отдельными отраслями хозяйства (заводами, торговыми предприятиями) или вспомогательными хозяйственными учреждениями (например Товарной палатой, Аптекарским двором); на них, естественно, лежит и переписка по хозяйственным вопросам. Таких можно насчитать 8—9 человек (П. Кудрявцев, Ю. Никифоров, Ф. Казанец, А. Степанов, И. Полянский, М. Ватолин, А. Афанасьев, реже — К. Демидов, П. Оловенников, Е. Полянский)[2]. Других, наоборот, мы почти не встречаем в роли исполнителей хозяйственно-административных поручений; их постоянное место — в Приказе, за текущей канцелярской работой — составлением приходо-расходных и записных книг, дневальных записей и т. п. (А. Черный, В. Ботвиньев, С. Медведев, Ф. Шакловитый). Судя по окладам жалованья и по некоторым другим признакам, все это — старшие подьячие. Составляющие третью группу младшие подьячие не получают ответственных поручений по хозяйству и употребляются

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 600, 700, 904, 930, 1014, 1073, 1090, 1123, 1240, 1243, 1255, 1282, 1285, 1292, 1297, 1298, 1303, 1309, 1310, 1315 и мн. др.

[2] В записных книгах упоминаются «столпы»: «денежный», «хлебный», «расходный», «столп всяких дел», «столп о соляном варение», «московский», «мурашкинский» (Р. И. Б., т. 21, стр. 1297, 1305, 1306, 1376, 1389, 1434; иногда же «столпы» называются по именам подьячих: «столп М. Ватолина», «столп М. Протопопова» (там же, стр. 1190, 1291, 1355); давалось ли второе название столбцам потому, что они составлялись из документов по специальности подъячего, или только потому, что им подклеивались, сказать затрудняюсь.

для временных «посылок» или прикомандировываются к более авторитетным лицам (Г. Бовыкин, А. Волков, Б. Гаврилов, А. Озеров, Г. Деревнин, М. Протопопов).

Имена дьяков Тайного приказа встречаются в хозяйственных документах сравнительно редко, равно как немного и косвенных указаний на их участие в хозяйственном управлении. Хозяйственное ведомство Приказа организовалось уже при втором, по счету, дьяке — Дементье Башмакове и незадолго притом перед его новым назначением, этим можно бы объяснить, почему в документах его хозяйственная деятельность отразилась слабо (имеются два-три указа за его приписью, да его почерком написана часть одного наказа). Однако и роль двух последних дьяков — Ф. Михайлова и Д. Полянского — официально засвидетельствована также довольно скудно. Они часто «сказывают» государевы указы в Приказе и выдают, случается, деньги на хозяйственные нужды по росписям (хотя то же делают иногда и подьячие). Памятником непосредственного участия Ф. Михайлова в управлении по хозяйству остались среди бумаг Приказа два писанных его рукой проекта хозяйственного содержания и несколько незначительных отрывков документов, им правленных. Полнее освещается роль Д. Полянского. В приходо-расходных книгах есть, как мы знаем, упоминание, что под его наблюдением производились работы в с. Степановском, а из сохранившейся в приказном архиве переписки его с подьячими видно еще, что он в течение некоторого времени оставался в с. Костькине, руководя постройкой «государева двора». Эта переписка несколько намечает общую постановку дел в Приказе. В письмах своих дьяк требует, чтобы оставшиеся в Москве подьячие, П. Кудрявцев с «товарищами», частью сами прислали необходимые для его цели предметы, частью передали соответствующие распоряжения в некоторые другие приказы и подмосковные села. Поскольку требования дьяка адресуются к подьячим, он не считает нужным обосновывать их высшей санкцией, хотя бы они и предполагали широкие полномочия в распоряжении хозяйственными средствами: «прикажи, — пишет он Кудрявцеву, — купит 50 пуд меду и отдат на Обтекарский двор, а денги возми из которого приказу нибудь»[1]; или: «вчера Мишке Прокофьеву (постоянному подрядчику Приказа) велено послать в Костькино работников сто человек, а он отпустил только семьдесят два человека... Для господа бога, пошли по него сегодня тотчас и прикажи ему прислать утре к прежнему в

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 132.

прибавку 100 человек и на них запас, да хлеба ж и круп и чаш на 66 к тем ево работником в прибавку»[1]. И распоряжения дьяка исполняются, видимо не вызывая у исполнителей никаких вопросов. Однако, по тем же письмам, с представителями других ведомств он держится иначе. Ему пришлось например оставить в Косткине «шатры, палатки и отводы», посланные из Большого дворца для с. Хорошева, и он поручает Кудрявцеву объяснить такой образ действий управляющему Большим дворцом: «а Александру Севастьяновичу (Хитрово) скажи, что ставки в Косткино, шатры, палатки и отводы я взял по государеву именному указу, а не собою; а только ему в Хорошово отводы надобны, и он бы доложил о них великого государя, а мне их отпустит без ево государева указу не возможно»[2]. Или еще: в Косткино надо доставить 30 стрельцов плотников, а стрельцами заведует дьяк Стрелецкого приказа Ларион Иванов, и в этом случае дьяк Тайного приказа не считает достаточным только свой личный авторитет: «сходи к Ларион Иванову, — поручет он подьячему, — и скажи ему государевым указом, чтоб он послал ко мне утре в Косткино 30 ч. плотников стрельцов»[3]. Значит ли все это, что в пределах хозяйственного ведомства Тайного приказа дьяк мог и деньгами, и рабочими, и всякими вещами распоряжаться «собою» помимо государева указа?

В практике Тайного приказа не раз случалось, что к подьячим обращались с разными требованиями и другие лица в подобной же форме, и подьячие исполняли, не спрашивая объяснений. Вот например письмо заведывавшего Аптекарским двором сокольника Зота Полозова к тому же П. Кудрявцеву: «Петр Степанович! Пожалуй, приятель мой, прикажи дать Минке Вотинцеву 14 рублев за дрова, а росписку пришед я к тебе ужо-ш принесу. Зело нужно. Не погуби Минкиной головы. Сам изволь его роспросить»[4]; или он же пишет другому подьячему Приказа А. Степанову: «Артемей Остафьевич! Прикажи выдать 6 рублев на хлеб Любиму не помешкав»[5]. И деньги, как показывают расписки в их получении, выдаются без всяких справок. В приведенных случаях впрочем обозначены по крайней мере предметы расхода, но бывало, что дело устраивалось и еще проще. Один из подьячих считает достаточным только назвать лицо, которому деньги должны быть выданы: «Петр

[1] Там же, л. 136.
[2] Там же, л. 133.
[3] Там же, л. 137.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 131.
[5] Там же, стр. 123.

Степанович или кто иных товарищей есть в Приказе! Выдайте тотчас комнатному сторожу Дементью десять рублев и запишите в расход»[1]; или тот же Зот Полозов просит Кудрявцева: «Петр Степанович, государь! Пожалуй, приятель мой, пришли мне для самовеликой нужды 5 руб., а я тебе завтра заменю. Зотко челом бью. А тово, пожалуй, не учени, что не прислать. Ей-ей нужно»[2]. Это — не просто частная просьба: послав деньги, подьячий подклеил однако письмо приятеля в столбец,—очевидно в качестве оправдательного документа. Наконец, судя по записям приходо-расходных книг, было обычным порядком, что плата рабочим, занятым в государевых селах, выдавалась по «письмам» подьячих[3]. Можно ли заключить отсюда, что подьячие по собственному усмотрению распоряжались государевой казной? В расходных столбцах Приказа имеется еще одно письмо З. Полозова, в котором, кажется, вскрыто то, что в предыдущих письмах подразумевалось. На этот раз адресат сам дьяк. «Данила Леонтьевич, государь! Пожалуй, прикажи, — просит автор письма, — дать 40 рублев на строенье певческих дворов в добавку к прежним деньгам. А что на них лишныя деньги пошли против сметы, и я про то великому государю извещал. А будет не повериш, изволь доложить... А я в город не хожу, затем, что женишке лехче нет»[4]. Значит З. Полозов имеет возможность «извещать» государя о перерасходе помимо дьяка и действует, заручившись государевым словом. И такой случай тоже не единственный: на государев указ, полученный тем же путем, т. е. непосредственно от государя, ссылается подьячий Тайного же приказа А. Озеров в письме к дьяку Данилу Полянскому, посылая ему свою роспись для расплаты с плотниками[5], и такую же ссылку находим в письме к дьяку подьячего М. Воинова о выдаче денег на погребение умершего коллеги по Приказу[6]. Если таким образом в одних случаях приказные опираются на полученный лично от государя указ, то в других, можно думать, считают государеву санкцию обеспеченной в силу установившегося порядка; но всегда это был повидимому реальный момент, являвшийся источником полномочий одинаково и дьяка и подьячих.

Перепиской дьяка с подьячими освещаются также их

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 149—150.
[2] Там же, стр. 306.
[3] Там же, стр. 48, 50, 54, 1343, 1347 и др.
[4] Там же, стр. 251.
[5] Там же, стр. 130—131.
[6] Там же, стр. 293.

взаимные отношения, как они складывались в условиях совместной службы. В обращении и тоне писем подьячего естественно, сказывается почтительность подчиненного. Дьяка титулуют, подчеркивая его авторитетность: «Данило Леонтьевич, государь», «да ведомо тебе, государь, буди...» «и о том, как ты, государь, изволишь?» [1]. Подписываются, по обычаю, уменьшительным именем; иной присоединит к этому еще эпитет «раб твой». В письмах дьяка начальнический тон однако почти не чувствуется, и они носят скорее дружеский характер. Выписывая в обращении имя и отчество подьячего полностью, дьяк иногда назовет его и запросто — по отчеству: «да пришли, Степанович...», и если пишет сам, а не по его «приказу» находящийся с ним подьячий, подписывается также уменьшительным — «Данилко Полянской челом бьет» [2]. Есть обстоятельство, которое делает понятным это взаимное внимание в отношениях между начальником и подчиненными. Письма дьяка проникнуты тревогой: «Для бога пошли...», «пожалуй, не задержи», «отпусти тотчас», — убеждает он подьячего, варьируя это воззвание на разные лады и в других письмах: «для бога пришли, не замотчав», «для господа бога, пошли по него (подрядчика) сегодня тотчас»; и еще просьба: «а о государеве походе, пожалуй, без вести не держи», или: «господа ради, без вести не держите» [3]. Дьяка тревожит ожидаемое «государево пришествие» в Косткино, и это состояние еще более усилилось у него вследствие известий, полученных им от подьячего, который сопровождал государя в «походе». Тот пишет дьяку из соседнего с. Хорошева: «Данило Леонтьевич, государь! великий государь изволил притить в село Хорошево вчера за два часа до вечера, а в Косткино изволит быть к вечернему кушанью сего числа а стоять изволит в шетрах; а проходом изволил говорить при мне де скорее зделают, а мне до своего государеву указу в Косткино с вестью к тебе посылать не указал и мне до своего государева указу в Косткино уезжать не указал же» [4], т. е. государь лично и, главное, без предупреждения хотел произвести смотр работам в Косткине. Подьячим хорошо знакомо чувство, с каким их начальник ждал этого посещения: им и самим приходилось не раз бывать в подобных положениях, только у них страх перед возможными последствиями государева неудовольствия при-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 117.
[2] Там же, № 525, л. 8.
[3] Там же. № 5321, л. 134, 135.
[4] Там же, № 532, л. 88.

нимал, может быть, еще более острые формы. Почти отчаяние слышится например в письме одного из них к коллегам по Приказу, когда царь потребовал от него справки о вотчинах И. Г. Морозова: «Братцы, государи, товарищи! — взывает он. — Хто есть в Приказе, тотчас сходите в Поместной приказ, и велите выписат; отдать стадному и чтоб заехол ко мне посмотрет. Умилосердитесь надо мною!»[1]. Это постоянное чувство ответственности перед взыскательным хозяином, надо думать, и парализовало ощущение официального расстояния между начальником и подчиненным, а в то же время оно служит показателем той роли, какую в хозяйственном ведомстве Приказа играл сам царь.

Царь Алексей с молодых лет обнаруживал интерес к хозяйству и, может быть, даже потребность хозяйственной деятельности. В 1649 г. например надо было описать «новоотписные» государевы села Забелино и Резанцево (Переяслав-Залесского у.), и командированный для производства описи дворов П. Хомяков получил в руководство составленную собственноручно молодым царем инструкцию. Этот документ интересен и своим содержанием и — еще более — своим внешним видом. Судя по содержанию, царь уже и тогда отдавал себе полный отчет в условиях, которыми определялся успех в хозяйстве того времени. Хомяков должен был, согласно инструкции, прежде всего переписать «дворы хрестьянские, а бобыльские и деловых людей и люцкие себе статьею, а во дворех хрестьян и христианских детей и писать себе ж статьею; и потом написать перечнем, сколько во дворех всех хрестьян и детей и внучат и всяких тутошних жильцов семьянистых». Царь знает однако, что перепись сама по себе не гарантирует прочности положения крестьян за владельцем и отсюда последующее требование к Хомякову — «распрашивать подлинно, сколько который хрестьянин лет в тех селех живет, и писать их имянно сколько хто лет живет и как имя ему и прозвище...» А дальше появляются на сцене и крестьянские «животы»: «и сколько у нево животины, — себе ж статьею писать, сколько у нево хлеба молочонова и землянова и немолоченова» Последний пункт инструкции в особенности обнаруживает хозяйственную предусмотрительность в авторе: «и допросить их, сколько на боярина своего хлеба пахали, и сколько четвертей севали на нево, и что ныне боярскова хлеба в земле, и что не молоченова и что молоченова, и сколько с которова хрестьянина оброку было боярину тому, и какой оброк со всех был, и сколько сена косят и есть ли пруды и озера...

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 355, л. 58.

и много ль верст лесу непахотново, какой лес»[1]. Конечно инструкция не была оригинальным произведением, поскольку в ней отразились давно сложившиеся хозяйственные интересы и приемы московских вотчинников. Но автор с полной сознательностью усвоил и те и другие и дал им совершенно самостоятельное выражение, о чем говорит внешний вид документа. Это — черновик наказа Хомякову, написанный, с первой строчки до последней, самим Алексеем Михайловичем. По многочисленным поправкам и вставкам видно, что перед глазами автора не было образца и он сам, притом не без усилий, искал выражений для изложенных в наказе мыслей. И еще подробность: под наказом царь, также собственноручно, выписал полученные им откуда-то сведения о результатах урожая и о размерах крестьянских оброков в с. Резанцеве — должно быть, в качестве заметки — себе на память. Возможно, что раннему пробуждению хозяйственных наклонностей у Алексея Михайловича способствовало стороннее влияние: припомним, что воспитателем его, а впоследствии самым близким к нему человеком был Б. И. Морозов, образцовый хозяин по своему времени, у которого царь не раз бывал гостем в его подмосковном селе Покровском. С другой стороны, в развитии их без сомнения сказалось и врожденное царю чувство порядка. Эта черта проходит через все его отношения, одинаково к людям и вещам; она рано проявляется определенными привычками и в его повседневном хозяйственном обиходе. Сохранилась например в делах Приказа тетрадь от 1648 г., в которой царь записывал взятые им на себя расходы по поминовению молодого князя Одоевского Михаила, — очень характерный документ. Поминовение продолжалось в течение 2 месяцев, и каждый почти день царь с величайшей аккуратностью отмечает, велик ли и в какой форме, а часто — и из какого источника произведен им расход. Вот выразительное начало записи: «156 году, ноября 1 число в поне (дельник) в сорочи(ны) дано 200 человеком 20 рублев, по гривне человеку, ис тех же и зо сту рублев, ис которых куплены книги; да того же дня и числа взято с Казанского дворца 30 рублев, и им росход: того же дня и числа (на) милостыню 1000 человеком по алтыну, потому по алтыну дано человеку, што ноября первое число сорочины по нем, Михайле, были; до того же дня и числа взято из Болшева из Дворца 10 рублев, и им росход: того же дня и числа дано на калачи... рублев, а рыба 1 000 звен, да штей, да 1000 блинов, да 3 ведра вина, да 3 ведра меду, да от меня

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 143—145.

1000 пирогов с маком, на едока пирог»[1]. Не доверяя памяти, он заносит в ту же тетрадь: «2 рубля на милостыню за голуби из монастырской дать не позабыть бы», и еще, чтобы потом не спутать, должно быть, счета: «во все четыре дня дано по полтине на день ис той бумаги, в которой заверчено было 22 рубли»[2]. В другой подобной же тетради и от того же времени, озаглавленной «роспись сокольником, кому со птицы ходит и хто ловил», царь, также по числам месяцев, записывал, с кем из сокольников посылал он боярам и другим приближенным соколов и кречетов, вероятно в подарок, и при этом почти всегда отмечал и свой расход на вознаграждение посыльному: «дал им по 2 рубли человеку», «а дал им — Петру золотой, Михейке — полтину»[3]. Просматривая эти тетрадки, трудно не подумать, что в молодом авторе скрывается хозяин.

В первую половину своего царствования Алексей Михайлович в осуществлении своих хозяйственных наклонностей довольствовался частью любительскими экскурсами, более или менее случайно вмешиваясь в хозяйственные распорядки какого-нибудь из дворцовых учреждений (хотя бы например Конюшенного приказа, в ведомстве которого состояли упомянутые выше села Забелино и Резанцево), частью общими мерами правительственного характера, проявляя свою инициативу в широкой области государственного хозяйства. С образованием хозяйственного ведомства Тайного приказа положение менялось: создавалась обстановка, в которой деятельность царя могла получить и больше систематичности и больше сосредоточенности.

Царское посещение, волновавшее дьяка Данилу Леонтьевича, было не единственным случаем, когда «великий государь» лично осматривал свое хозяйство в подмосковных владениях. Весной и летом обыкновенно он уезжал из Москвы и нередко подолгу живал в каком-нибудь из подмосковных сел, чаще всего в Преображенском, Коломенском и на Воробьевых горах, предпринимая отсюда, а когда и прямо из Москвы поездки или по-тогдашнему, «походы» в другие свои государевы села, иногда — «со всем своим государским домом». На случай государева «пришествия» там строились специальные помещения для него и для сопровождавших его бояр: где была красивая местность — хоромы, в более прозаических местах — «избушки» «государевы» и «боярские»; бывало также, что государь со свитой останавлива-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 527, л. 1; напечатано (неисправно) в Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 71 и.
[2] Там же, л. 7.
[3] Там же, № 52, л. 11—12.

ся «в шатрах» или даже «в крестьянских дворах», награждая владельцев за гостеприимство своим государевым жалованьем (например «соленым осетром»). «Походы» предпринимались частью ради любимой потехи царя — соколиной охоты, а частью в целях хозяйственного «досмотра». В придворном дневнике так и записывали: «великий государь изволил тешитца со птицами» в с. Алексеевском, после чего «изволил быть при измайловских делах»[1]; или в Дворцовых разрядах: «великий государь ходил с государыней царицей в Измайлово тешиться и всякого строенья смотреть»[2]. Совсем как настоящий владелец-помещик, царь присутствует, по дневнику, «при окладыванье» (закладке) хозяйственных построек, например конюшенного двора в Измайлове[3]; устраивает в своих селах торжественное празднование храмовых праздников, например в с. Екатерининской роще, куда, по крайней мере однажды, должны были «ехать» по его распоряжению 24 ноября «для празднества великомученицы Екатерины» два московских архимандрита с певчими и дьяк Тайных дел с подьячими[4]. Эти села он хотел бы снабдить обстановкой, которая отвечала бы его вкусам и привычкам. Раз во время «похода» царь наметил, что будет служить обедню и всенощную в с. Хорошеве, и заранее распорядился, чтобы в назначенный день «к вечерне» было доставлено туда из Москвы новое паникадило. Получив известие, что паникадило к сроку «не поспеет», царь «закручинился» и велел немедленно отписать в Приказ, «зачем не поспеет?». Возникла спешная переписка, и в результате в Хорошево были доставлены другие, хотя «меншие», зато два паникадила[5]. Царь усвоил себе даже предрассудки тогдашних сельских хозяев: он верит например, что урожаю способствует окропление полей освященным маслом и водой с ног больных монахов, и, желая применить это средство у себя в Измайлове, посылает перед августовским севом сокольника с собственноручной грамотой к архимандриту Троице-Сергиева монастыря. «И ты бы, богомолец наш,—читаем там после широковещательного приветствия,— сотворил и прислал тайно, никому же поведавше сию тайну, священного масла великого четвертка в сосуде и воды с ног больнишних братий, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия чудотворца, отпев молебен у колодезя,

[1] Дневальные записки Приказа тайных дел. Чтения в О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. II, стр. 256.
[2] Дворцовые разряды, т. III, стр. 1128.
[3] Дневальные записки, I, стр. 239.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1435.
[5] Г. А., XXVII, № 524, л. 26—27.

три ведра за своею печатью»[1]. Большой торжественностью обставляется и самый сев: перед началом его на поле, в особом «шатре», «пели» вечерню, всенощную и молебен всемилостивому спасу, после чего и кропили пашню «святой и умовенной водой» с «освященным маслом»[2]. Царь сам придумал и изложил весь порядок церемонии — расписал места и роли действующих лиц: «воду святить в 4-х местех — Алексею, Михайлу, семеновскому, измайловскому» (т. е. священникам); определил последовательность и способ действий: «кропить крестообразно одинова, после того по 10 ч(еловек) с водою с тою, что с ног, в трех местех, а в четвертом 5 ч(еловек) с вениками на...», — царь обозначил положение веников непринятым теперь топографическим термином. Желая нагляднее представить себе картину, он начертил на листе 4 клетки, по которым и разместил 4 группы действующих лиц[3]. По всей вероятности он и сам участвовал в этой церемонии, хотя в программе и не назначил себе роли. Под конец царь так вошел в свою роль хозяина, что временами хозяйственные нужды и интересы вызывают его на творческие опыты, даже и в таких областях, которые обыкновенно остаются за пределами зрения хозяина. Он может например при устройстве мельницы предложить способ сооружения плотины: «поговорить с подмастерьем, мочно ль в плотину класть ряд слани, ряд навозу, ряд кострики, и будет ли крепко»[4]. А вот принадлежащий ему проект в области кулинарного искусства: «Приказать Зоту Полозову (известному нам заведующему Аптекарским двором), чтоб он учинил опыт: велел иссушить рыбы — белуг и осетров и мелкой какой-нибудь порознь, сколько доведетца, с костьми, также и бес костей, и иссуша тое рыбу, истолчи, и истолча просеят ретким ситом или решетом и ту муку смешать всякую порознь с оржаною, ситною и решотною мукою, а положить рыбной муки в оржаную в-полы, в-треть, в-четверть, а замеся испечь и изкрошить в сухари, и те сухари в каше, в варенье каковы будут?» Неуверенный однако в результате «опыта», царь прибавляет: «а то учинить тайно, а не явно»[5].

Конечно в описанных формах воздействие государя на хозяйственную жизнь в пределах ведомства Тайного приказа могло проявляться в очень скромных размерах и при-

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 347, л. 3.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1092; т. 23, стр. 1319.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 347. л. 4. Напечатано, но неисправно, в Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., стр. 702.
[4] Г. А., XXVII, № 357, л. 4.
[5] Там же, № 525, л. 32.

том должно было ограничиваться группой подмосковных владений, где царь бывал лично. Постоянным и повсеместным могло быть только воздействие посредственное, осуществлявшееся ближайшим образом, через тот же Приказ. Отсюда следует, что мы можем определить его действительные размеры, уяснив себе формы и степень участия государя в деятельности Приказа.

Известно, что Тайный приказ помещался во дворце, что у государя был в Приказе свой стол с особым письменным прибором. Имеются указания, что государь слушал в Приказе дела и давал по ним свои решения. Указ по делу рыбопромышленника С. Трофимова формулирован например в записных книгах следующим образом: «183 году марта в 16 д. великий государь (т.), слушав в Приказе своих государевых тайных дел яицкого рыбного промыслу промышленника Синбиренина Степана Трофимова выписки и сметных росписей за соль, которая дана ему взаймы,... тех денег... имать не велел»[1]. Привязанный формально к Москве, Приказ в действительности представляется однако подвижным и как бы расплывчатым учреждением. Уезжая из Москвы царь повидимому всегда брал с собой в «поход» нескольких лиц из приказного состава, в том числе нередко и самого дьяка Тайных дел[2]. Значит в подобных случаях перемещалось самое ядро присутствия; а в с. Алексеевском на государевом дворе, возле государевых хором, находилась, по описи, даже особая «избушка Приказу тайных дел», устроенная очевидно в расчете на длительное пребывание приезжих обитателей[3]. Во время «походов» государь также слушал дела, и получавшиеся отсюда государевы указы имели тот же отличительный признак, что и указы, выходившие вообще из Тайного приказа, именно помету: «писан в наших царских полатах», но вместо «царствующего града Москвы» ставилось уже название села, где указ был дан, например в с. Воздвиженском, Преображенском и т. п. Если государев указ, требуя немедленного исполнения, мог, по содержащимся в нем условиям, быть исполнен только в Москве, то он с нарочным сообщался в Приказ и там получал окончательную формулировку. Записные книги не раз отмечают такие случаи, например: «февраля в 8 день от великого государя приехал из походу голова московских стрельцов Василей Пушечников, а сказал, что указал великий государь в... с. Вашани... быть на Приказе

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 942; ср. стр. 495.
[2] См. например Дворцовые разряды, т. III, ст. 1126—1131.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 235.

Степану Ефремову сыну Нелединскому»[1]; или: «сентября в 8 день великий государь указал на Скопине и Романове держать ево государевых лошадей на корму по 700 лошадей, в Богородицком изготовить лошадиново корму в год на 40 лошадей и конюшни тем лошадям сделать...» Государев указ о лошадях (переданный, кстати сказать, из Тайного приказа в Хлебный» «сказал подьячей Перфилей Оловеников, прислан он для того с Воробьева»[2]. Выступающая здесь с полной очевидностью раздельность двух моментов: государева указа (распоряжения) и его формулировки, в Приказе, наблюдается однако иногда и при том условии, если государь находится в Москве. В записных и приходо-расходных книгах при изложении указов часто отмечается: «государев указ сказал» такой-то, и за тем удостоверяется, что сказанный в Приказе указ записан подьячим и на основании его посланы указ или государева грамота или память туда-то. Указы, как видно из тех же книг, «сказывались» разными лицами: дьяком Тайных дел и подьячими, кем-нибудь из комнатных стольников или особо близкими к царю лицами, как А. С. Матвеев и А. И. Матюшкин, иногда головами московских стрельцов В. Пушечниковым и Лутохиным. Таким образом, сопоставляя формулы, которыми пользуются записные книги, с внешними условиями, в какие поставлена была деятельность Приказа, можно притти к выводу, что распорядительная роль в хозяйственном ведомстве Приказа — не формально только, а и фактически — принадлежала государю, который и осуществлял ее, то лично присутствуя в Приказе, то передавая ему свои распоряжения через посредников, случалось также, действуя и помимо Приказа, через отдельных подьячих или самого дьяка. Другие наблюдения, подтверждая, что царь имел возможность выполнять и действительно выполнял эту роль, позволяют разглядеть в подробностях, как это происходило.

Царь постоянно и хорошо был осведомлен относительно положения дел в своем хозяйстве. Главным источником, откуда он получал сведения, были письменные доклады разных лиц как принадлежащих, так по крайней мере официально и не принадлежащих к составу Приказа, — прежде всего конечно подьячих Приказа. Эти доклады по форме значительно отступают от обычных в приказной практике дьяческих докладов и похожи скорее на частные письма, как они и называются иногда самими авторами. «О твоем

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1269.
[2] Там же, стр. 1351; ср. стр. 1301, 1349, 1488.

великого государя жалованье, — читаем например в одном из них, — выписки из Хлебного приказу взяты и посланы к тебе, государю, с сим же письмом»[1]. Доклады посылаются и из Москвы, если государь в «походе», от оставшихся в Приказе подьячих (также конечно и дьяка, если он не сопровождал государя), и в Москву — от тех лиц, которые на местах исполняли специальные поручения по хозяйственной части. Уезжая из Москвы, государь повидимому требовал, чтобы ему систематически сообщали из Приказа о текущих хозяйственных делах. «А о иных твоих великого государя делех, — заканчивает свое обширное донесение один из докладчиков, — учну я, холоп твой, писать к тебе, великому государю, впред»[2]. В докладе чаще всего дается отчет о действиях самого Приказа в кругу его постоянных обязанностей, например: «по твоему великого государя прежнему указу сторговано у Филки Анофреева (постоянный поставщик Приказа) в Косткино лесу хоромного», и дальше идет подробный перечень купленных деревьев разных категорий с точным обозначением цены и размеров[3]; или: «с Федором Силиным (подрядчик Приказа) о соли говорено, и он сказал, что о том он с старостами поговорит,... а о том учинит ведомост»; а из другого письма узнаем, что Ф. Силин действительно представил подробно разработанный проект одного коммерческого предприятия[4]. В той же форме государю сообщают из Приказа о решениях Боярской думы по вопросам, затрагивающим хозяйственные интересы ведомства; например: «по твоему великого государя указу из Приказу болшие казны выписки о никитниковых животах и промыслах (соляных варницах) бояря слушали и приговорили»; «а животы, государь, которым тебе, великому государю, поднес роспись твой государев духовник, приговорили»..., — излагаются боярские приговоры, согласно которым «животы» в обоих случаях «взяты на великого государя»[5]. Из Приказа посылаются также известия о местных делах или отчеты о поручениях, составлявшиеся иногда тут же со слов лиц, которым давались поручения; упоминавшийся например выше доклад симбирского воеводы кн. Дашкова начинается словами: «172-го июня в 8 д. князь Иван Дашков сказал»[6]. Иногда кто-нибудь из состава администрации пишет царю по данным личного расследо-

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 524, л. 7, 30.
[2] Там же, № 357, л. 28.
[3] Там же, л. 41.
[4] Там же, № 524, л. 64.
[5] Там же, № 357, л. 24—25.
[6] Там же, № 223, л. 1. см. выше, стр. 23—24.

вания на месте. Вот например отчет (вероятно подьячего) о поездке в Измайлово в целях выяснения плана некоторых строительных работ: «Юрья ж (известный нам Ю. Лутохин) и я, холоп твой, в село Измайлово для осмотру места, где пристойно быть на острову часам, и как по мере ограда ная стена и уступ от пруда, и меж тех стен на сад оставить места, и где быть анбарам, в которые класть угорские (?) лесные запасы, и под тутовых садов на истоке, и быть пруду в скольких саженях уступя от лебедевского пруда, делать плотину и какова мерою будет, и глины б на черепицу и на кирпичное дело осмотрить впредь для заводов, где пристойно, — ездили и осматривали вчера в 27-м числе»[1]. Нередко при письмах представлялись чертежи, проекты, росписи. Автор только что приведенного доклада обещает прислать государю «всему досмотр на письме и чертежи»; или другой, повидимому дьяк Тайных дел, извещает: «сего, государь, 23 числа к тебе, великому государю, послано с подьячим з Герасимом Протасвым 3 росписи досмотру садам коломенскому и иным: пахринскому, да лопатинскому, соколовскому, да котельниковскому, чертежи алексеевским хоромам (т. е. строившимся в с. Алексеевском) да 2 росписи: одна — мера хоромам, а другая, — сколько какова лесу на те хоромы надобно; чертеж из писцовых и с межевых книг; списки селу Степановскому; 3 чертежа да 2 росписи досмотру пустошам села Дмитровского; да список с писцовых книг 15 пустошам с пол-пустошью, которые по твоему великого государя указу взяты к тому селу у Звенигородского протопопа во 175 году»[2]. И государь несомненно читал или слушал все эти, направлявшиеся к нему, бумаги, каким бы стилем они ни были написаны. Об этом говорят делавшиеся им собственноручно на полях заметки и резолюции. Так, на докладе, касающемся ряда хозяйственных вопросов, против статьи о беглых крестьянах с. Измайлова он пометил: «дать дворянина добра и сыскивать»; против проекта об устройстве скотного двора: «добро», и тут же распоряжение: «лес готовить»; против жалобы докладчика на Приказ Большого дворца, отказывавший в выдаче беглых измайловских крестьян: «имать и ехать ему (т. е. докладчику) выбирать с Семеном (вероятно С. Нестеровым, начальником Хлебного приказа)»[3]. Точно так же заметки государевой руки остались на некоторых

---

[1] Г. А., XXVII, № 524, л. 26—27.

[2] Там же, № 357, л. 42.

[3] Там же, № 524, л. 12—16; напечатано в Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., но без царских помет, стр. 387—390.

росписях продуктов (квасов и вин), предназначавшихся к «росходу» в государевых селах [1].

Доклад в форме письма чаще всего бывал ответом на государев указ, посланный из «похода» или в Приказ, или через Приказ в один из пунктов ведомства. Эти указы, записывавшиеся обыкновенно подьячими со слов государя, иногда имели значение памятных заметок. «Великий государь указал записать, — значится например в одной такой заметке, — чтоб на весне тутового саду прибавить на лебедевскую сторону (лебедевская плотина в Измайлове) и о том доложить себя, государя, как изволит притти к Москве» [2]. Гораздо чаще однако они сразу же направлялись в Приказ к немедленному исполнению и в этом своем виде называются так же, как и доклады подьячих, письмами. «Зоту Полозову писмо, которое прислано от тебя, государя, — доносили из приказа — отдано» [3], или внизу другого документа: «таково писмо отдано» такому-то [4]. Вот в качестве образчика несколько статей из одного «письма»:

«Сокольником роздать будет нужно: 200 чети ржи, и только скудно на потешном дворе, взять из Домодедова; овса и достальной ржи ждать до воды (т. е. из областей, подведомственных Хлебному приказу), а ныне б для лошадей купить..., хотя небольшое, проведать о цене.

Сварить приказных 6 пив, и в том числе 3 пива, чтоб стоят в год, а три пива держать; а будет то издержитца, и в то число сварить, а годовых не держать; росхожих 10, солоду 43 чети. У м е н я.

8 пуд хмелю, чтоб Юрья (очевидно Лутохин) приказал ныне ж промыслить в юрьевских селех.

На квас солоду молотова: 100 чети ржанова, 100 чети ячного. От меня.

О грешневых крупах в Хлебном приказе, и проведат по чему чет купят.

О снятках справитца, по чему купят ныне кул и ис куля по чему будет.

2 т. куль угля от меня нанят солью.

50 пуд. железа от меня.

Гвозди от меня».

В том же письме статьи иного содержания, писанные уже другой рукой:

«О выгоне животинном, как гонят и для чево худы, не жирны.

---

[1] Гафкэ Г. А., XXVII, № 319 и 350.
[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 319 и 350.
[2] Там же, № 357, л. 31.
[4] Там же, л. 20.

О прутовщинах: оставить.
О анбаре: нанять тотчас.
О лугу, что возле их берегу изливается: засыпать.
Работников 210 рублев.

Сено ис Княжчина розделить на 4 : 2 стога на коровей двор и перевесть велеть 2 стога на конюшенной двор, стог в Семеновское, стог тут оставить (зачеркнуто).

Соломы как-нибудь подрядом привесть 2 т. возов из Кудрявцева да из Домодедова.

Сена купить или с-Ываном поговоря, что останетца в Домодедове за росходы, и за остатком возов 1 т. привесть подрядом» [1].

Личная форма изложения, сказывающаяся в словах «от меня», ясно указывает, что документ был писан под диктовку царя, а добавленное в одном месте рукой царя «у меня» (см. разрядку) и зачеркнутые теми же чернилами статьи о сене заставляют думать, что написанное со слов потом прочитывалось или проверялось царем. С другой стороны, некоторые из статей своим содержанием дают понять, что царь, делая распоряжение, имел в виду определенные вопросы, с которыми к нему обращались ранее. Примеры подобных обращений также встречаются в этой своеобразной переписке. Из Приказа, согласно заявлению дьяка Купецкой палаты, игравшего иногда роль комиссионера при Тайном приказе, доводят до сведения государя, что в с. Алексеевское «многажды» приезжали покупатели торговать государевых быков, но больше 5 руб. «за юфть» (за пару) не давали, и в заключение спрашивают: «и о том, государь, как укажеш?» [2] Иногда своим распоряжением царь хочет исправить какое-нибудь упущение в хозяйстве, может быть, замеченное им лично; так повидимому его личными наблюдениями вызвана следующая статья в одном из «писем»: «В Хорошево послат Дениса Саблукова и велеть осмотреть под селом Крылацким луг, для чего не весь покошен и лошади на том лугу пасут, и достальное покосить и сколко чаять копен будет» [3]. Некоторые из распоряжений царя носят, как бы сказать, учредительный характер. Такова например роспись всему необходимому к «пашенному заводу», собственноручно написанная царем и им же озаглавленная: «приказ Федору Елизарову» (первый по времени заведующий Хлебным приказом). Здесь точно обозначено, сколько «учинить» пашни на Дедилове, Скопине,

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 146—148.
[2] Там же, № 624, л. 27.
[3] Там же, № 524, л. 20.

Романове и Домодедове, сколько человек «деловцов» надо иметь в каждом из этих мест, сколько должно быть изготовлено на Тульском заводе и разослано земледельческих орудий — сошников, плугов, косулей, топоров[1]. Эта роспись легла в основу изданного потом за приписью «дьяка в государеве имени» и известного уже нам указа[2]. В тех же формах царь следит и за исполнением своих распоряжений. Иногда его «письма» состоят главным образом из вопросов, имеющих такой именно смысл. Вот один из подобных документов, интересный еще тем, что адресатом тут же, под некоторыми царскими вопросами, подписаны и ответы, — вероятно потому, что требовались немедленно:

«Из Либериц бревна к хоромному делу почали ль возить?

— Не возят, и тот лес к хоромному делу не годитца, а провоз просят по 10 а. з бревна.

Железа з заводу Гараська (Протасов, подьячий Тайного приказа) сколько пуд вчера или сегодня привез?

— Железа вчера и ныне не бывало, а привезено в субботу 111 пуд, и то железо на скобы изошло все».

Некоторые вопросы оставлены без ответа, например: «У Власа (Лабутина, приказчика с. Алексеевского) спросить, за быки всё ль денги он взял; будет не все, — зачем, и достальные скоро ль возмет?»[3] Мы знаем, что о цене на быков у государя была уже переписка: очевидно Приказ получил от него определенные указания, и теперь шла проверка исполнительности приказчика.

Конечно государю писали не всегда и не обо всем. Рядом с письменными донесениями обычным явлением были и устные доклады, причем правом такого доклада пользовались не только дьяк и подьячие, а и некоторые другие лица, по их значению в администрации царского хозяйства. Этим способом между прочим доводились до сведения государя сообщения поступавшие в Приказ путем неофициальной переписки служащих Приказа с их ли коллегами, командированными по хозяйственным делам, или и с сторонними людьми. Занятый хозяйственными делами в с. Хорошеве, дьяк Тайных дел распорядился, согласно государеву указу, отослать из с. Алексеевского 50 лошадей «под стрельцов», но там осталось еще несколько лошадей, и он, сообщая об этом письмом подьячему Кудрявцеву, в затруднении пишет: «а о достальных (лошадях)... извести великому государю, куда их укажет отдать?»[4]. Доклады дела-

[1] Там же, № Б, л. 3.
[2] См. выше, стр. 16—17.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 28.
[4] Там же, № 525, л. 3 об.

ются устно и представителями местной администрации, когда те приезжают в Москву, — может быть, по специальному вызову. В верху у государя бывают, как говорилось выше, известные нам стрелецкие головы В. Пушечников и Ю. Лутохин; а однажды царь даже велел записать в качестве заметки для памяти о своем желании беседовать с первым из них: «после обеда в Золотой или в Оружейной полате роспросить Василья Пушечникова про дворцовые села»[1]. Свобода обращения к государю с устными докладами в Тайном приказе известна и на стороне, и лицам, имеющим доступ туда, приходится иной раз по просьбе своих знакомых брать на себя роль посредников в их деловых сношениях с государем по хозяйственным поручениям: архангельский воевода, думный дворянин А. Нестеров извещает государя в официальной отписке, что он купил «у Архангельского города» «фрясских вин, церковного, романеи, ренского, олкану, лимонов» на государев обиход и послал все к Москве с приложением счета покупкам, но в то же время он находит необходимым содействие знакомого нам сокольника Зота Полозова, а потому направляет предварительно к нему «тайно» и отписку свою к государю и «питья», прося его: «пожалуй, приятель мой государь, извести о том о всем великому государю; а о денгах моих, что я за те питья дал своих денег, пожалуй доложи великого государя». Видно, что проситель считает эту услугу важной. «Пожалуй, приятель мой государь, — заканчивает он свое письмо, — не забуди меня в милости своей»[2]. В форму письменных докладов, обыкновенно чрезвычайно тщательно переписывавшихся, всегда, можно думать, облекались общие годовые отчеты по хозяйству. Из них один, за 183 г., сохранился полностью. Сообщаемые в нем сведения относятся к подмосковным владениям, которые сгруппированы здесь по административному делению, так что для каждой группы даются общие цифры. В отчете обозначены: количество пашни, высеянного хлеба, «укосного» сена, число рабочих, размеры их платы и расходов по содержанию; против группы, на поле, назван приказчик[3]. Среди хозяйственных документов имеется еще сводная ведомость в форме книги об урожае и «остаточном хлебе», также за 183 г., но уже по всем владениям, подведомственным и Тайному и Хлебному приказам[4]; однако ведомость черновая, и можно только предполагать, что она

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 357, л. 20.
[2] Доп. к А. И., т. VI, № 18, I—V.
[3] Г. А., XXVII, № 532, л. 54—75.
[4] Там же, № 213.

послужила основой для доклада соответствующего содержания. В той же форме осуществлялась отчетность по денежному хозяйству. Из приходо-расходных книг Приказа видно, что из средств Приказа производились выдачи, мелкие и крупные, на хозяйственные нужды государевых сел, и по более крупным докладывались государю подробно составленные сметы. Об этих докладах дает понятие следующий например документ, оказавшийся в расходных столбцах: «Доложить великого государя (т.): надобно на ево государев Потешный двор в Семеновское на росплату долгов денег: мясником за мяса говяжьи за 111 задов по 12 алтын по 2 денги зад, итого 42 рубли 30 а. 4 д.; мясо имано генваря с 1-го числа февраля по 15-го число; живодеру за 120 задов мясищ, по 4 алтына зад, итого 14 рублев 13 а. 2 д...; свешником за 2 000 свечь сальных 4 рубли. Всего отдать долгу 65 рублев 24 алтына. Да впредь надобно на покупки денег, февраля с 15-го числа по 19 число на 63 дня, по светлое христово воскресенье, птицам на корм, на 189 задов говяжьих 69 рублев 31 алтын, в день исходит по 3 зада, ценою купят по 12 а. по 2 д. зад... всего надобно впредь на покупки 104 рубли 30 а. 2 д. А з домовыми надобно денег 170 рублей 21 алтын»[1]. Точно так же подробная смета представлялась государю, раз в Приказе возникало предположение об организации какого-нибудь хозяйственного предприятия, например кожевенного завода[2], будных станов[3] и т. д.

Входя так близко и деятельно в управление своим хозяйством, царь вместе с тем охотно прислушивался к голосу опытных людей. В «письмах» называется ряд лиц, мнения которых по тому или другому предмету он спрашивает или на усмотрение которых он предоставляет решение какого-нибудь вопроса. Таков Устин Зеленый, приказчик с. Измайлова; по его адресу читаем например: «поговорить с Устином Зеленым, чтоб он ведал, что в Измайлове быть дворам... С ним ж поговорить, к винокуренному заводу на 5 винокурен сколько сажен дров надобно, и где ему те дрова имать будет, и подрятчики возмут по чему поставит сажен, и не лутче ли гонят с верховья для того, чтоб по володимерке и по стромынке лесов не вывесть и на Москве дровам цены не поднят?»[4]. Нередко встречаем в качестве советника и сотрудника государя по хозяйственному управлению А. С. Матвеева. Письмом в Приказ царь требует, например:

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 254.
[2] Чтения, Г. А., XXVII, № 506.
[3] Там же, № 504.
[4] Там же, № 526, л. 19—20.

«поговорить с Артемоном Сергеевичем Измайловского острова о почве и о бутовом камени, и отписать к великому государю и роспись послат в поход»[1]; в донесениях из Приказа читаем иногда и ответы Матвеева, передаваемые подьячим: «каменье, которое взято из Воскресенского монастыря, окольничий Артемон Сергеевич говорил, что доведотца отдать в тот монастырь по прежнему для тово, что оно предано церкви, и святейшие патриархи на строенье того монастыря пороку никаково не положили, и вотчины к нему дать приговорили. И тово каменья для досмотра к нему не ношено для тово, что... Артемон Сергеевич сказал, что ево и смотр [еть нечего?]..., отдать откуда взято. О имени селу Алексеевскому говорено, и он хотел приписк(ав) прислат к тебе, великому государю, в поход тотчас»[2]. Из Приказа сообщают царю отзывы и другого его «приятеля», А. И. Матюшкина, например: «по твоему великого государя указу Афанасью Ивановичу говорено, и он сказал, что о недосильных работных людех из Городецкой волости Семену Нестерову он говорил, а нынешним де работным людем, которые ныне идут на стругах с лесом, в другой раз итить не мочно для того, что изнуждались, и ныне де с стругов беспрестанно бегают, а впредь и достальных на стругах не удержать»[3]. К хозяйственным же делам по временам привлекается царем дьяк Стрелецкого приказа Ларион Иванов: «Лариона Иванова спросить, — наказывает например царь, — на сваи есть ли подрятчики, и почему просят, и скоро ли поставят?»[4]. Другой дьяк — разрядной — Г. Дохтуров выступает иногда консультантом государя по юридическим вопросам, возникающим в связи с хозяйственными операциями Тайного приказа. Когда некоторым помещикам, тулянам и епифановцам, за взятые у них к Богородицкому поместья предположено было дать землю в Епифановском и Данковском уездах, государь хотел знать мнение Дохтурова, не будет ли такой способ компенсации нарушением закона, и был «письмом» уведомлен об успокоительном ответе дьяка: «о епифановцах Герасиму Дохтурову говорено, и он сказал, что в Епифанском и в Донковском уездех земель давать не велено московских чинов людем, а тем де детем боярским вместо взятой их земли дат доведетца и во образец то не будет»[5].

Из всех этих наблюдений видно, насколько в повседнев-

[1] Гафке, Г. А., XXVII, 526, Л. 19—20.
[2] Там же, № 357, л. 26—27.
[3] Там же, № 524, л. 66.
[4] Там же, № 526, л. 17—18.
[5] Там же, № 537, л. 28—29.

ной практике Приказа по требованию самой, осуществлявшейся царем, роли фактического руководителя хозяйства упрощались установленные официальной традицией формы сношений учреждений с носителем ворховной власти. Получающаяся картина отношений дополняется еще одним наблюдением: царь не только направляет путем личных распоряжений хозяйственно-административную деятельность приказа, но с такой же непосредственностью проявляет иногда участие и в специально приказной работе. Описи не раз отмечают в актах, исходящих из приказа, то «приписки государевой руки», например в «статьях», по которым «отписывались» села Лысково и Мурашкино [1], то «черненье государевой руки», т. е. редактирование акта, например в «статьях» голове В. Пушечникову о сенных покосах [2]. Наиболее характерен в этом отношении упоминавшийся ранее черновой наказ Ф. Елизарову и Н. Насонову по поводу их командировки в Скопин и Романов. Наказ состоит из 21 статьи и писан тремя почерками — самого царя (2—11 ст., часть 15-й, 17-й, 18-й и часть 19-й, 20 и часть 21-й), дьяка Д. Башмакова (8—9 ст.) и одного из подьячих приказа (остальные статьи). Как видно из распределения статей, это—коллективное произведение и писалось тремя авторами совместно—как будто так, что когда переставал один, его сменял другой, а самая форма изложения вырабатывалась сообща, усилиями всей коллегии. Интересно также, что написанное царем в нескольких местах исправлено рукой подьячего, очевидно со слов царя, может быть, при вторичном, тоже совместном, чтении документа [3]. В других случаях царь предоставлял записывать одному подьячему и участвовал только в формулировке содержания. Так, известный нам наказ (в черновике) о «досмотре» юрьевских сел и волостей — Славецкой, Колдомской и Кимрской — не носит никаких следов государевой руки, но по характерному стилю некоторых статей безошибочно угадывается их высокий источник: таковы хотя бы последняя статья и заключение: «А про переведенцов (крестьян, переведенных из Колдомской в. в подмо-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 26.

[2] Там же, стр. 176; ср. стр. 25, 251, 593, 706.

[3] В издании Ламанского (Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, ст. 781) 8 и 9 статьи, писанные Д. Башмаковым, опущены по той причине, что «чрезвычайно неразборчивы». Ввиду исключительного интереса документа привожу эти статьи:

8. А о полях сказать, которые поля по его, великого государя указу взяты у них ныне на время под его, великого государя, пашню, и с тех поль, как аж даст бог, сняв ныне жатву и спрятав тот хлеб, велел воеводам те поля отдат им тотчас, не описывая 95 и владеть им по прежнему.

ковные села), пашенных и мастеровых людей, разведать подлинно, чтоб в тех людех воров никаких отнюдь не было, а ведунов и шептунов и имяни бы их не именовалось. По сей росписи за божиею помощию со всяким усердием потружатца»[1]. Во время «походов» участие царя в делопроизводстве Приказа становилось невозможным, и он тогда в «письме» подробно формулирует иной раз те пункты, которым придавал особенно важное значение. «Ему ж (Семену Нестерову),—читаем например,—написать в наказ: как поедет на низ, чтоб он в арзамаском или в олатарском уезде осмотрил порожих земель и угожих мест, где б завесть десятинную пашню вместо той, за которую взяты будут денги 13 тыс. руб., а тово смотрить накрепко, чтоб в тех землях тесноты крестьяном нигде б не было, и от них не по близку; а на ту пашню свесть и поселить из Городца семей 400 или болши»[2].

Докладами подчиненных агентов, опиравшихся всегда на соответствующие государевы указы, и ответными распоряжениями государя, предполагавшими новые доклады об исполнении, создавалась в действиях административного механизма определенная последовательность, в которой участие государя являлось необходимым моментом. Однако по мере того как известные действия, повторяясь, становились привычными и все меньше требовали инициативы, часть работы, приходившаяся до того на долю государя, перелагалась на исполнительные органы, по крайней мере в некоторых областях хозяйственного управления, например в расходовании запасов, распределении рабочих и т. п., и в этом случае самостоятельности подчиненных агентов ставились границы только уже в специальных «именных» указах[3]. Зато усиленный спрос на внимание царя предъявляется с другой стороны, — если в то же время в круг хозяйственной деятельности Приказа вводится какая-нибудь новая отрасль хозяйства или перед ним открываются какие-нибудь новые

9. На немировском Скопина поле по его, великого государя, указу учинит 8 десятин пашни, а поля бы все учинит от их (скопинских) пашень особо, в которых местех пристойно, кроме их поль, где их пашни ныне учинены.

А что скопинцы бьют челом о селитбе на немировском поле, и им о том учинит по рассмотрению, и селитца им велет от семей будет, за указным числом 8 десятин пашни, земля, и от них в той 8 дес. пашне прибыль будет, а того беречь накрепко, чтоб прежние жеребьи не запустели.

А на Романове... прискав угодные и приволные места под... и учинить пашню против тово ж, как и на Скопине.

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 5—6.

[2] Там же, л. 23.

[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1147, 1590, 1627.

задачи. Так, кажется, было в последние годы царствования Алексея Михайловича, когда активная роль царя в области сельского хозяйства заметно ослабевает, судя по крайней мере по содержанию записных книг, и яснее начинает сказываться в области промышленных предприятий. С другой стороны, в силу того же центрального значения личной роли государя, Тайный приказ полнотой компетенции в пределах своего хозяйственного ведомства обладал, очевидно, только в моменты, когда государь находился в Москве, превращаясь на время его отсутствия в простую канцелярию или в контору царя по хозяйственным делам. Не теряя таким образом в самостоятельности, Приказ по той же тесной связи своей с государем много выигрывал в авторитетности: каждое его действие близким или дальним путем приводилось к конкретно выраженной воле государя, и подьячие были потому совершенно точны в своей терминологии, когда в записных или приходо-расходных книгах почти каждое распоряжение по хозяйству записывали под формулой: «великий государь указал».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ведомстве Тайного приказа главное значение как по размерам затрачиваемых средств, так и по положительной роли в общем обороте принадлежало сельскому хозяйству в его различных отраслях. Самый подбор владений ведомства определялся, как указывалось ранее, расчетом, чтобы «мочно было завести десятинную пашню большую»; и пашня действительно заводилась большая. По довольно точному подсчету, к 1675 г. в пределах всей подведомственной Тайному приказу территории распахивалось на великого государя свыше 5 800 дес. в поле (около 18 тыс. дес. в трех полях) [1], и на этой цифре без сомнения не имели в виду остановиться: только в Скопине и Романове например предполагалось пахать, в каждом, по 3 тыс. дес. в поле [2]. С другой стороны, в стремлении к расширению пашенного хозяйства не пренебрегали возможностью при наличности собственных земель использовать «угожие места», бывшие в чужом владении; в 173 г. например государь указал в «новоотписных» селах Кабанском и Резанцове «церковные земли пахать и сенные покосы косить на него, великого государя», а «тех церквей попом с причетники вместо той

[1] По документам устанавливаются в частности следующие цифры (беру ржаное поле): в Терюшевской в.—500 дес., в Арзамасском у.—400 дес., в с. Борку и Красной слободе — 56 дес., в Богородицком — 414 дес., в Дехтяном — 25 дес., в Киреевском — 45 дес., в Соли Малой — 25 дес., в Скопине — 1 000 дес., это — в ведомстве Хлебного приказа; Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, уп. сводная ведомость; во всех подмосковных селах, по упоминавшейся раньше деловой ведомости 184 г., — 1 775 дес.; там же, № 532, л. 72. Последняя цифра не совпадает с показаниями сводной книги, отдаю предпочтение ведомости, так как первый документ—черновик. В сводной ведомости недостает (вырвано) данных для некоторых местностей из более крупных — для Романова, Лыскова и Мурашкина. Но Романов всегда ставили в одинаковые условия со Скопиным, вероятно и пашни в нем было столько же, т. е. около 1 000 дес., в Мурашкине, по отчету воеводы, в 1665 г. пахалось 320 дес.; там же, № 213, л. 93; приблизительно столько же вероятно было и в Лыскове.

[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 399, л. 5.

земли учинена руга»[1]; и еще пример: в 177 г. велено было по памяти из Тайного приказа сложить с рюминских крестьян «оброчные деньги, что платили они в Приказ Большого дворца с оброчных с 35 пустошей», проще говоря, отобрать пустоши у крестьян и «те пустоши косить на великого государя из Приказу ево государевых тайных дел»[2].

Во многих местах хозяйство заводилось совсем или почти совсем заново и нередко при значительных затруднениях со стороны и естественных условий и рабочих средств. В некоторых случаях приходилось поднимать «порозжую землю», как например в Арзамасском у., или «дикое поле», как в Богородицком; в других — расчищать под пашню и в особенности под сенные покосы лес, что видим в подмосковных селах (Измайлове, Шильбутове, Глинкове), где на эти работы в течение нескольких лет затрачивались довольно крупные суммы (например в 174 г. около 600 руб., в 177 г. около 900 руб., в 178 г. около 600 руб.[3]. В то же время в разных местах в целях обеспечения хозяйства рабочими руками приходилось прибегать к искусственному заселению путем насильственного переселения крестьян. Задача осложнялась еще тем, что различные подведомственные Тайному приказу владения, разбросанные по 20 уездам, находились в условиях неодинаковой географической, а отчасти и социальной обстановки, и эти различия делали необходимым разнообразие приемов хозяйственной эксплоатации, заметно выступающее, в общих чертах, при сравнении подмосковных сел, состоявших в непосредственном заведывании Тайного приказа, и южных местностей, управлявшихся через Хлебный приказ.

Государеву пашню старательно отделяли от крестьянской: «а поля бы все учинить от скопинских пашень особо» или «завесть десятинную пашню» от крестьянской «не по блиску», предписывали «накрепко» наказы. Это требование приводило к тому, что в случае если встречали помеху округлению в крестьянских хозяйствах, то распаханные крестьянские земли вводились в состав десятинной пашни и даже готовы были сносить при этом целые деревни. Получив однажды распоряжение государя «съездить в Балабаново и осмотреть всего, где что пристойно зделать»[4], из Приказа докладывали в ответ, что в Балабанове «впредь десятинные пашни доведетца прибавить», так как «то сельцо Балабаново и деревни и пустоши на скатистых местах, пашнею и сенными

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 230—231; ср. также т. 21, стр. 1068—1069.
[2] Там же, т. 21, стр. 1444.
[3] Там же, т. 23, стр. 755, 762, 763, 774, 775, 782, 792.
[4] Г. А., № 357, л. 1.

покосы и лесами угодны и хлебородны», и потому предлагали: «а деревня Нагуша, в ней 3 двора, да деревня Анисимовка, в ней 4 двора, доведетца снесть — для того, что те обе деревни будут в десятинной пашне»[1]. Бывали случаи, что на такую экспроприацию население отвечало челобитьями, а иногда «гилем», и тогда приходилось уступать. «А о полях сказать, — наказывал государь в Скопин, где как раз поднялся шум из-за переведенного в десятинную пашню «немировского поля», — которые поля по ево великаго государя указу взяты у них ныне на время под его, великого государя, пашню, и ис тех поль, как ож даст бог, сняв ныне жатву и спрятав тот хлеб, велет воеводам те поля отдат им тотчас»[2]. Особенно тяжело пришлось повидимому мордве, у которой в Терюшевской в. отобраны были под десятинную пашню 748, а в Арзамасском у. — 583 дес.; мордва била челом, и по ее челобитью десятинную пашню сократили в обоих местах до 500 дес.[3]; а потом в Арзамасском у. за 14 тыс. руб. и вовсе отступились от мордовской земли, решив поискать там «порожних земель и угожих мест»[4]. Надо думать впрочем, что в большинстве случаев концентрация государевой запашки обусловливалась соображениями технического удобства, а не соблазнительностью готовых и удобных полей.

В государевой запашке применялась ставшая в то время уже обычной трехпольная система. Если судить по термино-

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 139 — 141. В с. Алексеевском подобным же образом должны были выселиться на новые места «на Троицкую дорогу» 4 крестьянина, чтобы очистить место под государевы постройки, и получили от государя «на дворовое строение и за переноску дворов» по 5 руб. Р. И. Б., т. 23, стр. 201.

[2] Г. А., XXVII, № 339, л. 4.

[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1261.

[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 23. Нечто подобное произошло в Дедилове, когда он состоял в ведении Тайного приказа. Воевода Карцев зачислил в государеву пашню земли, которые «до его приезду» были вспаханы и засеяны местными жителями (казаками), выдав им в вознаграждение по 1½ руб. «за всякую десятину». Те били однако государю челом, находя, что «им за пахоту и за семенной хлеб по полутору рубли за десятину мало», и государь указал дать им «против уговору» вдвое. Но воевода прибавленных денег не отдал и получил по этому поводу следующее внушение от царя: «И ныне ведомо нам, великому государю, учинилось, что ты тех денег им не давыв и к нам, великому государю, о том не писывал, и так делают изменники и крестопреступники, страдники, которые, забыв бога и наше великого государя крестное целование, наших великаго государя служилых людей оскорбляют, из нашея великаго государя казны денег по указу не додают для своей бездельной корысти». Резолюция: возвратить прежним владельцам «вспаханные земли и за тот посеянный хлеб, что ты не додал и тем их оскорбил... доправить на тебе тотчас». Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 302, столпик 2, л. 42—44.

логии отчетных ведомостей, все три поля по количеству занимаемых десятин земли были равны, так что для ржи и яровых хлебов отводились одинаковые площади посева: «Село Кудрявцево, да сельцо Семушкино, да сельцо Новоселки... Пашни 3 поля, по 85 д., в поле: под ярь 85 д., под рожь 8 д.» или: «Село Загорье. Пашни 3 поля по 40 д.: под ярь 40, под рожь 40» [1]. Третье поле оставалось под пар, но не всегда: «Сельцо Соколово, а к нему село Петровское, Котельники, Либерицы с деревнями... Пашни три поля по 158 д.; и в том числе пашню под ярь 158 д., под горох 158 д. и ржи посеяно 395 чт.» [2] — выходит, что в третьем поле, которое должно бы быть паровым, был посеян горох. В некоторых (подмосковных) селах — в Измайлове, Алексеевском, Степановском — находим пять полей: «Пашни в Измайлове 5 поль по 400 д. в поле; и тех поль пахано в лето: под ярь по 800 д., под горох по 400 д., и к нынешнему 184 году посеяно ржи 1 000 чт.» (т. е. по обычной мере 2½ четверти на десятину, — 400 д.) [3]. Таким образом под паром оставалась только пятая часть земли; но нельзя к сожалению проследить, в каком порядке чередовались посевы. Во всяком случае нет основаия думать, чтобы это пятиполье обусловливалось какими-нибудь топографическими особенностями сел, где оно применялось, а не агрономическими соображенями руководителей: в Измайлове например после смерти Алексея Михайловича сразу же перешли с пятиполья на трехполье [4]. Равенство приходящихся на каждое поле площадей земли — одинаково при трех- или пятипольном делении — едва ли не было скорее геометрическим предположением («в поле столько то, а в дву потому ж»), чем выражением действительного соотношения долей. По крайней мере в сводной ведомости об урожае 1674—75 г. количества десятин, засеянных рожью и яровым хлебом разных видов, редко совпадают, а между тем она дает без сомнения наиболее реальные цифры. Вот несколько примеров: в с. Екатерининская роща: 80 дес. — рожь, 95 дес. — овес, 6 дес. — пшеница, 24 дес.— ячмень, 20 дес.— греча, 4 дес.— горох, 4 дес.— лен, в общем 80 дес. ржаного и 153 дес. ярового поля; в с. Кудрявцеве: 39 дес.—рожь, 25 дес.—овес, 10 дес.—пшеница, 7 дес. — ячмень, 7 дес. — греча, в общем 39 дес. ржаного и 49 дес. ярового поля; в с. Рюминском: 23 дес. — рожь, 30 дес.—овес, 1 дес. —пшеница, 3 дес.—ячмень, в общем 23 дес. ржаного и 34 дес. ярового поля; в других селах

[1] Гафкэ Г. А., XXVII, № 352, л. 64—65.
[2] Там же, л. 62.
[3] Там же, л. 54.
[4] Приходо-расходные книги с. Измайлова.

имеем 492 и 525, 45 и 58, 11 и 20, 20 и 15, 10 и 6 дес.[1]. Впрочем в некоторых случаях государевым хлебом засевалось не все поле, и оставшаяся «пустовая десятинная пашня» сдавалась крестьянам на оброк, как было например в селах Мурашкине и Лыскове[2]. Этим могло конечно нарушаться равенство площадей в полях под государевой пашней.

Удобрение полей считалось необходимым. Поручая вновь назначенному приказчику устроить в Славецкой в. (Влад. у.)десятинную пашню, в Приказе вместе с тем наказывали: «для пашенного заводу завесть скотный двор, а больши держать на том дворе быков»[3]; и еще яснее: предлагая в докладе государю построить на Пехорской мельнице (в Измайлове) скотный двор «для поль пехорского и демиского», автор доклада аргументировал свое предложение: «а буде на Пехорской мельнице скотного двора не построить, то на тех вышеписанных полях впредь хлеба сеять будет не для чево, потому что земля худа гораздо»[4]. Можно думать, что ту же отчасти цель имели в виду, предписывая устраивать скотные дворы и в сравнительно южных местностях — в Богородицком[5], в Скопине и Романове[6]. В Измайлове, судя по тому, что плату «за воску» навоза рассчитывали с 1 000 возов («60 рублев, да 5 ведер вина»), удобрение применялось в очень широких размерах[7], причем вывоз его, по крайней мере в огороды, производился зимой, в январе и феврале[8]. Пахали по преимуществу лошадьми; в одном только 1668 г. например куплено было для Измайлова в Лыскове и Мурашкине 500 лошадей и еще заказано там же и «в—ных местах, где пригож, купить про ево великого государя обиход по 700 меринов пашенных»[9]. Но бывали также в употреблении волы; в Домодедове например по памяти из Тайного приказа отбирается для Измайлова 100 волов «самых добрых», потом требование увеличивают до 120 и тут же объясняют, что волы нужны «для работы»[10]; в записных книгах встречаем также распоряжение «устроить воловей двор» в Мурашкине[11]. Для обработки земли упо-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 231, л. 10 и сл.
[2] Там же, л. 94 и 111.
[3] Г. А., XXVII, № 526, л. 12.
[4] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II. стр. 288—389.
[5] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 586, л. 31.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 1334 и др.
[7] Г. А., XXVII, № 532, л. 184.
[8] Р. И. Б., т. 23, стр. 738, 739, 742.
[9] Там же, т. 21, стр. 1358, 1420.
[10] Там же, стр. 1092, 1094; ср. т. 23, стр. 544—546, 549.
[11] Там же, т. 21, стр. 1078.

треблялись плуг и косуля. Как уже упоминалось, с самого начала при «заводе» пашенного хозяйства в феврале 1663 г., по указу из Тайного приказа, было разослано земледельческих орудий — на Дедилов 100 плугов и 500 косуль, на Скопин и Романов по 250 плугов и 50 косуль, в Домодедово 300 плугов и 300 косуль, в Измайлово 100 плугов и 200 косуль, в Чашниково 100 плугов и 100 косуль [1]; из сопоставления этих цифр как будто следует, что плуг наибольшее применение находил для себя в южных сравнительно уездах, тогда как под Москвой с ним успешно конкурировала косуля.

Очень осмотрительно относились к выбору места под разные хлеба, стараясь, насколько позволяли знания и оставалось свободы для выбора, сообразоваться со свойствами почвы. Задумав завести посевы льна в Домодедове, предварительно посылают туда специалиста — измайловского «ольленика» — и наказывают местному приказчику вместе с ним «осмотреть землю, которая годитца под лен, и строить к севу» [2]. Осмотр дал благоприятные результаты, и в Домодедове велено было потом сеять по преимуществу лен, «а в то число убавить овса» [3]. Так как под Москвой плохо акклиматизировалось просо [4], то государь в 1669 г. указал в Скопине и Романове «ныне на весне изготовить под ячмень и под просо новые земли..., да и в Нижегородском уезде о всех селех (т. е. в Лыскове, Мурашкине и Гридине) завесть просо нынешнею ж весной» [5]. Сеялись под Москвой не только обычные в тех географических пределах хлебные растения, как рожь, овес, пшеница яровая, греча, лен и мак, но и сравнительно редко встречающиеся, как полба, просо, озимая пшеница, конопля, хотя конечно с неодинаковым успехом. Семена подбирали с большой тщательностью, добывая их из местностей, особенно славившихся высокими качествами соответствующих растений. Почти ежегодно производились закупки «ольленого семяни доброво на семяно» по 50, 100, 150, 400 чети, даже «сколько сыскать мочно» [6], во Пскове [7], в Старой Руссе и Сомерской в. [8], «семени льяного плауну» в с. Вощажникове и с. Великом

---

[1] А. А. Э., т. IV, № 138.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1183.
[3] Там же, стр. 1405.
[4] Просо, по сводной книге, сеялось: в Осееве 3 чети и в Новоселках 1½ чети (приселки Измайлова).
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1459.
[6] Там же, стр. 1274.
[7] Там же, стр. 1150, 1192, 1258, 1389.
[8] Там же, стр. 1274.

(Ростов. у.) [1], в селах Даниловском, Красном и Сидоровском (Костр. у.) [2] и в г. Вязниках [3]. Из Суздаля велено было однажды привезти «про ево государев обиход гороху белово и чистово, самово доброво» 200 четей, которые и распределены были между 8 подмосковными селами [4]. В другой раз где-то купили на 25 руб. «пшеницы на семяна, которая родитца колос беловатой» [5]. Из Богородицкого требуют для Домодедова «на семена 150 чети ячмени доброво» [6], а туда взамен посылают из Москвы четверик «белого маку», чтобы «сеять тот мак... на доброй земле» [7]. Скопинцы привозили для подмосковных сел полбу [8]. Иногда семенам сами производили в Приказе смотр; так, однажды велено было «из всех сел (ведомства Хлебного приказа) взять для опыту пшеницы по четверику из села тотчас и послать для того опытного хлеба ис Хлебного приказу нарочно» [9]. Если, случалось, из одного села требовали для другого ржи или овса на семена, то неизменно прибавляли при этом: «самых добрых». А однажды «добрые семена» явились даже источником драматического эпизода. Когда устраивалась десятинная пашня в Богородицком, из Тайного приказа сделано было распоряжение взять туда «на семена хлеб: рожь и овес и гречю самой доброй» из казенных житниц Ельца, Лебедяни, Данкова, Епифани, Ефремова (при этих городах была десятинная пашня, ведавшаяся в Разряде); «а будет который хлеб на семена не погодитца, — значилось в государевой грамоте, — и в тс место в обмен взять у служилых и у жилецких людей, у кого хлеба есть» [10]. Однако служилые и жилецкие люди, потому ли, что недостаточно входили в интересы государева хозяйства, или потому, что в самом деле, как они заявляли, были «бедны и бесхлебны» и у них ржи и яровому хлебу «учинился недород» [11], в обмене семян «отказали», и Приказу пришлось искусственно возбуждать административную

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1402—1403.
[2] Там же, стр. 1401, 1405.
[3] Там же, стр. 1402.
[4] Там же, стр. 1421; 5 четей — у издателя записных книг, который очевидно принял с за е.
[5] Там же, т. 23, стр. 1181.
[6] Там же, т. 21, стр. 1577.
[7] Там же, стр. 1186.
[8] Там же, стр. 1400. По приходно-расходным книгам с. Измайлова, полбы «к 185 году» было «235 чети с полуосьминою и с четвериком», л. 126 об.
[9] Там же, стр. 1381.
[10] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор., ст. № 531, л. 7.
[11] Там же, л. 47, 50—51, 81—99.

энергию местных воевод обещанием «жестокого наказания» за «оплушку» [1].

Еще характернее, может быть, усилия улучшить качество обработки путем замены старых средств и приемов работы новыми. Важность этого условия хозяйственного успеха несомненно вполне оценивалась, и у руководителей царского хозяйства являлась уже мысль о возможности применения в сельских работах механических приспособлений. Есть известие, что часовой мастер, немчин Андрей Крик, поднес государю «образец, как хлеб водою молотить» [2] и государь пожаловал ему 50 руб.; другой изобретатель, «часовник» Моисей Терентьев, — вероятно перекрещенный немец, — в течение нескольких месяцев делал тоже какой-то «молотильный образец», также получая в поощрение награды от государя. Терентьеву задана была потом определенная задача — «зделать три образца: один — как молотить колесами и гирями без воды; другой — как воду привесть из пруда к Виноградному саду, третий — как воду выливать из риг гирями ж и колесы» [3]. Не хотели отставать от немцев и домашние механики: стрелец Ивашка Вязьма «с товарыщи» пробовали устроить повидимому уже не модель, а настоящую машину, делали в Измайлове «станок, чем хлеб молотить» [4]. Конечно все эти опыты были вероятно только любительскими экскурсами в область механики и вряд ли приводили к непосредственным практическим результатам, но они важны как симптом начинавшегося сдвига с той позиции, на которой Русь в области сельскохозяйственной культуры невозмутимо оставалась на протяжении веков. Однако уже бесспорное и практическое значение имело воспитанное неудачами домашней техники уменье ценить в каждой области труда специалиста, мастера своего дела, начинающее обнаруживаться теперь в царском хозяйстве между прочим и в применении к земледельческим работам, хотя на первое время по преимуществу в одной их отрасли — в возделывании льна. Еще в 1664 г. по государевой грамоте велено было псковскому воеводе «прислать к великому государю к Москве» из псковских мест «непашенных крестьян самых добрых и умеющих людей, которые б подлинно знали, на кой земли сеять лен и как ево обряжать» [5], и одновременно с этим поручалось А. Л. Ордину-Нащокину найти во Пскове «мастеровых людей по

[1] Там же, п. 93.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 691.
[3] Там же, стр. 787.
[4] Там же, стр. 1343.
[5] Там же, стр. 1037—1038.

два человека, которые лен сеют, и которые лен мочат и стелют, и которые лен строят на торговую руку и которые коленские полотна делают»[1]; оттуда же хотели иметь мастера, «который бы умел лен трепать и вязать»[2]. Вызывали не раз «псковских ольлеников» и потом, а кроме того с их помощью постарались обзавестись и собственными мастерами, отдав им в науку 43 чел. из местных крестьян[3]. Для обработки конопли, которая повидимому в больших размерах возделывалась в государевом селе Товаркове (Калужск. у.), велено было «выбрать» в Калуге из посадских людей 2 чел., «которые бы умели бить конопляное масло, и отослать их с масляным станком» в названное село[4]. Было вероятно также нововведением в Измайлове, хотя может быть и очень скромным, когда «великий государь указал из Домодедовские волости прислать лутчих крестьян 30 человек с косами и с граблями, которые умеют овес косить»[5], очевидно взамен традиционной работы серпом. Упоминаются какие-то «телеги фурманские», делавшиеся специально «к хлебной воски» и заставляющие, по крайней мере своим названием, подозревать культурное заимствование[6]. Все это были однако частности, хотя без сомнения и полезные, а в главном успех царского хозяйства зависел конечно от того, какие приемы были известны массе людей, работавших на государя, и с какими чувствами эти люди выходили на государевы поля.

Основной рабочей силой во владениях ведомства Приказа были местные крестьяне, для которых государево дело было такой же натуральной повинностью, как для владельческих крестьян барская работа. В подмосковных селах к местным крестьянам присоединялись, как мы знаем из источников, рабочие еще двух категорий: «работные люди» и «вольница». Для первых работа была повинностью, вторые — представители вольного труда, получавшие вознаграждение «по уговору». Вольница, «работники и бабы», нанималась по преимуществу на полевые работы — «к сенокосу и жнитву» — или на лето или на более короткий срок — смотря по ведру»[7]; упоминаются однажды «стрелецкие жены», которые в числе 650 чел. за плату «брали» в Измайлове лен[8]. Во владениях более отдаленных работа

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1036.
[2] Там же, стр. 1199.
[3] Там же, стр. 1192.
[4] Там же, стр. 1095.
[5] Там же, стр. 1343.
[6] Там же, т. 23, стр. 708
[7] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 22 об.
[8] Р. И. Б., т. 23, стр. 805.

по найму применялась повидимому в редких случаях — или при прямой невозможности обойтись местными крестьянами, как писали например из Приказа киреевскому приказчику: «Будет киреевскими крестьяни покосить будет невозможно, и для той козьбы козцов нанять»[1]; или по особым условиям местной жизни, как в Дехтяном и Сасове, где крестьяне несли повинности в другой форме. Иначе этот вопрос был решен в Богородицком. Там первоначально к обработке десятинной пашни привлекались в помощь крестьянам служилые люди тех же «окольных» городов, где так неудачно производили обмен семян, и в общем с таким же результатом. Богородицкий воевода доносил, что дети боярские и казаки, хотя им «велено давать государева жалованья хлеб и сол, розбежалися», даже «с поля имали... по особым сошникам на человека и тех сошников свезли с собою со 100, а иные в землю хоронили», и оттого «великого государя хлебный завод ставитца в болшом непоспешении»; в свою очередь воеводы тех городов на запрос из Приказа дополнили картину объяснением, что служилые люди в Богородицкой ими высланы, но «в степях и в дубровах многие дни мотчают и от работы пребывают»[2]. Выход был найден в том, что в Богородицком были в 1669—70 г. поселены «на вечное житье» 100 солдат надежного выборного полка А. Шепелева[3].

Таким образом подневольный труд решительно преобладал, и к нему вероятно приспособлена была самая организация работ. Все было сведено повидимому к установлению крепкого надзора, и наиболее надежными руководителями работ были признаны, как мы знаем, солдаты и стрельцы. В целях удобства надзора «для смотренья поль» устраивались «смотрильницы» — деревянные сооружения «о трех житьях, в вышину сорок венцов»[4]. Из документов не видно, как выполняли свои обязанности «нарядчики» и прочая администрация; но мы знаем, как в этой обстановке держались работные люди. Вот например картина работ в Измайлове, нарисованная одним из представителей местной администрации в докладе государю. «Крестьяне, — речь идет о крестьянах Карамышевской в., обязанных являться на работы в Измайлово, — огурством своим и дуростью приходят в мае, и живут на работе по своей воле, человек по 70 и по 60 и меньше, и до сроку сходят, не дожив по своей воле; а как живут, на работе

[1] Там же, т. 21, стр. 1334.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 512, л. 1—17; № 586, л. 35.
[3] Р. И. Б., т. 23, стр. 1528—1529.
[4] Там же, стр. 300—301; ср. стр. 748.

чинятся непослушны и работу всякую работают с великою ленью и огурством, и от того их самовольства и огурства великого государя делам чинитца мешкота и поруха и убытки большие, потому что вместо их наймуюца наемные работники дорогою ценою»[1]. Исследователь может отметить лишь некоторые внешние признаки «мешкоты» в государевых делах, хотя и не будет уверен, следует ли относить ее к лени и «огурству» только работных людей. Бросается например в глаза слишком большая продолжительность летних работ, которая ставит под сомнение самый их результат: сенокос начинали около 20 июня[2] и продолжали еще в конце августа[3]; жнитво (яровое) с первых чисел августа[4] затягивали до половины октября[5]; ржаной сев и пашня за недоставкой лошадей и семян откладывались иногда до 20 чисел августа, даже до сентября вместо обычного и для того времени начала августа[6]. Хотя нанимали особых работников «в зиму для молотьбы и для воски дров»[7], однако всего хлеба за год обмолотить не успевали: в Измайлове например по описи оказались «клади», от нескольких прошлых лет[8], а между тем, когда в 1676—77 г. оставшийся хлеб был обмолочен, обнаружился, естественно, по сравнению с произведенным в свое время «опытом» значительный урон[9]. Может быть также, что качество обработки было причиной, что иной раз приходилось докладывать государю: «аржаной хлеб плох гораздо; кастерева и метлина пошибла больно»[10]. Заслуживает внимания помимо всего этого и другой результат подневольного труда, вполне точно отмеченный авторами приведенного выше доклада, — необходимость нанимать «наемных работников дорогою ценою». Вероятно отсюда вышло решение, записанное в отчетной ведомости 183 г.: «а из сел работников ныне имать не велено и впредь было тех работников наймовать из винокуренных заводов» (т. е. из доходов от винного курения)[11].

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 388.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 313.
[3] Там же, стр. 76, 352.
[4] Там же, стр. 347.
[5] Там же, стр. 1232.
[6] Там же, стр. 351; Р. И. Б., т. 21, стр. 1349.
[7] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 332 л. 60.
[8] Р. И. Б., т. 21, стр. 224; Г. А., XXVII, № 552, л. 93—106.
[9] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 130 об.: в одном случае вместо 632 четей последовало по «опыту» 509, в другом вместо 629 четей — 447.
[10] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 30—32.
[11] Там же, л. 54—55.

Примитивность технических приемов, с одной стороны, преобладающая роль невольного труда — с другой, были причиной того, что царь Алексей не мог похвалиться высокими урожаями в своем хозяйстве. По данным сводной книги за 183 г., уровень урожайности в его владениях за отчетный год выражается следующими цифрами: в подмосковных селах рожь пришла сама 1½; 2; 2,5; 2,5; 2,8 2,8; 3,3; 3,5; 3,8; 4,5—в среднем ниже 3; овес—сам 1,5; 2; 2,3; 2,4; 2,4; 2,5; 2,7; 2,8; 3,3; 3,5; 4,2—в среднем около 2,5; в остальных местах рожь сама 4 (Арзам. у.); 4,2 (Терюш. в.); 4,7 (Скопин); 5 (село Дехтяное, Рязан. у.); 5,4 (с. Борки и Красная слобода, Рязан. у.); 6, 6 (Богородицкой) — в среднем сама 5; овес сам 3,2 (Арзам. у.); 3,6 (Терюш. в.); 4,1 (Борки и Красная слобода); 5 (Скопин); 5,2 (Богородицкой); 8 (Дехтяное) — в среднем также около 5 (для других местностей данных нет вследствие дефективности документа). Более высокие цифры второго ряда объясняются конечно тем, что ими характеризуется урожай владений, расположенных на юге (состоявших в ведомстве Хлебного приказа). Невыгодное впечатление, какое производит эта картина, усиливается еще тем, что всюду, а особенно в подмосковных селах, количество семян, бравшихся для посева, несоразмерно велико против площади посева, именно: ржи 2 — 2½ четверти на десятину, овса 3 — 4 четверти. И в то же время нет оснований считать отчетный год неурожайным: в одном из документов Тайного приказа приведены справки о ценах на хлеб, и из них видно, что к 1675 г. по сравнению с 1670 г. цены значительно понизились, а это, думается, говорит за то, что промежуточные годы были сравнительно благополучны[1].

При всем том абсолютные цифры, в которых выражается весь урожай разных хлебов за тот же 1675 г., весьма внушительны. В сводной книге даются следующие итоги, по ведомости Тайного и Хлебного приказов вместе: к 1675 г. было посеяно: ржи на 6 334 дес. 12 464 четв., умолот — 37 620 четв.; пшеницы на 310 дес. 832 четв., умолот — 2 240 четв.; овса на 5 504 дес. 21 583 четв., умолот — 64 839 четв.; ярицы на 102 дес. 231 четв., умолот—327 четв.; ячменя на 581 дес. 1 327 четв., умолот—4 861 четв.; полбы на 9 дес. 39 четв., умолот — 124 четв.; гороху на 155 дес. 196 четв., умолот — 712 четв.; гречи на 492 дес. 880 четв., умолот — 3 063 четв.; проса на 109 дес. 32 четв. (?), умолот — 807 четв.; семени конопляного на 120 дес. 153 четв., умолот — 382 четв.; маку белого на 50 дес. 1 четв., умо-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 297.

лот — 22 четв.; серого на 38 дес. осмина, умолот — 45 четв.; семени льняного на 189 дес. 265 четв., умолот — 189 четв.; льну выбрано 324 120 снопов[1]. Сюда можно присоединить еще и огромное количество «укосного» сена. По данным отчетной ведомости 183 г.[2], в подмосковных селах накашивалось от 125 до 130 тыс. копен «волоковых» или от 5 тыс. до 5 200 «мерных» (в мерной копне считалось от 20 до 25 копен волоковых)[3]. Это, может быть, наиболее выгодная статья царского хозяйства, так как мерная копна «приходила» от 20 до 25 алтын[4], а в продаже стоила около 3 руб.[5].

Имея в виду размеры урожая 1675 г. и сопоставляя полученный доход с расходами на содержание рабочих и администрации, довольно точно устанавливающимися для того года по отчетной ведомости, можно с большим или меньшим приближением определить доходность земледельческого хозяйства Алексея Михайловича, по крайней мере в пределах подмосковных владений. Чистый урожай (за вычетом семян) выразится в следующих цифрах: ржи — 6 278 четв., овса — 7 418 четв., пшеницы — 610 четв., ячменя — 893 четв., гречи — 384 четв., проса — 125 четв., гороха — 252 четв., семени конопляного — 10 четв., льну — 3 976 пуд. Считая государев хлеб всех видов «добрым», по ценам 1669—70 г. будем иметь: за рожь (25 алтын за четверть) — 5 608 р. 50 к.; за овес (13 а. 2 д. за четверть) — 3 041 р. 38 к.; за пшеницу (1 р. 16 а. 4 д. за четверть) — 913 р. 62 к.; за ячмень (20 а. за четверть) — 679 р. 80 к.; за гречу (26 а. за четверть) — 299 р. 52 к.; за просо (толченое 3 руб.) — 375 руб.; за горох (1 р. 16 а. 4 д. за четверть) — 383 р. 4 к.; за лен (12 а. 2 д.) — 1 410 р. 88 к.; за сено (3 руб. копна) — 15 тыс. руб.; всего — 27 701 р. 64 к. По данным ведомости 183 г., на плату и содержание наемным зимним и летним работникам, как постоянным, так и «недельным», израсходовано было, считая «по большой статье» (maximum) около 7 тыс. руб.[6]. Работным людям из дворцовых сел давали обыкновенно «в приказ» (в награду) по 1 руб., а их бывало от 1 500 до 2 000 чел.; на их содержание, считая на 100 чел. 250 четв. муки, 20 четв. круп овсяных, 30 пуд. соли и 16 пуд. сала[7], надо положить 4 000—4 500 руб.

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, 213, л. 21—28.
[2] Там же, № 532, л. 54—75.
[3] Р. И. Б., т. 23, стр. 330.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 746, 1291.
[6] Г. А., XXVII, № 532, л. 74—75.
[7] Там же, л. 20—24.

«Работным солдатам», жившим в летние месяцы постоянно в государевых селах в числе 150—240 чел., за месяц уплачивалось 300—350 руб.[1]; значит за рабочих полгода 1 800—2 100 руб.; наконец, приказчикам около 600 руб.[2] денежного жалованья, а вместе с хлебом вероятно около 1 тыс.: всего около 16 500 руб. Таким образом чистого дохода останется около 11—12 тыс. руб., что на затраченные 16—17 тыс. руб. составит такой процент, который должен был вполне оправдывать хозяйственные хлопоты царя Алексея. Эта сумма однако не выражает собой абсолютной доходности государевых имений: она изменится, если принять в расчет стоимость обязательного труда местных крестьян. Как видно из отчетной ведомости, из 1 779 дес. в поле больше половины, именно 963 дес., пахали крестьяне; при платном труде их работа стоила бы, может быть, немногим менее (косили и жали повидимому не всегда крестьяне), чем работа наемных работников, скажем на 5 тыс. руб., на которые и должна быть убавлена найденная сумма чистого дохода. Правда, в расчет не введены затраты на хозяйственные орудия и сооружения, но, не говоря о том, что в данном случае возможность сколько-нибудь точных исчислений крайне сомнительна, этот пробел до известной степени компенсируется статьей по расходу на работных людей, которые едва ли не в большей части заняты были не на сельских, а на строительных и земляных работах (например каргопольцы — плотники). С другой стороны, сделанный вывод может сохранить свое значение при предположении, что на результаты хозяйственного года не имело отрицательного влияния необходимое в земледельческом хозяйстве скотоводство.

В государевом хозяйстве имеется обычный комплект домашних животных и птиц: лошади, рогатый скот, свиньи, овцы, гуси, утки, куры разных пород. По описи, во многих подмосковных селах были устроены конюшни и скотные дворы, и мы знаем, что при закладке конюшенного двора в Измайлове присутствовал сам государь. Такие же дворы имелись и в других местах; в Романове например конюшенный двор, по описанию воеводы, был «в длину 60, поперек 30 сажень, заборы сосновые, сараи укрыты соломою»[3]. Обзаведение всякой «животиной» не требовало от государя больших затрат. Дороже других животных стоили лошади, но их покупали обыкновенно в большом числе из местных

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1191—1192, 1339.
[2] Там же, стр. 362—364.
[3] Там же, т. 21, стр. 1111.

доходов, причем лошадь обходилась «в покупке» от 3 до 3½ руб.[1]. В 1668 г. велено было, как мы знаем, за раз в селах Лыскове и Мурашкине «купить про ево великаго государя обиход по 700 меринов пашенных» и прислать к Москве[2], а незадолго перед тем оттуда же было прислано в Измайлово 250 лошадей[3]. Покупались и нерабочие лошади, например упоминаются ногайский 121 «конь», которые покупал Юрий Лутохин, да еще 139 лошадей, купленных «в Нижнем на Макарьевской ярманке»,—тех и других надо было «держать во всяком пристрое» и «в работу их никуда не давать»[4]. На государевых лошадей клали обычное «пятно»: «орел в кругу да веди»[5], и переписывали в особых книгах «в лета и в шерсть и в приметы»[6]; с рогатым скотом и овцами устраивались совсем просто, собирая для скотных дворов быков, коров, баранов и овец с крестьян, по преимуществу южных владений; так, в первое время (в 1664 г.) затребованы были «для заводу» с терюшевской мордвы 366 коров «самых добрых» и 652 коровы, тоже «самых добрых», и для той же цели — с крестьян и бобылей Лыскова и Мурашкина «в запрос»[7]; к Москве, т. е. для подмосковных сел, присылают также быков и коров из Популова (100 голов)[8] и из Сасова (97 голов)[9]. Впрочем в последние годы рогатый скот, как и лошадей, преимущественно стали покупать и повидимому большей частью в Москве[10]. При приеме животных «разбирали» и потом рассылали по разным селам, принимая меры к сохранению пород: доставленных например в Измайлово терюшевской мордвой коров (286 голов) велено измайловскому управляющему, стрелецкому голове В. Пушечникову, «пересмотреть: будет та животина добра и ее кормить на измайловских новоросчистных полях особо, не спуская с-ыными; а будет плоха, и ее отослать в Домодедовскую волость и кормить особо же, не спуская с-ыною животиною»[11]. Из тех же по преимуществу мест шли овцы и свиньи. В 1664 г. в Скопине например оказалось 1 тыс. «зборных» свиней, которых велено было «держать до

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1431—1432.
[2] Там же, стр. 1420.
[3] Там же, стр. 1358.
[4] Там же, стр. 1658.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 1433.
[7] Там же, стр. 1040, 1042.
[8] Там же, стр. 1072.
[9] Там же, стр. 1083.
[10] Там же, т. 23, стр. 153—154, 1241; ср. т. 21, стр. 238.
[11] Там же, т. 21, стр. 1079; ср. 1072.

указу» и устроить для них двор; там же были «племенные овцы и бараны», к которым указано было прикупить 400 или 500 овец [1]; потом тех и других будут посылать в подмосковные села, где также велят «зделать им сараи..., и кормить и беречь» [2].

Но животными обычной породы, какие имелись в пределах собственных владений, не довольствовались. Когда дьяк Тайных дел Дементий Башмаков в 1663 г. был отправлен с дипломатической миссией на Украину, ему, повидимому в догонку, послана была из Тайного приказа государева грамота, в которой государь, сказав дьяку свое «милостивое слово», писал: «Указали мы, великий государь, в черкасских городах купить тебе на нас, великого государя, племянной рогатой животины большой породы быков и коров по 100 животин, да ордынских баранов и овец, которые пригоняют из воложской земли и ис татарских улусов, 100 животин... И ты б... против сего нашего, великого государя, указу животину велел купить ценою, как мочно; а чтоб той животины ростом болши не было» [3]. Последнее условие сделало поручение трудным. «И в первом, государь, малороссийском городе Глухове, — писал в ответ Башмаков, — у казаков и у мещан такой животины купить я спрашивал всякими обычаи, и они, государь, сказали, что у них в городе и в уезде такой большой животины на продажу нет. А как, государь, из Глухова к гетману поедем, и в то, государь, время в-ыных малороссийских городех такой животины спрашивать в покупку учну» [4]. Увенчались ли успехом поиски дьяка по иным городам, неизвестно; во всяком случае черкасский рогатый скот, главным образом быков, покупали потом для государевых сел и в самой Москве [5]; ордынскими же баранами великому государю челом ударили калмыки [6], а сверх того дьяком И. Гороховым было в 1666 г. куплено 130 баранов и 1 000 овец «ординских» (разосланных частью в Измайлово, частью в Домодедово) [7]. На государевых дворах впервые появился в Москве и голландский рогатый скот. Как видно из опубликованных С. Б. Веселовским документов [8], в Архангельске и на Холмогорах «у иноземцев и у по-

---

[1] Там же, стр. 1074—1075.
[2] Там же, стр. 1102, 1104, 1154 и др.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 40.
[4] Там же, л. 65.
[5] Р. И. Б., т. 23, стр. 541—546, 549.
[6] Там же, т. 21, стр. 1084.
[7] Там же, стр. 1219—1221.
[8] Несколько документов Московского главного архива М. И. Д.

садских людей и тех городов в уездех у крестьян» уже тогда имелись «немецкие» коровы, и государь указал купить несколько голов «на себя, великого государя», по заранее составленной росписи, «у кого имяны, сколько и каковы коровы». Всего прислано было «коров и нетелей и быков 14 животин», причем коровы оценены были при покупке от 3 р. 10 а. до 15 руб. (коровы простой породы стоили в Москве около 2 руб.)[1]. Желание обзавестись иноземными породами заметно впрочем и по отношению к другим животным. В 1664 же году на имя гостя Семена Гаврилова дана была государева грамота, в которой государь «милостливо похваляет» гостя за то, что тот купил «в немецких землях на нас, великого государя, 10 лошадей, жеребцов и меринов»[2]; точно так же государь наказывал послам Прозоровскому и Желябужскому привезти ему из Англии «2 станицы лошадей: жеребцов одношерстных самых добрых по 300 рублев жеребец» и «8 меринов одношерстных же по 200 рублев мерин»[3]. В большом количестве разводили еще немецких кур: только например за март 1670 г. их было куплено в «разные государевы села» на 83 рубля[4].

Точные данные относительно состава скотных дворов имеются только для подмосковных сел, и потому нет возможности определить общее количество домашних животных, каким располагало царское хозяйство, тем более, что это достояние государя отличалось чрезвычайной текучестью. Но в картине, которую дают цифры, относящиеся к подмосковному хозяйству, довольно отчетливо выступают некоторые характерные черты. По описи, в 1676 г. на конюшенных и скотных дворах по всем подмосковным селам оказалось: 1 829 лошадей (из них 186 «коней», остальные «пашенные») и 230 жеребят; 622 быка, 466 коров, 188 телок и 156 телят; 284 свиньи; 203 овцы ордынские и 1 690 русских; 401 гусь; 1 284 утки; 358 кур индейских, 372 немецких и 99 русских[5]. Открывающееся отсюда несоразмерно большое количество лошадей и быков (часть которых несомненно служила для работ) говорит за то, что молочное хозяйство не имело самостоятельного значения, и на то же указывает другое обстоятельство — отмечаемое в некоторых случаях описью большое число яловых коров (в Алексеевском из 42—21, в Степановском из 35—7) и со-

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1241.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 365, л. 118.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела английские, 1662 г., № 5.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 1291—1295.
[5] Там же, т. 21, стр. 228—276.

ответствующее этому сравнительно незначительное число телят (на 466 коров 156 телят годовых и «селетков»). По записным книгам, молочные продукты действительно идут только для нужд государева двора и то не часто, а в то же время из приходо-расходных книг видно, что «кожи яловичные» и «сало яловичное» закупались Приказом даже в далекой Астрахани [1]. С другой стороны, ничтожное количество свиней и кур объясняется чрезмерным обилием, в каком те и другие в битом виде поступали с крестьян в качестве натурального оброка. Впрочем иногда на птичьих дворах в подмосковных селах сразу появлялись многочисленные и живые, хотя недолговременные («до указу»), обитательницы, собиравшиеся также с крестьян, например в Чашникове однажды оказалось 1 200 таких кур, в Ермолине 800 [2] и в Домодедове 3 300 [3]. Состав скотных дворов более отдаленных владений был без сомнения менее разнообразен, хотя они и не уступали в количестве животных. В Скопине например в 1667 г. на скотном дворе было 596 овец, 508 свиней и 361 поросенок, в Романове — 768 овец, 727 свиней и 95 поросят [4], да в том и другом городе велено было «держать на корму» сначала по 500, а потом по 700 лошадей [5]. В Богородицком, по выражению воеводы, «было в стадех... лошадей и коров и овец и свиней великого государя с 300 скотин и болши» [6]. Главное назначение большей части «животины» было — пополнять опустошения, производившиеся время от времени в составе подмосковных дворов многочисленными потребителями государевых запасов [7].

Видной статьей, близкой к той же отрасли государева

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1501; т. 23, стр. 1278.

[2] Там же, стр. 1456.

[3] Там же, стр. 1038; ср. стр. 1064.

[4] Там же, стр. 1261—1262.

[5] Там же, стр. 1094, 1351.

[6] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст. № 586, л. 31. Позднее же в Богородицком одних лошадей было 400. Р. И. Б., т. 21, стр. 1351.

[7] Обычным повидимому явлением были заболевания скота. В отчете о состоянии скотного двора в Скопине воевода пишет: «И те овцы и бараны и свиньи и поросята худы, потому что во 174-м году летом на овцы и на ягнята был урон большой, и по се число от той скорби не оправились». Р. И. Б., т. 21, стр. 1261. В приходо-расходной книге с. Измайлова за 185 г. читаем: «Да сентября с 1-го числа по сентября ж 1-й день 186-го году померло: иноходец чюбар, мерин голуб..., мерин бур..., мерин мухорт, кобыла солова..., 58 коров, 112 быков, 113 телиц, 12 быков, то же число телок, да 56 телят приплодных, 1 поросенок, 11 баранов». Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 419 об. и 420. Причина такого огромного «урона» совсем не указана, а выражение «померло» как будто отсылает только к общим причинам смертности всего живущего.

хозяйства, являются пасеки. Особые «дворы пасечные» упоминаются в Скопине, Романове, с. Дехтяном (Рязан. у.), с. Сасове (Шакц. у.), в Славецкой в. (Влад. у.) и из подмосковных сел в Измайлове — николаевские пасеки [1] и в с. Васильевском [2]. Пасеки заводились тем же способом, что и скотные дворы, — посредством сбора ульев с местных крестьян. «В Славецкой волости, где пристойно завесть пчельной двор, — значится в одной из записей государевых распоряжений,—и завесть впредь ульев 3 000 или сколько мочно, а те ульи собрать со крестьян по улью с двора, или по 2, а будет мочно и не в тягость, и по 3 [3]. С белогородских «новоотписных» пасек велено было сразу «взять» 2 тыс. ульев, которые были привезены «к Москве», вероятно для подмосковных сел [4]. Если однако устроенную уже пасеку хотели расширить, то предписывали «в прибавку у крестьян пчелы покупать довольную ценою, а безденежно у них не имать» [5] или «сильно у крестьян не отымать» [6], косвенно характеризуя таким образом ранее практиковавшийся прием. Впрочем при заведении пасечного двора в Романове воеводе указано было «ульи просить у крестьян взаймы» [7], и потом за каждый улей было заплачено им по 25 алт. [8]. Ульи держали зимой в специально построенных для них «амшенниках»; при роении сажали «для проку по 2 роя в улей» [9]. В описании пасечного двора в селе Васильевском названы в качестве «пасечных снастей»: «2 топора да отсек, 2 скобеля, долото болшое, бурав, 2 теслы». Количество ульев конечно было изменчиво, но росло повидимому не быстро; такое впечатление по крайней мере производит отчет романовского воеводы: «А на пасеке пчел: в зимовье было поставлено старых зборных купленных пчел 400 ульев, да молодых 50 ульев; а ныне на выставке старых 370 ульев, молодых 41 улей. А обезматчели и померли старых 30 ульев, молодых 9 ульев» [10]. Та же картина в отчете скопинского воеводы. С этих 400 ульев из Рома-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1275. У издателя ошибочно «никольские»: Николаевское — «приселок» села Измайлова.

[2] Там же, стр. 264.

[3] Г. А., XXVII, № 526, л. 10.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1098, 1176. Об этих пасеках см. Миклашевский, К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, стр. 130.

[5] Там же, стр. 1138.

[6] Там же, стр. 1178.

[7] Там же, стр. 1039.

[8] Там же, стр. 1111.

[9] Там же.

[10] Там же, стр. 1198.

нова однажды доставлено было — вероятно за год — 38 пуд. меду и 16 пуд. воску [1]. Рядом с пасеками держались в некоторых случаях и другой, старинной формы пчеловодства. В вотчине Н. Зюзина в с. Гридине (Нижегород. у.) великому государю досталось: «пять ухожеев бортных, в длину на 30, поперек на 18 верст, 44 дерева с пчелами, 1 802 дерева дельнова; в пусте черемисских знаменных, которые отписаны к тому селу, 7 дерев со пчелами, 1 000 д. дельнова» [2]. После того мурашкинскому воеводе, в ведении которого состояло Гридино, велено было государевой грамотой «порадеть — призвать в гридинские бортные ухожьи... всяких охочих людей, чтобы в дельных деревьях завесть пчелы и вновь дельного деревья прибавливать, и мед бы збирать на государя» [3].

Замышляя развести улучшенные породы скота и устраивая обширные пасеки, в Приказе так же настойчиво, как и для более сложных земледельческих работ, искали людей, которым такие дела «были бы за обычай». С этого даже начали. Первые попытки в этом направлении были сделаны еще в 1662 г., когда только собирались устраивать хозяйство. О них мы узнаем из отписки в Тайный приказ черкасского воеводы И. Некрасова. «В нынешнем, государь, во 1701-м году, — читаем там, — велено мне, холопу твоему, в Черкаском из уездных и из городовых черкас приговорить в твои государевы дворцовые подмосковные села человек пяти или шти добрых и правдивых и радетельных людей, которые всякую животину и дворовые всякие птицы водить умели бы». Попытка однако окончилась ничем. Хотя воевода государеву грамоту «вычитывал» в съезжей избе «не пооднажды» и «о жалованье великого государя милостивой указ... сказывал», тем не менее черкасы «атаман и редовые казаки» ему «про то сказали: у них-де таких строительных на такое дело никово нет» [4]. Через год государь наказывал о том же в известной нам грамоте Д. Башмакову: «Да и людей (бы), которые за такою животиною ходить умеют, приговори же». В 1664 г. потребовали от белгородского воеводы, чтобы он выслал «ис тамошних городов мужиков человек 15 или 20, которые умеют строить пасеки и водить пчелы и всякую скотину: волы и коровы и овцы» [5]. Одновременно с этим из Смоленска вызывают целый транспорт разных мастеров — «семей 30 и болши» и среди них — «животинников, которые животину строят и которые всякие

[1] Там же, стр. 1379.
[2] Г. А., XXVII, № 213, л. 123.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1127.
[4] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 514, л. 165.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1032.

птицы водит: лебеди, гуси и иные, пасечников, зверовщиков, кожевников, сыромятников»[1]. Точно так же велено было и в другие места — в Скопин, в Романов, в Сасово — местным воеводам «для строенья свиней и овец призывать из черкасских городов семьянистых людей заобычных»[2]. Желание иметь специалистов удовлетворялось, но, кажется, не в полной мере; во всяком случае в записных книгах отмечено только прибытие в Москву из Белгорода 23 пасечников и 2 черкас скотников[3]. Еще конечно труднее было достать «мастеров» для уезда, и потому подмосковным селам приходилось уступать на время своих: так, пасечники «чугуевцы» и черкасы, в числе 6 чел., посылались из Измайлова в Сасово — «строить пасеки и водить пчелы»[4]. Может быть, потому государь особенно и оценил, когда один пасечник с Украины «собою пришел», — велел дать ему «в приказ 5 рублев»[5].

Много внимания уделялось в государевом хозяйстве садоводству и огородничеству. Сады и огороды были только в подмосковных селах, зато в некоторых по нескольку (например в Измайлове 2 сада — виноградный и просянский и 2 огорода— просянский и так называемый круглый), и имели обширные размеры. По описи с. Измайлова 1687 г., измайловский виноградный сад был «по мере в длину 210 саж., поперечнику 190 саж., кругом 800 саж.», просянский «длиною 138 саж., шириною 135 саж., кругом 520 саж.»[6]. В садах в огромном количестве росли обычные на севере фруктовые деревья — яблони, вишни, груши и ягодные растения — смородина, крыжовник, малина, клубника. В с. Котельниках например за один год велено было посадить 3 тыс. «пенков яблоновых», взятых из пахринского «яблонного» сада, да 200 накопанных крестьянами «в лесах»[7]. Упоминаются яблоки разных сортов: «наливу» («титова», «отборного», «большого», «белого»), «аркаду», «любщины», «белого скруту». По приходо-расходной книге с. Измайлова в течение 1676—77 гг. из измайловских только садов «было в приходе» фруктов и ягод: 3 938 яблок, 93 ведра смородины черной, 68 ведер красной, 11 ведер белой, 19 ведер малины красной, 2 ведра белой, 25 ведер «крыжу берсеню», 7 ведер «клубницы», 12 ведер вишен[8]. Из пахринского сада в

[1] Р. И. Б., стр. 1034.
[2] Там же, стр. 1055, 1075, 1088.
[3] Там же, стр. 1061—1062.
[4] Там же, т. 23, стр. 627.
[5] Там же, стр. 724.
[6] Описание с. Измайлова, л. 149. 152.
[7] Р. И. Б., т. 21, стр. 1675.
[8] См. л. 324 и об.

1666—67 г. было прислано в Москву 2 850 яблок [1]. Из овощей особенно много сажали в огородах капусты и огурцов; за тот же 1675—76 г. «в приходе» показано: 65 400 огурцов и 4 767 гряд капусты [2]. Сверх того разводились во множестве всякие травы и цветы: салат, «кроп», зоря, рябинка, кошачья мята, клопец, изоп, рута, «роман», чабер, шалфей, девичья красота, гвоздика, ушки, маки разные, «уклей», васильки, «нохти», увар, драгун и многие другие. Под овощи земля старательно удобрялась; гряды обивались «дранью» [3], огурцы и «волоский горох» предварительно сажали «в сарилах» (в конце апреля) [4]; а «часовник» Моисей Терентьев, он же и мастер «водовозного дела», пробовал при помощи «трубника» да «паникадильщика» устроить в виноградном саду водопровод [5].

Но у царя Алексея были замыслы, которым далеко не могла удовлетворить скромная местная флора. Полагаясь на искусство мастера, он, видимо, хотел создать у себя под Москвой образцовый питомник, который давал бы ему все, особенно ценившиеся тогда на Руси, богатства растительного мира других стран, включая сюда и отдаленные области его собственного государства. В измайловских садах должны были, по его плану, встретиться для совместного процветания русский виноград и огурцы кизильбашские, дыни бухарские и трухменские и пшеница цареградская, арбузы шемахинские и астраханские и финиковое дерево, тыквы «долгошеи» и ягода «инде» (индиго?), миндаль и перец астраханский, кавказский кизиль и дули венгерские, трава марена, дерево бумажное (хлопчатник) и тутовое. Хотели иметь даже просто деревья или растения, о которых знали одно — что они должны быть не похожи на свои, московские: в списке предметов, которые было поручено купить за границей постоянному царскому комиссионеру Гебдону, рукой царя вписано: «дерев немецких мерою по сажени», без всяких дальнейших определений [6]; или: в 1662 г. ездившие послами в Англию князь Прозоровский и И. Желябужский должны были привезти оттуда, по наказу царя, «семен всяких, которые, чаять, на Москве взойдут из земли» [7]. Царь не раз и нарочно посылал доверенных людей, обыкновенно своих подьячих и сокольников, за семенами

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1221, 1223.
[2] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 325.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1405.
[4] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 313.
[5] Р. И. Б., т. 24, стр. 449.
[6] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. IV, л. 42.
[7] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела английские, 1662 г., № 5.

деревьев и растений в Симбирск, Астрахань, на Терек [1]. Оттуда же по его распоряжению привозили плодовые деревья черенками «с кореньем», причем иногда в нетерпеливом ожидании скорейших результатов царь наказывал «выбирати деревье саме доброе, чтобы от них нынешним летом плод был» [2]. Выписывая иноземные породы, старались, как умели, создать для них на новом месте подходящие условия. Прежде всего поручали на их же родине «сыскивать садовников самых добрых, смирных и не гордых людей» — для винограда и арбузов например в Астрахани,—«чтоб им те сады завесть на Москве против астраханских садов», для тутовых деревьев «в Астрахани, или на Тереке... или из-за моря призвать» [3]; для южных русских деревьев и растений выписали сначала из Киева «старца Филарета», который, живя в Чудовом монастыре, должен был «в Измайлово в сады ездить с полковником и головою с Артемоном Матвеевым [4], а потом его сменили 2 старца славившегося на Украйне своим садоводством Мгарского монастыря Геннадий и Анофрий [5]. Царь наказывал еще «привесть таково человека, кто бывал в Трухменех, и в Хиве, и в Балхе, и в Бухарех» [6]. Тут же видим и «немцев». «Иноземец Анбурчанин Горицын, — записано в записных книгах, — ударил челом великому государю барбарисовыми деревьями и немецкими травами и семяны, и те деревья и травы насадил в виноградном саду и в новом огороде» [7]. Как люди ученые, следовательно больше других в глазах русских людей понимавшие тайны аптечного дела, и два других немца-садовника Григорий Хут и Валентин Давид «строили всякие травы» — один на просянской пустоши, другой в виноградном саду [8]. Под руководством этих мастеров действовали свои садовники, большей частью из стрельцов [9]. Об особой тщательности ухода за привозными растениями говорит например указание, что земля на гряды, где они сажались, просевалась через решета [10]. А иногда сами мастера, отправляясь по царскому вызову в Москву, везли с родины землю, по своей специальности каждый: так, садовники «виноград-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1178, 1206, 1279, 1280, 1355, 1401, 1485, 1625, 1693.
[2] Там же, стр. 1169, 1693.
[3] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 377.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1184.
[5] Там же, т. 23, стр. 1334.
[6] Там же, т. 21, стр. 1352.
[7] Там же, стр. 1407.
[8] Там же, т. 23, стр. 1140.
[9] Там же, стр. 885.
[10] Там же, стр. 953.

ных и арбузных садов» доставили из Астрахани до 200 пуд. «виноградной и арбузной земли» [1].

Но предметом исключительного внимания и вместе источником особенно широких ожиданий служило тутовое дерево. Если мы припомним, какое значение шелк имел в тогдашней русской торговле, то для нас будет понятно увлечение, с каким царь Алексей стремился завести шелководство под Москвой. Первую попытку в этом направлении сделали, имея, кажется, еще очень смутное представление о том, как и в каких условиях растет тутовое дерево. Такое впечатление производит, по крайней мере в передаче записных книг, наказ, с которым поехал сокольник Д. Раков в Симбирск к воеводе Дашкову: «Будет тутовое деревье растет кустами, и ему б (Дашкову) прислать к Москве 100 кустов, да тех же дерев нарезать черенков, сколько мочно, и прислать то все на ямских подводах тотчас с ним Дмитреем, чтобы то деревье привести и на Москве рассадить нынешнею осенью до заморозья» (грамота послана 21 октября) [2]. Вскоре однако (приблизительно через полгода — в 1665 г.) в Москве появляется «шелкового дела заводчик» армянин Ларион Льгов, и вероятно к этому времени надо относить отмеченные в описи «четверы роспросные речи о шелковом и о тутовом, и о арбузном и о бумажном строенье Лариона Лгова с товарищи» [3]. Заручившись специалистом, делу сразу же дали широкую постановку: в январе 1665 г. в Астрахань отправился сам Л. Льгов, чтобы привезти оттуда «травы марины, да шолковых червей и хлопчатой бумаги семена», а одновременно с этим сокольники Раков и Батогов были посланы в Киев и Симбирск с грамотами к местным воеводам о «высылке» из Киева 30 тыс., из Симбирска 20 тыс. черенков тутового дерева «все мерою по аршину с четью, а чтоб были с почки, на которых впредь чаять отростков» [4]. Л. Льгов после того еще несколько раз ездил в Астрахань, привозя «семян всяких по росписи» и исполняя некоторые другие поручения [5]. В то же время (около 1667 г.) устраивается тутовый сад в Симбирске, причем «к строенью» сада привлечены были симбирские служилые люди, только на время действительной службы заменявшиеся «наемными знающими и непричинными людьми» [6], а семя тутовое должно было доставляться туда из Астрахани, ввиду чего «у ас-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1626.
[2] Там же, стр. 1121.
[3] Там же, стр. 862.
[4] Там же, стр. 1149.
[5] Там же, стр. 1279—1280, 1351—1353.
[6] Там же, стр. 1318.

траханских жильцов» были даже переписаны тутовые деревьях в садах [1]. Впрочем вскоре последовал государев указ симбирскому воеводе «на реку Сок и ни иные реки послать человека добра..., и по тем рекам искать молодого тутового деревья» [2]. В 1667 г. повидимому заведены были «государевы шолковые заводы» в Астрахани, по крайней мере из Москвы послан был туда «шолкового дела мастер», который должен был «тутовы сады разводить и шолк варить с великим раденьем» [3]. В Москве между тем искусством Л. Льгов повидимому не совсем были удовлетворены. В 1672 г. был послан в Астрахань подьячий Тайного приказа Маркел Ватолин с целым рядом статей к астраханскому воеводе Я. Н. Одоевскому. Эти статьи, как уже говорилось, сохранились [4], и из них видно, что в Москве царь собирался продолжать дело в еще более широком масштабе. Потому вероятно, что попытка «шолкового дела заводчика» плохо удалась, Одоевскому дается поручение — «в Астрахани или на Терке сыскать или из-за моря призвать тутовых садов садовников самых добрых, которые б умели тутовый сад завесть и на Москве и промыслить семени тутового дерева и шолковых червей...; да тутового молодово деревья с землею и с кореньем с Ахтубы реки или откуда пристойно прислать к Москве» [5]. Это — старая забота, но явилась и новая: неудачные опыты Л. Львова должно быть поселили сомнение в возможности акклиматизировать тутовое дерево в измайловских садах, и царь, не желая легко отступиться от своей мечты, на всякий случай проектирует новый способ шелководства, заранее предполагая, что исполнитель должен найтись. Кроме «шолковых» заводчиков, «которые б умели червей кормить и шолк делать», царь наказывал еще «такова мастера сыскать, хотя дорого дать, хто б умел завесть и червей кормить таким кормом, который бы был подобен туту, или ис тутового дерева бить масло и, в то масло иных дерев лист или траву обмакивая, кормить червей и за помощию божиею завесть шолк на Москве» [6]. Но предприятие по замыслу должно в результате давать продукт, который был бы годен для практического употребления, и отсюда в наказе новая статья: «С иноземцами ж уговоритца, поставить всяких шолковых красок самых добрых, чем шолк кра-

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 381—387.
[2] Р. И., Б., т. 21, стр. 1327.
[3] Там же, стр. 1311.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 255, напеч. в Зап. Отд. Рус. Арх. и Сл Арх., т. II, стр. 376—387.
[5] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 377.
[6] Там же, стр. 377.

сить... Красильников, которые б съумели красить шолк всякими цветами и знали, в каких местех краски живут и каким подобием и на тех местех, где такие краски есть, признаки и травы и леса растут»[1]. Итак, шелковый промысел во всех условиях и на всех стадиях производства должен быть обставлен собственными средствами. Рядом с этим воображение царя начинает столь же сильно занимать другой проект. Еще в 1666 г. в Астрахань к тому же кн. Одоевскому посылался подьячий Тайного приказа с государевой грамотой—«призвать индейцев мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи, да прислать травы марены сто пучков да... хлопчатой бумаги, по скольку пуд приложе». Тогда по розыску воеводы оказалось, что в Астрахани «индейцов мастеров нет и не сыскать», а нашелся только «бухарского двора жилец Кудабердейка, красильный мастер»[2]. Были ли использованы таланты Кудабердейки в Москве, из документа не видно, но из записных книг узнаем, что в 1668 г. Л. Льгов купил на царя (в Астрахани) 300 кип хлопчатой бумаги (по 6—7 пуд. в каждой) и снова искал «мастеровых людей, кто бы бязи делал, кто бы краски знал в травах»[3]. Оставался последний шаг — разводить хлопчатник под Москвой, и по наказу Одоевскому этот шаг сделали в 1672 г. «Чтоб в Астрахани у иноземцев,—читаем там,—сыскать семени бумаги хлопчатой самого доброва, сколько мочно, и садовника знающего, самого же доброво и смирнова, который бы умел завесть бумагу на Москве. А будет в Астрахани семени не сыщетца, и боярину и воеводе семени подрядить вывесть из-за моря... и мастера призвать из-за моря ж»[4]. И это тоже не простая забава: практическая цель предприятия подчеркивается дополнительным поручением: «ткачей (сыскать), которые б ис хлопчатой бумаги умели делать миткали, кисеи, киндяки, фереспири, бязи и бумагу»[5].

Обладай искусство тем могуществом, каким наделял его царь, — и Московская Русь, пожалуй, заслонила бы собой Восток в наиболее ценных дарах его природы. Царь переоценивал силы мастера. Правда, добились того, что в садах и огородах подмосковных сел выращивались дыни; по приходо-расходной книге с. Измайлова, их было «в приходе» за 1676—77 г. 1 648 шт.[6]; удалось

---

[1] Там же, стр. 378—379.
[2] Доп. к А. И., т. 5, № 16, ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 1139.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1351.
[4] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 379.
[5] Там же, стр. 379.
[6] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 178 об.

повидимому получить виноград: по крайней мере в описи упоминается среди «овощей в патоке» «винограду измайловского с чети ведра»[1]. Но тутовое и «бумажное» деревья обманули надежды. Кроме виноградного сада в Измайлове устроены были два специально тутовых сада — в Пахрине и Алексеевском (в последнем еще в 1666—67 г. было «посеяно на грядах» 15 тыс. деревьев). В описании пахринского тутового сада, производившемся после смерти царя Алексея, однако отмечено только: «а деревья на грядах по чети аршина и больши»[2], т. е. остались вероятно в том виде, как были посажены в 1666—67 г.; «бумажные» же деревья опись и совсем не нашла чем помянуть[3].

Тутовые сады, имея своим назначением служить «шолковому заводу», являются, по крайней мере в идее, наполовину промышленным предприятием. С большей яркостью, хотя и не в одинаковой степени, выступает этот момент в других отраслях царского хозяйства. Таково рыболовство. Разводили прежде всего живую рыбу в расчете иметь ее всегда наготове «про государев обиход» в прудах, которые были выкопаны отчасти вероятно с этой целью в некоторых подмосковных селах. В одном Измайлове было 37 прудов, в Степановском 10, в Алексеевском 9, по одному в Кудрявцеве и Чашникове. Повидимому разные пруды предназначались для определенных пород. Однажды в Москве у «живого мосту» было куплено по государеву указу за раз 203 живых рыбы: «стерлядей и щук, судаков, лещей, язей, карасей, линей, окуней да сазан», и все были отправлены «в прорезном стругу» в с. Степановское[4], потом, при составлении описи с. Степановского, против каждого пруда отметили: пруд такой-то, «а в нем лини, караси», или «окуни, плотицы», или «щуки», или «стерляди»[5], очевидно привезенная рыба была рассортирована по прудам. Рыбу можно было брать из пруда только по государеву указу или по памяти из Приказа в точно определенном количестве[6], и

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 227.

[2] Там же, стр. 245.

[3] В Симбирске некоторые результаты были повидимому достигнуты. В сентябре 1667 г. оттуда было прислано в Москву «нового шолкового заводу», как значится в записных книгах, «варенье 175 года: вареного доброго шелку сырцу полфунта, сборного плохово шолку... 11 зол. с полузолотником, из маточных пузырей вареного шолку 8 зол. с полузол., да для образца пузырек и маточный червь с крылами». Р. И. Б., т. 21, стр. 1353. Неясно, однако, пользовались ли в Симбирске при разведении шелковичных червей своими тутовыми деревьями или из астраханских тутовых садов.

[4] Арх. Ор. Пал., из неопис. столб. Тайного приказа.

[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 355—356.

[6] Там же, стр. 1664—1666.

потому приходилось помнить ей точный счет, невзирая на явную его призрачность; в описи села Кудрявцева читаем например: «пруду длина 120 сажень, а на пруде посажено рыбы: 50 щук, 170 лещей, 90 головлей, 50 язей»[1]. Пруды были однако как бы домашним делом. В ведомстве же Тайного приказа состояли, как мы знаем, взятые из Казанского дворца астраханский, черноярский и яицкий рыбные и насадные промыслы. С 1666 г. намечается и способ их эксплоатации: в этом году поручено было стрелецкому голове А. Лопухину, «будучи в Нижнем и в Лыскове и в Мурашкине, говорить с насадными промышленниками, мочно ль нынешние весны устроить на государевы деньги насад и во что он совсем станет»[2]. В самую организацию рыбных промыслов Приказ повидимому не входил. Все дело поручено было опытным людям из торговой среды, так называемым «промышленникам»: в Астрахани — муромцу Павлу Дубенскому, на Черном яру — кадашевцу М. Щербаку, на Яике — симбирянину Степану Трофимову[3]. В качестве ближайших помощников велено «с ними быть» у насадного дела — «наймовать работников и всякие заводы заводить» — нескольким нижегородским и астраханским посадским людям[4], а нижегородским посадским людям вообще поставлять «к рыбной ловле» целовальников. Довольно скоро однако (в 182 г.) последовало обычное явление: нижегородцы «посацкие людишки» били государю челом об освобождении их от этой «новоприбылой службы» по тому соображению, что от нее «многие посацкие люди из Нижнего врознь бредут, а остальные в конец погибают»; и, по государеву указу, нижегородцы были заменены тех городов и сел людьми, «которые города и села ведомы в Приказе тайных дел»[5]. Но «промышленники» и их товарищи оставались до конца, в известные сроки «присылая» в Москву продукты своего промысла и представляя в Приказ «приходные и расходные книги»[6]. Были рыбные промыслы и в других местах. Еще в 1664 г. велено было воеводам скопинскому и романовскому «проведывать про рыбные ловли всякими сыски накрепко, а проведав писать к Москве»[7]. «Рыбные ловли» и нашлись, по крайней мере в Ро-

---

[1] Там же, стр. 269.
[2] Там же, стр. 1164.
[3] Там же, стр. 278.
[4] Там же, стр. 1504—1507.
[5] Доп. к А. И., т. VI, № 98.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 291, 1505, 1692, 1703—1704.
[7] Там же, стр. 1040.

мановс на реке Воронеже и в озерах[1]. В большом количестве рыба ловилась на государя в Городецкой в. Балахонского у.[2]. Но здесь и там промысел не отличался сложностью. Рыба доставлялась в свежем виде в Москву или в подмосковные села и здесь подвергалась обработке уже под наблюдением Приказа — коптилась и вялилась. В этих видах государевыми грамотами вызвали однажды в Москву из Тамбова, Воронежа, Мурома и Темникова «рыбников, которые строят вялую и копченую рыбу», а предварительно потребовали прислать для образца «рыбы вялой и копченой, построя и запечатав»[3]. Этой операцией интересовался и сам царь Алексей Михайлович, если ее именно имел в виду автор одного из докладов, сообщая государю: «Рыба у Артемона Сергеевича (Матвеева) взята и к Картерью (Рудневу, приказчику сел Кудрявцева и Соколова) отпущена и он, смотря тое рыбы, сказал, что у него в Соколове делают лутче тово гораздо»[4].

Более широкие размеры и более самостоятельное значение в составе царского хозяйства получили промыслы — соляной и поташный.

Солеварение входит в круг постоянного ведения Тайного приказа, начиная с 1665/66 г. В это году «отпущены» были из Москвы стрелецкий голова П. Лопухин и подьячий Тайного приказа А. Афанасьев с штатом «трубников» (соляных мастеров) в Ростов и в Переяславль-Залесский «для соляного варения»[5]. В Ростове агенты Приказа стали на готовое место: там уже содержались соляные варницы Казенной слободы тяглецом Ф. Ростовцем, а теперь они были взяты на государя, повидимому с уплатой за них владельцу по оценке «ростовцев посадцких людей»[6]. Были ли раньше в чьем-нибудь владении соляные варницы в Переяславле, указаний на это в делах Тайного приказа не нашлось; но с 1666 г. оба города становятся центральными пунктами по добыванию соли в ведомстве Приказа. С следующего, 1667, года устраиваются «соляные заводы» и под самой Москвой, на Девичьем поле[7], а затем в 1668 г. в Хамовниках[8] и вероятно вскоре под с. Коломенским. И после того мысль о расширении соляного промысла не оставля-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1750.
[2] Там же, стр. 1546, 1574, 1613 и др.
[3] Там же, стр. 1617.
[4] Гафкэ, Г. А., XXV, № 524, л. 33.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1209.
[6] Там же, стр. 395.
[7] Там же, стр. 1356, 1373, 1380; ср. т. 23, стр. 866.
[8] Там же, т. 23, стр. 943.

ется в Приказе. Заведывавший ростовскими и переяславскими варницами полковник Сторм должен был согласно государеву указу «доскиватца соляного расолу» «в старых соляных засыпаных колодцах и трубах»[1]; точно так же известным уже нам Ф. Елизарову и дьяку Насонову было наказано во время командировки в Скопин и Романов «роспрашивать всякими мерами и доведыватца соляных озер»[2]. Очень внимательно относились и к заявлениям частных лиц о новых местонахождениях соли. Получив от симбирского воеводы Дашкова сообщение о соляном Баскунчакском озере (под Черным яром) со слов какого-то Якушки Щербака, из Приказа предписывали воеводе «послать из Симбирска с-ызветчикам... ково пригож... для досмотру и описи» названного озера «и для взятья образцовой соли». Решение о пригодности нового места для разработки примут в Приказе, и потому там хотят иметь «досмотру роспись, и тому озеру чертеж и образцовую соль»[3]. То же внимание и к самой организации работ. В Соли Галицкой местному воеводе велено было с 1665 г. «выбрать» и прислать к Москве «соловарного дела поваров, подварков, содильщиков, водоливов по 2 человека»[4]; из присланных мастеров половина отправлена была на переяславские варницы, другая — на ростовские[5]. Заведующими варницами были назначены иноземцы: в Ростове и Переяславле — полковник Сторм, на Девичьем поле, в Хамовниках и под Коломенским — полуголова К. Кром[6], в расчете на их специальные знания. Мало того, следя за ходом работ по отчетам местной администрации и посылаемых им агентов, Приказ иногда предписывает последним «брать с собой» при возвращении в Москву «трубных мастеров» и «объявлять» их в Тайном приказе, — надо думать, для расспросов о технических подробностях промысла[7]. На варницах применялся наемный труд; только в целовальниках, на обязанности которых лежали вероятно вспомогательные операции, вроде закупки дров, отправки или продажи соли и т. п., были сначала выборные посадские люди, а потом специальным государевым указом велено было «призывать в целовальники из бобылей охочих добрых и семьянистых людей» за «государево жалованье», «а посацким людям, как

---

[1] Там же, т. 21, стр. 1431.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 339, л. 6.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1362—1363.
[4] Там же, стр. 1201—1202.
[5] Там же, стр. 1214—1215.
[6] Р. И. Б., т. 23, стр. 353.
[7] Там же, т. 21, стр. 1335—1336.

исполнитца охочих людей то ж число, у тех заводов в целовальниках быть не велеть»[1]. В документах точно обозначается число рабочих на Девичьем поле — всего 15 чел.: 2 трубных мастера, 1 кузнец и 12 «работников»[2]. На ростовских и переяславских варницах, отличавшихся повидимому большими размерами, рабочих было, надо думать, больше. Есть указание, что в Ростове работали солдаты, а в «нарядчиках» были стрельцы[3]. За отсутствием данных нельзя точно сказать, как велико было количество добываемой соли на всех варницах. Во всяком случае оно должно быть значительным, судя по производившимся на них затратам; например в Ростов за один только раз было послано из Приказа «на всякие расходы и на корм работным людем 1 000 руб.»[4].

Поташное дело среди промышленных предприятий появляется с 1668 г. В этом случае Приказ воспользовался наследством боярина Б. И. Морозова, начав новые операции эксплоатацией устроенных прежним владельцем будных станов в «новоотписном» селе Сергач (Нижегор. у.), перешедшем в ведомство Тайного приказа после смерти вдовы Морозова. В 1675 г. «взята была на великого государя для заводу будных майданов» вотчина И. С. Хитрово с. Шишковердь (тоже Нижегор. у.)[5]. В том же, 1675, году предпринят был обширный розыск «угожих лесов, которые б годились его, великого государя, на поташное и смольчужное дело». Розыск производили сначала через Разряд. «Великому государю ведомо учинилось, — гласил государев указ, — что в Путивльском и в Олешненском и в Обоянском уездах лесов на поташное дело будет на многие и на великие заводы по реке по Пслу на Гнилицкой Родини. А наперед сего в тех урочищах леса на поташное дело отданы были стольнику Федору Меньшому Ртищеву, да гостю Аверкию Кирилову». Ввиду этого посланный из Разряда в названные места, взяв «в тех городех... тамошних жителей торговых, лутчих, знающих людей, которым поташное дело и промысел в обычай», должен был вместе с ними «описат леса, которые на поташное дело годятца, и рассмотрет, где у тех лесов быт будным станом». Потому ли однако, что экспедиция из Разряда не состоялась, или потому, что сообщенным ею сведениям придавали в Тайном приказе только значение предварительной разведки, через месяц «великий

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1385.
[2] Там же, стр. 1384.
[3] Там же, стр. 1417, 1676.
[4] Там же, стр. 1438.
[5] Там же, т. 23, стр. 1376.

государь указал по именному своему великого государя указу» послать на этот раз уже из Хлебного приказа (в ведомстве которого состояли Сергач и Шишковердь) «в Брянский, в Севской, в Обоянской, в Путивльской, в Серпейской и иных городов в уезды» особую комиссию, в состав которой вошли два специалиста — «поливоч да будник»,—присланные с сергацких «будных майданов». Комиссия должна была осмотреть «леса великого государя», а «буде обыщет такие угожие леса в помещиковых и в вотчинниковых лесах, и те леса нанимат... повольною ценою»[1]. Одновременно повидимому с этим в Приказе проект разрабатывался с финансовой стороны. На такое предположение наводит сохранившийся в делах Приказа документ, по форме отрывок доклада, содержащий вычисление расходов на поташные заводы и предполагаемой от последних прибыли. Интересно, что примерный расчет сделан на 1, на 10 и на 100 будных станов: если не думать, что он производился исключительно теоретически, вне соображений о размерах осуществимости, то последняя цифра должна будет служить подтверждением грандиозности плана, а самый доклад — свидетельством его обдуманности[2]. План этот явился слишком поздно, чтобы получить практическое значение; но оттого он конечно не перестает быть характерным для хозяйственной предприимчивости Приказа.

Таким образом добывание поташа фактически сосредоточено было в двух пунктах — в селах Сергач и Шишковердь, из которых первому принадлежала главная роль. Здесь оставлен был «делать поташ» бывший сергацкий управляющий боярина Морозова А. Кучецкий, которому государь назначил и жалованье «в ту меру», как он получал от боярина[3]. Можно думать однако, что в Приказе не хотели оставаться совершенно пассивными в деле организации промысла. В делах Приказа имеется документ, озаглавленный: «159 году. Роспись середние буды поташному делу, как в ней что построено и кому что, по чему от чево найму даетца»[4]. Как видно из заглавия, это — описание, очень подробное, устройства будного стана и добывания поташа во всех его стадиях, с обозначением размеров жалованья рабочим разных специальностей. Что надо понимать под термином «середняя буда», неясно; но из того, что документ переводит литовские меры и деньги на московские, видно, что за образец принята в нем организация

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 813, л. 201—209.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 504.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1382.
[4] Арх. Ор. Пал., № 50670—50674.

поташного промысла в Западной Руси. В документе нет указаний, откуда он попал в Тайный приказ, зато ввиду интереса Приказа к поташному делу само собой ясно, зачем он попал сюда. К сожалению внутренний строй государевых поташных промыслов почти совсем не отразился в собственных документах Приказа. Из записных книг видно, что вскоре после назначения управляющим сергацкими заводами А. Кучецкого в Москву из Сергача явились челобитчики, и по их очевидно челобитью тут же последовал государев указ: «ис сергацких заводов Андрея Кучина (Кучецкого) переменить и в ево место... быть (в помощь местному приказчику) с Лыскова да с Мурашкина по человеку лутчим и заводным людем, которым бы было то поташное дело за обычай»[1]. При боярине Морозове для лысковцев и мурашкинцев «будное дело» на сергацких станах, главным образом доставка дров и золы, было повинностью, которая часто выполнялась ими натуральным способом; поэтому они и могли быть привлечены к правлению заводами в качестве целовальников при приказчике, может быть, новичке в этом деле. И теперь дрова на майданы в Сергач доставлялись из Лыскова и Мурашкина, а овес лошадям из Терюшевской в., но кем и на каких условиях, из документов не видно[2]. Все работы велись наемным трудом, и рабочих набирали иногда издалека. Так, в 1674 г. государь указал «нанять работных людей на свои великого государя сергацкие будные майданы 800 человек» в Галиче и его «пригородах»[3]. Как видно из доклада о сергацких будных станах 187 г., и целовальникам давалась «подмога» в размере 2 руб. на человека — порядок, установленный вероятно Тайным приказом[4]. Есть основание думать, что под управлением Тайного приказа сергацкий завод был расширен. По «приходной книге вотчин А. И. Морозовой на 172 год», в Сергаче было два майдана — песоченский и молебенский; на оба было издержано (на дрова, золу, бочки, плату рабочим) 700—750 руб.; поташу добыто 6 688 пуд.[5]. Между тем по докладной выписке Хлебного приказа в 1671/72 г. издержки составляли 28 381 р. 7 а. 5 д., а поташу «зделано» 4 869 берк. 3 пуд., стоимостью в 36 519 р. 25 а.

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1408.

[2] Там же, стр. 1403.

[3] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 440, л. 97. Память в Разряд о послушной грамоте галичскому воеводе для оказания содействия посланному для найма стряпчему С. Готовцеву послана из Хлебного приказа. Там же, № 100.

[4] Арх. Ор. Пал. № 51760.

[5] Там же, № 33292.

(по 15 ефимков берковец), значит с прибылью в 8 138 р. 28 а. 1д.[1]. Таким образом добыча поташа в Сергаче увеличилась в 7 раз; во столько же раз увеличилось вероятно и количество будных станов в Сергаче, т. е. было доведено приблизительно до 15. Зато относительная прибыльность промысла значительно понизилась. При боярыне Морозовой берковец обходился владелице около 1 руб., тогда как Приказу стоил около 6 руб. (с провозом до Вологды). Эту разницу можно было бы отнести на счет дарового труда, применявшегося в известной мере при Морозовой; но и сопоставление с производством при аналогичных условиях дает почти тот же вывод. В 1678/79 г. на сергацких заводах было выработано поташу, как значится в докладной выписке для Федора Алексеевича, 1 399 берк. 6 пуд. при затрате с провозом до Вологды 2 302 руб. Правда, из 4 действовавших к тому времени майданов одни «держали» сергацкие крестьяне «за денежный оброк и за столовые запасы»[2]; но и повышая на соответствующую сумму общий расход (2 302 руб. — 3 майдана, следовательно 4 майдана — 3 тыс. руб.), получим стоимость берковца всего около 1½ руб.[3]. И даже по упоминавшемуся ранее проекту, предусматривавшему обзаведение заводов всеми принадлежностями заново (например избами для рабочих и приказчиков, хлебными амбарами), расход вычислен около 4 руб. на берковец (5 840 руб. на 15 тыс. пуд. поташа). Конечно расходы на обзаведение должны были иметь место и при расширении сергацких промыслов, произведенном, как только что было указано, Тайным приказом; все же получается излишек, происхождение которого остается неясным.

В области обрабатывающей промышленности Тайный приказ также произвел несколько опытов приложения своей хозяйственной энергии, в результате чего явились заводы — железные, стеклянные, сафьянный и кожевенный.

В 1658/59 г. государевым указом велено было «ведать» в Тайном приказе знаменитые тульские и каширские заводы иноземцев П. Марселиса и Ф. Акемы, до того времени ведавшиеся в Приказе Большой казны. Приняв их в свое ведение, Тайный приказ однако во внутреннюю жизнь заводов не вмешивался, ограничиваясь лишь наблюдением за

---

[1] Доп. к А. И., т. VI, № 78.

[2] Арх. Ор. Пал., № 51760.

[3] Близкая к этой цифра (6 р. 2 а. бочка, следовательно, берковец — 2 р. 3 д.) указывается для починковских будных станов в самом начале XVIII в. г. Симсоном в статье «Поташное дело в Московском государстве на пороге XVII века», Ж. М. Н. Пр., 1913 г., май, стр. 134.

исполнением тех условий, на которых правительство предоставило владельцам «тот завод держать»[1]. Гораздо ближе Тайный приказ стоял к трем другим, так называемым «звенигородским» железным заводам, находившимся в пределах подведомственной ему территории, — Степановскому, Бабушковскому и Орондиковскому. Из Приказа назначался сюда управляющий (М. Кобыльский, приказчик с. Степановского); отсюда требовалось «присылать росписи наличному железу в Приказ тайных дел помесячно»[2]; здесь, наконец, не редкость было видеть и непосредственных агентов Приказа — его подьячих, задерживавшихся иногда на заводах подолгу[3]. Мысль об устройстве собственных железных заводов явилась в Приказе повидимому в 1668 -1669 гг., и, как видно из одной записи приходо-расходных книг, для ее осуществления Приказ воспользовался мастерами-иноземцами, работавшими у Марселиса: записав там под 21 сентября 1668 г. государев указ о выдаче государева жалованья 20 руб., для праздника, «железнова заводу мастеру и плавильщику иноземцу новокрещенцу Дементию Иванову сыну Буди с сыном ево, Андрюшкою, которые были на железных заводех... у иноземца у Петра Марселиса», подьячий поясняет: «а посланы они для досмотру железные руды и для железных заводов в Звенигородской уезд и на пустошь Сумароково»[4]. Все три завода были устроены на «речке Белой» и работали водой. В «молотовых анбарах» было по 2 горна и посредством водяных колес приводились в движение молоты, весившие по 14—15 пуд. Наиболее обширным был Степановский завод. На нем кроме листового железа («досок железных»), лопат, топоров, гвоздей изготовлялись. еще, как мы знаем уже, «пушки коваными». Поэтому здесь помимо обычного молотового амбара был амбар «сверлишной, где просверливают пушки», имевший совсем особое сложное устройство: «в нем, по описи, колесо водяное, колесо сухое, да 3 колеса в верху подъемные». На Степановском заводе были еще «анбар медной» и «анбар кузнишной». В момент производства описи на заводе оказалось выработанных продуктов «связного и прутового железа 1 308 пуд., 2 пушки по 28 пуд., 170 «досок» (85 пуд.), 180 лопат, 100 топоров, 3 тыс. гвоздей «пробойных», 12 пуд. красной меди и сверх того железной руды 46 тыс. пуд. да чугуну 6 200 пуд.»[5]. На Обушковском заводе выделывались

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 676, 689.
[2] Там же, стр. 1747.
[3] См. выше, гл. 2.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 1105.
[5] Там же, т. 21, стр. 256—258.

еще «доски цревные», очевидно, для соляных колодцев. К заводам для обеспечения их дровами была приобретена (и «приписана») пустошь Сумароково, и по близости же в сельце Ивакине (Боров. у.) «в вотчинной деревне» архангельского протопопа Федора производилась «за наемные деньги», 50 руб. в год, ломка железной руды [1]. Состав мастеровых людей на всех трех заводах довольно скромный: «доменых 2 человека, молотовых 6 ч., подмастерьев 5 ч., поддатней 6 ч., кузнецов 4 ч., мельник 1 ч.» [2]. В приходо-расходных книгах находим еще «роспись солдатам, которые живут в селе Степановском на государевых звенигородских железных заводах», 17 чел. [3]; в отличие от «мастеровых людей» — специалистов — они исполняли вероятно всякие предварительные работы.

Стеклянных заводов в ведомстве Тайного приказа было два; в Измайлове и в Черноголовской в. Записные книги довольно точно указывают время, когда устраивали первый, отметив в записи под 14 января 1669 г. выдачу государева жалованья стрельцам-плотникам, которые делали в с. Измайлове «анбар, где скляницы делать» [4]. Тогда же подьячим Тайного приказа М. Ватолиным было куплено к стеклянным заводам «у иноземки у Ивановы жены Фан-Стадена у вдовы Овдотьи» на 138 р. 20 к. «горшков и сковородок медных и иных всяких медных и железных снастей и золы» [5]. Но мысль об устройстве стеклянного завода под Москвой явилась у царя Алексея много раньше. Еще в 1657/58 г. он поручал Гебдону прислать из-за границы «земли, в чем делается веницейское стекло», «и мастеров стеклянишных самых добрых» [6], и даже годом раньше — «вывести к Москве из Виницеи золы лутчей, в чом скляничные всякие суды делать на хрустальной цвет, с тысячею пудов» [7]. Уже в январе 1669 г. на Измайловском заводе работали «стеклянные мастера» — один иноземец, Иван Мартынов, и двое русских: Борис Иванов и Григорий Васильев [8]. Приблизительно через месяц к ним присоединены

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1400; т. 21, стр. 258—260.
[2] Там же, т. 21, стр. 259.
[3] Там же, т. 23, стр. 186—187.
[4] Там же, т. 21, стр. 1444.
[5] Там же, т. 23, стр. 1337.
[6] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 2
[7] Там же, ч. IV, л. 39.
[8] Р. И. Б., т. 23, стр. 1160. В первом издании книги известие об этих мастерах ошибочно было отнесено к 1670 г. Об этом — в ст. Н. А. Бакановой, Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в. См. Труды Гос. истор. музея, вып. 4-й, «Очерк по истории торговли и промышленности в России в XVII и начале XVIII столетия», стр. 132, прим.

были еще три мастера-иноземца: Хр. Хункель, Ив. Яковлев и Марк Иванов, да один русский, ученик [1], так что в феврале 1669 г. государево жалованье «не в приказ» было выдано «стеклянным мастерам» 7 чел. [2]. На этом числе не остановились: в следующем, 1670 году видим на заводе четырех новых мастеров «веницейцев»: Ловиса Моета, Яна Арцыпохова, Петра Балтуса и Индрика Лерина [3]. Из них Ловас Морет стал, можно думать, главным строителем завода: его именно называет управляющим Кильбургер [4]. Названные мастера если не все, то большая их часть, были повидимому сняты с живого места — с какого-то другого, вероятно Духанинского (в 40 верстах от Москвы) завода [5], куда в самом начале был командирован подьячий Тайного приказа Ф. Годовиков [6]. Мастеров брали оттуда на время, в предположении, что впоследствии их заменят другими. В 1672 г. и решено было это сделать. В памяти Разряду из Тайного приказа от 26 февраля этого года читаем: «Великий государь по имянному своему государеву указу указал из села Измайлова стекляного заводу мастеров Ивана Мартынова да Бориса Григорьева с товарищи десять человек отпустить на старой их стекляной завод, а в их место указал великий государь в село Измайлово на стеклянные заводы взять стекляных мастеров ис Путивля и из Севска и из Трубчевска и из иных порубежных городов, где сыскать мочно, десять человек добрых, чтоб которые стекло варит и горшки и печи и всякие стекляные суды и шурупы были делат горазды, и перевесть их тотчас». Государев указ оказался однако недоразумением. На посланные из Разряда грамоты получен был ответ, что в Севске, Путивле, Недрыгайлове, в Каменном и «тех городов в уездах стекляных мастеров нет и преж сего не бывало»; только «были де стекляные мастера в Лебедянском уезде», да те оттуда «сошли неведомо куда» [7]. В Приказе с неудачей сразу не помирились и, противопоставляя житейскому факту силу государева указа, продолжали настаивать. «Великий государь велел послать, — узнаем из дальнейшей переписки, — в те же го-

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1172, 1179.
[2] Там же, т. 21, стр. 1450.
[3] Там же, т. 23, стр. 1337.
[4] Курц, Сочинение Кильбургера о русской торговле, стр. 118—119.
[5] Духанинский завод, по сведениям Кильбургера, был устроен частным лицом по имени Юлий Койет, который должен был выписывать материалы «из Немецкой земли», а, может быть, оттуда же получил и мастеров. Других стеклянных заводов (кроме Измайловского и Духанинского) Кильбургер не знал.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 1445.
[7] Гафкэ, А. М. Ю., Севск. ст., № 238, л. 24—34.

роды свои другие грамоты з болшим потвержением... на спех», потому что «за мастерами ныне в селе Измайлове стекляное дело стало»[1]. На этот раз ответ неизвестен; но он вероятно и интересен был бы только в психологическом отношении. А практически пришлось оставить в Измайлове часть «виниціян» во главе с Моетом и после присоединить к ним еще двух иноземцев — «стекляного мастера» Януса Пухора да «стекляного ж резного дела мастера» Анца Фредриха[2].

По описанию с. Измайлова 187 г. Измайловский завод был значительно больше Черноголовского. Измайловский состоял из трех «анбаров»: в одном вырабатывалось стекло, два другие служили кладовыми. Вот принадлежности первого, которые могут дать представление и о способе самого производства: кирпичная печь, «в которой стоят горшки и в них делают стекляные суды; у ней труба для каленья стекляных судов, ...печь кирпичная с трубою, в которой стекло обжигают; 4 очага кирпичных с трубою, в них 4 котла литых железных, в которых золу варят; 3 тчана больших, в которых бывает щелок; очаг кирпичной, в которой ис печи кладут уголье». В двух амбарах сложены были инструменты («снасти»): «сковороды, на которых колют стекляные суды; 3 заслона; двенадцатеры ножницы больших, которые именуютца боршели, четверы ножницы, что обрезывают стекло, пятеры щипцы, двенадцатеры клещи, размер, 54 трубки, 12 пантелей, 5 ралок железных, что стекло мешают, 7 уполовников, что стекло перемешивают, 3 доски, на которых стекляные суды делают, 8 клюк железных, которыми горшки очищают, трои вилки, которыми стекляные суды принимают, 3 приема, которыми принимают кувшины водяные, игодь медная, 14 фурм медных заливных, 7 сит, 6 решет»... Имелись особые «снасти», «которыми делают стекла коретные»[3]. Нужные для завода материалы добывали по соседству: песок с Воробьевых гор, золу с пустошей, где усиленно производилась чистка леса[4]; близко была также знаменитая акжельская глина, которой на Черноголовском заводе в 187 г. оставалось, по описи, 5 возов[5]. На Измайловском заводе оказались кроме того «всякие запасы к фигурному делу»: «пуд стекла тянутово з золотом и с финифтью и с красками; финифти белой, желтой, лазоревой полчетверти фунта; корольков белых четь фунта,

[1] Там же, л. 40.
[2] Арх. Ор. Пал., № 51490, л. 5.
[3] Описание с. Измайлова, л. 140—144.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1451—1452.
[5] Описание с. Измайлова, л. 271 об.

бисеру желтово, зеленово 2 фунта без чети фунта, 12 золотников краски дракомблею» и т. п., а также разные приспособления, «чем делаютца фигуры» [1]. Изделия завода должны были, значит, удовлетворять не только практическую нужду, но и требования эстетического вкуса. По отзыву Кильбургера, управлявший заводом Мигнот (Моет) славился своим искусством и делал «довольно чистое стекло». Из приходо-расходных книг с. Измайлова видно, что на Измайловском заводе изготовлялись «стекляные суды» зеленого и белого стекла различной формы: стаканы «высокие, плоские, глатские, чешуйчатые, витые и с обручиками»; солонки; «сулейки льдовые, витые, полосатые»; «скляницы виницейки с шурупами»; «скляницы витые с шурупами и без шурупов»; кубки «с кровлями и без кровель»; рюмки граненые, тройные, братинки, перешницы, мухоловки. Чтобы восполнить однообразие формы, старались разнообразить размеры: «суды» чуть не каждого вида делали большие, «середние» и «самые маленькие», проявляя в этом направлении даже некоторую игривость воображения, — изготовили, например «200 сулеек в золотник», «5 стаканов в четверть ведра и больши», «рюмку в сажень» [2], последнюю, можно подумать, в pendant к царю-колоколу. Следующий случай, рассказанный в Дворцовых разрядах [3], рисует изделия Измайловского завода с эстетической стороны. Однажды, после посещения царем Алексеем Измайлова, обнаружено было исчезновение «золоченых скляничных достаканов»; оказалось, что их «украли», как эпически-простодушно выразился составитель, сопровождавшие государя стольники и стряпчие. Если тут не сказалась профессиональная привычка тогдашних камергеров, то проявившийся в этом случае успех измайловских изделий в наиболее изысканном кругу московского общества конечно должен свидетельствовать об их привлекательности.

В приходо-расходной книге с. Измайлова содержатся данные, которыми хорошо иллюстрируется общая продуктивность работ на Измайловском заводе. Эти данные относятся к 1676—77 г. и следовательно вполне могут характеризовать порядок, действовавший в ведомстве Тайного приказа. Именно, за год было выработано судов зеленого стекла: «по сту скляниц четвертных и виницеек и самых маленьких с шурупами, по сту ж склянец середних и витых без шурупов, 200 скляниц четвертных без шурупов же,

---

[1] Описание с. Измайлова, л. 147 об.
[2] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 216—218 об.
[3] Дворцовые разряды, т. III, стр. 1598—1599.

49 сулей ведерных, 42 сулей полуведерных, по 50 четвертных и получетвертных, 50 братинок, 56 ставцов, 50 кружек, 100 мухоловок, 60 кувшинов самых маленьких, 26 блюд, 25 стаканов болших, по 30 середних и самых маленьких, 15 чарок, 20 перешниц»; белого стекла: «43 кубка с кровлями и в том числе два с цветными репьями, один позолочен, 54 кубка без кровель, 17 кубков (поддоны отломаны), 16 кубков долгих потешных, 9 кубков полских, 24 кубка потешных, 72 рюмки, 15 рюмок граненых, 1 рюмка в сажень, 30 сулей в четверть ведра, 1 792 сулеи малых, 87 кувшинов, в коих цветы подаютца, 30 кувшинов, 2 кувшина водяных, 2 подсвешника позолочены, 47 сковородок больших и малых, 163 оловеничника, 5 стаканов в четверть ведра и больши, 50 стаканов больших—за два один, 87 лампат, 25 солонок, 3 067 стаканов высоких, 2 850 стаканов плоских, 10 блюдечек, 4 ставца, 416 склянок, 11 кружечок, 35 братинок, 7 чаш гладких илдовых (?), 200 сулеек в золотник» [1].

Сафьянный завод, состоявший в ведении Тайного приказа, был менее удачным предприятием и имел довольно сложную историю. Первоначально он был устроен в Москве, на дворе суконной сотни тяглеца Михаила Бечевина, приобретенном Тайным приказом. Об учреждении его в «Книге сафьянного завода» сообщается: «174 года апреля с 1-го числа великий государь указал на Михайловском дворе Бечевина завести завод для сафьянного дела, а быть на том дворе мастеру армянину Арабиту Мартинову» [2]. Заведывание заводом поручено было подьячему Тайного приказа Кириллу Демидову, по смерти которого в 1667/68 г. перешло к другому подьячему, Артемию Степанову. Устроенные в первое время на бечевином дворе здания несколько раз потом переделывались, так что только «на хоромную починку и на всякий завод», очень несложный, вышла значительная сумма — 103 р. 20 а. 3 д. [3]. Через несколько лет, в 1669/70 г., по государеву указу, был устроен еще другой сафьянный завод в государевом селе Чашникове, на этот раз — «ис Приказу володимерские чети»; «а мастеру сафьянного дела на том дворе велено было быть Борису Иванову да с ним ученику двум человеком, который мастер и ученики ведомы были в Приказе тайных дел». Таким образом «двор строил, и на строенье и на всякие заводы денги и расход давал из Володимерские чети» подьячий этого же

---

[1] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 216—218 об.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 1601.
[3] Там же, стр. 1626.

Приказа, израсходовавший на все 158 р. 27 а. 4 д. [1]. В следующем году решено было оба завода соединить и «сафьяной двор, что за Яузою (т. е. на бечевином дворе), которой ведом был в Приказе тайных дел, со всяким дворовым строением и з заводы и с мастером и с ученики и с сафьяны и с козлины... велено взять в Приказ володимерские чети и мастера и учеников перевесть на сафьяной же двор и быти сафьяному двору в одном месте в селе Чашникове» [2]. Мастер, теперь уже новый, но тоже армянин, Мартын Мардьясов с учениками и были переведены; покинутое же на бечевином дворе «дворовое строение» «в пожарное время згорело» [3]. Все это было в 20-х числах сентября 1670 г., а «в том же во 179 году октября в 1 день по досмотру мастера Мартына Мардьясова и учеников» выяснилось, что «сафьяному двору в селе Чашникове быть не мочно — для того, что неключевая вода». Мастер, оказалось далее, по собственному почину тогда же «обыскал... воду на Москве в Земляном городе на Воронцовском поле, самотек вода, ключевая, чистая», и обещал, что «тою водою учнет он, Мартын, сафьяны добрые (делать)». Согласно с этой экспертизой и обещанием принято было (10 октября) решение: «по указу великого государя сафьяного двора строенье и всякие заводы села Чашникова перевезено, и устроен сафьяного дела двор на ключевой воде на Воронцовском поле» [4]. На новом месте завод поступил в новое ведомство: «179 году октября в 1 д. великий государь (т.) указал... отдать его, со всеми мастерами и со всякими записями «в Приказ Малые России стольнику и полковнику Артемону Сергееву сыну Матвееву. Государев указ о том сказал он же Артемон» [5]. Конечно между изготовлением сафьянов и задачами Малороссийского приказа никакой связи не было; но Матвеев лично всегда стоял фактически близко к Тайному приказу и его хозяйственным делам и некоторое время, кажется, заведывал хозяйством с. Чашникова, может быть, вместе даже и сафьянным заводом [6]. Впрочем и внешним образом сафьянный завод продолжал сохранять связь с Тайным приказом, потому что жалованье, хлебное и денежное, мастерам должно было и теперь итти из Хлебного приказа [7]. На этом однако

---

[1] Гафкэ, А. М. И. Д. Дела, вновь разобранные, № 973, л. 1.
[2] Там же, л. 2—3.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 205—206.
[4] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела, вновь разобранные, № 973, л. 4.
[5] Р. И. Б., т. 23, стр. 1640—1641.
[6] Там же, т. 21, стр. 1356.
[7] Там же, т. 23, стр. 1641.

ведомственные мытарства сафьянного завода не остановились: «в 181 г. велено было ведать его в Галицкой чети», которой тогда стал управлять Матвеев, а в следующем году и оттуда завод был «взят» и передан в ведение Приказа «Новой оптеки», т. е. вернулся наконец снова в ведомство Тайного приказа, которому Новая аптека непосредственно была подчинена.

Устройство сафьянного завода было несложное; на бечевином дворе например были поставлены 3 избы для мастеров и рабочих, «омщеник, в котором сафьяны делают», в «омшенике» 4 колоды больших и 8 коротких, в «чем кожи мочат»; колодезь «под кровлею», из которого с помощью «колодезного насоса» с железным коромыслом проводилась вода в колоды; «анбар, на нем сушило». Не хитры были и «снасти»: струги, «чем с козлин шерсть чистят», скобели, скребницы, клевец жерновной, «доски, которыми сафьяны мяхчат» и, наконец, разная «посуда»: котлы, кади и пр.[1]. Материалами для сафьянного производства служили: чернильные орешки, купорос, квасцы, поташ, соль, вола, разных цветов сандал и святогорский лист. Козлиные кожи, из которых по преимуществу делались сафьяны, покупались или в Москве в «рядах» вероятно подьячими или в городах через местных «выборных» целовальников; иногда поставлялись на завод по подряду. Города, где закупались «козлины», как раз числились за Владимирской или за Галицкой четями (например за первой — Владимир, Торжок, Переяславль Рязанский, Калуга, Тверь и др.; за второй — Кашин, Ростов, Шуя, Коломна, Кашира и др.), и вероятно отчасти и этим можно объяснить, почему та и другая получали в свое ведение самый завод. Закупка производилась и поштучно и большими партиями; например, на Чашниковский завод было приобретено однажды «подрядных» 2 тыс. козлин на 580 руб., в другой раз — в Торжке 1 523 козлины на 323 руб. Размеры производства характеризуются следующими данными: с завода на бечевином дворе (до перевода в Чашниково) в течение 176—179 гг. «отдано в Приказ великого государя тайных дел» 1374 сафьяна и замш да перевезено в Чашниково 300; на Чашниковском заводе с 178 по 182 г. «сделано было 3 615 сафьянов» (с указанными 300). Самая постановка производства характеризуется однако не этими цифрами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что расходы по производству значительно превосходили затраты на кожи. С 176 по 179 г. куплено было например 1672 кожи (из них сафь-

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1608, 1642.

янов вышло 1 374) на 330 р. 7 а. 2 д., а на плату рабочим, ремонт зданий, покупку орешков и красок было израсходовано 529 р. 12 а.[1]. С другой стороны, мастера решительно не были на высоте положения. Первый мастер Арбит Мартынов «по русски языку не знал», как о нем записано в «Книге сафьяного заводу», так что при нем состоял особый «толмач для толмачества» Бориско Иванов[2]; тем не менее ему подобрали русских учеников. Через год Арабит умер, и мастером сделали этого Бориска Иванова, который за год испортил 70 кож и был «из мастеров отставлен». На смену ему явился Мартынко Мардьясов, который «выехал ис Кизылбашской земли собою». Он известен нам как инициатор перенесения Чашниковского завода на «воду самотек»; однако через некоторое время и сам он и ученики его (6 человек) были «от сафьяного дела отставлены, потому что они многие сафьяны портили». Пробовали пристроить к делу стрельцов, но на этот раз и стрельцы обманули ожидания. Когда наконец «выбрали» 6 чел. «...добрых мастеров» (откуда — неизвестно), то нашли даже нужным обеспечить себя особым договором, обязав их «делать по 1 тысячи сафьянов на год ис прежнего годового жалованья». В довершение всего и закупленный материал иногда оказывался недоброкачественным; так, из 1 523 «козлин новоторжских» 731 в дело не пригодилась — «для того: малы и тонки, а иные горелые»[3]. Эти затруднения под конец были повидимому улажены, но при помощи комбинации, которая сама по себе представляет, может быть, больший интерес, чем сафьянное дело: к устройству сафьяного завода должен был приложить таланты ближайший друг государя и глава московской дипломатии.

Сафьянный завод пробовали использовать еще в целях другого производства. «Великий государь (т.) указал, — значится в «Книге сафьянного завода», — на сафьяном дворе иноземцом грузинцу Сафару Давыдову да кизилбашенину города Тевриза Асию Муратову для образца окрасить миткаля и холста на кумашное дело»[4]. Куплены были необходимые материалы, и работа была выполнена, причем аршин миткаля, окрашенного в красный цвет, обошелся в 4 а. 2 д., аршин холста, окрашенного в вишневый цвет, — в 2 а. 2 д. «Образцы» были представлены в Тайный приказ. Потом произвели, также по государеву указу, опыт другого рода: красили «коленского и руского полотна для

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1630—1638.
[2] Там же, стр. 1601.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела вновь разобранные, № 973, л. 5.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 1618.

образца на киндяшное дело по аршину в цвет». И эти «образцы» были «поданы к великому государю в Верх»[1]. Было ли продолжение опытов, из книги и других документов не видно.

Едва ли не остановилось в положении опыта близкое к сафьянному кожевенное дело. Распоряжение об устройстве кожевенного завода, как и всех других, вышло от государя: в одном из «тетрадей» царя записано: «приказать (Семену Нестерову, управляющему Хлебным приказом) завести кожевной завод, где пристойно, и кожи велеть покупать в Мордве и в Черемисе, в тех местех, в которых не бывает покупки торговых людей»[2]. Как видно, для обеспечения успеха будущему предприятию, царь предусмотрительно намечает даже район для закупки материалов, где Приказ мог бы действовать без конкурентов. С другой стороны, в делах Тайного приказа имеется документ, представляющий собой подробное описание процесса кожевенного производства и необходимых приспособлений: очевидно в Приказе знакомились этим путем с кожевенным делом. Тут же приведен расчет, согласно которому 6 рабочих (2 «мастера» и 4 «дуботолка») могут в течение года изготовить до 1 000 кож.[3]. Местом для устройства завода выбрали деревню Тимонино на Клязьме, где и был построен «анбар каменной круглой вдоль и поперек 11 саж.»[4]. В Нижнем (в 1670 г. — первая дата) заказано было «изготовить золы на кожевное дело 600 чети и прислать водою»[5]; а в Астрахани поручено было (в том же 1670 г.) купить «10 тыс. юфтей кож яловищных»[6]. Однако о практических результатах всех этих приготовлений документы молчат.

В огромных количествах вырабатывался в царском хозяйстве кирпич. Кирпичный завод устроен был на пустоши Строкине в том, без сомнения, расчете, что там имелся большой запас дров благодаря производившейся чистке леса. Завод имел обширные размеры, как можно судить хотя бы по тому, что за один раз было заказано сделать «к кирпичному делу» в Строкине 700 липовых станов[7]. Работали здесь по преимуществу «работные люди» — каргопольцы, вызывавшиеся с мест по «наряду» из Тайного приказа, причем для обучения их искусству взяты были в Стро-

---

[1] Там же, стр. 1624.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 24.
[3] Там же, № 506, л. 1—5.
[4] Там же.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1521.
[6] Там же, стр. 1504.
[7] Там же, т. 23, стр. 954.

кино 16 чел. «кирпичников» из Каменного приказа, за особое вознаграждение [1]. Несмотря на расход, на заводе оставались огромные склады кирпича; при составлении описи насчитали например в Строкине «11 сот 20 000 кирпичю», т. е. 1 200 тыс. [2]. Но строкинский кирпич был невысокого качества; приходо-расходная книга с. Измайлова замечает о нем: «плох, в дело мало годитца» [3].

В селе Пахрине (Домодедов. в.) были также заведены «государевы печи» для обжигания извести [4]. Отсюда известь развозилась в разные государевы села сотнями, даже тысячами бочек [5].

Была еще отрасль промышленности, которую царь Алексей настойчиво стремился ввести в круг хозяйственных операций своего Приказа и в которой он особенно много ждал от искусства мастера-иноземца, — добыча металлов. Целый ряд экспедиций был снаряжен из Тайного приказа в самых различных направлениях для отыскания руды всяких видов. Первый подобный опыт был произведен едва ли не в 1663 г. Во всяком случае в этом году «копали руду» в Кадомском у., в вотчине кн. Ф. Ф. Волконского с. Соватме по указанию «изветчика» Ивашки Яковлева и под руководством специалиста «рудознатца» [6]. Но особенно настойчивыми поиски становятся повидимому с 1666 г. В июле этого года были «отпущены на Кевролу и Мезень рудознатцы Сербяня, князь Богдан да князь Степан Милорадовы» в сопровождении стрелецкого сотника и 2 стрельцов «для сыску серебряной и золотых и иных руд». А через три дня с той же целью отправилась другая экспедиция к «Архангельскому городу» во главе с полковником Густавом фон Кампеном. Задача этой была впрочем сложнее: Густав фон Кампен должен был прежде всего обследовать и описать «гору каменную алебастровую», о которой великому государю «ведомо учинилось», что таковая находится на Двине реке, «выше Колмогор 100, а от Архангельского города с 160 верст»; после же того — «сыскивать всяких руд, слюды, соляных разсолов или где пристойно соль варить в морской воде; рек, на которых мельницы строить для ростирки лесу при лесных местех; осмотрить леса, ис которых мочно рубить к ко-

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 31, 73.
[2] Там же, стр. 231.
[3] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 190.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 235, 938.
[5] Там же, стр. 938: ср. т. 21, стр. 1632, 1667.
[6] Гафкэ, Г. А. XXVII № 214, л. 38—39.

рабельному делу на шоглы и на доски»[1]. В июле следующего года искали серебряную руду под с. Кременским, Боровского у., стряпчий И. Образцов и рудознатец Ивашко Неумоин, а «для указыванья места» с ними отправлен был «присыльной мужик вотчины князь Михаила Черкаского села Богородицкого крестьянин Гурко Шпенков»[2]; тот же «рудознатец Ивашко Неумоин» был снова послан через месяц «для сыску серебряной руды» со стольником Е. Пашковым во Владимир[3]. По новому маршруту отправлен был в 1669 г. подьячий Тайного приказа Еремей Полянский, «а с ним рудознатцы: гречанин Иван Миколаев, грузинцы Татул Мамукаев, Давыд Мамукаев»; им велено было искать серебряную руду, «едучи Москвою и Окою и Волгою реками» до Казани «по обе стороны тех рек»[4]. На Волге же, от Ярославля до Астрахани, «и по иным рекам, которые в Волгу впали», пробовал счастья в 1673/74 г. «вологжинин посацкий человек» Яков Галахтионов[5], получивший из Тайного приказа обширные полномочия искать золотую и серебряную руду «по всем Московского государства уездам по изветчиковым речам»[6]. Заглянули и в далекую Сибирь: в 1672 и 1673 гг. ездили туда в тем же — «для сыску серебряной руды» — думный дворянин Яков Тимофеев Хитрово с сыном, подьячий Приказа Е. Полянский «да с ним же рейтарского строю полковник Давыд Фан-дер-Нисин», побывав на Верхотурье и в Натайском остроге[7]. Посылая экспедиции в отдаленные места, в то же время не отказывались от надежды найти руду и поблизости от Москвы. Так, в 1669 г., желая, может быть, испробовать искусство рудознатцев, «которых привез из-за рубежа полковник Фан-Стаден», послали их под присмотром подьячего Ивана Полянского искать серебряную руку в Дмитровском уезде[8]. И даже под Измайловым приходо-расходная книга 174 г. отмечает «земляную копку, где ищут медные руды»[9].

Как видим, руководителями этих предприятий являются «знающие люди» разных национальностей, иноземцы с Запада и Востока, но был, судя по прозвищу, один как будто и домашний «рудознатец». Царь усиленно искал таких людей и главным образом на Западе. Еще по «росписи» из

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1218.
[2] Там же, стр. 1336.
[3] Там же, стр. 1343.
[4] Там же, стр. 1466.
[5] Там же, стр. 687.
[6] Доп. к А. И., т. VI, стр. 164.
[7] Р. И. Б., т. 21, стр. 687.
[8] Там же, т. 23, стр. 29.
[9] Там же, стр. 790.

Приказа 166 г. царский комиссионер Гебдон должен был призывать на службу из-за границы «алхимистов самых ученых, рудознатцов серебряных и медных и железных руд»[1]. В 1667 г. был отправлен за рубеж уже из Москвы специально «для призыванья в Московское государство ремесленных людей» иноземец Иван Фан-Сведен[2]. В 1669 г. ездил «за море» «по государеву указу за всякими мастеровыми людьми и рудознатцами» полковник «Николай Фанстаден»[3]; и он же в следующем году нанимал для государя «рудознатных и плавильных мастеров» в «Курляндской земле»[4]. Призывая ученых рудознатцев из-за границы, царь Алексей не хотел однако, чтобы и русский человек оставался беспомощным в этом деле. Посылая в 1662 г. Прозоровского и Желябужского в Англию, царь ассигновал им 4 тыс. ефимков «на наем мастеровых людей» и вместе «на покупку руд всяких»[5]; и точно так же позднее (около 1672 г.) известный Андрей Виниус в одну из своих заграничных «посылок», «хотя великому государю послужить, достал... для образца самые добрые серебряные и золотые руду»[6]. Может быть, вспоминая народное поверье о цветке папоротника как о верном признаке кладов, царь между прочим поручал упомянутым Прозоровскому и Желябужскому «промыслить» (в Англии) трав, которые ростут, где бывает серебряная руда и каковы в тех местах бывают признаки»[7], очевидно, в руководство русским людям при будущих самостоятельных изысканиях. Каковы были результаты всех этих усилий, из дел Тайного приказа не видно. Определенно знаем только, что первая из указанных попыток не вознаградила затраченных трудов и денежных средств. «Копали, — читаем в донесении кадомского воеводы, — сажен по пяти и по шести — доискивались руды серебреные, и никакие руды в тех местех, где копали, не нашли ничево»[8]. Потом руду все-таки нашли, но выплавилось из нее не серебро, а железо. Оказалось, что искатели серебра были на этот раз жертвами мистификации: объявивший руду Ивашка Яковлев обманул их, показав за образец руду с подмешанным серебром[9]. Можно подозревать, что и в последующих опытах разочарования случались много чаще, чем удачи.

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 70.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1305.
[3] Там же, стр. 1447.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 285; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 1519.
[5] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела английские, № 5.
[6] Доп. к А. И., т. II, стр. 161.
[7] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела английские, № 6.
[8] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 214, л. 39.
[9] Там же, л. 144.

Зато достигнут был несомненный побочный результат: настойчивость царя разбудила в известной мере общественную предприимчивость. Появились «изветчики», которые знали «признанные рудные места», например города Пензы соборный поп Лука Степанов с двумя своими «духовными детьми» Михаилом и Яковом Безобразовыми; а посылавшийся из Разряда «для сыску всяких руд» жилец Семен Захаров стал повидимому настоящим специалистом в этом деле, как писал о нем Виниус, «по многим местам ездя, к тому делу признался и... имеет раденье великое»; образовалась даже компания из русских людей, испрашивавшая у государя разрешения «сыскивать руду своими проторми» по всему Московскому государству, причем во главе ее оказался другой поп, «церкви Успения пр. богородицы, что на Москве у нового гостиного двора, Дементий Федоров»[1]. Впрочем эти дела проходили главным образом через Посольский, а не через Тайный приказ[2].

Каковы бы ни были практические результаты хозяйственной деятельности Приказа, самая постановка ее говорит о необычной для XVII в. широте замысла. При удаче, по разнообразию культивируемых отраслей царское хозяйство могло бы чуть ли не исчерпывающим образом обслуживать потребности своего владельца, и не только в таких предметах, которые с давних пор вошли в повседневный обиход русского человека, а и в таких, которые в качестве редкостей стали сравнительно незадолго перед тем приходить к нему из заморских стран. Широте замысла соответствовало, насколько можно конечно ждать от того времени, и техническое оборудование—усовершенствованные хозяйственные приемы и подбор рабочих средств. Откуда пришла идея столь сложного предприятия, об этом можно говорить, только имея перед глазами состав хозяйственного оборота в целом, с одной стороны, и совокупность внешних условий, в обстановке которых складывалось ведомство Приказа, — с другой. Это будет предметом дальнейшего изложения; но один момент, делавший подобный опыт психологически возможным, ясно выступает и в изложенных уже наблюдениях: это — наивная уверенность в техническом, почти всеобъемлющем, могуществе мастера-иноземца. В смутном виде такое чувство возникало у рус-

[1] Доп. к. А. И., т. VI, № 24.

[2] Опись отмечает также среди взятых из архива Тайного приказа дел — «отпуски и писма всякие о серебряной руде и о соли и иные Приказу болшие казны дела с 170-го по 183 г.»: очевидно и Большая казна действовала параллельно с Тайным приказом. Р. И. Б., т. 21, стр. 687.

ского человека вообще по мере того, как он урывками и по частям знакомился с чудесами западной культуры; а у Алексея Михайловича оно выросло повидимому до степени прочного убеждения, ярко сказавшись некоторыми увлечениями и в области руководимого им хозяйства. Не имея точного представления об основах материальной культуры Запада и восприняв ея результаты главным образом в виде всяких, как он сам однажды выразился, «диковинок, каких в Московском государстве нет», царь Алексей был склонен вообще источник культурно-бытовых отличий сводить к уменью и изобретательности, чересчур расширяя границы их приложения в ущерб значению естественных условий. Поэтому он с большой свободой наделяет Запад разными «хитростями» даже из запаса собственного воображения и потом рассчитывает с помощью вызванного оттуда мастера иметь их у себя в реальном виде. Вот один-два примера в пояснение. Царь любил например смотреть, как «делают комедию» люди, — а как бы стали делать то же птицы, к которым, как известно, он питал большое пристрастие? И. Гебдону дается поручение — прислать из-за границы «мастеров таких, чтоб умели то сделать так, чтоб всякие птицы пели и ходили и кланялись и говорили, как в комедии делаетца»[1]. Или: царю во время его походов вероятно много затруднений причиняли разные естественные преграды, — но ведь должен быть мастер, который в состоянии устранить их? И, упреждая инженеров XX в., царь требует, чтобы тот же Гебдон нашел ему в Европе «подкопщиков самых добрых, которые б умели подкоп весть под реки, и под озеро, и сквоз горы каменные, и на гору вверх и сквоз воду»[2].

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 70.

[2] Там же, л. 1. Редакция обоих поручений принадлежит самому Алексею Михайловичу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как следует из истории образования подведомственной Тайному приказу территории, в состав крестьянского населения государевых владений вошли крестьянские группы разных категорий: владельческие, дворцовые и государственные, имевшие известные отличия — юридические и бытовые. С переходом в ведомство Тайного приказа сохраняла ли каждая свои особенности или для всех их создавалось одинаковое положение, и в последнем случае перестраивалось ли их положение заново или какая-нибудь одна группа являлась образцом, по которому равнялись две другие? Конечно основным законом, по которому жил крестьянин и в ведомстве Тайного приказа, было Уложение: недаром Уложенную книгу должны были держать приказчики и воеводы в приказной избе[1]. Но Уложение как раз в тех пунктах, в которых всего ощутительнее сказывалась разница между указанными категориями крестьян, например в вопросе о пределах власти над личностью крестьянина и его «животами», о составе и размерах его повинностей, или молчит или начинает говорить уклончиво и невразумительно, предоставляя практике вырабатывать более категорические решения и проводить более определенные грани. Поэтому и в данном случае практика и создавшееся ею фактическое положение должны быть главными критериями при определении особенностей крестьянского состояния.

Самым острым признаком в положении владельческого крестьянина была молчаливо допускавшаяся по отношению к нему законом возможность быть предметом купли и продажи. В ведомстве Тайного приказа личность крестьянина, кажется, не могла иметь гарантий. Сам царь во взглядах на этот предмет не возвышался над рядовыми вотчинниками своего времени. В записных книгах под 19 апреля 1662 г. находим например следующую запись: «послана государева

[1] См. выше стр. 55.

грамота к окольничему и воеводе ко князю Г. Г. Ромодановскому..., чтоб послал в Запороги ково пригож и велел купить тайно татарченков молодых человек 50 или 60 и прислать к Москве с кем пригож тотчас»[1]. Татары в качестве слуг были, можно думать, в моде у тогдашних крупных землевладельцев; у боярина Морозова например мы видим их в роли «приставов» или надсмотрщиков на сельских работах, причем они сменяют друг друга «по неделям»[2]; они встречаются также среди дворовых людей — «стольников», «слуг» и «комнатных жильцов» — у боярина Н. И. Романова[3]. Повидимому и царь Алексей, покупая татарченков, следовал той же моде: некоторые из них были потом в царских сокольниках[4]; татарам же государь указывает «быть» на его мельницах «вместо работников» и на конюшенных дворах[5]. А вот картина уже совсем во вкусе крепостной усадьбы: «по указу великого государя (т.), — читаем в приходо-расходной книге Тайного приказа, — (дано) ево государева жалованья Василью Борисову сыну Благово, в приказ, сто рублев за то, что он великому государю челом ударил двемя человеки да десять лошьих собак»[6]. Может быть, здесь даже интереснее состава подарка то простодушие, с каким официальный документ воспроизвел эту комбинацию, не смущаясь юридической близостью, в которой оказались «человеки» и собаки. Эти два случая конечно не совсем то, что прямая торговля людьми, но после них покупка крестьян в ведомстве Тайного приказа во всяком случае не будет неожиданностью. В указе Федора Алексеевича от 16 февраля 1681 г., содержащем предписание о сыске измайловских крестьян, рассказана между прочим история с. Измайлова, и тут мы читаем: «А село-де Измайлово с приселки и з деревнями по именному блаженные памяти великого государя (т.) Алексея Михайловича указу построено внове, и крестьяня свезены изо многих дворцовых сел и волостей и ис купленых вотчин, а иные браны у всяких чинов людей, ...а иные призваны были литовские выходцы, а иные браны для того, что служили во дворах у всяких чинов людей посацкие тяглые люди и дворцовых сел крестьяня и крестьянские дети, а иные куплены». Указ далее предписывает составить роспись крестьянам, «кто у кого взят, и призван

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1009.
[2] Арх. Ор. Пал., № 42297, л. 7, 53 и об., 69, 138.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Прик. д. ст. л., 1662 г., № 89, л. 56—58.
[4] Р. И. Б., т. 23, стр. 611.
[5] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 85, л. 3—4.
[6] Р. И. Б., т. 23, стр. 584.

литовских выходцев, или куплен и по какому случаю»[1]. Термин «куплен», употребленный в указе в применении к крестьянам дважды, нельзя считать обмолвкой. Та же терминология выдерживается и в другом указе Федора Алексеевича от 1 июля 1678 г., содержащем распоряжения по ликвидации хозяйственных предприятий его отца: указом требуется прислать в Судный дворцовый приказ «купчие и всякие крепости, что покупаны при отце ево государеве в Приказ тайных дел розных чинов у людей села, и деревни, и пустоши, и всякие угодья в Московском и иных городов в уездех и крестьяня»[2]. Одну из таких купчих на людей имеет, можно думать, в виду и опись, отмечая среди купчих на землю, найденных в архиве Тайного приказа, следующий документ: «Запись Якова Васильева сына да Федора Федорова сына Демьяновых, 182-го марта в 25 день, на крестьянина их на Стеньку Васильева с женою и з детми, что взяли они за него из Приказу тайных дел денег сто рублев, которой крестьянин их деревни Хлуденева живет в государеве дворцовом селе Дмитровском»[3]. Возможно, что списанный в такой форме документ был поступной записью, хотя опись вообще, надо сказать, всегда очень точно обозначает род актов, переданных ликвидационной комиссии «для розбору», в том числе и поступные записи, заимствуя даже при описании выражения из их формулы («что поступился»)[4]. Во всяком случае место, отведенное этой записи, — среди купчих, — прямо выдает, какое значение придавали ей в действительности, предпочитая, может быть, только прямо не называть ее купчей.

Для государевых крестьян было счастливым обстоятельством, что их владелец не имел нужды пускать их в оборот в качестве товара и ограничивался только их приобретением. Зато чрезвычайно широкое применение в практике Приказа получил другой хозяйственный прием, также выражающий собой зависимость крестьянина от владельца в личных и имущественных правах, — переселение крестьян. Уже известный нам указ от 16 февраля 1681 г. содержит указание на перевозы крестьян при устройстве с. Измайлова. Из других документов видно, что Измайлово заселялось в несколько приемов. Так, в 1662/63 г. из Колдомской в. (Костром. у.) за один раз было переселено туда

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 836.
[2] Там же, стр. 824.
[3] Там же, стр. 376.
[4] Там же, стр. 317–329.

738 семей[1]; докладная записка 1675 г. о беглых измайловских крестьянах, давая несомненно неверную общую цифру (664) перевезенных крестьян, упоминает еще о крестьянах, взятых в Измайлово из Славецкой в. (Валд. у.) из с. Забелина и д. Аламовой (Переясл.-Залес. у.), из сел Порецкого и Семеновского (Алатор. у.), из Аргуновской в.[2]; наконец, записная книга 1667 г. приводит указ о выборе «на житье» в Измайлово 222 «крестьян мастеровых людей» из дворцовых волостей вообще, не перечисляя последних[3]. Тем же способом увеличено было население другого подмосковного владения — Домодедовской в.: сюда были переведены жители городов Каширы, Керенска и двух Ломовых — Верхнего и Нижнего[4]. Для заселения г. Богородицкого уделили из «измайловских сел» 300 крестьянских семей да из пошехонских 100[5]; туда затем были направлены в 1664 г. ломовцы и керенцы — 108 семей, не пригодившихся для Домодедовской в.[6], а в 1670 г. там же поселены были «на вечное житье», как мы знаем, 100 солдат из полка А. Шепелева[7] 20 крестьянских дворов «с семьями и с племенем» были переведены из Аргуновской в. в с. Чашниково[8]. Когда у государя явилась мысль «завесть десятинную пашню» в Арзамасском и Алаторском уездах, последовал указ — «на ту пашню свесть и поселить семей 400 или болши» из Городецкой волости[9]. Но наиболее обширные размеры эта мобилизация должна была получить, когда в 1662/63 г. был дан из Тайного приказа государев указ об отпуске из за монастырей, помещиков и вотчинников в Бежецком верху корелян-выходцев в числе 1 069 дворов (или 3 430 чел.) и о поселении их на «порозжих государевых землях», частью в Измайлове[10]. Отписка произведена была на том основании, что кореляне при выходе из-за «свейского» рубежа «откупные деньги платили сами и платежные отписи положили», а «в писцовых и в переписных книгах за монастыри и за помещики и за вотчинники не написаны, и ссуды не имали».

При переселениях, разумеется, не приходилось считаться

---

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 786, л. 173.
[2] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 387.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1357.
[4] Гафкэ, А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 17—19.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 705.
[6] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 584, л. 195 и сл.
[7] Р. И. Б., т. 23, стр. 1528—1529.
[8] Там же, т. 21, стр. 1229.
[9] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 23.
[10] Там же, № 214, л. 103—105; ср. Р. И. Б., т. 23, стр. 155; т. 23, стр. 413, 427.

с интересами крестьян. Самый подбор переселяемых производился администрацией, которая должна была руководиться хозяйственными соображениями. Повидимому старались выбирать для подмосковных сел более зажиточных людей, а «худых» отправляли подальше. Из Колдомской в. однажды например, по словам указа 1680 г., в Измайлово «написано было вместо причинных людей 30 дворов самых лутчих людей»[1]. Из предназначавшихся для Домодедовской в. ломовцев и керенцев те, которые оказались, по их собственному объяснению, «стары и увечны и бездетны, иные малы», отправлены были «на житье» в г. Богородицкой, и местный воевода, ознакомившись с ними, подтвердил, что они действительно «безмерно бедны»[2]. Хозяйственными соображениями определялся и способ отбора: предписывая одному из агентов Приказа перевести крестьян из с. Воронья (Кашир. у.) вероятно в Измайлово, наказ предоставляет ему на месте решить: «как прибыльнее, дворами или от семей 300 семей взять»[3]. Перебрасывая крестьян по указаниям хозяйственного интереса с севера на юг и с юга на север, иногда большими партиями, в Приказе очень мало были озабочены самой организацией переселения и, кажется, считали свои обязанности выполненными с назначением к переселенцам провожатого. Отсюда получались положения, может быть, и обычные в правительственной практике Московской Руси, к которым однако граждане последней вряд ли могли вполне привыкнуть. Вот например, какая эпопея раскрывается из переписки между местными властями и Приказом по поводу переселения упоминавшихся только что ломовцев и керенцев. Признанные «по розбору» в Москве непригодными для пашни в Домодедове 108 семей были «отпущены» в Богородицкой в сопровождении боярского сына Кузьмы Волчкова. Когда они добрались до Каширы, то обнаружилось, что с дороги часть их сбежала и «на Кашире, — по донесению местного воеводы, — их объявилось з женами и з детьми только 70 семей», а в то же время и сам их «провожатый», сын боярский, вероятно ввиду поведения своих клиентов «с Каширы збежал, неведомо куды». Произошла невольная задержка, и переселенцы остались «на многое время», до государева указу, на руках у каширского воеводы; «а город (Кашира), — писал воевода в Приказ, — малолюдной, прокормить некому». Велел им воевода для прокормленья «покупать лотки», но попытка превратить переселенцев в

[1] Р. И. Б. т. 21, стр. 836.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 133.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 3.

торговых людей не удалась: «те лотки покупая, они опять продавали», — может быть, по непривычке к торговой профессии, а скорее всего за отсутствием покупателей. В результате «иные наша братья, — писали неудачные коммерсанты в своей челобитной, — на Кашире с мыту померли, и дети наши с мыту ж померли ж: то наша и сказка». Уцелившие были наконец доставлены в Богородицкой, но, как и естественно ожидать, явились туда, по описанию воеводы, «все бедны, и безлошадны, и безодежны; всего, государь, — доносил воевода, — у них объявилось у 50-ти человек только 6 лошадей и те худы, а то-де все лошади испроели на хлебе, живучи на Кашире»[1]. Поселенцам на новых местах требовалась немедленная поддержка. По прибытии тех же ломовцев и керенцев в Богородицкой, воевода, по государеву указу, «учел им давать хлеб и соль помесячно, и велел им строить дворы и избы рубит, а лес на избы велел возить тем... ратным людем, которые на работе у хлебного заводу». Он писал однако в Приказ: «а озаводитца, государь, им лошадьми и животиною и всякою домовою нужею нечим», и можно думать, что и в этом отношении переселенцам впоследствии также была оказана помощь. Вот другой подобный случай: «новопривезенным» крестьянам с. Чашникова велено было, как значится в приходо-расходных книгах, выдать из Приказа «государева жалованья» по 2 руб. человеку «на дворовое строенье»[2]. Конечно оказывавшаяся помощь, независимо от того, в какой мере она была достаточна, не закрывает собой самого факта распоряжения личностью крестьянина, и нельзя думать, что переселенец легко мирился с новым положением. Об этом лучше всего говорят крестьянские побеги, с которыми Тайному приказу постоянно приходилось, как увидим, бороться и одной из причин которых были без сомнения насильственные переселения[3].

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Влад. ст., № 144, л. 17—75.

[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 782.

[3] Вот действительная история, в которой ярко сказалась тоска крестьянина по всей деревне. Из с. Дмитровского Колдовской в. сосланы были в Белгород два крестьянина — староста Куземка Обросимов да Алешка Семенов, последний — «з женою и з детми». Виновником их ссылки был земский дьячок Панка Пополитов, который донес, что в то время, как в с. Дмитровское приезжал подьячий (1662 г.) «отписывать... в подмосковное село Измайлово крестьян на вечное житье», оба названные крестьянина «великого государя указу чинилися силны и ослушны и невежливы бутто слова говорили». Прожив в Белгороде «по Николин день зимний», оба решили вернуться на родину и «без отпуска пришли к Москве». В Москве Алешка потерял своего товарища, и один «с Москвы сошел... в Костромской уезд» на «прежний свой двор». Здесь «по его челобитью» односель-

Формально возможностью насильственного переселения может конечно характеризоваться положение крестьян любой категории (и даже не только крестьян). Фактически однако оно чаще всего имело место в жизни владельческих крестьян потому именно, что применение его в качестве хозяйственного приема предполагает заинтересованность и инициативу в такой мере, в какой они гораздо более свойственны частному владельцу, чем казенному учреждению. И в ведомстве Тайного приказа усиленная практика переселений, сближавшая государевых крестьян с владельческими, была без сомнения результатом проявляемой вообще Приказом исключительной хозяйственной энергии. Аналогичными последствиями эта особенность Тайного приказа отражалась на крестьянах и в другом отношении — на их имущественном положении.

В условиях обычного течения жизни крестьянин государевых владений представляется собственником нажитого им имущества. Помимо хозяйства на отведенном ему жеребье для него открыта возможность заработка и на стороне, хотя, как мы знаем[1], в зависимости от усмотрения местной администрации. Эта возможность обеспечивается иногда даже специальным распоряжением. «Да их, крестьян, — читаем например в памяти из Приказа домодедовскому приказчику, — отпускать на ту мельницу на работу; как их крестьян станут нанимать на работу, — и им наймоватца и за то имать денги»[2]. Именно государевы крестьяне

чане «дали ему миром челобитную», в которой заявили, что дьячок Панка Пополитов наговорил на пострадавших «поносные ложные слова», желая «на них взять мзды болшие», и просили «его (Алешку) из ссылки свободить». С этой челобитной беглец снова явился в Москву и «ходил... в село Покровское бит челом великому государю», но видеть государя ему не удалось. В этом положении Алешке предложил свою помощь один случайный знакомый, Федька Тулянин; по его словам выходило, что «у него такой доброй человек есть, который ево Алешкину челобитную подпишет и он бы, Алешка, дал ему сию челобитную для подписки». Благодетель и «за работу денег ничего не просил, только-де, — показал потом Алешка, — говорил, что он, Алешка, станет его, Федьку, во век памятовать». Продержав у себя челобитную 4 дня, Федька Тулянин возвратил ее владельцу уже подписанной, но на этот раз сказал, «чтоб ему дать на подошвы; и он, Алешка, Федьке дал денег 2 гривны, и то сошлос». Алешка однако не решился сразу пустить в ход свою челобитную; он опять пошел в Костромский у. в свое село Дмитровское, прожил там «до зимнего пути» и тогда уже «с тою ж челобитною пришел к Москве бит челом о государеве грамоте, чтоб ему из Белагорода освободица». В Приказе подлог конечно обнаружили, и доверчивый искатель свободы вместо возвращения на родину был «бит батоги» и сослан обратно «с приставом». Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст. № 599, л. 169—173.

[1] См. выше, стр. 58—59.

[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1200.

нередко встречаются в подрядных записях на постройки и другие работы в государевом же селе Измайлове[1]; а крестьянин с. Измайлова Ульян Осеев является сам постоянным подрядчиком Тайного приказа по поставке разных материалов[2]. Некоторым из лысковских крестьян даются из Приказа даже ссуды на их торговые операции[3]. За крестьянином признается право назначать цену своим продуктам или товару, хотя бы они приобретались для царского хозяйства. Сделав распоряжение об устройстве пасеки в с. Дехтяном, царь предупреждал приказчика в грамоте: «а пчелы у крестьян покупать повольною ценою, как пристойно, а сильно не отымать»[4]. В другой раз при покупке извести у домодедовских крестьян царь, находя назначенную ими цену высокой, хотел бы заплатить им «меньше той цены»; однако он против принуждения: «а буде не возмут, — наказывалось в грамоте приказчику, — и им велеть ставить в Измайлово и по той цене»[5]. Царь, как мы видели, даже входит в долговые обязательства по отношению к крестьянам: при устройстве пасеки в Скопине местному воеводе велено было «ульи просить у крестьян взаймы»[6]. Другой вопрос, мог ли крестьянин не продать вовсе или не дать взаймы, раз к нему обращались с государевым указом. Тому же скопинскому воеводе предписывалось на разные «покупки» при обзаведении хозяйства «деньги занять у скопинских и у романовских крестьян»; но в государевой грамоте предусматривается возможность и отказа со стороны крестьян, и на такой случай заранее указывается выход из затруднения: «а будет крестьяня взаймы денег не дадут, и ему против сей росписи (т. е. «покупок») все имать в долг; а как деньги в казне в зборе будут, и крестьяном те деньги заплатить тотчас безволокитно»,[7] другими словами: добровольное соглашение при отказе заменялось принудительным. Так, надо думать, было всегда, и сказывающаяся здесь условность крестьянской собственности ясно обнаруживается в тех случаях, когда крестьянин самовольно делал попытку выйти из условий крепостного существования. В Домодедовской в. один крестьянин бежал, предварительно вывезя и частью распродав свое имущество; по этому поводу домодедовский при-

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 244—245, 373.
[2] Там же, т. 21, стр. 814—818.
[3] Там же, стр. 1128, 1252, 1429.
[4] Там же, стр. 1178.
[5] Там же, стр. 1260.
[6] Там же, стр. 1039.
[7] Там же.

казчик получил из Приказа распоряжение: беглеца «сыскивать, а про животы и про хлеб и про всякую домовую посуду розыскивать, вправ ли он отвез (как повидимому доносил приказчик) Поместного приказу подьячего... к крестьянину его к Савке Гаврилову, и про животину, что он отдал Елисейку Иванову да Федосейку Иванову, кому то ведомо, сколько они ему денег за нее дали»[1]. Значит крестьянин оставался собственником имущества, пока сидел на государевой земле и пока оно служило таким образом источником государевых доходов, обусловливая крестьянскую способность к несению оброков и повинностей. С другой стороны, последовательным осуществлением того же взгляда на крестьянские «животы» было предписание «отписывать» на государя хлеб «отдаточных», т. е. переданных «законным» владельцам, крестьян и, «обмолотя, всыпать в житницу к десятинному хлебу»[2]. В этих хозяйственных соображениях лежал без сомнения и главный источник некоторых мер, направленных к поддержанию на известном уровне хозяйственного благосостояния крестьян. В государевых владениях силу постоянного правила имело предписание воеводам и приказчикам: «крестьянам бедным и погорелым и безлошадным лошади и всякую ссуда давать... по разсмотренью»[3]. Ссуды давались или в случае чрезвычайного бедствия (пожара, падежа скота, градобития), или — особенно часто — на семена, во всех случаях — «з доброю порукою, чтоб тот хлеб впредь было на ком взять»[4]. Ссуда на семена иногда получала правильную организацию. В Измайлово например отпущено было однажды по государеву указу 1 200 четв. ржи «измайловским крестьяном взаймы на семена до нови» с условием: «как новь поспеет, и тот хлеб у них взяв держать в Измайлове ж в житницах и давать впредь им же крестьяном на семяна потому ж взаймы»[5]. Рядом с этим заметно стремление держать под известной опекой вообще хозяйственную жизнь крестьянина. Такой смысл имеет например государева грамота к приказчику сел Дехтяного, Сасова и д. Кучиной, «чтоб он крестьяном (названных сел) лесов и лубья (которыми они платили оброк) закупать у подрядчиков не велел, а велел готовить самим»[6].

На крестьянине лежали подати общего характера (ям-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1319.
[2] Там же, стр. 1226.
[3] Там же, стр. 1185; ср. стр. 1170, 1215, 1296—1297, 1594 и др.
[4] Там же стр. 1048 и др.
[5] Там же, стр. 1473.
[6] Там же, стр. 1025.

ские, стрелецкие и полоняничные деньги) и разнообразные владельческие сборы или оброки. Как видно из грамоты лысковскому воеводе, те и другие собирались с крестьян местными воеводами или приказчиками, хотя в дальнейшем движении расходились: первые через представителя общей администрации, а иногда повидимому непосредственно из Тайного приказа шли в соответствующие общие учреждения[1]; вторые поступали всегда в распоряжение Тайного приказа. Окладной единицей в государевых владениях служила в одних случаях выть, в других — двор. Выть имела двойственное значение. Прежде всего она означала определенное количество «живущей» пашни, т. е. записанной за крестьянами известной административной группы в писцовую книгу и являвшейся прямым объектом обложения. Это — «живущая выть», или, как еще точнее она называется, «живущего тягла выть»[2]. В ведомстве Тайного приказа размеры «живущей выти» отличаются значительным разнообразием, но в среднем, если судить по крайней мере по сохранившимся указаниям в позднейших источниках[3], немного уклоняются от обычных, колеблясь в пределах от 20 до 30 четей живущей пашни. С другой стороны, как видно из документов, в каждом почти владении кроме «живущих вытей» имелись еще «пустые выти», т. е. брошенные бежавшими крестьянами, «пустовая десятинная пашня», т. е. часть земли, отведенной под десятинную пашню, но не распахивавшейся на государя, затем пустоши, сенные покосы, поросшие лесом участки. Эта земля обычно также поступала на тех или других условиях в пользование крестьян, и в документах количество ее обыкновенно показывается как в общей сумме, так и в частных долях, которые приходились на «живущую выть». Согласно показаниям упоминавшейся ранее «Очистительной книги дворцовых городов», приводящей часто данные описи 1674, 1675 и 1676 гг., в с. Хорошеве на 8 вытей «с третью и полполтрети выти» «в живущем» при 223 четях «земли живущих вытей и в пустошах» «всего крестьянские пашни» было 1 183 чети в поле, «а на выть иметца по 141 чети»[4]; в с. Измайлове на 18 вытей «с полувытью и полпочети выти» «в живущем» при 445 четях «земли живущих вытей» «всего пашни» 1 103 чети в поле, «на выть иметца 61 четь»[5]; в Домодедовской в. на «33 выти без трети выти» при 653

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1162; ср. стр. 1266.
[2] Там же, стр. 1161.
[3] Книга Очистительная, Арх. Ор. Пал., № 120/39 ,оп. №-[illegible].
[4] Арх. Ор. Пал., № 120/39, оп. № 39, л. 40 об.
[5] Там же, л. 68 и об.

четях «крестьянской пашни» (т. е. живущей) «всякой пашни 3 270 чети в поле, на выть по 192 чети»[1]. При таких условиях живущая выть в ее прямом значении определенного количества «живущей» пашни становилась, очевидно, только очень приблизительным показателем налогоспособности населения, и обозначавшаяся тут же доля «всякой пашни», рассчитанная на каждую живущую выть, должна была, надо думать, служить дополнительной меркой. Другой такой же меркой является двор в его соотношении с живущей вытью. Очевидно, чем меньше крестьянских дворов сидело на выти, тем они были состоятельнее, и потому налогоспособность населения должна была обозначаться яснее, если было известно количество приходившихся на выть дворов. Требуемый результат получался тем же чисто механическим способом — посредством деления наличного числа дворов, как выше «всякой пашни», на число живущих вытей: по той же Очистительной книге в Котельниках например было 38 дворов, а живущих вытей — «пол-2 выти с полуполтретью», — и составители книги высчитывают: «на выть пришлось по 23 двора без чети»[2]; в с. Хорошеве — 86 дворов крестьянских и 4 бобыльских, «в живущем вытей 3 с-третию и полполтрети выти», «а на выть, — читаем, — иметца по 11 дворов бес пол-четверти»[3]. Принимая одновременно в расчет количество и «всякой» пашни и дворов в их соотношении с «живущей» вытью, можно было действительно с достаточной точностью измерять глубину источника доходов, каким являлось крестьянское хозяйство. В некоторых случаях выть выступает однако с иным значением. У лысковского воеводы запрашивают например из Приказа, «сколько ныне в Лысковской волости крестьянских и бобыльских дворов, и по скольку крестьянских дворов в выть положено»[4], и выражение «положено» показывает, что в Лыскове количество дворов служило исходным моментом в определении размеров самой выти как окладной единицы, а не производным показателем степени состоятельности двора, другими словами, что здесь в качестве окладной единицы применялась так называемая «дворовая выть». Возможно, что так было во всех частных владениях, переходивших в ведомство Тайного приказа непосредственно.

Оброчное обложение в ведомстве Тайного приказа имело две формы — «денежных доходов» и «столовых

[1] Там же, л. 75–76 об.
[2] Там же, л. 31.
[3] Там же, л. 40; там же много и других примеров.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1161.

запасов». Денежный оброк налагался всегда на «пустовую десятинную пашню» и на пустоши, сдававшиеся крестьянам или целиком или «подесятинно», как было например в Мурашкине [1]; в той же форме облагались сенные покосы, рыбные ловли, мельницы, кузницы, лавки и полки; деньгами обычно платили крестьяне за мякину, солому, ухоботье от десятинного хлеба. По отношению ко всем этим и подобным статьям вообще проводился принцип, «чтоб нихто ничем безоброчно не владел» [2]. Иногда на деньги переводились натуральные повинности. Так, в Мурашкине при боярине Морозове платили «за (т. е. вместо) десятинную пашню и посопный хлеб, столовые запасы и подводы по 22 руб. 29 ал. 2 д. с выти, да за будное дело по 39 руб. 20 ал. с деньгой»; с переходом Мурашкина в ведомство Тайного приказа повинности по первым четырем статьям стали отбываться натурой, а «за будное дело» велено было «положить по 30 р, а будет не мочно, то по 20 руб. с выти» [3]. Впрочем такая статья, надо сказать, было найдена только для Лыскова и Мурашкина ввиду их зажиточности и конечно также их близости к сергацким будным станам.

Сборы натурой в подведомственных Тайному приказу владениях были так же разнообразны, как в дворцовых или частных, но по своей эластичности приближались более к последним. Крестьяне доставляли: хлеб (посопный), мясо (говяжье, баранье, свиное), гусей, уток, кур, рыбу, сыр, яйца, масло, свиное сало, мед, орехи [4]. В отдельных случаях однако это разнообразие уменьшалось вследствие некоторой специализации сборов, объясняющейся желанием Приказа использовать местные особенности применительно к нуждам царского хозяйства. Так, с 1667 г. было установлено, что мордовское население Терюшевской в. Арзамасского у. и Алаторского у. сверх денежных доходов должно давать только оброчный мед: в Терюшевской в. 270 пуд., в Арзамасском у. 224 пуд., в Алаторском у. 827 пуд. Это постановление проводилось так последовательно, что терюшевской мордве были даже уплачены деньги за взятые раньше в качестве оброчных 288 быков и коров [5]. Села Карамышево и Товарково доставляли масло конопляное, просто толченое и пеньку [6], ввиду чего особым указом велено было с этих сел «за столовые запасы и денег ныне

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 100.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1078; ср. там же, стр. 1265—1268.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 86 об.; ср. Р. И. Б., т.21, стр. 1126.
[4] См. общий перечень Г. А., XXVII, № 532, л. 7.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1265—1267.
[6] Там же, стр. 1151, 1381.

и впредь не имать»[1]. Крестьяне сел Дехтяного и Сасова и д. Кучиной должны были платить «за 300 чт. ржи и овса тож и за столовые за все запасы» лесом, дранью, лубьями и другими деревянными изделиями, нужными «для всяких государевых дел», раскладывая их между собой «повытно»[2]. Впрочем в данном случае такая специализация была допущена условно; местному приказчику наказывалось: «разсмотрить... мочно ли с них сверх той работы взять з 4-х дворов по стягу говяжью и, будет мочно, взять; а будет за бедностью взять не мочно, и им про то и не говорить»[3]. Кажется, приказчик нашел что «взять мочно»[4]. С другой стороны, по отношению к отдельным владениям состав оброчных «сборов» менялся в зависимости от текущих нужд царского хозяйства. Как уже указывалось, в период организации хозяйства с крестьян в целях обзаведения скотом брали коров и быков; так, с терюшевской мордвы взято было 296 голов[5]; с Лыскова и Мурашкина — 652[6], с Романова — 230[7], с Сасова — 97[8], с Популова — 100[9]. Живой скот явился в этом случае заменой «стягов говяжьих», составив оброк в размере одной «животины» с 4 дворов крестьянских или с 8 бобыльских[10]. На тех же вероятно основаниях был произведен в Славецкой в. при устройстве там государевой пасеки сбор ульев «по одному, и по два, а будет мочно и не в тягость» и по три с двора[11], со Скопина и Романова вместо свиных туш взяли по 500 живых свиней[12]; со Скопина же, откуда не требовали рогатого скота, — вероятно в качестве компенсации — 900 баранов вместо положенных 500[13]. Наоборот, с крестьян с. Измайлова спрашивали работы и в сборах ограничивались денежными доходами, сеном и дровами, а при Федоре Алексеевиче измайловские крестьяне, «как писец Иван Офросимов был», и вовсе были освобождены от оброков и платежей, «для того что они,—по словам составителя Очистительной книги, — против иных дворцовых сел крестьян

[1] Там же, стр. 1021. Впоследствии впрочем от этого распоряжения было сделано отступление; см. там же, стр. 1178—1179.
[2] Там же, стр. 1159.
[3] Там же, стр. 1014—1017, 1022—1024.
[4] Там же, стр. 1083.
[5] Там же, стр. 10.
[6] Там же, стр. 1042.
[7] Там же, стр. 1066.
[8] Там же, стр. 1043, 1089.
[9] Там же, стр. 1054, 1072.
[10] Там же, стр. 1127.
[11] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 525, л. 10.
[12] Р. И. Б., т. 21, стр. 1039.
[13] Там же, стр. 1101.

государеву пашню пашут и сено косят и всякие работы и изделья чинят излишне»[1]. В подобном положении находились повидимому и крестьяне Домодедовской в., где если и производились сборы «запасов», то по особой, значительно уменьшенной норме — по молодому барану с выти[2] и по определенному количеству кур с осмака[3]. Из мелких оброков наибольшую распространенность и постоянство имели сборы свиными тушами, баранами и домашней птицей. Так, с Романова и Скопина крестьяне должны были «готовить» к Филиппову дню (а представлять в Москву к 20 декабря) по свиной туше «с потрохом» с двора «кому в мочь», а «кому не в мочь», «з дву дворов по туше с потрохом же», «а тушя бы, — значилось в наказе, — всякая была по 2 пуда»[4]. Там же с двора собиралось по барану, по 2 курицы или по 20 цыплят, по гусю и по 2 утки (живых или «сушеных») или по 20 цеплят[5]; в селах Чашникове, Ермолине и Черноголовской в. — по 2 барана и по 15 куриц[6]; от крестьян с. Борки и Красной слободы требовали: щук, лещей, линей, масла и свиного сала, сыру, яиц, туш свиных, мяса с потрохами и с салом, меду, уток — словом, чуть ли не всего, что только мог добыть крестьянин[7]. Повидимому было правилом, что на первоначальное обзаведение животными и птицами «племенными», из приплода от которых и шел оброк, крестьянам выдавались деньги: на свиней по 20 алт., столько же на барана и овцу, по 2 гривны на 2 наседки или 2 алт. на курицу[8]. Для иллюстрации разнообразия и вместе размеров поступавших в течение года «столовых запасов» вот годовой оклад гор. Романова с деревнями (1 150 дворов) на 1666/67 г.: 1 833 пуда «мяс свиных» («а по счоту 1 040 туш»), 50 пуд. свиных потрохов, 305½ пуд. сала свиного, 1 000 гусей, 800 утят, 600 гусей вместо утят («потому что у крестьян утят нет»), 12 пуд. гусиных и утячих потрохов[9], 2 444 курицы «сушеных»[10] и 500 баранов[11]; или другой пример — село Сасово (100 дворов), которое вместо столовых запасов должно было поставить за

---

[1] Книга Очистительная, л. 69.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1181.
[3] Там же, стр. 1370.
[4] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 782.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1178—1179, 1198; Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 783.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 1024.
[7] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 7.
[8] Р. И. Б., т. 21, стр. 1178—1179.
[9] Там же, стр. 1262.
[10] Там же, стр. 1276.
[11] Там же, стр. 1324.

год деревянных изделий: 400 досок липовых, 100 бревен липовых, 200 досок дубовых, 100 дубин «на столовые ноги», 200 досок сосновых «косяшных», 400 досок ореховых, кленовых, яблоновых, грушевых, 400 бревен «товож лесу», 5 000 скал, 500 ушатов, 600 кадок, 1 000 корыт, 50 извар, 10 «площадок самых больших» [1].

Общей повинностью для государевых крестьян были десятинная пашня и сенокос; освобождены были от них разве только население мордовских сел Алаторского у., которое само добивалось замены работ денежным оброком [2], и крестьяне сел Дехтяного, Сасова и дер. Кучиной, где, судя по значительному количеству наемных работников, пахали и косили наймом [3]. При заведении пашни в пределах того или другого владения Приказ вообще не сообразовался с количеством населения, и потому нередко совсем не наблюдается соответствия между размерами государевой запашки и местными рабочими средствами. Так, в селах Чашникове и Черкизове было 243 двора, а пашни всего 108 дес.; в с. Балабанове—19 дворов, пашни 16 дес.; в Лыскове и Мурашкине — 1 700 дворов, пашни 320 дес.; наоборот: в с. Васильевском и приписанном к нему с. Изварине дворов было всего 24, а десятинной пашни по 70 дес.; в с. Кудрявцеве и приписных Семушкине и Новоселках — 9 дворов, пашни 85 дес.; в Измайлове — 239 дворов, пашни 800 дес.; в Домодедовской в. — 465 дворов, пашни 665 дес. [4]. Это наблюдение само по себе однако не означает, что в распределении повинностей господствовали случайность и произвол. Недостаток местных рабочих рук возмещался широким применением в ведомстве Тайного приказа других форм труда помимо обязательной работы местных крестьян. Заводя десятинную пашню, Приказ иногда заранее признавал необходимость наемного труда, следовательно количество обязательного труда вовсе не определялось общими размерами государевой запашки. Наказом Елизарову и Насонову устанавливалось для Скопина и Романова по 3 тыс. дес. пашни; из них местным крестьянам предписывалось пахать, «как им в мочь», а «достальную землю» предполагалось «вспахать и посеять наймом» [5]; подобным же образом, посылая киреевскому приказчику распоряжение «сено косить все чтоб одноконечно некошенной гравы не оставить», из Приказа, как мы знаем, разъясня-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1017.
[2] Там же, стр. 1267; там же, т. 23, стр. 660.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № Б. 5.
[4] Там же, № 532, л. 54—59, 64—70.
[5] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 781.

ли: «а будет киреевскими крестьяны покосить будет невозможно и для той козьбы козцов нанять»[1]. Как определялась эта мера возможности для крестьян? Кажется, и здесь, как и в сборах «столовых запасов», в разных случаях применялись различные приемы. Крестьяне Хатунской в. например должны были приезжать в Домодедовскую в. «как пашенное время придет», «с сохами и з боронами» по 3 чел. с выти[2], «з живущих вытей» предписывалось также пахать крестьянам Лыскова и Мурашкина[3]; но в Скопине и Романове вводили известным нам наказом как будто иной порядок: «полным (людям) велеть пахать, будет мочьно по ниве, а на ниву выходить по 4 человека, а будет по ниве не в мочь пахать, а по десятине мало, и им, полным, велеть по полутора десятине пахать; средним полностью по десятине, бедным по полудесятине или как мочно». Едва ли за этими не совсем ясными определениями можно предполагать какую-нибудь другую единицу оклада, кроме двора, тем более, что о дворе, как об окладной единице говорит одна из следующих статей наказа: «будет им наша десятинная пашня не в мочь, з богатых з двора по чему указано, а с бедных з дву дворов, и вам бы... им з жестоким указом отказать»[4]. По тому же вероятно расчету определялось количество обязательной запашки и в названных выше селах; так по крайней мере склоняет думать наблюдение, что там, где по общим размерам десятинной пашни приходилось на двор по десятине или меньше, «пахали тех сел крестьяне (Рюминское, Чашниково, Черкизово, Лысково, Мурашкино, Балабаново); где доля вышла бы больше, к местным крестьянам присоединялись наемные работники или крестьяне приписных волостей, и таким образом размеры обязательной запашки доводились приблизительно до десятины на двор (с возможными отклонениями в зависимости от степени достаточности); например, в с. Васильевском из 70 дес. васильевские крестьяне (24 двора) пахали 24, крестьяне с. Соколова и приписных сел 93 двора из 158 дес. — 70, в селах Дмитровском и Степановском (60 дворов) из 200 дес. — 80; в Домодедовской в. из 665 дес. местными крестьянами (465 дворов) пахались 500, а остальные — крестьянами Хатунской в. Потому же вероятно, когда предположено было «ведать» Славецкую в. и юрьевские села к с. Измайлову, из Хлебного приказа были затребованы в Тайный сведения, «что в той волости

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1334.
[2] Там же, стр. 1049—1050.
[3] Там же, стр. 1053.
[4] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 785.

и в селах и в деревнях крестьянских и бобыльских дворов и на них тягла и всяких денежных и хлебных доходов и столовых запасов положено»[1]. Благодаря применению наемного труда пашенная повинность распределилась более равномерно, хотя, разумеется, полного равенства в этом отношении между отдельными хозяйственными группами не было.

Крестьяне привлекались и к другим полевым работам — к жнитву и сенокосу, но в какой мере, определить нет возможности. Об участии их в жнитве отчетная ведомость за 1675 г., в которой встречаются наиболее точные данные о постановке работ в государевых селах, говорит только в общих выражениях: например «да в вышеописанные ж села на жнитво десятинного хлеба хрестьяном и к годовым работником в прибаву наймованы недельные работники и бабы»[2]. Относительно сенокоса из той же ведомости узнаем, что в некоторых селах, где как раз приходилось наименьшее количество пашни на двор (в Чашникове и Черкизове), «косили тех же сел и деревень крестьяня», в других, наоборот, исключительно наемные работники (например в Балабанове, Загорье, Брынкове, Рюминском, Соколове, Васильевском, в Скопине и Романове); в третьих (Измайлово и Домодедово) встречаем комбинацию тех и других.

Помимо полевых работ на крестьянах лежали повинности, имевшие уже менее регулярный характер. Самой тяжелой из них была повинность подводная. И размеры ее и поводы к ней в разных местах были очень разнообразны. В отдаленных владениях она сводилась главным образом к обязанности доставлять десятинный хлеб и столовые запасы в Москву[3]. Доставку столовых запасов предоставляются крестьянам сдавать на подряд; но государев хлеб ввиду огромного количества его приходилось, кажется, возить самим. Из Лыскова, Мурашкина, Скопина, Романова, Богородицкого хлеб, а из Дехтяного и Сасова деревянные изделия везли на лошадях до ближайших речных пристаней, где устроены были специальные «анбары»; из Лыскова и Мурашкина — до Нижнего Новгорода, из Скопина и Романова — до Рановской пристани в с. Троицком, из Богородицкого — «на реку Осетр на Почепское городище». С при

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1725.

[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 73 об.

[3] Впрочем случалось, что крестьяне той или другой местности привлекались к перевозке продуктов из других и довольно отдаленных областей. С лысковцев и мурашкинцев велено было например однажды собрать 200 подвод «под государеву астраханскую рыбу до Москвы». Р. И. Б., т. 21, стр. 1254.

станей до Москвы хлеб шел уже на стругах. Это конечно облегчало труд, зато делало повинность более сложной: приходилось не только поставлять подводы, но и готовить лубья для покрытия стругов, ставить плотников и гребцов. Конкретная обстановка всей операции хорошо рисуется несколькими документами, относящимися к перевозке хлеба из названных мест в 1667 г. В этом году государь указал «своих государевых запасов взять к Москве из Богородицкого 1 500 чети ржи, 2 т. чт. овса; с Скопина 8 566 чети с осминою ржи, и 15 605 чети бес полчетверика овса, 133 чети сухарей; с Романова 7 т. чети ржи, 17 т. чети овса, всего ржи и овса 51 804 чети с осминою без получетверика». Перевозка должна была производиться под непосредственным наблюдением специально для того командированного начальника Хлебного приказа И. С. Хитрово. Ввиду огромного количества перевозимого хлеба средствами местного населения могла быть однако выполнена только часть работы. Так, романовскими крестьянами было доставлено 1 000 рубьев для стругов, а хлеба перевезено из 7 тыс. четв. ржи и 17 тыс. четв. овса только 2 052 четв. ржи и 3 195 четв. овса; «и романовским, государь, крестьяном, — писал в Тайный приказ Хитрово, — болши того возит твоево государева хлеба не в мочь потому, чтоб на весне за безконством твоя государева десятинная пашня не запустела». Хитрово имел полномочия привлечь к делу служилых людей соседних уездов — Добрянского, Лебедянского, Данковского, Елецкого и Усманского, и отношение к его требованиям со стороны служилых людей, как и местной администрации, в свою очередь является чертой, характеризующей и самую повинность и отчасти хозяйственную практику в ведомстве Тайного приказа. Хитрово пришлось доносить государю: «воеводы и приказные люди (перечисленных уездов) твоему государеву указу учинились не послушны, и прислали подводы малые, и за тою их ослушкою учинилась в воске твоего государева хлеба мешкота и недовоз в указное число»; точно так же «они по наряду и по 1 т. лубов не собрали и не отвезли, а на струги в работных людех отказали». А вот какую картину нарисовал в своей отписке в Приказ в объяснение своей «ослушки» лебедянский воевода: «выслал он на Романов 730 «грацких и уездных всяких чинов людей», но «ис тех же, государь, подводчиков лебедянцы дети боярские (имена), собрався с товарищи и пришод ко мне, холопу твоему, в съезжую избу, от подвод от посылки на Романово городище от воски твоих государевых хлебных запасов от детей своих и от братьев, которые, государь, жи-

вут с ними в одних дворех... отказали, и по наряду, государь, на Романово городище с подводы для хлебной воски не поехали, и впред, государь, никаких твоих великого государя дел делат и в посылки ездит не хотят»[1]. Усманские полковые казаки подробнее объяснили в особой челобитной мотивы своего отказа, которые несомненно в значительной части могли бы повторить вслед за ними и романовские крестьяне. «У нашей, государь, братьи, — читаем в их челобитной, — ныне на степи лошади у многих приустали и телеги пометали, что мы людишка бедные и от татар разоеванные...; а хлеб у нас ныне не дородился, а дети наши и братья взяты в службу в солдаты, и нам, бедным холопем твоим, тысячи подвод взят негде, что нас немного, меньши 300 человек, и те безлошадны, а пора приспела работная—хлеб прятат и рож сеять»[2]. Но других способов доставки в Москву не было, почему и в последующие годы Приказ оставляет ту же практику, стараясь ослабить ее недостатки угрозами воеводам «за поноровку» и «за печалование»[3]. Если перевозка хлеба из-за расстояния и по сложности дела была обременительна, зато крестьяне отдаленных владений почти не знали других, более мелких повинностей. Разве изредка заставят их построить пасеку, как в Сасове[4], или скотный двор, как в Романове, и то лишь потому, что там «наемных людей не сыскано»[5], или привезти дров на винокурню, что было в Терюшеве[6]; иногда еще поставят на дворы к ним государевых лошадей с наказом «кормить и береч» или раздадут «на корм» государевых овец[7].

---

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 659, л. 4—74, 33.

[2] Там же, № 523, л. 361—362.

[3] В 1671/72 г. пронский воевода, подобно своим коллегам лебедянскому и усманскому доносил, что посланные им в Романов для «подъему» государева хлеба «подводчики всяких чинов люди, не доехав до Романова, с дороги воротились и в приказной избе словесно сказали, что им на Романов с подводы по тот хлеб ехать нельзя, реканде прошла и снегу на дороге нет». Ответная царская грамота гласила: «по прежнему и по сему нашему великого государя указу хлеба ржи и овса указанное число сполна на Романов на Рановскую пристань привесть тотчас безо всякого мотчанья, и для воски того хлеба работников выслат безо всякого мотчанья; а буде ты того хлеба с Романова на пристан реки Рановы сполна вскоре не вышлешь, и тебе за то от нас, великого государя, быт в великой опале и в наказанье и тот хлеб отвезен будет на твоих подводах». Столь же суровый ответ получил сапожковский воевода на аналогичное представление. Из неописанных столбцов Преображ. приказа.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1138.

[5] Там же, стр. 1111.

[6] Там же, стр. 1122.

[7] Там же, стр. 1359.

Значительно беспокойнее было положение крестьян в подмосковных селах. Здесь случаи, когда от крестьянина требовали подвод, были гораздо чаще и разнообразнее. Помимо доставки хлеба и запасов крестьянам очень много дела давали производившиеся почти без перерыва строительные работы. Нужно ли было доставить к месту постройки лес, или привезти песку и камней, или перевезти известь и кирпич — в подобных случаях из Приказа тайных дел очень часто направлялась в какое-нибудь из ближайших сел к приказчику память, чтобы он «прислал» нужное количество крестьянских «подвод», редко меньше 100 и всегда «тотчас» или «безо всякого замотчанья». Особенно много такой работы выпадало на долю измайловских и домодедовских крестьян. Вот пример для иллюстрации: в марте 1673 г. домодедовские крестьяне перевозят из Пахрина 1 000 бочек извести в Измайлово и 500 в Алексеевское[1]; в сентябре того же года — еще 1 000 бочек извести в то же Алексеевское[2], в марте следующего года — 900 бочек извести в Соколово, 1 000 бочек в Котельники, 500 бочек да 4 тыс. «камней трехчетвертных» на Аптекарской двор[3]. На крестьянских же подводах перевозятся сено, солома, мякина, хмель и другие хозяйственные предметы, которыми постоянно обмениваются между собой разные государевы села. Подводная повинность самая хлопотливая; но кроме нее были и другие: разные мелкие хозяйственные нужды государева двора также удовлетворялись с помощью даровых крестьянских рук. Крестьян требовали, если надо было навозить льду на погреб[4], вскопать огород и поправить «городьбу»[5], вычистить «палаты» и навозить на государев двор песку[6]; а то им выйдет приказ «набрать борщу молодова, где сыскать мочно... в садех, и в огородах, и на полях, и в лесах, и на пустошах, и на лугах и в ыных местех, не испустя времени»[7]; или «накопать в лесах ягодника, черничнику да земляничку и посадить около болот»[8]; или «набрать сморчков и доставить на кормовой двор»[9] — все повинности не трудные, но досадные тем, что ради них крестьянину приходилось отрываться от собственных работ. Надо впрочем сказать, что в таких делах Приказ «для их

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1632.
[2] Там же, стр. 1667.
[3] Там же, стр. 1719.
[4] Там же, стр. 1273.
[5] Там же, стр. 1304.
[6] Там же, стр. 1368.
[7] Там же, стр. 1739.
[8] Там же, стр. 1675.
[9] Г. А., № 526, л. 9.

(крестьян) многого изделия»[1] нередко пользовался и наемным трудом, особенно в подводах. С другой стороны, существовала какая-то, хотя и устанавливаемая вероятно только «рассмотреньем», норма, в пределах которой работа была «безденежной», но переходя за которые считалась уже «прибылым изделем» и приносила крестьянину известное вознаграждение[2]. Крестьянам платили например за подводы деньгами, чаще солью, даже вином, иногда по договору[3], а иногда просто по назначению из Приказа[4]; измайловские крестьяне например за «чищенье льна» получили однажды по 1 руб.[5]. В Измайлове и Домодедове выдавалось ежегодно на крестьян по 1 000 пуд. соли «безденежно»[6] и сверх того в значительном количестве по тому или другому поводу хлебные запасы «в приказ», например измайловским крестьянам в марте 1669 г. дано было вероятно на семена 1 008 четв. овса[7]. Иногда крестьян угощали за государев счет: так, крестьян Домодедовской в. и «приписных сел» велено было однажды «для ангела великого государя марта 17 дня за их многую работу накормить; а дать им, старостам и целовальником, по 3, рядовым по 2 чарки вина, по кружке пива, по хлебу да по калачю двуденежному всем, да 4-м человеком по звену рыбы, каши с кабардаком всем довольно»[8]. «Прибылыя изделия» даже не всегда обязательны для крестьян — в той мере, в какой предоставляемая им в подобных случаях свобода могла быть использована в интересах государева хозяйства. Из Домодедова надо было например перевезти 10 342 четв. хлеба в Москву, и государевым указом местному приказчику предлагалось «под тот хлеб подряжать в Домодедове охочих людей и давать им за провоз солью, а будет под тот хлеб учнут подряжатца сторонние люди, и их потому ж подряжать, и которые взяли б дешевле»[9]. Но если бы не оказалось не только конкурентов «охочим» домодедовским людям, а не нашлось бы и в Домодедове вообще «охочих людей», то конечно хлеб повезли бы все домодедовские крестьяне. В разнообразных повинностях, как и в вознаграждении за работу, крестьяне должны были «верстатца по тяглу» или «повытно», — все равно назначались ли пер-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1446.
[2] Там же, стр. 1507.
[3] Там же, стр. 1207.
[4] Там же, стр. 1056, 1100, 1161, 1191, 1207 и др.
[5] Там же, т. 23, стр. 604.
[6] Там же, т. 21, стр. 1426.
[7] Там же, стр. 1464.
[8] Там же, стр. 1719—1720.
[9] Там же, стр. 1374.

вые в виде общего урока на волость или группу (например перевезти 1 000 бочек извести) или по определенному окладу на двор (например перевезти «по копне мерной на двор»), когда следовательно двор является счетной единицей [1].

При назначении оброков и повинностей в Тайном приказе заметно стремление применяться к тому уровню требований, какой установился в отдельных владениях раньше, чем они поступили в его ведомство. Еще в наказе Хомякову царь, как мы знаем, поручал допросить крестьян сел Забелина и Резанцева, «сколько они на боярина своего хлеба пахали и сколько четвертей севали на нево,... и сколько с которова хрестьянина оброку было боярину тому, и какой оброк со всех был» [2]. Вообще, приобретая земли частных лиц и собирая о них предварительные сведения, всегда имели в виду и этот пункт — о размерах оброков и повинностей, которыми крестьяне были обложены при прежних владельцах [3]. То же самое и относительно дворцовых земель. Указав «ведать» бывшие жалованные вотчины боярина Морозова — села Лысково и Мурашкино — в Тайном приказе и вместе с тем желая восстановить десятинную пашню, отменную боярином, царь ввиду того, что оба села до пожалования Морозову «ведомы были» в Приказе Казанского дворца, велел сделать справку в Казанском дворце, «почему прежде сево с Лыскова, с Мурашкина каких доходов и десятинные пашни пахали или посопного хлеба платили» [4]. Конечно, удерживая размеры оброков и повинностей, должны были сохранять и прежний порядок обложения. Отсюда следовательно объясняется разнообразие практики Тайного приказа, но только отчасти. Желая применяться к старым порядкам, не отказывались однако от перемен в довольно определенном направлении. В государевых грамотах, которыми предписывается местной администрации десятинную пашню или оброки «положить против прежнего», рядом с этой директивой не раз встречаем и оговорки: «или по своему разсмотренью, как бы государеве казне было прибыльнее», иногда же грамоты выражаются и более решительно: «и будет на что мочно оброк прибавить, и ты б о том чинил по своему разсмотренью» [5]. Особенно выразительный пример сочетания этих двух тенденций представляет государева грамота, в кото-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1069, 1159, 1217, 1317—1318, 1617.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 143.
[3] Там же, № 310.
[4] Там же, № 526, л. 25.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1047, 1078, 1126, 1162.

рой преподается мурашкинскому воеводе руководство относительно новоприсоединенного села Гридина: «на крестьянех, — говорится там, — оброки и всякие доходы имать против прежнего, почему платили вотчиннику до государева указу», и тут же добавление: «будет прибавить за бедностью нельзя»[1]. Конечно у приказчиков и воевод было достаточно «острое зрение», чтобы видеть, где и что можно прибавить, и они прибавляли: в Мурашкине например раньше крестьяне за «пустовую десятинную пашню» платили по 8 а. 2 д. с десятины, а теперь «по уговору вновь из наддачи» стали платить по 40 а. 2 д.[2]; там же прежде держали квасы, сусло и уксус на откупу за 350 руб. в год, при новой администрации с первого же года откупная сумма путем «наддачи» повысилась сразу до 900 руб.[3]. Выражением того же принципа «как прибыльнее», но более систематическим было, надо думать, и широкое применение в ведомстве Тайного приказа двора в качестве единицы оброчного обложения, если не вытеснившей старую — выть, то уместившейся с ней рядом. Еще более значительные перемены были произведены в составе крестьянских оброков и повинностей. Восстановление десятинной пашни в Лыскове и Мурашкине, введение ее в Скопине и Романове на место драгунской службы, замена ее деревянными изделиями в Дехтяном, Сасове и д. Кучиной, установление в мордовских селах «медвяного» оброка вместо всяких других сборов; чрезвычайное усиление разнообразных натуральных повинностей в подмосковных селах, особенно в Измайлове и Домодедове, за счет обычных оброков в форме столовых запасов; привлечение местных крестьян к содействию и трудом и разными хозяйственными предметами «в запрос» при «заводе» новых хозяйственных статей, как пасеки и скотные дворы, — все это было новостью для соответствующих крестьянских групп, обусловливавшейся задачами новой хозяйственной организации, в пределах которой они теперь оказались.

Трудно говорить о том, хуже или лучше было положение государевых крестьян по сравнению с их «братьей» — крестьянами других владельцев; несомненно только, что оно было тяжело и крестьяне искали выхода из него доступными для них способами. Как было уже отмечено выше, Тайному приказу приходилось вести постоянную борьбу с крестьянскими побегами. Крестьяне бегут и массами и поодиночке.

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1110.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 94.
[3] Там же, л. 87.

В государственных грамотах о сыске беглецов упоминаются крестьяне Ермолина, Сасова, Чашникова, Скопина, Романова, Лыскова и Мурашкина, Красного села, Черкизова, Домодедовской в.; но число их редко указывается (всего 3 раза: 1, 17 и 20 чел.). Более полные цифровые данные приведены в «докладной выписке о крестьянех, которые перевезены в село Измайлово», относящейся к 1675 г.; из нее узнаем, что из 664 семей, перевезенных в Измайлово «на вечное житье», к 1675 г. 481 двор числился «в бегах» и оставалось налицо всего 183 двора, да и те, говорится в выписке, «готовы бежать мало не все». Там же находим цифры относительно крестьян, бежавших из приписанных к Измайлову, Славецкой в., юрьевских и костромских сел; они также внушительны: 212 крестьянских семей да «бобылей 7 семей»[1]. Уже после смерти Алексея Михайловича, в 1681/82 г., произведен был по указу Федора Алексеевича общий сыск «села Измайлова и приписных сел и дворцовых и Хлебного приказу городов и сел и волостей беглых крестьян», которые живут «за помещики и вотчинники» разных уездов, и посланные с этой целью в окраинные уезды стольник Огарев да подьячий Костин написали, что «беглых крестьян в Донкове, Лебедяни, в Ельце, в Ефремове и в-ыных городех живет многое число»[2]. Другой официальный документ дает и объяснение этому явлению, по крайней мере в применении к измайловским крестьянам: насчитав в с. Измайлове «пустых 110 дворов и дворовых мест, и тяглых жеребьев 57 осмаков», оставшихся не занятыми еще к 1700 г., составитель переписной книги отметил: «а тех 57 осмаков... запустели от множественных государских работ и изделий и поездок и от хлебного недороду, а иные померли и разбежались и стали в солдаты»[3]. Меры борьбы с бегством соответствовали общей практике. В случаях бегства прежде всего подозревали дурное стороннее влияние и старались принимать меры к пресечению этого зла. Когда обнаружилось бегство 20 крестьян с. Черкизова, велено было «сыскивать и проведывать накрепко всячески, отчего они побежали и кто их подговаривал, чтоб про все доискатца подлинно»[4]. А затем по беглецов посылали «сыщиков добрых» и, если удавалось настигнуть, их «строили в тягло попрежнему», предварительно подвергнув публичной экзекуции, «чтоб

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II ст. 387.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 760, л. 32—33.
[3] Арх. Ор. Пал., Очистительная книга, л. 69 об.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1444.

ным бегать было не повадно»[1]. Из того же несомненно источника вытекало другое явление, также удостоверяемое документами,—брожение среди государственных крестьян, выражавшееся в довольно разнообразных формах. Крестьяне пишут челобитные «о мирской нужде»[2]. Одну мы уже знаем — челобитную скопинских и романовских крестьян, вызвавшую посылку Елизарова и Наумова, по другой их челобитной должен был ездить туда в 1667 г. начальник Хлебного приказа И. С. Хитрово, чтобы «их скопинцев рассмотреть и в столовых запасах обложить»[3]. Упоминается какая-то «ложная мирская челобитная» крестьян с. Мурашкина, за которую составителю велено было «учинить наказанье при всех крестьянех»[4]. Бывали и более резкие проявления недовольства. Про великого государя, случалось, говорились неистовые и непристойные слова[5]. За это юрьевские крестьяне Галанька Иванов «с товарищи» — 5 чел. — были «нещадно биты кнутом», а мурашкинскому бобылю Ильюшке Поршневу вырезали язык «при многих людех», и сам он «з женою и з детьми» был «отдан в сибирскую ссылку». Документы отмечают наконец и случаи открытого мятежа. Бунтовали например романовские крестьяне в 1664 г., так что из Москвы пришлось отправить в Романов отряд московских стрельцов «для наказанья бунтовщиков, а иных к Москве вести»[6]; приведено было 20 чел.[7].

Когда поднял восстание Разин, он нашел себе среди государевых крестьян южных уездов наиболее горячих последователей. Действовавший против Разина кн. Яков Долгорукий доносил государю: посылал он нарочных людей в Лысково, Мурашкино и Терюшевскую в. «отдать великого государя грамоты жилецким всяких чинов людем тех мест и уговаривать их, чтобы от прелести вора... обратились», а они вместо того «учали их (присыльщиков) бить и роспрашивали с пристрастьем и хотели пытать и отсечь головы, а твои, великого государя, грамоты изодрали и говорили непристойные слова»[8]. В другом донесении Долгорукий «с товарищи» писали: «А о том тебе, великому государю, мы, холопи твои, объявляем, что пущие заводы воровские от

[1] Там же, стр. 1213.
[2] Там же, стр. 732.
[3] Там же, стр. 1261.
[4] Там же, стр. 1163.
[5] Там же, стр. 734, 1133, 1213.
[6] Там же, т. 23, стр. 443.
[7] Там же, стр. 447.
[8] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 423, л. 184 и об.

Нижегороцкого уезду и от Лыскова и от Мурашкина и от Тюрюшевской волости»[1]. В подмосковных селах таких явлений не было; все же опасались, как бы «воровские заводы» не были занесены и туда со стороны, и потому с особенной внимательностью относились к подбору крестьян при переселениях; возможность такого влияния без сомнения и имел в виду царь, предписывая в известном нам наказе: «А про переселенцев пашенных и мастеровых людей (из Колдомской в. в Измайлово) разведать подлинно, чтоб в тех людех воров никаких отнюдь не было, и ведунов и шептунов и имяни бы их не именовалось»[2].

Кроме местных крестьян в составе рабочего населения государевых владений мы видим еще крестьян пришлых.

Пришлые крестьяне образуют две категории рабочих — «работных людей» и «наемных работников». В первой группе — каргопольцы, вятчане и тамбовцы. Все они пришли сюда не по своей воле. Каргополь, Вятка и значительная часть Тамбовского у. состояли в ведомстве Приказа Большого дворца, и для них стало специальной повинностью поставлять ежегодно в распоряжение Тайного приказа рабочих людей для подмосковных сел. В Тамбовском у. из крестьян Верхоценской дворцовой волости были даже специально «написаны в пашню (т. е. для пашни) в подмосковные села» 500 семей, и велено было «описать в Верхоценской же волости пашенных земель угожих, где их поселить»[3]. Создано было таким образом своеобразное рабочее поселение, которое должно было служить запасным рабочим фондом для подмосковных владений царя. Предназначавшиеся к «пашенному» и к другим государевым делам крестьяне этих местностей держались повидимому на учете и по спискам высылались местными воеводами в Москву «по наряду» из Тайного приказа, обыкновенно в количестве от 400 до 700 чел. от каждой. Выбранные например на месте «к каменному делу» вятчане занесены были в «выборные и высыльные списки», по которым их в случае надобности и разыскивали «на Вятке — во всех городех и уездех», чтоб выслать «к Москве»[4]. За доставку «работных людей» в назначенном количестве отвечал местный воевода, которому указ о высылке «в подкрепленье» его энергии ставил на вид: «а буде не вышлет, и на нем написано пени 50 рублев»[5]. Для местного населения выполнение этой повинности сопровождалось некоторым

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст. № 423, л. 189.
[2] Г. А., XXVII, № 526, л. 343.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Новгор. ст., № 184, л. 32—33.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1075.
[5] Там же, стр. 1184.

облегчением в платежах. «Велено,—читаем например в записных книгах за 1660 г.,—с каргопольцев, которые небольшие доходы по разсмотренью на нынешний год сложить, а в то число выбрать ис каргопольцев и прислать к Москве в работу на нынешнее лето 700 человек работных людей»[1]. Зато на местные общества падала и ответственность в форме поруки за поведение их земляков, для государя являвшаяся гарантией против обычного недуга принудительных организаций — бегства рабочих. В такое положение ставились по крайней мере «приписные» волости, из которых например Городецкая заплатила однажды в Тайный приказ за взятых с нее «работных людей», бежавших потом «от государева хлеба с стругов», 429 р. 16 а. 4 д.[2]. Ежегодно из Каргополя и Тамбова являлись в Москву по 600 — 700 чел.: так, в июне 1666 г. на разных работах состояло 660 каргопольцев и 770 тамбовцев; в сентябре 1668 г. — 657 первых и 673 вторых; в 1669/70 г. работных людей числилось: 300 чел. из с. Воронья, 660 каргопольцев, 650 тамбовцев и 248 солдат вятчан. Работные люди должны были приходить в апреле или «к светлому христову воскресенью»[3] и отпускались «по домом» в конце сентября, а иногда их задерживали и дольше — до декабря, даже до января[4]. Им могли дать всякую работу, но каргопольцы по преимуществу приставлялись к плотницкому делу или к земельному, а тамбовцы — к полевым работам и к «лесному чищенью»; одно время даже все они в количестве 630 чел. чистили лес под Измайловым[5]. Приставленные к работе не по договору, а по государеву указу работные люди жили тем, чем «жаловал их великий государь». Им выдавалось денежное жалованье «в приказ», в размере от 1 до 1½ руб., обыкновенно в несколько приемов: при самом приходе — по полтине или по полуполтине, иногда столько же в середине лета и всегда «на отпуске по домам»; или по полтине же или по рублю, смотря вероятно по работе[6]. От государя шел им также «корм», чаще всего сдававшийся на подряд приблизительно по 4 алт. в неделю с человека[7]; а иногда это дело брал на себя Приказ; в приходо-расходных книгах даже записано о выдаче 100 руб. жалованья особым работникам, которые пекли хлебы и развозили «всякий запас крупы и сухарей и сала тамбовским

---

[1] Там же, стр. 1160, 1174.
[2] Там же, т. 23, стр. 815.
[3] Там же, т. 21, стр. 1150.
[4] Там же, т. 23, стр. 739.
[5] Там же, стр. 1137—1138.
[6] Там же, стр. 714, 756, 768, 779, 867, 883 и др.
[7] Там же, стр. 779.

работникам»[1]. Упоминается еще о покупке сала и снетков для работных людей[2]. Кроме того время от времени им выдавались, по государеву указу, то ветчина и крупы, то укоус и сбитень, чаще же и в особенно щедрых порциях — вино (иногда сразу по 50 ведер); однажды государь лично указал 60 каргопольцев-плотников, только что пришедших, «напоить и накормить» с дороги, «да им же дать по части человеку мяса говяжья, да по части ж ветчины на подворьих»[3]. Записан также случай, когда по государеву указу дано было каргопольцам на кафтаны сукон серых»[4]. Наконец можно отметить и еще один факт как выражение внимания администрации к нуждам работных людей: в записных книгах упомянут государев указ, по которому было «велено дать государева жалованья лекарю Симону за лекарство тамбовцев — 5 ведр вина»[5].

Существенно иным было положение, как указывает уже название, наемных работников. В этой группе мы встречаем крестьян разных категорий — «мирских» (черных), дворцовых, монастырских, помещичьих — и из самых различных мест; в с. Дехтяное «на Резани» рядились например, как видно из порядных, крестьяне Московского, Ростовского, Нижегородского, Козловского, Кашинского, Романовского, Костромского, Вологодского, Галичского, Пошехонского, Ярославского уездов и вместе с ними даже посадские люди, например из Углича. Многие приходили вероятно сами в Москву, ища заработка, других ставили подрядчики[6]; но бывало также, что «для найму работных людей» командировались Приказом особые лица на места, например в Галич, в сопровождении стрельцов и с грамотой к местным воеводам «о вспоможении»[7]. По срокам различаются работники «летние», «зимние», «недельные». Первые, а также вероятно и вторые, рядились «по записям». В делах Приказа, как упоминалось уже, сохранилось несколько записей (в отрывках), данных летними работниками. Порядчики рядятся со 2 мая по 14 ноября. Они обязываются «работать пашню и лес чистит и сенные покосы косит и всякую работу работать» и за это должны получить «по 3 рубли по 4 гривны человеку». Они выговаривают также, чтобы им «хлеб и всякой запас... есть великого государя, а на работе топорами

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 954.
[2] Там же, стр. 1160, 1364.
[3] Там же, т. 21, стр. 1291, 1315, 1331, 1347, 1350, 1729.
[4] Там же, стр. 1189.
[5] Там же, стр. 1469.
[6] Там же, т. 23, стр. 786.
[7] Там же, т. 21, стр. 1392.

и косами и серпами работат государевыми». Вместе с тем они ручаются «друг по друге» «в житье и в задаточных деньгах». В конце записи новые обязательства, которые сильно отзываются условиями обычной крестьянской порядной или ссудной записи: «а будучи нам, порядчиком, в селе Дехтяном всякую работу, что ни нарядят работать без лености и без прогулов и дурна никакова не учинит, не красть и не воровать, и не дожив до сроку и не заработав задатку, что взяли наперед, не збежат». Санкция: «если кто из порядчиков до сроку збежит», на всех остальных пеня государева, «что великий государь укажет», и «задаточные деньги все сполна»[1]. В сохранившихся записях идет речь только о работах в с. Дехтяном; но несомненно по таким же записям и на аналогичных условиях рядились «вольные» или «наемные» работники, которых в большом числе мы видим в других, особенно подмосковных, селах. Была разница лишь в некоторых подробностях. Так, в большинстве случаев срок поряда несколько продолжительнее: с первых чисел апреля и по то же 14 ноября, а в зависимости от этого несколько выше плата: 3 р. 10 а. 3 или 4 д. Нередко работники перемещаются, смотря по обстоятельствам, из одного села в другое. Разнообразнее, вероятно, была и работа; но конечно главные виды ее были те же — пахота, жнитво, сенокос, молотьба, «лесная чистка». Здесь также работники «сели государев хлеб», и мы даже знаем из отчетной ведомости состав отпускавшихся им «запасов», это — ржаная мука, крупа, сало и соль; «а июля с 1-го числа вместо круп кормлены капустою», — отмечает ведомость, зато, по уверению ее, «в довольность»[2]. Если интенсивная хозяйственная жизнь подмосковных сел могла делать труд работников более тяжелым, то близость государя, с другой стороны, являлась источником некоторых не обусловливавшихся договором благ. В приходо-расходных книгах Приказа записана например в расход выдача тененевским работникам «села Воронова крестьяном, сорока семи человеком, на рукавицы и на онучи и на лапти» по полуполтине человеку, и пояснено: «пожаловал великий государь, указал им те деньги дать, как ходил он, великий государь, в Троицкий Сергиев монастырь молитца»[3]. Это — не единственный случай: кроме рукавиц и обуви[4] некоторым по крайней мере выдавались, по государеву указу, овчинные

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 512, ч. 1 и также № В 5.
[2] Там же, № 532, л. 58—59.
[3] Р. И. Б., т. 23, стр. 1145.
[4] Там же, стр. 1345.

кафтаны [1]. То же обстоятельство сказывалось приятным разнообразием в меню работников: из Измайлова например требуют по памяти из Приказа прислать в Москву на Аптекарский двор 200 «лутчих полот» ветчины и вспоминают о рабочих: «а обрески прежней и нынешней ветчины и кожу велено, — читаем в записной книге, — взять на корм работником» [2]; давалось еще вино, и подобно капусте тоже, кажется, «в довольность»; однажды например послано было для работников в Домодедовскую в. и «в-ыные села—1 000 ведр» [3]. Этими же чертами можно бы, вероятно, характеризовать и положение зимних работников. Нанимались они «в зиму — для дровяной и сенной повозок и молотьбы», с платой от 1½ до 2 руб. Число летних работников колебалось между 600 и 700 чел., зимних — между 85 и 95 чел. [4].

«Недельные работники» рядились главным образом в помощь постоянным, вероятно, по устному соглашению. В Измайлове например бывало по 630 наемных жнецов у ржаного жнитва, работавших в течение недели [5], около 1 тыс. чел. жали ячмень и овес [6], до 750 чел. — пшеницу [7]. По расходным столбцам, за лето 1665/66 г. на сенокос было нанято в разных подмосковных селах больше 900 чел.[8]. Значительными партиями нанимали также чистить лес, например в течение трех недель «росчищали» глинковские луга да пустошь «Врашки» на Клязьме 150 наемных работников [9]. Наймом, кроме полевых, производились и другие работы: наемные работники «вычищали в виноградном саду (в Измайлове) дороги и пололи немецкие травы и цветы и готовили в гряды землю» [10]; по найму в том же саду «виноград раскрывали и под виноградное семя грядя готовили» [11]; упоминаются наемные работники на соляных и стеклянных заводах, получавшие, правда, из Приказа жалованье помесячно [12] и т. п. Размеры платы колебались в зависимости от условий содержания, и самая расценка в применении к разным работам производилась различным способом. Жнецов

---

[1] Р. И. Б., стр. 561.
[2] Там же, т. 21, стр. 1559; ср. стр. 1663.
[3] Там же, стр. 1507.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 352, л. 72 и 75.
[5] Р. И. Б., т. 23, стр. 808.
[6] Там же, стр. 871.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 762.
[10] Там же, стр. 1342, 1361—1362.
[11] Там же, стр. 953.
[12] Там же, стр. 1350.

например рассчитывали сдельно, с десятины по полтине или по 16 а. 4 д., если работники «хлеб ели государев», в противном случае по 7 гривен и по 23 а. 2 д. [1]. Косец получал понедельно — от 6 до 7 алт. в неделю, и кроме того за него платили по 5 ден. на день подрядчику, который его «кормил» [2]; если подрядчик ставил косцов от себя, он получал за каждого по 2 а. 2 д. на день или по 13 а. 4 д. в неделю—за работу и за корм [3]. Несколько выше повидимому оплачивалось «лесное чищенье» — по 14 а. 2 д. в неделю [4].

Особую разновидность наемных рабочих представляют собой «дворовые люди»: в селах — сторожа, стадные конюхи, коровники, и воловики, птичники и клушники, мельники и засыпки, кузнецы и токари; на Аптекарском дворе — ключники, «свешник и печник», хлебные и поваренные помясы, овчинник и котельник, и к ним же опись присоединила живописного дела учеников, «которые учатца у живописца у Дорофея Ермолаева». Большинство их из гулящих людей, но встречаются среди них крестьяне «с отпускными». Все они получают денежное жалованье, от 3 до 7 руб. и хлебное — ржи и овса по 5—13 четв. [5].

В земляных и особенно в строительных работах широкое применение получал наемный труд в форме подряда. В царских владениях работы этого рода производились беспрерывно, на них рабочий люд — плотники, каменщики, прудники, извозчики — собирался тысячами, и в приходо-расходных книгах мы найдем не один десяток заключенных ими с Тайным приказом подрядных записей. Контрагенты выступают в договоре в разном виде: рядятся и целым обществом—«старосты с крестьяны» — и случайной группой — крестьяне и посадские тяглецы, — особенно же в большом числе московские стрельцы со своими десятниками и пятидесятниками; часто принимают на себя обязательство поставить работников подрядчики — по одному, а иногда даже группой; поряжаясь например «к плотинному делу», каменщики-порядчики обязываются «ту плотину делать... своими работники, а у дела им, каменщиком, быть на всякий день по 30 мастеров, кроме работников» [6]. Обычные элементы договора — предмет работы, способ выполнения и

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 349, 351.
[2] Там же, стр. 340.
[3] Там же, стр. 45, 53.
[4] Там же, стр. 762.
[5] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 87 об., 90 и 242—245; Р. И. Б., т. 21, стр. 216—218, т. 23, стр. 148, 1161
[6] Р. И. Б., т. 23, стр. 764.

поведение порядчиков, вознаграждение и неустройка. Относительно второго пункта в порядной записи порядчики обязывались обыкновенно «делать им то дело беспрестани, без всякого мотчанья»; иногда в порядную запись вносилось особое условие для обеспечения контроля над работой: «а делать все, — договариваются например плотники, — как станет указывать плотничей подмастерья Андрей Фомин»; или каменщики: «как учнет указывать подмастерья Дмитрей Костоусов» [1] — очевидно, царские инженеры.

В условиях о вознаграждении почти всегда, кроме денег, выговариваются в определенном количестве «запасы»; вот например какой список составили себе 47 каменщиков, порядившиеся делать каменные погреба на Аптекарском дворе: 250 четв. муки «аржаной», 250 четв. сухарей, 25 четв. круп овсяных, 20 четв. толокна, 10 четв. гороху, 5 четв. снетков, 50 пуд. соли, 20 пуд. масла коровьего, 5 ведер масла конопляного, 150 пуд. ветчины, 50 пуд. соленой белуги, 50 пуд. осетров, 10 пуд. икры, 200 сазанов, 5 ведер «жиру рыбьяго», 100 ведер вина, 50 четв. солоду «оржоного и ячменного молотого». Как видим, «капуста крошевная», занимавшая столь почетное место в меню работников, здесь отсутствует. Иногда к списку добавляется: «а есть варить в государевых котлах» [2]. То же самое относительно орудий работы: «а снасти к тому каменному делу, плотинному,— условливаются например каменщики, — ломы и топоры, кирпичи и заступы, ушаты и лопаты, и шайки, и начевки, и носилки, и гребенки, и свайные ступы, и лыки, и веревки, и лес подвязной, и лесницы, и тщаны большие, и точила, и что к тому делу понадобитца — и тес, и бревна, и гвоздье, — то все из государевы казны. А быть у того каменного дела государевым двум лошадям с телеги и с хомуты, что понадобитца к тому делу привесть» [3]. Интересы работодателя обеспечиваются порукой: при коллективном договоре все порядчики «ручались друг по друге» круговой порукой, при одиночном — подрядчиком ставились особые порутчики; в обоих случаях при нарушении договора (вследствие «простою», «мешкоты», «небрежения» и т. п.) все ручавшиеся принимали на себя пеню, «что великий государь укажет», и «всякую неисправу» в деле [4]. Иногда подрядчики дают ручательство в прочности произведенной работы: «а которому нашему каменному строению

[1] Р. И. Б., стр. 782, 793, 797.
[2] Там же, стр. 335—336; ср. там же, стр. 765, 770, 772—773.
[3] Там же, стр. 772.
[4] Там же, стр. 245, 265, 301, 336, и др.

спредь до десяти лет какая поруха учинитца, и нам те полаты вновь постоить за тем же подрядом, не отымаяся никакими делы»[1].

В качестве договаривающейся стороны Тайный приказ обнаруживает большую точность и даже строгость в отношении к обязательствам своих контрагентов. Его бухгалтерия может иной раз удивить тонкостью приемов: рабочие например чистили лес в течение 6 дней, с 28 мая по 3 июня, но в Приказе знают, что из этих 6 дней «треть дня шел дождь», и, хотя упущение произошло по воле стихий, там все же ставят его в счет, выдавая плату рабочим с убавкой — «за шесть дней без трети»[2]. Или случай другого порядка: подрядчик, представивший к каменным работам в Измайлово вместо 50 каменщиков, как следовало по договору, только 10, «в достальных» был, по распоряжению из Тайного приказа, поставлен «на правеж»[3]. Вообще Приказ располагает всеми средствами полностью блюсти свои интересы. Но какие гарантии были у подрядчиков, что условия договора будут выполнены с такой же точностью и со стороны Приказа? Ответ на это может дать повесть, какую рассказал о своих деловых отношениях с Приказом один из постоянных его подрядчиков, Огородной слободы тяглец Мишка Прокофьев, в челобитной, поданной уже Федору Алексеевичу. «По указу отца государева, блаженные памяти царя Алексея Михайловича», — значится в челобитной, — работал он в течение ряда лет «по подряду из Приказа тайных дел в розных государьских селех... и на железные заводы и в-ыные в-розные места, где какие заведены... государьские дела были, — каменную и кирпичную и песочную, и лесную, — земляную прудовую работу, работал безкорыстно и, работных людей наймуючи, на свои деньги кормил, и перед иными подрядчики имал дешевою ценою, и чинил... государьской казне прибыль»; однако следуемых ему с Приказа 1 032 руб. не получил, хотя в Приказе и было «ведомо про ту ево работу и по чему давано работником человеку на неделю». Между тем случившееся с подрядчиком в 184 г. несчастье — в этом году он «погорел... с дворишком и с лавченками своими» — поставило его в критическое положение. Как раз в том же 184 г. подрядился он из Тайного же приказа на поставку каменных материалов и получил в задаток 592 руб., но во-время вследствие «пожарного раззорения» выполнить подряда не мог, и

---

[1] Там же, стр. 336.
[2] Там же, стр. 780.
[3] Тафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 154.

теперь ввиду того, что все «те государьские дела» со смерти Алексея Михайловича «астановились», за полученный им задаток (592 руб.) велено отписать на государя и последний оставшийся у него «дворишко» в Огородной слободе. Челобитчик просил зачесть в уплату его долга часть заработанных им денег и остаток выдать ему «бедному и скудному и до конца раззоренному»[1]. Официальной иллюстрацией к этому драматическому эпизоду является судьба аналогичного челобитья другого подрядчика Тайного приказа, Ф. Анофреева. Дело решалось также при Федоре Алексеевиче, но возникло раньше. В 1674/75 г. Кадашевской слободы тяглец Филька Анофреев подал в Тайный приказ при челобитье счет за поставленные им по подрядам из Тайного приказа в течение 178, 179, 181, 182, 183 гг. лесные материалы на 1 347 руб. В докладной выписке государю было по этому поводу подтверждено, что «тех денег ему, Филке, февраля по 15-е число нынешнего 183-го году не дано». Государь, «сей выписи слушав», указал — «сметить», сколько пришлось бы выдать челобитчику соли, если заплатить «за те лесные запасы» вместо денег этим продуктом, и вместе с тем справиться в Приказе Большой казны, много ли в тот момент было соли «на лицо» на соляном дворе. В Приказе рассчитали, что соли «иметца за те деньги дать 7.485 пуд», а Большая казна представила справку, что соли у нее налицо «за всякими расходы» 15 700 пуд.; «и будет Филке леснику дать», — говорилось в докладе, — останется еще 8 215 пуд. Из доклада Н. И. Одоевского, представленного им Федору Алексеевичу на основании выписок из делопроизводства Тайного приказа и Приказа Большой казны, узнаем однако, что «кадашевцу Филке Анофрееву по той докладной выписке за лесные ево взятые запасы денег из Приказу тайных дел, а соли ис Приказу Большие казны не дано»[2]. К этому можно бы еще прибавить, что предположенный государем способ расплаты был привлекателен не для всех тогдашних подрядчиков, и случалось, что государю приходилось отказываться от подобных операций при заключении договоров. «А чтоб вместо денег взяли они солью или иными какими запасы,— докладывали однажды государю «письмом» об извозчиках под лес, — о том с ними говорили, и они, государь, оприч денег ничем взять не похотели»[3].

В целях лучшей постановки сельскохозяйственных и

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 828—833; ср. почти совсем такую же историю измайловского крестьянина У. Осеева, там же, стр. 813—818.

[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 380, л. 1—22.

[3] Там же, № 524, л. 27.

промышленных предприятий царя Алексея призывались, как мы знаем, мастера-специалисты, русские и иноземцы. В составе рабочего населения государевых сел они являются сравнительно постоянным элементом и по особенностям своего положения образуют самостоятельную группу. В с. Измайлове и приселках было несколько слобод, в которых числилось более 200 «ремесленных», «мастеровых» и торговых людей [1], да в селе Алексеевском, по словам описи, «зачата строить слобода для всяких мастеровых людей, поставлено 24 избы» [2]. Дворы мастеров ставились на государев счет: так, 6 псковским «ольленикам» было выдано «на дворовое строенье» по 10 руб. каждему [3]; мастера-иноземцы устраивались комфортабельнее: двор например садового мастера Григория Хута обошелся государю в 129 р. 5 а. [4], двор другого иноземца, «Фалентина» Давида, — в 50 руб. [5]. Мастера, как и их ученики, получали денежное жалованье и «корм» — последний или натурой или деньгами. Жалованье было выше или ниже, смотря по специальности и по степени искусства, о которой едва ли не судили между прочим по национальности. Выше других ценилась работа стеклянных мастеров: известный нам Ловис Миот получал 185 руб. в год., другие «стеклянные мастера»: Энорс Пухор — 142 руб. с полтиной, Петр Балтус, Индрик Лерин и Анц Фредрих — по 107 руб. Садовые мастера Валентин Давид и Григорий Хут получали по 100 руб.; кузнечного дела мастер Валентин Бос — 54 р. 7 а. 4 д.; шелкового дела мастер Ларион Лгов — 50 руб. Вознаграждение резко понижается, когда мы переходим к группе отечественных специалистов: самую высокую плату из них получал тоже встречавшийся нам «плотинный подмастерье» Андрей Фомин — 20 руб.; впрочем другой такой же подмастерье, судя по имени как будто иноземец, Якуб Янов, — только 15 руб., зато жалованье несомненно русских садовников — Микитки Ермолаева, Онтошки Дорофеева, Савки Леонтьева и Федьки Исаева — было всего 10 руб.; бумажного дела мастера Федьки Аносова — тоже 10 руб.; а «шолковых мастеров» Алешки Потапова и Федьки Иванова — даже 8 руб. [6]. Такая же разница в оплате труда мастеров и учеников: льняным мастерам например

---

[1] Там же, № 532, л. 77—78.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 240.
[3] Там же, т. 23, стр. 891.
[4] Там же, стр. 908.
[5] Там же, стр. 21.
[6] Арх. Ор. Пал., № 51490, л. 1—10, 26—28.

платили по 15 руб., а ученикам — по 1 руб.[1]. По жалованью измеряли и аппетит — астраханцу Лариону Лгову давали на год корму: по 40 чети ржи и овса, 20 полот ветчины, 10 ведер вина; а плотинный подмастерье Андрошка Фомин получал «по 2 чарки вина, по кружке меду, по есте по трети калача или хлеба на день»[2]; или деньгами: мастеру по гривне на день, ученику по 10 денег[3]. По сравнению с другими рабочими мастера занимают привилегированное положение. «На приезде» им обычно выдаются «в приказ» значительные по тому времени суммы — от 5 до 10 руб.[4], к большим праздникам или по случаю семейных событий, например на свадьбу, «на родины» и крестины, а то и без видимого повода государь очень часто посылает им сверх «уговорного корма» ветчины, и гусей, и «белой рыбицы», и «вина добраго»[5]; иногда им пожалуют по сукну английскому или кармазинному, на казенный счет сделают «штаны от стужи» и даже полное обмундирование[6]. Мастеров из военных людей повышали в чинах: «капитана, алебастрового дела мастера, Елизарья Балеара для ево мастерства» велено например было «написать в маеоры»[7]. Как формально было обставлено поступление мастеров на службу, из документов не видно. Русские мастера по всей вероятности переселялись в большинстве «на вечное жить»: так были поселены в Измайлове упоминавшиеся раньше 222 чел.[8], и об этом же говорят отмеченные в записных книгах факты, что псковские «ольленики» перевозят своих жен и детей[9], а с другой стороны, что пасечники, не пожелавшие жить в Измайлове, пытались освободиться от своей службы посредством бегства, вызвав этим государев указ, «чтоб, их сыскав, выслать к Москве»[10]. Может быть, иноземные мастера пользовались большей свободой, например садовый мастер Григорий Хут, недовольный условиями службы в Измайлове, «сад строить покинул», как сообщалось в докладе государю, хотя для «садового дела» он был необходим: без него сад пришел в расстройство. «А как бы он, Григорей, с тех мест и по се время сад строил, — читаем в до-

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 767.
[2] Там же, т. 21, стр. 1467.
[3] Там же, т. 23, стр. 1602.
[4] Там же, стр. 750—751.
[5] Там же, т. 21, стр. 1406, 1411, 1433, 1450, 1451, 1496, 1527 и др.; т. 23, стр. 1136.
[6] Там же, стр. 1411; т. 23, стр. 1592, 1599 и др.
[7] Там же, стр. 1346.
[8] Там же, стр. 1357.
[9] Там же, стр. 1243, 1245.
[10] Там же, стр. 1122.

кладе, — и против указу великого государя (сад) построен бы был в совершенстве весь»[1]. Но и свобода иноземцев была очень относительная: Григория Хута не придержали по определенной причине, однако, когда в сентябре 1667 г. бежал со службы состоявший толмачом иноземец Василий Ерофеев, его поймали и, судя по тому, что он упоминается среди толмачей в 1674 г., заставили служить попрежнему[2]. Вообще если между мастерами и государем и заключался договор по всей форме, то все же несомненно, что отношения между обеими сторонами зачастую определялись больше реальными факторами, чем формальными условиями. Сафьянный мастер Борис Иванов и его ученики испортили при обработке 70 сафьянов, и «по указу великого государя мастеру Бориску за порченые козлины (было) учинено наказанье — бит батоги и из мастеров отставлен»[3]; вряд ли конечно такой казус совершился на основании договора. Другой случай — история упомянутого выше Григория Хута. О причинах его отказа от садового строенья мы узнаем частью из доклада Алексею Михайловичу, частью из челобитной самого Хута, поданной им Федору Алексеевичу. По его словам, в течение первых трех лет его «службы» при царе Алексее Михайловиче ему давалось «месечного корму» на месяц по 20 руб., а в последние четыре года уплачено только «по сту рублев на год, и против прежних трех лет за четыре года ему не дано по сороку по четыре рубли на год». Поэтому «в прошлых годех он из села Измайлова от садов отстал, — объяснялось в челобитной, — и будучи... у его государевых садов, в четыре годы оскудал и одолжал великими неоплатными долги»[4]. Доклад, представлявшийся в свое время царю Алексею, подтверждает справедливость претензии садового мастера; только докладчик аргументирует желательность возвращения мастера на службу не юридическими соображениями, а практической необходимостью — привести сад «в совершенство». Григорий Хут был однако принят вновь только в 1678/79 г. Эти факты убеждают, что установить отличия в правовом положении между рассматриваемой группой и другими довольно трудно.

Своеобразную группу в составе рабочего населения государевых сел образуют московские стрельцы разных приказов и солдаты двух выборных полков — М. Кравкова и А. Шепелева. Те и другие несут в общем одинаковую службу. Видимо, они ценятся выше прочих рабочих и получают

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 390.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1350, 1712.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела, вновь разобранные, №...::: л. 2.
[4] Г. А., XXVII, № 511.

более ответственные назначения. Обыкновенно они состоят «у наряду над работниками» при разных «государевых делах» — пашне, сенокосе, молотьбе, на плотинах и огородах, у чистки леса и т. п.[1]. Их способностями и профессиональными навыками пользуются в специальных работах: постоянно встречаем стрельцов плотников, реже солдат, на разнообразных постройках; упоминаются среди них резчики, которые «рези режут»; солдаты и стрельцы работают в садах, между прочим «у тутового саженья», и на соляных заводах; их учат льняному, шелковому и сафьянному делу с расчетом впоследствии заменить ими привозных мастеров. Но они же исполняют и рядовые работы: ронят бревна, ломают и возят камни к постройкам, чистят лес или болото[2]. Одни из них постоянно «живут» в разных селах «у государевых дел», это главным образом «работные солдаты» — устюжане и вятчане, числом от 240 до 400 чел.[3]; другие появляются по временам, бо́льшими или меньшими партиями, смотря по надобности. Для работных солдат работа — своего рода повинность, ради которой они вызывались с родины сначала «на время»[4], а потом взяты были «з женами и з детьми» «к Москве на вечное житье» и «отданы» в с. Измайлово[5]. Они получают государево жалованье по 31 алт. в месяц да сверх того «прибавочного корму» за «работные дни» по 3 деньги «на день»[6]. В таких же условиях находились некоторые, сравнительно немногие, из московских стрельцов, вероятно, те, которые выбраны были на Вятке же из старых солдат и «вятцких городов ис посацких людей добрых и семьянистых полных и пожиточных»[7]. В значительном числе, человек по 150, 200 и 250, стрельцы же и солдаты выборных полков, оставшиеся свободными от походов, привлекались на временные работы, вроде рубки или возки леса, с вознаграждением, размеры которого, кажется, определялись Приказом[8]. В обоих случаях, т. е. в качестве постоянных и временных рабочих, они пользовались особым вниманием. Тем и другим выдаются от государя деньги на «дворовое строенье» или «на починки» худых изб[9]. Гораздо чаще и щедрее, чем обык-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1417, 1746; т. 23, стр. 53, 63, 885—886.
[2] Там же, стр. 1059, 1092, 1171, 1188, 1191, 1192, 1210, 1214, 1237, 1248 и др.; 1360 и др.; т. 23, стр. 620, 755.
[3] Там же, т. 23, стр. 22—25, 60; ср. т. 21, стр. 1113.
[4] Там же, т. 21, стр. 1113.
[5] Гафкэ, А. М. И. Д., Прик. д. ст. л. 1671 г., № 556.
[6] Р. И. Б., т. 23, стр. 25.
[7] Там же, т. 21, стр. 1525.
[8] Там же, стр. 1285, 1342, 1391.
[9] Там же, стр. 1690; т. 23, стр. 582.

новенных работников, государь жалует их деньгами и разными хлебными запасами «в приказ»; иногда велит дать им овчин на шубы или по сафьяну каждому [1]. Даже женам их, в то время, как их мужья на работе, идет особое государево жалованье деньгами — 3 деньги[2], или солью[3],— знак того, что работа в государевых селах приравнивалась к походной службе. А вот факт, который можно даже понять как своеобразную форму подачек: по государеву указу было выдано однажды «стрелецкой ивашковой жене Ермолина Маньке, по оценке, за кафтан мужа ее четыре рубли — для того, что муж ее, будучи у дела на льяном дворе, посек ноги и от того умер» [4].

Однако и среди этой группы, несмотря на привилегии, нет довольства своим положением, и бегство от работы такое же обычное явление, как и среди других представителей подневольного труда. Документы отмечают ряд случаев, когда бегут солдаты полка Кравкова, вероятно потому, что из них по преимуществу выбирались постоянные работники.

Число беглецов значительно: в одном например случае 68 чел. [5], в другом — 91 чел. [6], в третьем — 153 чел [7]. Последствия обычные: «а беглых солдат Степку Алексеева с товарищи 91 чел., которые збежали с Москвы и из села Измайлова с работы, сыскав, учиня наказанье, бив батоги, выслать тотчас» [8]. Впрочем применялась еще и другая мера: беглым солдатам выдавали потом кормовые деньги, а женам их и детям — хлеб, «с убавкой» [9].

Разнообразие рабочего состава, свидетельствуя о сложности хозяйственных задач, характеризует до известной степени и самый тип хозяйственной организации. Пока мы ограничиваем пределы наблюдения положением местных крестьян в государевых владениях, перед нами — обстановка типичной крепостной вотчины, где крестьянин прежде всего средство для осуществления целей внешней по отношению к нему организации. Потому здесь все знакомые картины: крестьянина покупают, помимо его воли переводят с одного места на другое, берут с него «по окладу» и «в запрос» всякие доходы, в меру и без меры пользуются его тру-

[1] Там же, стр. 1191—1192, 1239, 1240, 1349, 1377; т. 23, стр. 631. 868—870, 1145—1146 и др.
[2] Там же, стр. 1362.
[3] Там же, стр. 1372.
[4] Там же, т. 23, стр. 887.
[5] Арх. Ор. Пал., № 556.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 1454.
[7] Там же, т. 23, стр. 614.
[8] Там же, т. 21, стр. 1454.
[9] Там же, стр. 1399, 1435.

дом, а он, когда становится «не в мочь», мечет свой крестьянский «жеребей» и бежит, рискуя вместо воли попасть под батоги. Другая характерная черта — сосредоточение наиболее интенсивного труда в определенных пунктах и привлечение к ним добавочных рабочих сил, частью в виде «работных людей», собираемых сюда в принудительном порядке, частью в виде вольнонаемных работников. Это прием, в общих чертах наблюдающийся по крайней мере в некоторых из крупных вотчин XVII в. (например боярина Морозова), но в ведомстве Тайного приказа он осуществляется в недоступном для частного владения масштабе, обнаруживающем существенно отличный юридический характер государственных владений. Самый решительный признак в этом отношении — солдаты и стрельцы, отбывающие свою службу на государевых полях. Так, Тайный приказ пользуется вотчинной организацией, которая, припомним кстати, перешла к нему в большинстве владений вместе с территорией, как наиболее выгодной формой эксплоатации крестьянского населения, но он не связывает себя рамками вотчинных прав, свободно утилизируя в целях расширения рабочих сил и имеющиеся в его распоряжении средства государственной власти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В административном отношении подведомственная Тайному приказу территория распадалась, как мы знаем, на отдельные, более или менее обособленные, группы, и этому ее строению соответствовали определенные хозяйственные соотношения. Каждая группа образовала закругленное в хозяйственном отношении целое, в котором был свой хозяйственный центр при служебном значении «приписных» сел и деревень. Правда, сам хозяин — государь — бывал далеко не во всех своих владениях и даже не везде имелись на случай его «пришествия» хоромы, но его замещали поставленные им приказчики и воеводы и конкретно напоминали о нем всякого рода хозяйственные постройки обычными своими эпитетами: «государев» или «государева». У каждой группы был свой хозяйственный оборот, и в то же время все они при известной самостоятельности и обособленности являются частями одного более сложного хозяйственного целого, участвуя в осуществлении некоторых общих задач.

В большинстве их собственный бюджет сравнительно не сложен: жалованье, денежное и хлебное, приказчику или воеводе, содержание хозяйственных построек и разве еще плата наемным рабочим — вот и все, более или менее постоянные, расходные статьи. Бывали кроме того чрезвычайные расходы: по требованию из Приказа приходилось например производить закупки для Москвы, чаще всего скота, или тратиться на оборудование хозяйственных предприятий вроде кружечного двора, винокурни, пасеки; иногда возникали и свои экстраординарные нужды, например расходы по сыску «выбежавших вон» крестьян [1]. Все эти, постоянные и чрезвычайные, расходы покрывались из местных доходов. Если «зборных» денег в местной кассе не оказывалось, из Приказа давалось предписание продать

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 119 об.

часть имеющихся налицо хлебных запасов или скота, иногда в точно обозначенном количестве, иногда только с общим указанием, например: «которые устарели», если речь шла о животных, или о хлебе: «из остаточного за семяны»[1]. И всегда после удовлетворения местных нужд оставался излишек, который мог поступить потом в общий оборот.

Были однако хозяйственные группы с гораздо более сложным бюджетом—и в доходных и в расходных статьях. Это подмосковные села, и среди них на первом месте с. Измайлово. В исторических повествованиях обыкновенно изображают Измайлово как любимую летнюю резиденцию Алексея Михайловича. В действительности на такой титул больше прав имеют другие села, к которым, кстати сказать, Тайный приказ не имел никакого отношения, например Преображенское, Воробьево, Коломенское: там, судя по крайней мере по записям Дворцовых рязрядов и Дневальных записок, царь бывал чаще и оставался дольше. Зато с Измайловым главным образом связаны хозяйственные планы и начинания царя, и отсюда исключительные размеры измайловского бюджета. Благодаря обширности и разнообразию производившихся здесь работ при быстроте их темпа, определявшегося одним только моментом — нетерпеливым царским «не замотчав», село с прилегающими к нему пустошами—Просянным и Меленками—могло бы, вероятно, напомнить муравейник количеством и движением занятых в разных работах людей. Еще сравнительно незадолго перед тем, в 1623 г., оно имело, по изображению писцовой книги, очень скромный вид: «двор боярина Ивана Никитича (Романова), да двор охотной — царской, 5 дв. нищих и 10 дв. крестьянских и бобыльских». К 1646 г.,

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1437, 1492, 1594, 1602 и др. Всего больше затруднений в этом отношении испытывал из владений такой категории гор. Богородицкой в силу особенностей своего географического положения. Как узнаем из отписки богородицкого воеводы в Приказ на жалованье поселенным здесь 100 солдатам, притчу «соборной церкви», трем подьячим приказной избы, конюхам и скотникам, а сверх того «на животинную покупку и на веретищи и на сани, и на телеги и на всякие расходы» надобно было «с шестьсот рублев» в год, и «на те... росходы велено (было) ему... продавать великого государя десятинной хлеб». Между тем, по его словам, в Богородицком «место пустое, хлеба купит некому, а которые-де люди и приезжают в Богородицкой по зимнему пути купит хлеба, и они-де хлеб купят дешевою ценою»: рожь всего от 10 алт. до 13 а. 2 д., овес по 6 а. 4 д. за четь, и по такой цене он продавать «не смеет». Ввиду этого из Тайного приказа велено было «для десятинного богородицкого хлеба» построить житницы в Туле, «чтоб было где ево с возов ссыпат и продать во время, когда хлеб бывает дороже». Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 1137, л. 84—86.

согласно переписной книге, крестьянских дворов стало 32[1], но в этом, кажется, и заключалась вся перемена. При царе Алексее в течение каких-нибудь 5—6 лет Измайлово превратилось в образцово устроенный по тому времени хозяйственный центр обширных владений, и когда в 1687 г. произведено было подробное хозяйственное описание его, то получилась целая книга в 273 листа[2]. Вот хотя бы главное, что было сделано: построены хоромы, 5 каменных риг, каждая с 2 или 3 садилами, с 5—6 печами, с каменными токами от 30 до 75 саж. в длину; 9 мельниц, при некоторых из них каменные амбары о нескольких «житьях», и каменные же плотины, из которых например плотина на виноградной мельнице была длиной 87 саж., шириной 12 саж. и вышиною 3 саж.; дворы: конюшенный длиною 73 саж., шириною 49 саж., скотный длиной 45 саж., шириной 24 саж. и в нем «16 денников, 3 избы и 4 анбара», житный—длиной 46 саж. и шириной 36 саж. с 20 житницами, «запасной» с несколькими погребами, льняной и хлебенный; винокурня и стеклянный завод; наконец, избы для дворовых людей, солдат и мастеровых; выкопано было 37 прудов, причем под некоторые из них, например под Строкинское «озеро», приходилось вычищать болота; разбиты, как мы знаем, обширные сады и огороды, в садах сделаны «хором четвертня», 4 «чердака»—беседки «разными образцами», «писаны красками», в виноградном саду сверх того еще своеобразное сооружение—«часового строения станок, в чем ходят колесы, вышиною полтора аршина, в длину два арш., в ширину в аршин три вершка»; присоединим сюда также пашню, расширенную до 2 тыс. дес. Тут же, как необходимая принадлежность крупного села, была построена церковь и начата постройкой другая. А самые размеры затраченных на все это материалов и труда иллюстрируются записями в записных и приходо-расходных книгах. Так, только по порядным записям от 9 февраля 1668 г. было поставлено на измайловские плотины 800 тыс. кирпича[3]; на одну Измайловскую же «малую» плотину привезено 5 тыс. возов песку[4]; на разные постройки вывезено между прочим: из Рузы 10 тыс. сосновых столбов «в отрубе поларшин»[5], из Черноголовской в. — в один раз 30 тыс. бревен, в другой — 40 тыс., причем только в первый раз

---

[1] Кожевников, Земельные владения дома Романовых, стр. 66.

[2] Имею в виду уже цитированное рукописное «Описание с. Измайлова».

[3] Р. И. Б., т. 23, стр. 915—917.

[4] Там же, стр. 929.

[5] Там же, т. 21, стр. 1146.

понадобилось 993 подводы [1]; из Солотчинского лесу — около 40 тыс. тесниц, 6 тыс. лубов, 5 тыс. драниц[2]; с верховьев Москвы-реки на стругах — 9 800 «каменей» стенных аршинных и трехчетвертных и полуаршинных[3], из Мячковской в.—таких же «каменей» 80 тыс.[4]. То же самое, только относительно в меньших размерах, происходило в некоторых других подмосковных селах, особенно в Степановском и Алексеевском, на которые преимущественно после того как закончено было устройство с. Измайлова, царь Алексей перенес свои хозяйственные заботы. На основании предыдущего мы можем составить себе общее представление о том, какое количество денег и запасов должно было тратиться на жалованье и выдачи «в приказ» администрации и рабочим во всех подмосковных селах; а о размерах трат на строительные материалы позволяет, хотя бы до некоторой степени, судить тот факт, что у одного только кадашевца Ф. Анофреева в течение 5 лет куплено было лесу на 6 781 руб.[5]. Сюда же, наконец, следует отнести специальные расходы, которых требовали приуроченные к подмосковным же селам культурно-хозяйственные опыты царя, как фруктовые и тутовые сады. Между тем бесспорной доходной статьей, по крайней мере в первые годы, оставалось одно полевое хозяйство, и ясно, что покрытие всех этих издержек должно было ложиться на хозяйственное ведомство Приказа в целом.

Все же это была только временная задача, поскольку был вероятен расчет, что впоследствии затраты по мере их естественного сокращения будут покрываться из местных доходов. Но в ведомстве Тайного приказа были расходы, уже лишенные местного характера и потому делавшие, можно думать, необходимым по существу постоянное согласованное участие всех хозяйственных групп в хозяйственных оборотах Приказа. Кроме лиц, непосредственно занятых в разных отраслях труда и администрации, из средств Тайного приказа постоянное государево жалованье получают целые группы, в полном своем составе вовсе не предназначавшиеся к хозяйственной деятельности. Одним из этих групп выдаются деньги и хлебные запасы, так что принадлежащие к ним лица живут на полном содержании царя — «пьют и едят царское», по выражению Котошихина. Это — сокольники и весь дворовый штат Потеш-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1150, 1183, 1278.
[2] Там же, стр. 1202.
[3] Там же, стр. 1101.
[4] Там же, стр. 1228 и 1401.
[5] Там же, стр. 304—313.

ного двора, мастера Гранатного двора (до передачи его в Пушкарский приказ в 1668 г.), певчие государевы дьяки, «верховые богомольцы», они же «верховые нищие», просто «нищие» и «из нищих робята», жившие на Аптекарском дворе, наконец, и отдельные лица, не подходящие ни под одну из этих категорий, как «алхимист Миколай Дмитреев», «карла Тимофей», «дурак Елька». Особенно значительны расходы на содержание сокольников. Кроме годового денежного жалованья в размере около 1 000 руб.[1] им отпускаются в большом количество очень разнообразные запасы; за 1665/66 г. например на Потешный двор было отослано в разное время: 1 000 четв. ржи, 200 четв. овса, 1 211 баранов, 1 200 гусей, 700 уток, 2 400 кур, 150 поросят, 300 полот ветчины, 1 000 пуд. соли, 20 четв. круп, 50 четв. солоду, 1 400 ведер вина, 562 пуд. меду, 40 ведер масла конопляного; в следующем, 1666/67, году: 1 512 баранов, 1 712 четв. ржи, 309 четв. овса, 1 700 гусей, 500 утят, 3 500 кур, 3 637 полот ветчины, 1 800 пуд. соли, 6 четв. маку, 1 800 ведер вина, 600 пуд. меду. Другим группам идет, по правилу, только денежное жалованье. Таковы: солдаты и рейтары полков Н. Бовмана и М. Кравкова, братия и стрельцы Саввино-Сторожевского монастыря; солдатам выдаются из Приказа «кормовые деньги» помесячно: полку Н. Бовмана от 1 600 до 1 700 руб.[2], М. Кравкова — от 1 000 до 1 100 руб.[3]; стрельцам и братии монастыря за год, первым — около 800 руб.[4], вторым — от 1 300 до 1 500 руб.[5]. Сверх того Приказ брал на себя, повидимому временно, жалованье деньгами и хлебом пушкарям и селитряным мастерам[6]. Из его же средств ассигнуются иногда солдатам названных полков и московским стрельцам, в случае их выступления в поход, деньги «на подъем», приблизительно в размере их месячного оклада[7].

Помимо выдач в форме постоянного жалованья Тайный приказ несет большие расходы в экстренном порядке. На редкой странице приходо-расходных и записных книг мы не встречаем записи о государевом жалованье деньгами или хлебом кому-нибудь «в приказ», причем среди осчастливленных царской милостью людей безусловно пер-

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 539, 853, 1104.
[2] Там же, стр. 419—422, 436—442.
[3] Там же, стр. 627, 638, 652, 681, 1332.
[4] Там же, стр. 283, 466, 695, 1273.
[5] Там же, стр. 598, 1227.
[6] Там же, т. 21, стр. 1507; т. 23, стр. 23, 517, 639.
[7] Там же, т. 23, стр. 1332, 1333, 1350, 1351.

вое по численности место занимают представители тех общественных состояний, из которых складывалась окружавшая царя в те или другие моменты его повседневной жизни среда. Тут и духовные лица разных степеней, от московского патриарха до простого чернеца, и придворные чины, по преимуществу из «ближних», и дьяк Тайных дел с подчиненными ему подьячими, и «начальные люди» московских стрельцов, сокольники и конюхи, и, наконец, люди, сильные не честью, а числом, — московские стрельцы, солдаты выборных полков, нищие и тюремные сидельцы. Государь жалует их и порознь и целыми группами; одних реже, других чаще. Сравнительно редко награждаются при этом «за службу», и то преимущественно высшие чины, так было дано например однажды 1 000 руб думному дворянину Я. Т. Хитрово[1], по 500 руб. — Ю. А. Долгорукому и П. С. Урусову[2]. Зато наградой неизменно сопровождаются каждое экстренное поручение царя или «посылка» по хозяйственным ли или по общегосударственным делам, и по этой статье особенно часто получают государево жалованье подьячие Приказа, головы московских стрельцов и рядовые стрельцы, конюхи стремянные и стряпчие, в размере от полтины до 100 руб. или в соответствующем количестве разные запасы, смотря по характеру поручения, а главное по положению и заслугам исполнителя. Чаще всего однако поводом к единичным пожалованьям служат обстоятельства частного характера. Царь Алексей отличался исключительной отзывчивостью. Всякое событие из личной жизни окружающих его людей, радостное и печальное, или просто нужда, вызывают в нем сочувствие, за которым каждый раз могло последовать соответствующее распоряжение в Тайный приказ. «На свадьбу», «на приданое», «на родины и крестины», «на постригание», «на погребение», «на помин», «на пожарное разорение», «за полонное терпение», «на окуп долгу», «на платеж» разных сборов, «на дворовое строение», «на покупку лекарств для болезни», «на сапоги», «на шапку», «на кафтан», наконец, вообще «для бедности» или «для скудости»—все это термины, которые постоянно встречаем в расходных статьях приходо-расходных и записных книг Приказа. И в этих случаях основной контингент действующих лиц тот же, только с добавлением некоторых, более или менее случайных, элементов, вроде например святейшего патриарха Дионисия, которому дано

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 591.
[2] Там же, стр. 697 и 1345.

50 руб. «для ево розоренья, что ево турченя разорил»[1], или каким-то образом попавшего на глаза государю воронежского ямщика, который получил «для ево бедности» 2 руб. и шапку, тут же снятую для него «перед великим государем» с головы какого-то Михайлы Щеголева, вероятно, сокольника[2]. Так же и даже еще более разнообразны в этих случаях состав и размеры пожалований, хотя самый принцип, которым определяется доля каждого, остается тот же. Вот несколько примеров. Подьячий Тайного приказа Артемий Степанов сговорил свою дочь за сына другого подьячего того же Приказа Артемия Волкова, и ввиду предстоящего семейного торжества государь указал выдать каждому: по 2 ведра вина «двойного», по 3 — «с анисом», по 7 — «простого», по полуведру «романеи ренского, збитню и каразину», по 2 ведра «меду паточного ставленного» да меду «сырцу» по 5 пуд., ветчины по 5 полот, говядины по стягу, кур индейских по 2, русских по 10, гусей и уток «по 2 гнезда», по 5 баранов живых, масла конопляного по 2 пуд., рыбы «по белужке да осетрику», муки «крупитчатой» по полосмине, «простой» по полторы чети, по 20 ведер пива[3]. Или пример государева жалованья «на пожарное разоренье»: в одном случае деньгами — по 300 руб. окольничему Р. И. Стрешневу и лекарю Симону Захарьеву, 200 руб. — думному дворянину А. И. Прончишеву, 100 руб. — стольнику Борису Васильевичу Бутурлину[4]; в другом — хлебными запасами: кравчему П. С. Урусову — 50 четв. ржаной муки, 20 четв. круп овсяных, 20 четв. сухарей, 50 полот ветчины, 3 четв. муки пшеничной, 50 ведер вина, 10 пуд. меду; полковнику и голове московских стрельцов А. С. Матвееву — 40 четв. муки ржаной, круп и сухарей по 20 четв., 50 полот ветчины, 4 четв. муки пшеничной, 100 ведер вина, 20 пуд. меду; головам же Ф. Янову, В. Бухвостову и полуголове В. Баранчееву — по 20 четв. муки ржаной, круп и сухарей по 10 четв., ветчины по 25 полот, муки пшеничной по 2 четв., вина по 50 ведер, меду по 10 пуд.[5]. В столбцах Приказа найдем несколько челобитных, в которых разные маленькие люди, находясь в тяжелых обстоятельствах, обращаются к государю с просьбами о помощи: вдова дьяконица Феклица, муж которой сослан по государеву указу «под начал», просит «на пропитание» — без мужа она с детиш-

[1] Там же, т. 23, стр. 518.
[2] Там же, стр. 1348, 1368.
[3] Там же, т. 21, стр. 1652.
[4] Там же, т. 23, стр. 1320, 1321, 1324, 1329.
[5] Там же, т. 21, стр. 1418.

ками своими помирает «з голоду и с холоду»[1]; о том же взывает «бедной и беспомощной и беззаступной, дряхлой и залежалой» подьячий Большого дворца Прошка Аверкеев, «заскорбевший на службах» и «в той скорби» одряхлевший[2], «сынчишко боярской Сенька Королевской», который в судных деньгах «лежит» в Челобитенном приказе «много время скован», умоляет не править на нем «тех полполинных денег»[3]. И челобитчики получают просимое: последним двум из Приказа даются деньги, а первой — сверх денег, 2 руб., еще хлебные запасы: четь муки ржаной, полосмины пшеничной, четверик круп гречневых, полоть свинины, полосетрика, две стерляди соленых, пуд соли. Судя однако по ничтожному числу подобных документов в делах Приказа и еще потому, что челобитчики не принадлежали к обычному кругу жалуемых из средств Приказа лиц, можно думать, что обыкновенно пожалование «в приказ» происходило по собственной инициативе государя, близко знавшего жизнь окружающих его людей. В общем одними деньгами Приказ расходовал по этой статье от 1½, до 7 тыс. руб. в год.[4].

Расходы Приказа приобретали особенно внушительные размеры, когда государь жаловал не порознь отдельных лиц, а целыми категориями. Это бывало обыкновенно или на большие праздники — пасху, рождество, благовещенье, петров день и др., или в знаменательные дни в жизни царской семьи — например «для помяновения блаженные памяти благоверные государыни Марии Ильиничны», или «для всемирные радости рождения» кого-нибудь из царских детей, или «для ево государского многолетного здоровья второго браку», изредка и по другим поводам. В одних случаях пожалование производится по заранее составленному списку с расчетом доли каждого из жалуемых лиц, и тогда оно соразмеряется с их общественным положением или с близостью к государю.

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 244.

[2] Там же, стр. 247—248.

[3] Там же, стр. 277.

[4] Отдельным лицам, очевидно, уже по их просьбе, государь указывает иногда выдать из приказа или денег или хлеба «взаймы»: так получил однажды «взаймы до срока, до Николина дня», 500 руб. окольничий Б. М. Хитрово; в другой раз роздано было хлеба «до нови» в мае 1667 г., очевидно, на семена, все «ближним людям» (стольникам Б. В. Бутурлину, И. В. Бутурлину, кн. В. Голицыну, Ф. О. Лодыженскому, А. И. Матюшкину, постельничему Г. И. Ртищеву, полковнику и голове А. С. Матвееву и боярину кн. Н. И. Одоевскому): 1 100 четв. овса, 600 четв. ржи, 90 четв. ячменя и 15 четв. пшеницы. Р. И. Б., т. 21, стр. 1276—1306.

Высшим духовным и придворным чинам государь жалует не много и не часто; зато отличаются изысканностью выбираемые для них предметы: белуга в 3 арш. и «поменши», осетр от 2 арш., «баран молодой ордынский». Жалованье среднего чина людей — уже компромисс между гастрономией и экономией. Дьяку Тайных дел назначено: 30 ведер вина «с анисом», 40 пуд. меду «сырцу», 45 туш свиного мяса, 50 гусей, 30 уток, 100 кур сушеных, 3 ведра масла конопляного, 2 четв. маку и «за просо 100 пуд. соли», по 100 четв. ржи и овса; старшим подьячим: по 5 ведер вина, по 6 пуд. меду, по полустягу говядины, по 5 гусей, по 4 утки, по 50 кур сушеных, по 6 кружек масла; младшим: по 1 ведру вина, по 1½ пуд. меду, по 2 полтя свинины, по 2 гуся, по утке, по 20 кур сушеных, по 2 кружки масла[1]. По монастырям, которые государь наделяет запасами очень часто, развозили то «по получетверику круп да по 2 гривенки масла коровьего человеку», то рыбы, например, «по сазану или по стерляди на двоих», или иначе: в Чудов монастырь «170 человеком — 17 белуг, 1 естра, 4 теши», в Ново-Спасский «157 человеком — 16 белуг без 2 естр, 4 теши» и т. п.[2], — состав не сложный, но у государя богомольцев и особенно богомолиц великое число (в 12 женских монастырях свыше 1 700 чел.), и за год милостыня им должна произвести немалое опустошение в его запасах.

Иногда раздача имела чисто массовый характер. В таком порядке получают обыкновенно свою милостыню нищие, особенно в последние годы царствования. Государь не менее 10 раз в год обойдет в сопровождении своих стрельцов те церкви и дворы, при которых устроены были для нищих богадельни, и частью из своих государских рук, частью через свою свиту оделит «безщетно» всех своим денежным жалованьем; одновременно и с той же целью, случалось, посетит и других несчастных — тюремных сидельцев по приказам и полоняников, а в завершение непременно пожалует и сопровождающих его стрельцов. Редко Тайному приказу подобный обход обойдется меньше 1 000 руб., а часто и больше[3]. Но это только более крупный и почти окладной расход; в меньшем числе нищие постоянно, можно сказать, оказывались на пути государя, особенно при выходах его в церкви, и об этом мы узнаем также из приходо-расходных книг Приказа. Иногда

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1702.
[2] Там же, стр. 1478, 1694, 1701; т. 23, стр. 995, 1014—1016 и мн. др.
[3] Там же, т. 23, стр. 568—570, 584—587, 675—677, 1223—1225 и мн. др.

впрочем деньги «общим числом» выдаются лицам и других состояний: например было пожаловано однажды 555 руб. сокольникам «за службу»[1], солдатам выборного полка М. Кравкова, 1 149 чел., по рублю человеку — «для всемирные радости рождения» царевича Симеона[2]. Помимо денежной милостыни, для нищих устраивались также в определенные дни кормы, обыкновенно «в деревянных полатах» на Аптекарском дворе, в более важных случаях — в Столовой и Золотой царицыной полатах, «по Передней и по Комнате», в присутствии государя[3]. Бывало даже, что во время пребывания государя в каком-нибудь из подмосковных сел, к нему возили туда нищих из Москвы, вероятно для корма[4]. Для подобных расходов в распоряжении Приказа всегда имелись запасы в Москве; в случае недостатка прикупали, чаще же требовали из сел, например однажды взято было 10 четв. муки ржаной, 228 «куров русских живых», 5 ведер творогу из Измайлова и 50 баранов из Домодедова[5]; в другой раз — из Домодедова 28 кур индейских и 30 уток, из Назарова 50 гусей, 22 курицы индейские и 170 уток живых, «а достальной корм, сказано, велено готовить из Дворца»[6].

Наконец, случалось, что лица всех разнообразных категорий, для которых касса и запасы Тайного приказа открывались, как в приведенных примерах, порознь, оделялись государем за один раз и одинаковым способом, только с соблюдением известных уже нам пропорций. Такой случай имел например место в феврале 1674 г., вероятно на масленице, когда по государеву указу «развезена была» в качестве государева жалованья рыба только что полученной «присылки» упоминавшегося раньше яицкого «промышленника» С. Трофимова, и в списке пожалованных оказались рядом: 4 митрополита, 3 архиерея, 1 протопоп, 4 служилых царевича, 15 бояр, 10 окольничих, кравчий, казначей, постельничий, 16 думных дворян, 8 думных дьяков, ясельничий, 20 спальников, 19 стольников, 20 стрелецких голов и 19 полуголов, 2 «полуполковника» и 2 «маеора», 12 стряпчих, 7 дьяков, 16 певчих дьяков, 41 стремянный конюх и стадный приказчик, 4 «дохтура», 6 аптекарей, 3 «алхимиста», 19 лекарей, 4 костоправа, разных специальностей дворцовые «мастеровые

[1] Р. И. Б., стр. 1227.
[2] Там же, стр. 626.
[3] Там же, стр. 615, 644, 650 и др.
[4] Там же, стр. 1239.
[5] Там же, т. 21, стр. 1605.
[6] Там же, стр. 1501; ср. стр. 1578, 1592, 1594—1595 и др.

люди» — около 200 чел., истопники и сторожа — в том же приблизительно числе, братия 20 мужских монастырей и несколько подворий — свыше 700 чел., сестры 11 женских монастырей в числе 1 436 чел., нищие 9 богаделен — 508 чел., причты нескольких соборов и церквей и в конце даже 3 крестьянина, «у которых изволил великий государь стоять на дворех в свои государские походы», — можно сказать, почти вся придворно-чиновная и богомольно-нищая Москва, умещавшаяся в поле непосредственного зрения царя, всего свыше 4 тыс. чел. Роздано было: 180 еблуг, 754 осетра, 37 чалбышей, 8 стерлядей, 1½ пуд. «лутчей» и 22 пуд. «росхожей» икры и (почему-то одним женским монастырям) по 35 пуд. меду и масла, 45 четв. проса[1]. Иногда же в подобных случаях видим более ограниченное по составу, но много теснее связанное с ведомством Тайного приказа сочетание, это — дьяки Тайных дел, бывший и настоящий, полковники, головы и полуголовы московских стрельцов, подьячие Приказа, сокольники и весь штат Потешного двора[2].

Особой статьей, и по размерам и по значению, представляется государево жалованье приказам московских стрельцов и двум выборным полкам. На стрельцов и солдат милость государева распространялась, как видно отчасти уже из предыдущего, в различных формах вместе с лицами прочих категорий. Более того, если бы надо было обозначить по общему впечатлению категорию лиц, на которых она падала особенно часто, пришлось бы несомненно прежде всего назвать «начальных людей» московских стрельцов, голов и полуголов[3]. Но рядом с начальниками особым вниманием царя пользуются и рядовые стрельцы уже не в качестве рабочих на этот раз, а в общем составе своих приказов. В применении к ним наиболее обычной формой государева жалованья была «кормка». Кормки происходят или в Москве, на Аптекарском дворе, или в государевых селах, часто в грандиозных размерах. Так, по записи за 15 и 17 января 1672 г. велено было «прислать» для этой цели в Москву из разных сел на один только раз: 25 кур индейских, 368 русских, 25 гусей, 100 уток, 156 пуд.

---

[1] Там же, стр. 1705—1716.

[2] Там же, т. 23, стр. 609—611.

[3] Там же, т. 21, стр. 1134—1136, 1167, 1194, 1216, 1220, 1238, 1248, 1290, 1327, 1376, 1411, 1415, 1416, 1418—1419, 1423, 1439, 1453, 1479, 1483, 1565, 1569, 1606, 1615, 1677, 1684, 1709, 1717, 1732, 1741 и др.; т. 23, стр. 41, 90, 434, 513, 517, 578, 666, 703, 1119, 1218, 1221, 1316, 1360 и др.

меду, 200 «животин быков и коров»[1], конечно в дополнение к тому, что имелось в тот момент на Аптекарском дворе; не менее внушителен реестр, составленный на другой раз, в ноябре того же года: 50 четв. муки ржаной, 20 четв. пшеничной, 40 полот ветчины, 1 200 кур, 35 пуд. меду да из трех сел — Измайлова, Степановского и Васильевского — «творогу, что в скопе есть»[2]. Повидимому для стрелецких кормов также установлены были определенные дни; в записи под 28 сентября 1673 г. читаем: «на память святого Харитона исповедника великий государь для своего государского многолетнего здоровья указал кормить на Аптекарском дворе московских всех приказов стрельцов, да выборного Матвеева полку Кровкова салдат; а наперед сего в тот день кормки им не бывало для того, что он, великий государь, в те дни изволил быть в своих государских походах; а и впредь им та дача не в образец»[3]; очевидно прецеденты имели силу. Можно поэтому думать, что записные книги отмечают такой расход только в исключительных случаях, а в действительности его можно предполагать всякий раз, как на Аптекарский двор требовали из сел запасов в особенно больших количествах и в экстренном порядке[4]. Потому вероятно в книгах нет ни одной записи о стрелецких кормках в такие праздники, как рождество христово или пасха. Но стрельцы бывают при государе не только в столице; они неизменно сопровождают его, чаще стремянные, реже других приказов, во всех его «походах» в подмосковные села, где также их поили и кормили[5]. Вероятно ввиду главным образом этих потребителей государевых запасов в селах обыкновенно заготовлялось огромное количество медов, квасов, пива и вина, причем государь сам следил за тем, чтобы его погреба исправно выполняли свое назначение. Он сам например просматривал «росписи» винам, предназначавшимся для рассылки по селам, собственноручно делая поправки — обыкновенно увеличивая цифры[6]. Ему также представлялись доклады о состоянии медов и квасов, и на одном из таких докладов осталась резолюция, свидетельствующая об его внимании к гастрономическим интересам стрельцов: против предложения докладчика оставить именно

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1582—1583.
[2] Там же, стр. 1609.
[3] Там же, стр. 1670, 1689.
[4] Там же, стр. 1620—1623; ср. стр. 1548—1549, 1582—1583.
[5] Там же, стр. 1672, 1688, 1689.
[6] Г. А., XXVII, № 319, л. 1—9.

для них прокисшие меды царь написал: «сам пей»[1]. Одни стрельцы провожают царя, другие при возвращении его из «походов» «встречают», — и эти также не остаются без государева жалованья. «Велено, — читаем в записных книгах, — напоить и накормить на Оптекарском дворе стрельцов, которые встречали его государя в стретеньев день, — Ларионова приказу Лопухина 1 000 человек»[2]. А царь, как мы знаем, бывает в «походах» очень часто — весной и летом иногда не один раз в течение недели, и никогда без стрельцов![3] И ездит он не только в подведомственные Тайному приказу села, а и в дворцовые, однако и в этих случаях стрельцы должны получать корм из собственных его запасов: под 30 сентября 1670 г. в Приказе например записали: «послано... для походу великого государя на корм стрельцом в Воздвиженское... 8 чети сухарей, осмина круп овсяных, 12 ведр вина, 7 ведр кавардаку; в Кленники... 14 чети сухарей, 2 чети круп, 16 ведр вина, 10 ведр кавардаку; а велено то все в тех селах построить Ивану Чепелеву от дворцовых запасов особо»[4].

Жаловали и просто натурой: то хлебом — рожью и овсом[5], то ветчиной и вином[6], а по большим праздникам государь чуть ли не считал себя обязанным жаловать стрельцов вином, медом и ливом. В этом отношении интересна следующая запись (от 10 ноября 1674 г.): «велено отпустить государева жалованья московским стрельцом всех приказов для торжественных дней прошлого 181-го году с Оптекарского двора вина: для праздника Алексея человека божия марта 17-го числа пятидесятником и десятником 1147 ч. по 4 чарки, да за пиво и за мед по 3 чарки...; рядовым 10 378 ч. по 3 чарки, да за пиво и за мед по 3 ж чарки... Им же для праздников цветоносные недели и светлого христова воскресения пятидесятником и десятником по 4, рядовым по 3 чарки человеку. Да одним пятидесятником и десятником для праздника благовещения пресвятые богородицы марта 25-го, да для ангела государя царевича... по 4 ж чарки человеку... Да пятидесятником ж и десятником и рядовым стрельцом 3-х приказов 2 334-м человеком, которые были для его государского ходу в монастырь пресвятые богородицы донские августа в 19 день, пятидесятником и десятником по

---

[1] С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, изд. 8-е, стр. 407.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1741.
[3] Дневальные записки.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1670.
[5] Там же, стр. 1376.
[6] Там же, стр. 1377.

4 ж, рядовым по 3 чарки человеку... Всего... по указным статьям 659 ведр без крушки»[1]. Из записи не видно, почему были пропущены все «вышеписанные праздники», но важно, что пропущенное хорошо помнили.

Несколько особый смысл государево жалованье московским стрельцам, как и солдатам выборных полков, приобретало во время военных походов. Назначение на службу являлось прежде всего поводом к выдаче хлебных запасов «в приказ» — одинаково и «начальным людям» и рядовым. При отправке например в 1668 г. в черкасские города стрелецкие головы получили с Аптекарского двора по 50 ведер вина и по 10 полот ветчины, полуголовы — «против голов вполы», сотники — по 7 ведер и по полтю ветчины[2]; и еще раз — тогда же: головы — «по 2 спины белужьи, по 2 белые рыбицы сухих, по 50 пучков везиги, по пуду икры, по 5 осетров, по 7 ведр збитню, по 20 четвертей сухарей, по 10 чет. муки»; полковники и полуголовы—обычно «вполы»[3]. В менее разнообразном составе, но в таких же приблизительно размерах государево жалованье выдается им и в других случаях — «для службы астраханские посылки»[4], «для севской службы»[5], киевской[6], путивльской[7]. То же — и рядовым, в соответствующей их положению пропорции: «для астраханской службы» 1667 г. например выдано было двум приказам по 300 ведер вина, тем же двум и еще двум другим, всего 2 600 чел., — «вместо муки по полуосмине ржи человеку из стругов..., который хлеб привез из Богородицкого, ис Скопина, ис Романова стольник Иван Хитрово»[8]. Мало того, и на месте военных действий московские стрельцы должны были получать содержание из запасов ведомства Тайного приказа. Отправляя кн. И. С. Прозоровского с стрельцами в Астрахань для борьбы с Разиным, государь одновременно предписывает указом в Лысково и Мурашкино воеводам «лысковскими и мурашкинскими крестьяны зделать из десятинного хлеба 260 чети круп, 260 чети толокна тотчас безо всякого мотчанья... на раздачю 4-х приказов стрельцов 2 600 человеком, которые посланы... с Москвы», причем запасы должны быть отданы головам «по списку — на 10 ч. по чети круп, да по чети толокна»[9]. Как известно,

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1682—1688.
[2] Там же, стр. 1390.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 610, ст. 36—37.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1462.
[5] Там же, стр. 1471.
[6] Там же, стр. 1615.
[7] Там же, стр. 1634.
[8] Там же, стр. 1333.
[9] Там же, стр. 1332.

миссия Прозоровского оказалась не из легких, и царю пришлось еще не раз посылать «на низ» подкрепления из своих житниц. Так, в феврале 1669 г. велено было для московских же стрельцов, «которые на государеве службе в Астрахани», «в прибавку» к имевшимся налицо «Нижегородцким запасом» «зделать» муки ржаной и сухарей «Нижегородцкого уезду в селах в Мурашкине, в Лыскове, в Терюшевской волости и Арзамаского уезду в мордовских деревнях... по 3 000 чет.» [1].

В дальнейшем расход государевых запасов принимает еще бо́льшие размеры. В феврале 1670 г. Хлебный приказ должен, по памяти из Тайного, «изготовить... в низовой отпуск» уже 3 тыс. четв. ржи и 10 тыс. четв. овса «из сел, которые ведомы в том Приказе, кроме Лыскова и Мурашкина» [2], а в июне того же года к этому прибавлено: из скопинского хлеба с Раковской пристани — 4 500 четв. ржаной муки, 2 300 четв. сухарей, 2 200 четв. толокна, снова из Лыскова и Мурашкина — 2 050 четв. круп овсяных; из житниц, «что у Колусских ворот», — 500 четв. муки ржаной; привлечены и подмосковные села: Домодедово, где велено взять «старых, что... припасены были работником 200 чети сухарей, да вновь муки смолоть и зделать 300 чети сухарей», и Измайлово, которое должно было поставить 250 четв. круп овсяных [3]. Наконец в мае 1671 г. с Аптекарского двора отсылается на Кормовой дворец 400 пуд. ветчины и 100 пуд. коровьего масла для кавардака, все с тем же назначением — «для низового отпуску ево государевым ратным людям» [4]. И «астраханский отпуск» не был в хозяйственном обороте Тайного приказа единичным эпизодом, который можно было бы объяснять только личной заинтересованностью царя Алексея в подавлении восстания Разина. Для обеспечения стрельцов же продовольствием на другом театре военных действий — юго-западном — предполагалось образовать хлебные магазины в Брянске: туда в феврале 1669 г. посылался стряпчий И. Образцов «для починки, — как записано в приходо-расходных книгах Приказа, — старых и для дела новых житниц под хлебные запасы, которые станут привозить с Москвы» [5]; а запись от 11 октября того же года записных книг дает понять, откуда и для кого главным образом пойдут эти хлебные запасы: «в. г. указал, — читаем здесь, — стрелецкой хлеб, которой иман во

[1] Там же, стр. 1453—1454.
[2] Там же, стр. 1503.
[3] Там же, стр. 1524.
[4] Там же, стр. 1557—1558.
[5] Там же, т. 23, стр. 1119.

Брянск по наряду ис Сибирского приказу, заплатить ис Хлебного приказу»[1]. Московских стрельцов государь не терял из виду и во время самого движения их к месту назначения и обратно, принимая особые меры к тому, чтобы они не терпели лишений в пути. Навстречу например московским стрельцам, которые шли из Астрахани (в 1672 г.), высланы были подьячие Тайного приказа П. Оловеников, С. Казанец и М. Ватолин, один в Серпухов, другой во Владимир, третий в Коломну, все трое — «для кормки». «А вина и запасов для той посылки, — значится в записной книге,— дано... с Оптекарского двора»[2]. Тот же М. Ватолин ездил потом в Белев «для стрелецкой кормки, которые стрельцы посланы в Киев»[3]. Даже стрелецкие жены с детьми в отсутствие мужей, а стрелецкие вдовы едва ли не постоянно состоят на попечении государя, получая от него вспомоществование хлебом и деньгами, пропорционально рангу мужей. Так, однажды «к празднику успения пресвятые богородицы» было выдано с Аптекарского двора «головиным и полуголовиным и сотниковым женам»: первым по 5 ведер вина и по стягу (говядины), вторым по 2½ ведра и «по полустягу», третьим по полуведру и «по чети стяга»[4]. Это — за раз 90 чел., но бывало также, что государь жаловал стрелецких жен и порознь — «ради пожарного разорения» или по каким-нибудь другим поводам, притом с большей щедростью, например по 50 четв. ржи и овса[5]. Жалованье рядовых стрелецких жен скромнее: по части ветчины (1/10 полтя), детям — по «получасти» или получетверику круп овсяных или соли; зато в подобных случаях и количество лиц выражается в других цифрах — от 5 до 10 тыс.[6]. А кроме того оказывалась помощь деньгами: в описи отмечены даже особые «тетрати, а в них записки стрелецким розных полков матерям и женам, у которых дети и мужья на службах побиты и померли и ранены, и побитых же и умерших стрельцов бабкам, теткам, сестрам, сыновьям и дочерям малым и матерям же, которые пострижены и живут по монастырем без мест, которым давано по рублю человеку, а иным по разсмотрению»[7].

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1487—1488.
[2] Там же, стр. 1607—1608.
[3] Там же, стр. 1618.
[4] Там же, стр. 1565.
[5] Там же, стр. 1411, 1419, 1453, 1730.
[6] Там же, стр. 1460—1462, 1541—1542; т. 23, стр. 1026—1027, 1071, 1073, 1079, 1082—1083 и др.
[7] Р. А., XXVII, № 518, л. 44 и об.

Аналогичные явления при несущественных различиях мы наблюдаем также в положении выборных полков Шепелева и Кравкова, в особенности последнего» [1].

Сравнительно незначительным представляется расход на содержание государева двора в тесном смысле слова. Эта обязанность продолжала в полном объеме лежать на Приказе Большого дворца и с учреждением хозяйственного ведомства Тайного приказа. Записные книги отметили всего несколько случаев, когда запасы из государевых сел поступали «на государев обиход»: однажды например «прислано» было из с. Алексеевского «2 горшечка сливок, 3 горшечка варенцу, 3 горшечка простокваши, горшек сметаны, да пресного молока кружек з 10, сыр мяхкой»: сыр прямо взят был «к великому государю в хоромы», а все остальное отослано на Хлебенный дворец [2]; точно так же государю «подаваны не в одно время» были яблоки из подмосковных садов [3]. Изредка можно встретить распоряжения, и то лишь за первые годы, о передаче некоторых поступлений в Большой дворец, например баранов, присланных из Скопина и Романова [4], туда же — арзамасского меду и маку из Богородицкого [5], или на Кормовой дворец — «куров живых» из Чашникова, или «барашков ардынских малых» из Пахрина [6]. Можно наконец предполагать, что из продуктов, в огромном количестве присылавшихся из сел к большим праздникам, рождеству и пасхе, только часть предназначалась на «кормы» [7] и на жалованье «в приказ», а другая шла на нужды двора. Следующий пример дает представление о размерах расхода по всей этой статье. На пасху 1673 г. было потребовано: 70 четв. пшеницы «доброй» («подсеять и столочь и смолоть»), 20 гусей, 20 уток, 40 кур индейских, 1 080 — русских, 2 «гнезда свиней», 5 поросят, 1 бык, 56 баранов старых,

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1248, 1372, 1377, 1379, 1466, 1494, 1534 ,1557, 1668, 1669, 1230, 1370, 1435, 1441, 1550, 1569 и др.

[2] Там же, стр. 1700.

[3] Там же, стр. 1537, 1539.

[4] Там же, стр. 1206, 1243, 1254.

[5] Там же, стр. 1107—1108, 1154.

[6] Там же, стр. 1254, 1457. Вообще «запасы» Тайного приказа строго отличаются от дворцовых. Если Тайному приказу случается делать позаимствования в Приказе Большого дворца, то обыкновенно он берет «взаймы»: например берутся взаймы запасы для каменщиков, работавших в Измайлове, даже с указанием срока возврата,— до зимнего пути; «а заплачены будут те запасы в Приказ Большого дворца ис Приказу тайных дел нынешнею зимою 175 г.». Р. И. Б., т. 21, стр. 1194; ср. там же, стр. 1173—1174, 1272, 1369, 1582, 1658.

[7] Там же, стр. 1548.

64 — молодых, да из 4 сёл «с воловенных дворов скоп: сыры, яйца, масло, творог и сметану всю что есть»[1].

В покрытии расходов перечисленных видов должны были принимать участие все государевы владения, и возникавшая отсюда задача распределения являлась тем более сложной, что одновременно приходилось иметь в виду потребности и более или менее постоянные и совершенно случайные — последние даже чаще, чем первые. Как можно заметить по практике Приказа, с самого начала эта задача разрешалась в его ведомстве с помощью особого аппарата, представленного двумя учреждениями — Аптекарским двором и Хлебным приказом.

Название Аптекарский двор встречается на первых же страницах приходо-расходных и записных книг Приказа (последних — во второй части) и уже не сходит с них до конца — доказательство того, что этому учреждению принадлежала важная и постоянная роль в жизни царского хозяйства. Повидимому его назначение, давшее ему и самое название, первоначально было очень специальное — изготовление водок высших сортов, медов и всяких сластей[2]; но с его переходом в ведомство Тайного приказа оно расширилось и изменилось применительно к целям ведомства: Аптекарский двор стал складочным местом для «запасов» определенной категории, поступавших в Москву из государевых владений. Здесь именно собирались с территории обоих ведомств (Тайного и Хлебного приказов) так называемые столовые запасы: говяжье и свиное мясо — тушами и полтями, гуси, утки, куры — битыми и живыми, всякого рода потроха, с рыбных промыслов — рыба и икра, также ягоды, орехи, грибы и, наконец, в огромных количествах вино и мед. Иллюстрации к этому может представить, кажется, любая страница записных книг. Иногда на Аптекарском дворе скапливалось должно быть чересчур много продуктов, и тогда излишек отсылали на хранение в другое место, например однажды отослали в Измайлово «вывесить» 3 тыс. «полот свиных соленых», предварительно записав «имянно» и с наказом «в росход без государева имянного указу... не держать»[3]. Но это случалось очень редко, и понятно почему: собирая отовсюду запасы, Аптекарский двор непрерывно их расходует разными способами, какие укажет государь, — то на Потешный двор в Семеновское, то на жа-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1643—1644; ср. стр. 1442, 1494—1495, 1512, 1575—1577, 1596 и др.

[2] Гурлянд, цит. соч., стр. 181; там же и некоторые другие сведения.

[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1590.

лованье и награды разным лицам, то на кормы стрельцам и нищим, в последнем случае принимая на себя функции поварни и столовой. Впрочем он имеет возможность регулировать направляющиеся к нему поступления: если из отдаленных областей запасы присылались в более или менее определенные сроки, то из ближайших подмосковных сел они идут обыкновенно по памятям из Приказа, приноровленным к нуждам Аптекарского двора, по преимуществу к праздникам и дням кормов. Управляющему двором сокольнику Зоту Полозову был, как мы видели, открыт доступ «в Верх», и он, а тем более его преемник, один из самых заслуженных подьячих Тайного приказа, П. Кудрявцев, могли путем личных представлений осведомлять государя о положении дел и испрашивать соответствующие распоряжения. На Аптекарском дворе держат также в небольшом количестве живой скот — коров и главным образом баранов, предназначающихся «на убой», а «хлебные запасы» для кормов присылают сюда, по специальным требованиям, или из каменных житниц или из подмосковных же сел. Такое представление о роли этого учреждения, внушаемое наблюдениями над ходом повседневной жизни в хозяйственном ведомстве Тайного приказа, поддерживается и некоторыми другими, правда, скудными данными. Те же самые функции заставляет предполагать например опись, отмечая среди дел Тайного приказа, переданных в Большой дворец, «книги приходные Оптекарского двора, сколько в котором месяце и числе принято из городов, и из волостей, и ис сел и ис каменных житниц хлебных и столовых запасов на Оптекарской двор и что у промышленников принято рыбы свежей и соленой и кавардаку» [1]. С другой стороны, в том же направлении дает указания и внешняя история Аптекарского двора. Неизвестно, какой внешний вид и состав он имел в первое время; но несомненно, что с переходом его в ведение Тайного приказа, т. е. вероятно с 1663 г., принимаются меры к его расширению и происходит его приспособление к новому назначению. Приходо-расходная книга 1662—63 г. застает уже продолжающиеся строительные работы на Аптекарском дворе: строятся сначала две «избы», потом — третья «пятисаженная изба» [2]. В 1669—70 г. поставлены еще новые здания — «избы для кормки нищих и соленья свиных мяс и рыбы и сушило» [3]. Вместе с тем в разные годы к тому же двору было приобретено 6 частных дворов, где также

[1] Там же, стр. 758; ср. стр. 754—761.
[2] Там же, т. 23, стр.; 404, 429, 440, 450, 494.
[3] Там же, т. 21, стр. 307.

строились «полаты с погребами для оптекарских всяких запасов» [1]. Наконец ввиду все более расширявшихся операций учреждения пришлось прибегнуть к радикальной мере — постройке нового Аптекарского двора, и уже в 1672—73 г. составлены были «сметные росписи... на новой Оптекарской двор», а с следующего года начались и самые работы [2]. Новый двор по размерам был одинаков с старым — 27 и 3 саж., но гораздо лучше приспособлен был к своему назначению. Здесь между прочим рядом с служебными строениями — погребами, поварней, хлебней, пивоварней, разными «анбарами» — находим особенно характерное сооружение — «палату мерою в длину 10 сажен с полуаршином, поперег 7 сажен, которое поставлено для кормок всяких чинов людей, а в той палате, поставлено 30 столов по 6, и по 5, и по 4 и по 3 аршина стол, да в ту ж меру 60 скамей» [3]. Назначение Аптекарского двора хорошо иллюстрируется также и его инвентарем, в составе которого значатся помимо всевозможных мелких «судов» такие орудия кулинарного искусства, как поваренные медные котлы по 28 и 25 ведер, котлы пивоваренные в 120, 70 и 60 ведер, горшки в «пол-2» ведра и в ведро, «сковородки» по ведру, а затем блюда, «торелки», «достаканы», «чарки медвяные», ковши золоченые, ендовы ведерные и полуведерные. При составлении описи комиссия нашла на Аптекарском дворе еще довольно значительное количество запасов как местного изготовления, например 10 ведер вина двойного, много всяких пив и медов, разных видов пастилу, рыбу «московской проделки», так и «присыльных», например 715 ведер вина терюшевского, меду-сырцу и патоки 1 077 пуд., 2 219 полот ветчины, рыбы «яицкой» и т. п. [4].

Такую же роль, как Аптекарский двор, но в отношении хлебных запасов играл Хлебный приказ или, может быть точнее, состоявшие в его ведении каменные житницы. Эти житницы находились в Кремле у Троицких ворот и повидимому строились в1658/59 г., как можно по крайней мере заключить из указания описи на вызов в Москву в 167 г. «каменьщиков и кирпищиков» «для строения каменных житниц» [5]. В 1665—66 г. их перестраивали, а вернее, к старым прибавили несколько новых (всего было не менее 16) [6]: к тому времени, как мы знаем, подведомственная Хлебному

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 759; ср. стр. 201—205.
[2] Там же, стр. 758; т. 23, стр. 234, 245, 1371, 1376 и др.
[3] Там же, т. 21 срт, 195—199.
[4] Там же, стр. 206—214.
[5] Там же, стр. 617.
[6] Там же, т. 23, стр. 744, 791, 803, 811.

приказу территория значительно расширилась, и новые помещения стали необходимы ввиду увеличившихся поступлений. В Троицкие житницы везли зерновые продукты — рожь, овес, пшеницу, ячмень, полбу, крупы, толокно, муку и сухари — обыкновенно из городов и сел, подчиненных Хлебному приказу, и едва ли не было единственным случаем, когда «велено было привезть» туда 10 342 четв. ржи, овса, пшеницы и ячменя из Домодедова [1]. Казалось бы поэтому, что количество поступавшего в житницы хлеба должно было соответствовать сумме сбора его в пределах ведомства Хлебного приказа. На самом деле было не совсем так: и в этих пределах хлеб шел в большем количестве мимо каменных житниц — или непосредственно в подмосковные села или, как мы имели случай видеть, на места военных действий для московских стрельцов. Особенно много запасов получало этим путем Измайлово, из некоторых мест даже с известной правильностью. Так, по указу от 2 декабря 1668 г. велено было «в городех и в селах, которые ведомы в Хлебном приказе, зделать из десятинного хлеба к нынешнему ко 177-му году на измайловские росходы сухарей ржаных против 176-го году 2 000 чети, круп овсяных 1 000 чети» [2]; из юрьевских сел в январе 1667 г. в Измайлово доставлено было 534 четв. сухарей и 85 четв. круп овсяных — «остаточных» от тех, которые «готовлены» были для Измайлова в 174 г.; оттуда же в другой раз должны были прислать 1 000 четв. ржи и 2 тыс. четв. овса «доброво» и по 1 000 четв. овса еще два раза [3]; с Рановской пристани (т. е. из Романова или Скопина) потребовано было «для измайловских росходов» в 1670 г. 2 тыс. четв. сухарей да из Лыскова и Мурашкина 500 четв. круп овсяных [4]. Иногда минуют каменные житницы, пересылая, по распоряжению Тайного приказа, хлебные запасы прямо из одного владения в другое в ведомстве Хлебного приказа; например из Терюшевской в. «дано» было «на семяна ярового хлеба» в Мурашкино 1 280 четв. овса и 4 четв. ячменя, в Лысково — овса 937 четв. с осьминою [5]; из Терюшевской же 500 четв. овса в с. Сергач [6]. С другой стороны, вообще при всяких условиях урожай шел с мест в Москву не сполна, а «по росписям», составлявшимся в Тайном приказе и передававшимся в Хлебный приказ для исполнения; таким об-

[1] Там же, т. 21, стр. 1374.
[2] Там же, стр. 1437.
[3] Там же, стр. 1265, 1370, 1541.
[4] Там же, стр. 1552—1553.
[5] Там же, стр. 1079.
[6] Там же, стр. 1403; ср. стр. 1579.

разом на местах оставались значительные запасы хлеба, а в Лыскове даже велено было устроить двор, «где быть Хлебному приказу»[1]. Назначение этих местных запасов мы уже знаем: отсюда доставлялся провиант московским стрельцам в случае походов.

Из каменных житниц хлебные запасы расходовались в том же порядке и по тем же статьям, как и столовые запасы с Аптекарского двора. Расписывает и распределяет Тайный приказ, а Хлебный исполняет. Чаще всего выдачи производятся отдельным лицам и на Аптекарский двор, реже, но зато в крупных размерах — на Потешный двор и в подмосковные села, из которых снова приходится на первом месте назвать Измайлово. «На измайловские росходы» помимо случайных выдач как будто существовала даже зафиксированная — 1 000 четв. ржи и овса ежегодно[2]. Из каменных же житниц раздавался хлеб, иногда также в большом количестве, крестьянам подмосковных сел — то «в приказ», то «в займы до нови»; в 1668 г. например расход по этой статье превысил 2½ тыс. четей[3]. Подмосковные села и сами постоянно обмениваются между собой излишками своих продуктов «на семена» и на другие нужды; делятся также и с подведомственными Хлебному приказу селами и городами, но все это происходит уже непосредственно по распоряжению Тайного приказа и помимо каменных житниц.

Вероятно в связи с разнообразием назначения запасов в ведомстве Тайного приказа установилась особая их классификация, с которой повидимому сообразовались при их фактическом распределении и даже размещении для хранения. Кроме хлеба, который шел на удовлетворение разнообразных текущих нужд, некоторые из государевых указов в общем составе запасов различают еще в качестве отдельных подразделений: «десятую часть», «пятую часть» и стрелецкий хлеб. Воспроизводя в своих записях указов эти термины, записные книги к сожалению нигде их не поясняют и также считают их понятными другие, правда, очень немногие, документы, в которых они встречаются. Ясно во всяком случае одно, что каждая часть имела, по крайней мере в идее, какое-то специальное назначение и могла быть употреблена на что-нибудь другое только под условием возмещения из «присыльного» хлеба или из каменных житниц. Впрочем смысл термина «десятая часть» или «десятый

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1309.
[2] Там же, стр. 1363, 1473.
[3] Там же, стр. 1461, 1465, 1473.

хлеб» раскрывается без затруднений с помощью известного нам наказа Алексея Михайловича Елизарову и Насонову. В одной из статей наказа царь делает распоряжение: «а сколько бог даст ярового хлеба будет в умолоте, и первое, по святому евангелию, 10-е взяв, и класть особо в житницу вечному творцу господу и спасителю нашему и хлебопитателю и подавателю нам пищи на всяк день»[1], — надо думать, что «десятая часть» записных книг и есть это царское «10-е» и что следовательно установление ее обусловливалось благочестивыми соображениями. В красноречивой формулировке наказа остается только неясным, выделялась ли десятая доля из государева хлеба или она должна была стать душеспасительным сбором с населения; этот вопрос может быть решен на основании приходо-расходной книги 176 г., которая в числе доходных статей показывает 970 руб., «что собраны в том (Хлебном) приказе за хлеб десятые доли»[2]. Очевидно это был налог на население, взимавшийся подобно другим хлебным сборам то натурой, то деньгами. Практически «десятая часть» должна была вероятно служить целям благотворительности. В действительности такое назначение ее не выдерживается последовательно: в одних случаях, правда, из «десятой части» выдается «бедным» или «салдацким» женам, «у которых мужья на службе», и «салдацким» вдовам[3], или, если по нужде из нее делают неподходящее употребление, «в то число» заменяют потом из новых поступлений[4]; но бывали случаи, когда последнее условие отсутствует, а между тем цель, ради которой выдается хлеб из десятой доли, ни с религией, ни с благотворительностью ничего общего не имеет, как например жалованье пушкарям в размере 1 500 четв.[5]. Употребление «пятой части», насколько можно судить по отдельным примерам, однородно с предыдущим — «на церковные расходы», на жалованье «в приказ» матерям и женам стрелецких сотников[6], и потому не представляется возможности понять, на чем держалось различение этой «части» и «десятой», если только не предположить, что «пятая часть» отчислялась государем из собственных запасов по городам и селам ведомства Тайного приказа[7].

---

[1] Гафкэ, Г. А., № 339, л. 8; напечатано не совсем исправно. Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 784.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 815.
[3] Там же, т. 21, стр. 1398.
[4] Там же, стр. 1550
[5] Там же, стр. 1733, 1734.
[6] Там же, стр. 1507.
[7] Там же, стр. 1581.

Затруднение другого рода связывается с термином «стрелецкий хлеб». Эта часть с такой же определенностью отличается записными книгами, как и первые две, от хлебных запасов, хранившихся в каменных житницах, и подлежит расходованию на одинаковых с ними условиях: «а будет в каменных житницах семенного хлеба нет или чево не достанет, — гласит например память из Тайного приказа в Хлебный об отпуске семян в с. Соколово, — и то число дать из десятой части или купить, опричь овса; а овес дать ис стрелецкого хлеба, а в стрелецкой хлеб заменить ис каменных житниц» [1]. Можно, казалось бы, заключить отсюда, что в таких сравнительно немногих случаях имеется в виду стрелецкий хлеб, находившийся в заведывании Стрелецкого приказа; но тогда трудно было бы понять, почему как в приведенном случае, так и в других соответствующее распоряжение адресуется в Хлебный приказ и он же является непосредственным исполнителем распоряжения. Недоумение это тем более законно, что в записных же книгах отмечен случай обращения из Тайного приказа с памятью прямо в Стрелецкий — о выдаче ржи для Потешного двора, также под условием возврата, но по другой формуле: рожь берется «взаймы» и должна быть «заплачена», а не просто «заменена» [2], как всегда выражаются памяти аналогичного содержания в Хлебный приказ. Таким образом различались повидимому два стрелецких хлеба, и тот, о котором идет речь сейчас, действительно находился в заведывании Хлебного приказа. Откуда он брался? Несомненно не из каменных житниц или, что в данном случае то же, не из государева «присыльнаго» хлеба. Из каменных житниц хлебные запасы расходуются на московских стрельцов своим порядком, не выделяясь в особую «часть», и потому остается допустить, что стрелецкий хлеб ведомства Хлебного приказа составлялся путем обычных сборов с населения государевых владений, но в Москве хранился особо, — может быть вместе с «пятой» и «десятой» частями и, как кажется, в житницах у Калужских ворот [3]. Отсюда вероятно отмеченная в делах Тайного приказа описью «роспись, сколько в Хлебном приказе в приеме было стрелецкого хлеба з городов и с волостей, которые ведомы в том Приказе, и что ис того числа дано московским стрельцом в росход прошлых лет» [4].

Как видим, отдельные хозяйственные единицы, совокуп-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1646—1647.
[2] Там же, стр. 1646.
[3] Там же, стр. 1524.
[4] Там же, стр. 734.

ностью которых являлось царское хозяйство, на самом деле находятся в тесном хозяйственном соприкосновении частью путем взаимного обмена продуктами, частью благодаря совместному участию в осуществлении общих задач. Заглянув в приходо-расходные книги Приказа, мы очень скоро убедимся однако, что хозяйственные операции ведомства далеко не исчерпывались простым перемещением продуктов к месту непосредственного потребления: сразу бросаются в глаза денежные суммы, крупные и мелкие, ассигнуемые из Тайного приказа на удовлетворение разнообразных нужд и по тем даже статьям, которые обслуживаются и натуральными поступлениями из областей. Покупаются, не говоря о строительных материалах, такие предметы, как рожь[1], овес[2], мука[3], всякие мяса[4], живой скот[5], птица[6], сало[7], коровье масло[8], рыба[9], снятки[10], даже сено[11] и солома[12]. В частности например только на нужды подмосковных сел израсходовано было: по приблизительному подсчету за 10 месяцев 1664—65 г. 11 734 руб., за 1665—66 г. 34 644 руб., за 8 месяцев 1667—68 г. 24 658 руб., за 9 месяцев 1668—69 г. 19 474 руб., за 1669—70 г. 24 225 руб. Из какого источника шли эти суммы? Получались ли они в результате хозяйственных операций Приказа или притекали к нему со стороны? Ответить на этот вопрос значит раскрыть смысл всех записей приходных книг Приказа, и надо заранее сказать, что в полном объеме такая задача вряд ли вообще выполнима.

По первому впечатлению, получаемому при ознакомлении с приходо-расходными книгами, денежные средства, которыми располагал Тайный приказ, носят совершенно случайный характер и не находятся в связи с его хозяйственными предприятиями. Приказ как будто живет изо дня в день, заимствуя большие или меньшие суммы то из одного, то из другого учреждения и по видимости не имея постоянных собственных источников дохода. Притом в одних случаях вовсе не указываются ни условия поступлений, ни назначение поступающих сумм; в других — из записей видно,

---

[1] Там же, т. 23, стр. 1399.
[2] Там же, стр. 743.
[3] Там же, стр. 1253.
[4] Там же, стр. 96, 357, 374, 574, 1253 и др.
[5] Там же, стр. 153—154, 545, 649, 852.
[6] Там же, стр. 1291, 1294, 1295, 1298.
[7] Там же, стр. 1160, 1278.
[8] Там же, стр. 257, 1216.
[9] Там же, стр. 474, 555, 569, 700.
[10] Там же, стр. 1364.
[11] Там же, стр. 745—746, 1166, 1271, 1285, 1291.
[12] Там же, стр. 1288—1289.

что деньги берутся по мере возникновения в них нужды и в размерах, определяемых случайно представившимся предметом расхода. Например умер думный дворянин Ф. П. Нарышкин, и «на помин его души» из Новгородского приказа дают в Тайный 1 250 руб.[1]; из Печатного приказа присылаются сюда же 100 руб. «на церковное строение церкви Иоанна воинственного, что за Москвою рекою» и тут же передаются по назначению[2]; понадобились государю «на тайные расходы» в Переяславль 100 руб., и эта сумма проходит такой же путь: «взято, — значится в приходо-расходной книге 1673—74 г., — из Костромские чети 100 рублев, из Новые чети 50 руб., и те денги, 100 рублей, посланы с маеором с-Ываном Луниным, а 50 рублев даны ему, Ивану»[3]. Иногда наблюдается бо́льшая регулярность, но так же мало связи с собственным хозяйством Приказа. Из Тайного приказа раздавались, как говорилось выше, «кормовые деньги» солдатам полков Н. Бовмана и М. Кравкова, и ко дню раздачи в Приказ доставлялись соответствующие суммы из других разных приказов[4]; потом найдут более удобным выдавать солдатам названных полков жалованье прямо из тех приказов, на счет которых отнесено их содержание, — Новой чети и Устюжской чети[5], и ассигнуемая на них сумма выпадает из доходов Тайного приказа, не вызвав никакой перестройки его бюджета. Во всех этих случаях Тайный приказ — передаточная инстанция, через которую деньги проходят, не задерживаясь, в распоряжение государя, и чем чаще будут представляться государю случаи к подобным расходам, тем больше, очевидно, окажется записанным в приказных книгах «на приход» и наоборот. Может быть отчасти потому денежные поступления в Приказ за ряд лет дают картину скачущих цифр: например в 1663—64 г. в приходе было 72 843 руб., в 1664—65 г. — 67 142 руб., в 1665—66 — 80 728 руб., в 1667—68 — 49 834 руб., в 1668—69(неполном) — 56 145 руб. Случалось однако и повидимому даже нередко, что заимствуемые из приказов суммы получали и другое назначение — употреблялись на текущие нужды хозяйственного ведомства Приказа. Соответствующие распоряжения встречаются в черновых записях государевых указов по хозяйству и обыкновенно имеют форму категорических требова-

— — — —

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1402.
[2] Там же, стр. 1404.
[3] Там же, стр. 1408.
[4] Там же, стр. 396, 398, 401, 403, 531.
[5] Там же, т. 21, стр. 1118.

ний: «у Артемона Сергеевича (т. е. в Посольском приказе) взять 4 т. рублев»[1], «у Герасима Дохтурова взять 3 т. рублев»[2]. И нельзя быть уверенным, что в таких случаях деньги берутся непременно на иных условиях, чем в предыдущих, т. е. чтобы взятые суммы всегда возмещались. За с. Шишковердь например заплачено было Приказом 5 тыс. руб., из которых 4 взяты были в Хлебном приказе и 1 — в Приказе Большого дворца; но когда, при Федоре Алексеевиче, решено было Шишковердь возвратить прежнему владельцу, то уплаченные ему в свое время деньги государь указал вернуть по принадлежности, т. е. 4 тыс. руб. в Хлебный приказ и 1 тыс. руб. в Приказ Большого дворца, даже без всяких справок о том, не были ли эти суммы тем или другим способом уже погашены Тайным приказом[3]. В некоторых случаях распоряжения царя наводят на мысль, что приказы как бы облагались в пользу Тайного круглой суммой, которая потом и выбиралась по частям в течение года. «Из Новгородского приказу, — значится например в одном из царских меморандумов, — взять в Тайный приказ изо 6 т. руб., которые остались от 10 т. рублев, пол-2 т. руб., а те денги отдат в-Ызмайлово на хлебную покупку к винному куренью»[4]. Или другой случай: на расходы Ивана Гебдона велено было, по государеву указу, «взять» в Тайный приказ на 10 тыс. руб. «серебряных мелких денег» из Приказа Новой чети; но оказалось, что там все деньги в этот момент были «в росходе», и потому последовало распоряжение — «взять в Приказ Новые чети взаймы ис Приказу великого государя Большие казны, а как в Приказе Новые чети денги будут в зборе, и те денги десят тысяч рублев... ис Приказу Новые чети в Приказ великого государя Большие казны отослать»[5]. Подобное же, надо думать, распоряжение скрыто под следующей записью приходо-расходной книги 1675—76 г.: «взято из Устюжской чети в указное число в тысячу рублев, пятьсот рублев»[6]. Впрочем, имея в виду, что Устюжской чети самой могли понадобиться деньги, царь повидимому тогда же указал и источник, откуда взятая сумма могла быть ей на такой случай возмещена: «Лариону Иванову (дьяку Стрелецкого приказа и Устюжской чети) поговорить, чтоб дал 1 000 руб. из Устюжские чети, а за те

[1] Г. А., XXVII, № 526, л. 15.
[2] Там же, л. 17.
[3] Там же, № 364, л. 40.
[4] Там же, № 526, л. 21.
[5] Там же, № 118, ч. II, л. 126.
[6] Р. И. Б., т. 23, стр. 1408.

денги себе на расходы взял соболми»[1], — вероятно из Сибирского приказа.

Несомненно однако, что подобным образом Тайный приказ пользовался кассами других приказов только в известных пределах, которые указывались всего вероятнее размерами остаточных сумм каждого. Не потому ли среди «дел» Приказа и оказались «сметные росписи всех приказов» за ряд лет[2], что они позволяли разглядеть, где и сколько можно взять? Но это значит, что за пределами «свободной наличности» приказов Тайный приказ должен был вести с ними дела уже на началах точного расчета, и из приходо-расходных книг мы действительно узнаем, что иногда он берет у них деньги «взаймы»[3], рядом с сотнями и тысячами рублей занося с удивляющей исследователя щепетильностью в свой пассив и такие скромные суммы, как например 2 р. 2 гр., занятые им в Приказе Большого дворца[4]. И это не просто форма. Приказ платит свои долги. «Дано,— читаем например в приходо-расходной книге, — из Приказу Тайных дел в Приказ Казанского дворца заемных денег, которые даны в Астрахани из приказные полаты насадному промышленнику Павлу Дубенскому на рыбный промысл, двести рублев»[5]. Иногда Приказ расплачивается своими «запасами». «Принято, — гласит например одна из записей, — из Новгородцкого приказу 8 000 рублев. А в тот приказ вместо тех денег дать ис Хлебного приказу поташом»[6]. Вместе с тем, как открывается из некоторых наблюдений, у Тайного приказа имеются собственные средства, и там их повидимому определенно отличают от сторонних поступлений. Подьячий Приказа сообщает например «из похода», в котором сопровождал государя, дьяку Тайных дел, что государь указал выдать «не замешкав» 70 руб. балабановскому приказчику на устройство волчьего двора, и делает характерное добавление: «а дать те деньги, ис которых ты, Данило Леонтьевич, ведаеш»[7]. В другой раз сам дьяк, посылая — тоже «из походу» — распоряжение подьячему П. Кудрявцеву о покупке 50 пуд. меду, дает указание, разъясняющее смысл предыдущего: «а денги возми ис которого Приказу нибудь, а чтоб не от себя»[8]. И, пожалуй, еще яснее: подьячий докладывает

---

[1] Г. А., XXVII, № 526, л. 17.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 126.
[3] Там же, т. 23, стр. 397, 400, 401, 529, 536, 654, 824, 962, 966.
[4] Там же, стр. 302; ср. т. 21, стр. 1535—1536.
[5] Там же, стр. 315.
[6] Там же, стр. 1371; ср. там же, стр. 816, 817—821, 962 и др.
[7] Г. А., XXVII, № 525, л. 4.
[8] Там же, № 532, л. 132.

государю «письмом» о ходе работ по перевозке леса из Измайлова в Алексеевское и между прочим сообщает: «извозчиком по уговору денег половина дана из приказных, а взамен тех денег и на достальную расплату по твоему великого государя указу взяты будут деньги у Герасима Дохтурова (в Разряде)» [1]. Как видим, в Приказе не только отличают свои, «приказные», деньги, а и берегут их, предпочитая оплачивать свои расходы, когда это возможно, из сторонних источников; иногда же произведенный из своих средств расход даже запишут в приходо-расходных книгах как долг, который поспешат поставить в счет какому-нибудь из других приказов: 6 декабря берут например «взаем» 100 руб. у М. Воинова (приказчика с. Алексеевского) «из алексеевских денег», а под 7 декабря уже читаем в приходо-расходной книге: «взято ис Печатного приказу 100 рублев и отданы Михайлу Воинову, что у него взято денег в 6 день» [2].

В известных нам общих приходно-расходных книгах имеются только отрывочные указания на те источники, откуда получались деньги, которые в Приказе могли считать своими. Так, в числе приходных статей находим разные денежные сборы, одни — за год, некоторые — за два, с областей, подведомственных частью непосредственно Тайному приказу, частью Хлебному; из доходов с подмосковных сел записаны например оброк за сенные покосы под с. Чашниковым и «вымольные деньги» с Глинковской мельницы; в аналогичных статьях встречаются из владений второй категории Лысково и Мурашкино, Городецкая в., Скопин и Романов, нижегородская и арзамасская мордва [3]. Неполнота записей приходо-расходных книг в этих статьях объясняется вероятно тем, что оброчные сборы заносились в местные приходо-расходные книги [4] и в составлявшиеся для Приказа отчетные ведомости. Были ли еще какие-нибудь источники собственных доходов Приказа? Во всяком случае их надо было искать, потому что обращение к помощи других приказов, фактически по крайней мере, допустимо было, как указывалось, только в известных пределах, и оставленный на одни свои средства Приказ оказывался иногда в критическом положении. Посылая например однажды по требованию дьяка Тайных дел в Косткино разные запасы с Аптекарского двора на корм рабочим, из При-

[1] Там же, № 524, л. 5.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 1396, 1398.
[3] Там же, стр. 529, 530, 538, 662.
[4] Пример такой книги представляет собой цитированная приходо-расходная книга с. Измайлова.

каза вместе с тем сообщали: «только снетков на Оптекарском дворе нет, а купить не на что»[1]. Таким образом перед Приказом ставилась задача — изыскание и эксплоатация источников специально денежных доходов, и в условиях переживавшегося тогда общего финансового кризиса эта задача делалась особенно настоятельной.

Конечно скорее и проще всего могли бы привести к ее разрешению залежи серебряной или золотой руды, но драгоценная руда, как мы знаем, плохо давалась в руки, и потому одновременно с поисками ее приходилось искать выхода в пределах хозяйственных операций. Отсюда прибыль становится одним из мотивов хозяйственной деятельности в ведомстве Приказа и требование «как бы государевой казне прибыльнее» постоянным припевом сопровождает выходящие из него распоряжения, все равно, направлены ли они на крупные или на мелкие предметы и имеют в виду явление материальной среды или общественной жизни. Вопрос: «чего впредь к прибыли чаять?» — задают себе, когда задумывают распространить приемы более интенсивной хозяйственной эксплоатации на новые места[2], но, и посылая приказчику предписание отдавать крестьянам солому и ухоботье с государевых полей, не забывают присоединить: «а деньги на них имать как прибыльнее»[3]; устраивая мельницы, говорят не о нуждах собственного обихода, а выдвигают соображение: «великая хлебная в которых бы прибыль большая была»[4], и ту же мерку применяют, оценивая формы общественного состояния: «рассмотреть... бобылей (в Скопине и Романове), — будет в них де (ла) и прибыли нет, и их бы учинить деловыми, и дать им денег и хлеба, как дают деловым»[5]. Естественно, что указанной цели в первую очередь должны были служить продукты, которые должны были добываться в царском хозяйстве и теми способами, какие в условиях тогдашней экономической обстановки обещали наибольшие выгоды.

Важную роль играли прежде всего хлебные запасы. Продавали хлеб зерном, может быть и мукой, если судить по числу мельниц в государевых владениях, но за отсутствием сколько-нибудь точных данных нельзя даже и приблизительно сказать, в каких размерах. Самая крупная, правда, почти и единственная, цифра дохода по этой статье, записанная в

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 532, л. 115.
[2] Там же, № 525, л. 13.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1126.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 339, л. 6; Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх, т. II, стр. 782.
[5] Там же, л. 5.

приходо-расходных книгах, 400 руб.[1]. Может быть это и не случайность: в записных книгах отмечен еще один случай хлебной продажи, но по своеобразному мотиву: «в. г. указал ис каменной житницы, в которой есть затхлой дух, продать ржи 100 чети по 26 алтын 4 де(нги) чет по 2 чети(?), а будет впредь учнет быть такой же затхлой дух, и о том известить великому государю»[2], очевидно с продажей не спешили. Все же в Приказе несомненно интересовались и условиями сбыта и состоянием цен на хлебные продукты. В приказном архиве остались например выкладки, сколько стоят 72 тыс. четв. ржи и овса и во что обойдется их «подъем» на стругах до Москвы,—документ, составлявшийся, вероятно, ввиду намерения пустить в оборот запасы, хранившиеся на Рановской и Поплевинской пристанях[3]. В то же время Приказ внимательно следил за колебаниями цен на хлеб, и ему доставлялись повидимому аккуратно и по нескольку раз в год специальные справки, «по чему ныне запасу купят на Москве»[4]. Во всяком случае Приказ решительно предпочитал другой способ превращения хлеба в деньги—винокурение. Вино курилось в огромном количестве. Государевой грамотой терюшевскому приказчику прямо предписывалось, «вино курить беспрестанно, чтоб в куренье вина было много»[5], и в этом предписании разве только категоричность формы следует относить специально по местному адресу, сказавшаяся же в нем тенденция несомненно приложима к другим местам. В перегонку шли рожь, овес, пшеница, причем не пренебрегали испорченным зерном, даже старались использовать его таким способом: в с. Порецком например велено было «пересидеть в вино» 1 887 четв. ржи и 446 четв. овса от прошлых лет, «потому что, — как значилось в государевой грамоте, — по сказке того села крестьян, тот хлеб затхл и гнилью пахнет».[6] Самую операцию перегонки иногда возлагали на крестьян, заставляя их между прочим пересиживать в вино числящийся за ними «доимочный хлеб»[7]; иногда отдавали зерно кабацким откупщикам на условии «у них имать вино по уговору»[8]; но охотнее заводили собственные винокурни, на которые старались «сыскивать вольных русских людей или поляков», а

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 820—821; см. еще т. 21, стр. 1384, 1577.
[2] Там же, т. 21, стр. 1384.
[3] Г. А., XXVII, № 526, л. 22.
[4] Там же, № 297.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1378.
[6] Там же, стр. 1216—1217; ср. стр. 1138, 1182, 1189.
[7] Там же, стр. 1022.
[8] Там же, стр. 1183.

за отсутствием тех и других мирились на местных крестьянах, которых в таком случае государь указал «обелить и устроить землями или годовым жалованием»[1]. Как во всяком другом, и в этом производстве общее руководство оставалось за Приказом. Терюшевского приказчика например запрашивали оттуда: «поскольку ведр не чети ржи, да не чети овса какова вина выходило, и почему с тем хлебом и с покупным хмелем и з дровы и с работники того доброго и расхожего вина ведро в куренье стало»[2]. Собрав нужные сведения, потом установили сами норму выработки: «а сидеть не четверти ржи да из осмины овса по 2 ведра вина доброго»[3]. Отсюда довольно легко определяется и прибыльность винокурения: при тогдашней стоимости ржи 20—25 алт. за четверть и овса 11—13 алт. ведро вина должно было обходиться в 40—45 коп., между тем указная цена ведра вина в продаже была 1 рубль на серебро[4], — расчет, делающий понятными хлопоты Приказа.

Особенно обширные размеры винокурение получило в Терюшевской в., в Красносельской в. (Горохов. у.) и в Измайлове. Конечно для этой цели употреблялся прежде всего хлеб из местных запасов, но, случалось, добавляли и привозный. Так, для Красносельской в. берут из Терюшева однажды 700 четв. ржи, в другой раз—«чево не достанет» против затребованного Приказом количества вина[5], туда же — в третий раз: из Терюшева 1 тыс. четв. овса и 1 878 четв. ржи, из арзамасских сел 1 182 четв. и с Алатыря 3 тыс. четв.[6]; из привозного хлеба, «которой привезен с Рановской пристани в стругах», делается распоряжение «отпустить» овса «на винное курение» в подмосковные села: в Измайлово 2 тыс. четв., в Домодедово 1 111, в Васильевское 555, в Соколово 416, в Степановское, Брынково и Алексеевское по 416 четв.[7]. Выгодным находили гнать вино даже из покупного хлеба: по приходо-расходным книгам однажды выдано было из Приказа в Измайлово за раз 1 500 руб. «на покупку хлеба к винному куренью»[8]; и в числе описанных при ликвидации ведомства Приказа запасов оказалось в Измайлове ржи «покупной, что куплена на винное сиденье», 2 609 четв. и такого же овса 625 четв.[9]. Показательны конечно уже все

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1122.
[2] Там же, стр. 1371.
[3] Там же, стр. 1577.
[4] П. С. З., № 341.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1577, 1612.
[6] Г. А., № 357, л. 13—14.
[7] Р. И. Б., т. 21, стр. 1747.
[8] Там же, т. 23, стр. 1399.
[9] Там же, т. 21, стр. 224—225.

эти цифры, но для некоторых пунктов может быть указано точно и самое количество вырабатывавшегося продукта: в Терюшеве например должны были выкуривать ежегодно сначала по 2 тыс. ведер вина «доброго» и по 4 тыс. ведер вина «расхожего»; потом требование было увеличено до 3 тыс. ведер первого и 6 тыс. второго [1]. Для Красносельской в. в одном случае соответствующие цифры: 1 400 и 3 000 ведер [2], в другом — 16 тыс. ведер [3].

Таким образом не будет преувеличением сказать, что вино поступало в распоряжение Приказа ежегодно десятками тысяч ведер. Конечно значительная часть всего запаса находила для себя потребителей в кругу близких к царю лиц и главным образом среди людей, так или иначе занятых в царском хозяйстве. Вино, как мы знаем, являлось обычным предметом государева пожалования, и им вознаграждались служба и раденье самых различных видов. Но еще в бо́льших размерах оно поступало в продажу. Царь брал на себя крупные подряды по поставке вина, как видно из запис-

[1] Там же, стр. 1121—1122, 1427.

[2] Там же, стр. 1612.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 357, л. 13. В целях усиления производства вина решено было кроме того использовать упоминавшуюся уже не раз дворцовую Верхоценскую в., откуда Тайный приказ черпал и рабочие руки. Указом от 29 октября 1665 г. предписано было устроить там винокурни, а хлеб для них взять «из государевых тамбовских запасов», и сверх того «для того ж винного заводу собрать хлебных запасов Танбова города и Танбовского уезду со всяких с пашенных людей со всякого двора по полуосмине ржи, овса по тому ж». Приборы для куренья, «котлы» и «кубы», указывалось брать «на время» с тамбовского кружечного двора и «у танбовцев у всяких людей, у кого сыщетца», а доставку материалов на винокурни возложить «по розвытке» на всяких чинов градских и уездных людей. Указ заканчивался внушением — «как бы нашей в. г. казне учинить прибыль и завести б то винное куренье вскоре бескорыстно». Получив указ, воевода немедленно мобилизовал все население Верхоценской в. «Велел,— как значится в его отписке, — на винокурню и на погребы, и на солодовни и на овины, и на всякое винокуренное строение лес возит всяких чинов служилым людем и верхоценские волости крестьяном тотчас». В первый однако год «новый завод» не был приведен в действие: крестьяне били челом воеводе, чтобы им было позволено «для нынешнего зимнего времени для поспешенья сидеть вино... у себя по дворам... на своих проторех». Организовано было коллективное производство: крестьяне «варили винные браги, складываючись по пяти человек вместе, а хлеба сыпали з двора по полуосмине солоду ржанова, по полуосмине муки овсяной... итого по 2 четверти с осминою в брагу, а вина выходило из браги по 5 ведер полуаршинных доброго вина». В 174 г. уже на винокурнях «высижено» было 5 331 ведро, в 178 г. — 6 569 ведер. Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 667, л. 1—52. Это без сомнения то «танбовское вино», за которое Тайный приказ получил однажды 2 тыс. руб. из Новой чети; см. Р. И. Б., т. 23, стр. 816.

ных книг Приказа. Так, по записи от 2 июня 1664 г., указал в. г. уговоритца в Новой Четверти поставить 1 000 ведер вина, а денег взять ныне 5 000 рублев в Приказ Тайных дел»[1]; в другой раз велено было «ис Хлебного приказу отдать на московский отдаточный двор... вина, которое по государеву указу велено было высидеть в понизовых городех из десятинного хлеба 16 000 ведер, а за то вино взять в Приказ своих государевых Тайных дел из Новые чети за ведро по полтине»[2]. Случалось, царь брал с Новой чети и дороже, назначая цену даже выше указной; это было например, когда с Потешного двора, который особенно обильно снабжался вином с царских винокурен, было отдано, по государеву указу, в Новую четь 1 500 ведер, а за них указано было «взять» в Тайный приказ по 1 р. 3 а. 2 д. за ведро[3]. В этих поставках и надо отчасти искать объяснения того факта, что в кассу Тайного приказа поступают, по приходо-расходным книгам, с наибольшим постоянством и наиболее крупные суммы именно из Новой чети. Но вино давало значительный доход и на местах. Кабак был важной статьей в местном хозяйстве, и открытие его едва ли не являлось одним из первых нововведений, какими сопровождался переход частного владения в состав государевых земель. Так было например в селах Лыскове и Мурашкине: при прежнем владельце, боярине Морозове, здесь «винокурни и никаких заводов не было», «вино продавали, покупая отъезжая на иных кабаках», у себя же держали на откупу только «квасы с хмелем, сусло и уксус»[4]; но после того как села эти поступили в ведение Тайного приказа, произведена была реформа: в Мурашкине и Лыскове велено было «завесть кружечный двор». И, судя по отчетам воевод, реформа имела полный успех: с Мурашкина стало присылаться в Москву «кабацкого збору» по 4 тыс. руб. в год, с Лыскова по 4 200 руб., тогда как раньше квас и сусло давали всего 350 руб. в первом и 120 руб. во втором[5].

Другой доходной статьей был лен. Мы знаем уже, как много внимания уделялось этому продукту в царском хозяйстве. Согласно государеву указу, лен сеялся специально «на продажу»[6] и, сколько можно судить по записным книгам, в расход шел единственно на «фетильное дело» для приказов

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1070.
[2] Там же, стр. 1691.
[3] Там же, стр. 1545.
[4] Там же, стр. 1101.
[5] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 213, л. 83—87.
[6] Р. И. Б., т. 21, стр. 1185.

московских стрельцов[1]. В Измайлове в первый год после его перехода в ведомство Большого дворца лен продавался или местным покупщикам из посадских людей и даже из измайловских крестьян, или через крестьянских целовальников, которые продавали его «на Запасном дворе всяких чинов людям порознь». Всего в течение года было продано: «псковского чистого доброво» 552 тюка, по весу 784 пуда, «за пуд по полтине» и псковского же «среднево и плохово» 439 тюков, по весу 469 пуд., за пуд 10 алт.; выручено от продажи 598 руб.[2]. По всей вероятности это был порядок, заведенный раньше. Но при царе Алексее на местный рынок предполагали сбывать лен второго сорта, который, как выражается память из Тайного приказа, «на немецкую руку не годитца»[3], а лучший предназначался, очевидно, для заграничной продажи. Один по крайней мере такой опыт и был произведен: в 1668 г. продано было полоцкому бурмистру Кузьме Наумову 200 берковцев измайловского льну ценою по 17 ефимков «без чети ефимка» за берковец и с доставкой до с. Поречья (Смоленск. у.) «на государевых лошадях»[4]. Но опыт окончился не совсем удачно: лен был продан Наумовым в Риге всего «по 12 ефимков с полуефимком» за берковец, а между тем при продаже Тайный приказ из следуемых с него 3 400 руб. получил только 1 400 и «достальные» вынужден был «править» на покупателе[5]. Может быть, под влиянием неудачи, а вернее, в поисках более прибыльных способов в Приказе является мысль утилизировать лен, вырабатывая полотно, и в связи с этим составляется тщательно разработанный план полотняного производства с точным исчислением затрат на каждой стадии и примерной прибыли в результате. Планом предполагалось засевать льном (вероятно в Измайлове или Домодедове) 100 дес. По расчету при таких размерах посева пришлось бы уплатить «работникам за пашню, и за бранье и за сушенье, и за мятье» 405 руб.; льна, предполагается, получено было бы 1 тыс. пуд., из которых должно выйти полотна: узкого от 4 до 6 тыс. арш. и широкого от 2 до 3 тыс. арш. Самая выработка полотна, «полотно в деле», «стоит ценою — уского 10 арш., а широкого 5 арш. по 10 алт.», и если взять все количество полотна, в минимальных и максимальных пределах, то будем иметь в расходе: за 4 тыс. арш. узкого и за 2 тыс. арш. широкого 1 200 руб., а

[1] Там же, стр. 1619.
[2] Приходо-расходные книги с. Измайлова. л. 58—64.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1589.
[4] Там же, т. 23, стр. 1180.
[5] Там же, т. 21, стр. 379—380.

за 6 тыс. арш. узкого и 3 тыс. арш. широкого 1 800 руб. Это себестоимость; «а продать те полотна ценою было 20 алтын», и, значит, прибыль «по первой статье» будет 1 200 руб., по второй—1 800 руб. Но можно взять и большую цену — 23 и 25 алт., т. е. с прибылью до 125% [1]. Какие реальные результаты дал этот план и в каких размерах пробовали его осуществить, из документов не видно, но во всяком случае упоминающиеся в приходо-расходных книгах среди состоявших в ведомстве Приказа мастеров два ткача «немецких полотен», сами оба «немчина» (Андрей Гофман и Иван «Рыхтар»), не могли бы, думается, появиться в Москве и тем более получать из Тайного приказа государево жалованье [2], если бы в ведомстве Приказа не нашлось им дела по их специальности.

Масло конопляное и вероятно льняное было также предметом продажи; по крайней мере в приходо-расходных книгах отмечен в качестве покупателя этого продукта Приказ Большого дворца, уплативший например однажды в Тайный приказ 200 руб. «за конопляное масло, которое выбито из семени завидовских лугов» [3].

Свою долю дохода вносили в кассу Приказа и царские огороды. В приходо-расходных книгах Приказа однако соответствующие операции не оставили следа, но о них, как и об их размерах, можно заключить по данным известной нам приходо-расходной книги с. Измайлова. Там записана выручка за 1676 и частью 1677 гг. за «продажные государевы всякие садовые и огородные овощи» в размере 104 р. 13 а. 2 д.; из них 32 р. 33 а. получено за капусту, остальные «за крыж берсень», огурцы, дыни, морковь, репу и «ягоды барбарисовые»; сюда можно присоединить 122 руб. за хмель [4]. Весной и летом 1677 же года измайловским целовальникам было «дано продать» 11 четвериков гороху «волоского», 6 — луку «саженцу», 1 пуд. 2 гривенки анису муромского, 6 гряд рассады; ягод: смородины черной 66 ведер, красной 49 ведер, крыжовнику 10 ведер; также 65 400 огурцов и 1 028 дынь [5].

Сельскохозяйственные продукты, за исключением разве льна, предназначались главным образом для непосредственного потребления и только своими излишками могли содействовать пополнению государевой денежной казны. Несколько большее значение последний момент имел в промыш-

---

[1] Гафкэ, Г. А., № 532, л. 93—105.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 1222.
[3] Там же, стр. 529.
[4] Приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 66.
[5] Там же, л. 316 об., 319 об.

ленных предприятиях царя, хотя и не во всех в одинаковой мере. Поташ например целиком шел на рынок. Правда, в одном из царских наказов давалось поручение «розведать про мыльной завод и про прибыль простова мыла в Ярославле, костромсково на Костроме» [1], но дальше простой разведки интерес царя к мыловарению, видимо, не пошел. И в продаже поташ приносил государю в общем очень значительный доход, хотя и менее высокий, чем могло бы быть по условиям того времени. За четыре раза с государевых сергацких майданов было продано: в 1670 г. 6 633 берк. за 68 380 ефимков, или 34 190 р. 8 а. 2 д. [2], в 1671 г. 1 363 берк. за 15 002 ефимка, или 7½ тыс. руб. [3], в 1674 г. иноземцам через Посольский приказ 4 530 берк. и московским гостям 6 005 берк. [4], в 1675 г. из Новгородского приказа получено за поташ 8 тыс. руб. [5]. Наоборот, продукты рыбных промыслов в огромной части своей поступали в расход, и документы могли отметить только один случай их появления на рынке — продажу армянской икры «промыслу Приказу Тайных дел» в Архангельске на 2 321 ефимок с полуефимком «любских» [6]. То же самое можно сказать относительно государевых заводов. Заводы сафьяновый и кирпичные едва ли в полной мере удовлетворяли и собственным нуждам государева хозяйства; только со стеклянных изделия поступают в продажу. В Москве «на гостином большом дворе» стоял особый «шалаш», где выборный верный целовальник продавал «государские стеклянные суды». Еще в 1680 г., когда все хозяйственные «заводы» царя Алексея находились уже в полном упадке, в этом царском магазине оставалось довольно много «судов» [7], а в лучшую пору без сомнения их было там значительно больше.

Существенно иную роль играли соляной промысел и соль. За полным отсутствием данных количество добывавшейся на государевых соляных заводах соли даже и приблизительно не определимо, и можно только сказать, что оно должно быть значительно, если судить хотя бы по крупным затратам на их устройство и содержание [8]. Но эта соль не вся доходила до Москвы. Заведующим заводами не раз предписы-

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 526, л. 5.
[2] Доп. к А. И., т. VI, № 18.
[3] Там же, № 78.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 957, л. 25.
[5] Р. И. Б., т. 23, стр. 1371.
[6] Там же, стр. 1400.
[7] Описание с. Измайлова, л. 233; приходо-расходные книги с. Измайлова, л. 407.
[8] См. выше, стр. 126—127.

валось, чтобы они продавали соль на месте «по тамошней цене и в том бы делали прибыль» государю [1]. В государевом хозяйстве соль помимо своего обычного назначения служила, как отчасти мы знаем, наряду с деньгами средством расплаты за материалы и всякого рода работу [2], и собственные заводы даже оказывались не в состоянии удовлетворить всего спроса на нее. Поэтому соль покупают в большом количестве на стороне, главным образом в Астрахани. Там этим делом занят специальный агент Приказа «соляной промышленник Петрушка Никонов», астраханский посадский человек, которому впоследствии «дают в помочь» еще посадского человека Ивашку Трехбратенникова да стрельца Ваську Корсакова и «для письма подьячего» [3]. В первый раз в 1667 г. велено было купить соли в Астрахани «по тамошней настоящей цене» 200 тыс. пуд. [4], а в следующем, 1668, году уже «против 176-го года вдвое» [5]. Впрочем нормой осталась, кажется, первая цифра; по крайней мере в наказе 1672 г. астраханскому воеводе кн. Я. Н. Одоевскому, у которого Петрушка Никонов состоял под контролем, царь лично писал, чтобы «он, боярин и воевода, помыслил всячески, чтоб впредь было прочно и постоянно, и ценою невысокою высылать во вся годы... до Синбирска или до Нижнево по двести тысяч пудов соли» [6]. Из отписки самого «соляного промышленника» видно, что соль покупалась действительно «ценою невысокою» — за пуд «менши пол-2 денги» [7], в то время как указная цена соли в Москве колебалась между 4 а. 2 д. и 6 алт. [8], т. е. была приблизительно в 18—25 раз выше. Это объясняет нам, почему в Приказе так охотно расплачивались солью, не встречая впрочем, за редкими разве случаями, неудовольствия и со стороны контрагентов, которые иногда даже предпочитали соль соболям [9].

В Москве соль покупная и собственного «промыслу» поступала в ведение Приказа Большой казны, из которого выдавалась по назначениям Тайного приказа «безденежно» на разные нужды ведомства и который в этой роли напо-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 403, 1492.
[2] Там же, стр. 1297, 1401, 1426, 1474, 1506, 1547, 1555, 1587.
[3] Там же, стр. 1500.
[4] Там же, стр. 1351.
[5] Там же, стр. 1424.
[6] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 379.
[7] Р. И. Б., т. 21, стр. 1484.
[8] Там же, стр. 307 и 1252.
[9] Г. А., XXVII, № 357, л. 41: леснику Ф. Анофрееву предлагали в Приказе за взятый у него лес «дать» соболями и солью, «и он соболми взять не хотел, а хотел взять солью по 6 а. пуд».

минает собой Аптекарский двор и Хлебный приказ — обстоятельство, не позволяющее точно разграничить операции Тайного приказа и Большой казны. Часть собиравшейся такими способами соли несомненно поступала в продажу, и бывало даже, что государь пробовал в случае истощения ее наличных запасов искать денег у торговых людей под будущие: «а про соль, — читаем например в докладе подьячего, которому было поручено царем «поговорить» в этом смысле с одним из царских «промышленников», — говорил (т. е. промышленник), что таких людей, которые б денги дали наперед, чаят не сыскать» [1]. Однако определить размеры операций Тайного приказа в этой области не представляется возможным: исследователь может только гадать о них по тем суммам, которые время от времени передаются в Тайный приказ из Приказа Большой казны. По одному документу можно впрочем притти к заключению, что в ведомстве Приказа соль становилась иногда предметом довольно сложных оборотов, если не на деле, то по крайней мере в проектах. На такие случаи в распоряжении Приказа имелись также особые агенты, как их называют приходо-расходные книги, «купецких товаров промышленники», кадашевец Ф. Силин «с товарищи», получавшие наряду с другими от государя жалованье («в приказ») за свои услуги [2]. Из упомянутого документа узнаем, что с этим Ф. Силиным однажды было «говорено» о соли, — как видно из последующего речь шла о мене соли на пеньку, — и он, «поговоря со старостами», представил в Приказ «ведомость» о том, как можно произвести предположенную операцию «с прибылью для великого государя». По составленному на основании «ведомости» докладу государю, имелось в виду отправить 75 тыс. пуд. соли в Смоленск, славившийся пенькой, соли же часть взять из Приказа Большой казны, часть, а то и всю, купить на Старой Руссе по 5 а. 2 д. за пуд. В последнем случае расход на покупку соли и на ее провоз до Смоленска исчислен в 10 761 р. 8 а. 2 д. При этом Приказ не затрачивал своих денег: по условию, уплата за все должна быть произведена в Вологде поташом с государевых сергацких майданов в количестве 1 529 берк., «а на иные, — значится в докладе, — ни на какие товары и на хлеб, оприч поташу, соли выменит Федор не имаетца, и иных людей к тому делу не сыскивал». Выгода для государя в том, что поташ будет взят по 14 ефимков, или по 7 руб., за берковец, «а в прошлом во 182-м году поташу берковец стал на Во-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 524, л. 73.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 1323.

логде ценою по 2 р. по 16 а. по 5 д.»[1]. В то же время сумму прибыли могла увеличить и вымененная пенька, предназначавшаяся по всей вероятности в продажу иноземцам.

Еще более определенно выраженный коммерческий характер имела экспедиция в Персию, снаряженная из Тайного приказа под влиянием тогдашнего увлечения прибыльностью торга персидскими шелками. Во главе экспедиции был поставлен подьячий Приказа К. Демидов, но вместе с ним, вероятно в качестве его помощника, ездил еще другой подьячий того же Приказа Арт. Афанасьев[2]. В их распоряжение уже в Астрахани местным воеводой было предоставлено 6 целовальников, «самых лучших и знающих людей», как требовалось государевым указом, и «которые (как оказалось в действительности) за морем не бывали и в товарех не знают», по своим профессиям — двое «соленых промышленников», москательник, мясник, хлебник да «конский барышник»[3]. Экспедиция присоединена была к посольству, отправлявшемуся царем Алексеем к персидскому шаху Аббасу, с «великим и полномочным послом» окольничим и наместником новоторжским Ф. Я. Милославским во главе; и тут же ехал с отобранными самим царем для шаха соколами и кречетами сокольник Парф. Тоболин, снабженный подробнейшей царской инструкцией, как подносить шаху птиц и как ими «тешить шахаббасово величество»[4]. Очень вероятно, что и самое посольство и царские «поминки» своим главным назначением имели обеспечить успех затеянному предприятию.

Торговые операции экспедиции должны были носить по преимуществу меновой характер. К. Демидов вез «для продажи и мены на товары» деньги, золотые и серебряные, и разные товары — соболя, сукна, «кармазинные и аглинские», стамеды и медь. Деньгами было дано ему 17 200 руб.: из Приказа Большой казны 3 тыс. руб., из Тайного приказа 11 700 руб., из Государевой мастерской палаты 2 500 руб., из Новгородской чети 2 тыс. руб., из Приказа сыскного денежного дела 1 тыс. руб.; из них за вычетом на предварительные расходы осталось 14 тыс. руб. Царских товаров было взято: соболей на 32 800 руб., сукон и стамедов на 23 949 руб. и меди на 3 тыс. руб.; всего на 76 949 руб. (в «Книге персидских товаров» 76 749 руб. — вероятно, ошибка редакции[5]. Таким образом от себя Тайный приказ внес в

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 524, л. 73.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 1431, 1442.
[3] Там же, стр. 1425.
[4] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 360—371.
[5] В «Книге персидских товаров» сказано: «соболей у гостя,

общую сумму сравнительно небольшую часть. В Шемахе из имевшихся налицо денег золотые были «проданы на Кизилбашские деньги», по 1 р. 15 а. за золотой ценою в 1 руб., а 7 860 руб. серебряных променены «индейцам» по расчету 100 за 107. На эти вымененные деньги с прибавкой «русских» 6 тыс. руб. куплено было товаров в Кашани с прибылью не 8 руб. на 100. Русские товары, развезенные, по поручению К. Демидова, по разным городам целовальниками, частью обменивались на персидские, частью продавались на местные деньги, которые тут же пускались в дальнейший оборот. В результате денег и товаров было «променено и продано» на 71 459 р. 2 а. 5 д. «по московской цене», а получено взамен деньгами и главным образом товарами 76 650 р. 6 а., с прибылью в 5 196 р. 3 а. 2 д.[1], т. е. в общем несколько менее 7%. Привезенные Демидовым товары (зарбафы, атласы, камки, ковры, бархаты, парчи, дараги, киндяки, сафьяны, шелк и ладан) были сложены в так называемой палате кизилбашских товаров или в Большой товарной палате

Остафья Фефилатьева, принято»... «у гостя у Офонасья Скорой Записи принято соболей», «гостиной сотни у Ивана Климшина принято кармазинных и аглинских сукон и стамедов: галанские покупки иноземца Юстра Абрамова»... Р. И. Б., т. 23, стр. 1414, 1415, 1419. Отсюда Гурлянд в своей книге вывел, что царь для персидской экспедиции принял у разных купцов товар «на продажу» (т. е. как бы на комиссию), и потому по возвращении экспедиции часть привезенных ею персидских товаров «была отдана» этим купцам (стр. 194). Автора нисколько не смутило, что на ближайших страницах источника все перечисленные товары называются государевыми: «а те великого государя товары принимал (у названных выше гостей) на Москве подьячий Кирюшко Демидов один» (стр. 1425). Очевидно Гурлянд не подозревал о той роли, какую гости играли на царской службе в качестве голов «у государевой соболиной казны» и у всякой «рухляди». Еще характернее дальнейшее изложение предмета. Издателю всех этих документов, думается, не могли остаться неизвестными крупные суммы, вырученные царем от продажи персидских товаров, но в его конструкции предприятия для них не находилось места: «принятые» у гостей товары составляли ведь 4/5 всего «капитала экспедиции», и после того, как их владельцам «отдана была» соответствующая доля привезенных из Персии товаров, мог ли царь развить широкие операции со скромным остатком? И Гурлянд уверяет читателя «в незначительности оборотов от этой торговли» (т. е. царской) и «должен, по его словам, притти к заключению, что цель всей этой операции была не торговля в собственном смысле, а возможность почти даром иметь нужный для обихода товар» (стр. 195). Таким методом составлена вся книга Гурлянда; этот же эпизод выделяю единственно в целях облегчить читателю труд проверки, так как несложная сама по себе история персидской экспедиции и торговли персидскими товарами имеет для себя сравнительно обширный материал в изданных Гурляндом документах (в 23 т. Р. И. Б.).

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 1449.

(она же повидимому и Купецкая палата)[1], откуда в течение ряда лет и выбирались, по государевым указам, подьячими Приказа. Повидимому часть их с самого начала была «отобрана на государев обиход» и часть «оставлена на расход»— категории, под которыми они описываются в «Книге переписной товаром персицким 183-го году»[2]. В расходных книгах персидских товаров мы постоянно встречаем те же «статьи», что и в общих приходо-расходных и записных книгах: дорогие материи жалуются церквам и монастырям или «в приказ» ближним людям; более дешевые предметы, как киндяки и сафьяны, по преимуществу московским стрельцам, солдатам выборных полков, сокольникам, иногда тысячами за раз: однажды например «по сафьяну человеку», в другой раз «по киндяку» получили по случаю празднования рождения царевича Алексея Алексеевича 13 936 московских стрельцов, «которые всходили на дворец для поздравления государя благоверного царевича», и 1 259 солдат выборного полка М. Кравкова, «которые были в строе на ево государеве дворе и ему, в. г., и сыну ево, государеву, здравствовали»[3]. Значительное несомненно количество товаров было продано. Сохранившиеся однако записные и приходо-расходные книги персидских товаров содержат в себе только записи расходов на государев обиход и на пожалования, а «продажные товары» принято было «в расход не класть, потому что писана сия статья впереди в продажной статье»[4], и эта «продажная статья» остается неразысканной. Все же некоторые следы торговых оборотов остались частью в общих приходо-расходных книгах, частью — специально персидских товаров. Распродажа привезенных Демидовым товаров началась еще при нем (Демидов умер в марте 1668 г.). В июне 1668 г. дьяк Тайных дел Ф. Михайлов, как значится в приходо-расходной книге, взял 400 руб. «ис Товарной полаты от продажи персидских товаров остаточных денег»[5], и с того же месяца начинает Приказ собирать «долговые деньги» «за продажные персидцкие товары, которые отдавал... К. Демидов всяких чинов людем в долг»[6]. Тогда же часть товаров «отдана» была гостю И. Панкратьеву, и «велено ему те товары продавать на Гостином дворе указною ценою всяких чинов людем»[7]. В последующие

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 965.
[2] Там же, стр. 1580.
[3] Там же, стр. 1512—1513 и 1522—1523, также 1514, 1516, 1517, 1520, 1524, 1528, 1560.
[4] Там же, стр. 1505; ср. стр. 1210.
[5] Там же, стр. 823.
[6] Там же, стр. 824; ср. стр. 965, 1205—1207, 1210.
[7] Там же, стр. 824.

годы видим и других покупателей у Тайного приказа, берущих товары частью на наличные, частью в долг, тоже людей разных чинов — от московского гостя до пушкаря. По подсчету «приходной и расходной книги» 179 и 180 гг., в 179 г. оставалось на всех них «донять» по «записям» 15 863 руб. с полтиной [1]. Присоединив сюда собранные раньше «долговые деньги», получим в итоге около 25 тыс. руб. Все эти операции производились одним Тайным приказом; но поделился ли он доходами с теми учреждениями, у которых взяты были деньги для экспедиции, в документах указаний нет, вероятно, — не должно и быть.

Великое посольство, при котором отправлялась экспедиция Демидова, выехало из Москвы в феврале или марте 1663 г. [2], а вернулся Демидов с товарами уже в январе 1666 г. [3], потратив таким образом на путешествие около 3 лет. В последующие затем годы экспедиции в Персию не повторяются. Как известно, в мае 1667 г. заключен был торговый договор с армянской компанией, который более легким способом обеспечивал на будущее время государеву казну шелком и другими персидскими товарами; а наступившие вскоре, в связи с восстанием Разина, замешательства в отношениях между Россией и Персией сделали для русских торговые поездки в Персию и совсем невозможными. На эти именно годы приходятся усиленные хлопоты царя Алексея по разведению шелководства под Москвой, и возможно, что это экзотическое предприятие стояло в тесной связи с изложенными обстоятельствами. Однако в конце царствования, когда между прочим выяснилось, что собственное шелководство более способно воспитывать инициатора в терпении, чем радовать его своими результатами, а в то же время наладились отношения с персидским правительством, в Приказе снова возвращаются к мысли об экспедиции в Персию. Может быть самая экспедиция и не осуществилась, но к ней готовились и, как повелось в практике Приказа, составили для государя соответствующий план, или «роспись». На этот раз, сколько можно судить по росписи, торговая прибыль была уже единственным мотивом, вдохновлявшим Приказ. Предполагалось отправить в Персию, как и раньше, разные государевы товары, но теперь просто «с купчиной» и для обмена на один только шелк. Одни товары, предполага-

---

[1] Там же, стр. 1561—1563.

[2] По крайней мере «роспись» подарков шаху послана была из Тайного приказа в Посольский 4 февраля 170 г. Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 360.

[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1146—1147.

лось, будут для этой цели куплены: «будет в. г. укажет, купить товаров или подрядить иноземцев поставить у города (Архангельска), а на иные на Москве и в городех торговых людей»; это — медь, 3 тыс. пуд., юфть, 3 тыс. шт., 20 тыс. игол, «20 сот тысяч» (т. е. 2 млн.) булавок, 1 тыс. зеркал больших и 4 тыс. меньших. Вместе с ними должны пойти и предметы производства собственных заводов: «2 т. кувшинов да 2 т. сулей зеленых измайловского дела» и 2 тыс. «мухоловных круглых судов». Всего на сумму «по московской цене» в 23 200 руб. По расчетам автора, затраченный капитал должен дать двойную прибыль: в Персии — при обмене государевых товаров на шелк—в количестве 11 380 руб. и в Москве— при продаже местным торговым людям шелку — от 5 до 10 тыс. руб. в зависимости от того, брать ли на пуд шелку прибыли 5 или 10 руб. Вся прибыль таким образом составит 16 380 или 21 380 руб.[1].

Торговый путь из России в Персию был давно уже показан русским людям иноземцами, и Тайный приказ в своих предприятиях с наибольшей последовательностью использовал полученный урок. Но Приказ обнаруживает восприимчивость и к совершенно новым перспективам, встречаясь с другими примерами торговой предприимчивости. Почти в одно время с тем, как готовилась экспедиция Д. Кириллова, а именно в сентябре 1663 г., послы московского государя, думный дворянин И. Желябужский и подъячий Тайного приказа В. Никифоров, расспрашивали, согласно государеву указу, курляндского канцлера, «в которые урочищи Курляндского князя ходят корабли для всяких пряных зелий и овощей и для серебряные и иных руд..., и какими мерами теми урочищами владеет, и о мастерах к серебреным рудам, где их взят». Им отвечали, что курляндский князь «для пряных зелей и овощей» посылает корабли «на Индейскую землю, место словет Гамбия», «а серебреной де ру-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 355, л. 1—8. В апреле 1676 г. астраханец посадский человек Симонко Савельев подал царю Федору Алексеевичу челобитную, из которой узнаем, что в 183 г. «по указу блаженные памяти отца государева» отец его, Иван Савельев, «послан был... с Москвы из Приказу Тайных дел за-море в персицкую землю для покупки персицких товаров и семян про твой великого государя обиход», причем из Приказа дано было ему «взаймы» 300 золотых. Сам Иван Савельев «изволением божиим за морем умре», и государевы товары с семенами привез и сдал в Тайный приказ уже сын его, автор челобитной. Р. И. Б., т. 21, стр. 292—293. Судя по обстановке и цели «посылки», как они обрисованы в челобитной, вряд ли И. Савельев был исполнителем изложенного в тексте проекта, скорее всего его главной задачей была доставка семян для царских садов, и следовательно поездка его не является торговым предприятием.

ды у Курляндского князя в промыслу нет нигде». Следуя данному им наказу, послы хотят иметь более точные сведения и просят для своего государя «роспись, в которые урочищи для промыслов князь корабли свои посылает и чье те урочищи, и коими мерами владеет, и с которыми государствы те урочищи сошлис, и какие товары княз в те места отпущает, и с кем там торгует, и от тех промыслов оприч пряных зелей и овощей иные какие товары привозят ли, и какова от тех промыслов князю прибыл, и откуды к тому урочищу твоим великого государя кораблям, — обо всем этом послы пишут в Тайный приказ, — пристойнее ходит»[1]. Итак, курляндцы должны были указать москвичам дорогу в торговые «урочища», которые эксплоатировали сами, и по соседской любезности посвятить их во все подробности своих торговых операций, даже содействовать московскому государю в обзаведении торговым флотом в «пристойном» месте. «Индейская земля» не увидела однако у своих берегов государевых кораблей, и в описанных условиях это конечно вряд ли могло быть иначе. Но впоследствии Тайный приказ пробует вместо иноземных «пряных зелий и овощей» использовать в качестве предметов спекуляции отечественные. В делах Приказа сохранился, к сожалению только в обрывке черновика, проект скупки в целях перепродажи сельскохозяйственных продуктов, свидетельствующий, как глубоко расчет на прибыль проникал в деятельность этого учреждения. Документ писан рукой дьяка Тайных дел Ф. Михайлова и при своей краткости может быть приведен целиком:

...«Дрожин 3 ушата по 1 алт., итого за 111 ушатов 2 р. 7 а. 1 д. Капусту сотницу купит по полуполтине, а продат соленую по 2 кочня на 2 д. Итого полтина.

Огурцов 1 000 по 5 алтын, а продат по 10 на 1 д. Итого полтина.

Овса по чети на день, а купить по 10 а., а продать в 4 гривны.

Сена по возу на день. Купить по полтине, итого за 365 возов 182 р. с полтиной; а продат по 20 алтын, итого 250 р.

Соломы на постилку по 2 воза на день. Итого 730 возов. Купить... итого... А продать... итого».

Операции, как видим, очень скромные по масштабу, зато рассчитаны на чрезвычайно методическое выполнение. В конце подведены итоги — сколько «всего на те вышеописанные харчи на покупку надобно дат», сколько должно быть выручено от продажи и что в результате «прибыли будет».

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 214, л. 34—36.

Самые цифры изображены были на той части документа, которая погибла [1].

Все это было в духе времени. В течение предшествующего периода Россия медленно, но неуклонно втягивалась в общую экономическую жизнь Европы, и к половине XVII в., можно сказать, уже определяется ее роль в процессе международного обмена как поставщицы некоторых видов сырья и посредницы между Западом и Востоком. В то же время, применительно к новой роли, постепенно перестраивается и ее внутренний экономический быт. Все разнообразнее становятся соблазны, которыми манит покупателя наполняемый иноземными товарами рынок, и подталкиваемый новыми потребностями русский человек — теперь не только торговец по профессии, а и всякий, кто хочет пользоваться жизнью наравне с другими, — настойчиво ищет вокруг себя предметов, которые можно было бы сбывать за деньги. Современники иностранцы уверяют, что страстью к торговле охвачены в Московском государстве все без различия общественных состояний, и они готовы считать ее отличительной национальной чертой московитов [2]. Но то же говорят по-своему и свидетели из русских современников. «Изстари в прежних летех, — жалуются например в 1663 г. в своих «сказках» гости и гостиной сотни торговые люди, — всякими торгами и промыслами торговали... одни торговые люди..., а ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление» [3]. За общим течением и в известном смысле даже обгоняя его, шел очевидно и московский государь, обращаясь к торгам и промыслам в изыскании средств для своего Приказа. Но в хозяйственной жизни ведомства Тайного приказа торгово-промышленные операции играли все же, как мы видели, только вспомогательную роль, по крайней мере поскольку там они вызывались необходимостью поддерживать равновесие бюджета. Основной чертой, определяющей самый тип хозяйственной организации, оставалось без сомнения производство для непосредственного потребления, прежде и больше всего конечно в области сельского хозяйства, и был, как мы знаем, более или менее определенный и постоянный круг лиц, которые являлись потребителями государевых запасов. Таким образом перед нами тот же строй жизни, какой наблюдается в каждой,

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 297, л. 32.

[2] Например Родес, Кильбургер, Олеарий; см. их сочинения.

[3] Зерцалов, О мятежах в г. Москве и в с. Коломенском, стр. 259.

не исключая и наиболее передовых в хозяйственном отношении, вотчине того времени (например морозовской), где главная масса добываемых продуктов продолжала итти на содержание боярского двора, насчитывавшего в себе нередко не одну сотню всяких чинов людей, и откуда только излишки, а целиком продукты разве специальных промыслов, как поташ, поступали в продажу. Отсюда, поскольку в практическом применении той или другой организации сказывается ее назначение, вытекает, что хозяйственное ведомство Тайного приказа имело по крайней мере одной из целей обслуживать материальные нужды некоторых лиц и общественных групп, частью в форме постоянного содержания, частью чрезвычайного государева «жалованья».

Но почему понадобилась особая и такая необычная хозяйственная организация для цели, которой, казалось бы, вполне могла служить другая, действовавшая в том же направлении издавна, организация — ведомство Большого дворца? С этим вопросом мы вступаем в круг таких фактов, которые создавались уже всей обстановкой царствования Алексея Михайловича.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как говорилось раньше, самостоятельное хозяйственное ведомство в составе компетенции Тайного приказа появляется только в 1662—63 г.[1], следовательно в этой форме хозяйственная деятельность не была задачей Приказа с самого начала. Но, возникши позднее, хозяйственная организация в пределах определенной территории стала не простым придатком в кругу предметов его ведения, а обозначила собой существенную перемену в характере и направлении его деятельности вообще, хотя, может быть, вполне и не обнаружившуюся сразу.

Можно считать несомненным, что Тайный приказ сложился в обстановке военного времени и военных потребностей. В походной росписи 1654 г., помещенной в Дворцовых разрядах под 18 мая этого года, среди разных чинов, которые должны были сопровождать царя в первом его походе против «недруга» его, польского короля, значится в числе простых дьяков «в государеве имени дьяк» Томило Перфильев[2]. Впоследствии это — обычный титул дьяка Тайных дел и исключительно его одного. Но Томило Перфильев в описываемый момент дьяком Тайных дел не называется и повидимому не случайно: другая роспись, относящаяся к тому же походу, отмечает служебное его положение по другому Приказу, присоединяя в конце перечня думных и простых дьяков, отправлявшихся с государем: «да диак в государеве имени Казанского дворца Томило Перфильев, да 2 человека подьячих»[3]. Из Дворцовых разрядов однако узнаем далее, что 18 августа того же, 1654, года государь посылал из-под Смоленска, где стоял «станом», в Могилев с своим государевым жалованьем стольника Шеина «да дьяка тайных дел Томила Перфильева»[4].

[1] См. выше, стр. 17—19.

[2] Дворцовые разряды, т. III, ст. 414.

[3] Тафкэ, Г. А., XXVII, № 86, ч. 1, л. 247.

[4] Дворцовые разряды, т. III, ст. 445. Т. Перфильева знает в качестве дьяка Тайных дел и опись, отмечая: «дела, которые были в

Так впервые появляется в источниках термин «тайные дела» в составе особого титула, и вместе с тем карьера Т. Перфильева получает значение отправного пункта при выяснении начальных моментов в жизни Тайного приказа.

Титул «в государеве имени дьяк» можно встретить в источниках очень нечасто — в тех сравнительно немногих случаях, когда так подписывается под государевым указом тот или другой дьяк Тайных дел, и всего разве несколько раз — просто в качестве эпитета при имени кого-нибудь из тех же дьяков. Можно конечно сказать: это — дьяк, имевший полномочие ставить на указах свое имя вместо имени государева; но ясно, что с таким определением мы не подвигаемся в уяснении самого института. Очевидно с подписью дьяка «в государеве имени» соединилось особое значение, раз соответствующей функцией определялось вначале, именно в положении Т. Перфильева, даже его профессиональное звание, и следовательно вопрос должен быть в том, что значила эта подпись и почему с течением времени она становится функцией исключительно дьяка Тайных дел.

Известно, что московские государи сами не подписывались под издававшимися от их имени актами. Алексей Михайлович начинает однако делать отступление от этого правила по отношению к актам исключительной важности. Так, он «приписывал», как значится в одной его подписи, «своею царской самодержавною рукою» грамоты, адресованные иноземным правительствам [1]; из актов внутреннего управления его же «рукой» закреплено было например в разрядной книге 1655 г. распоряжение «быть без мест» перед выступлением в поход [2]. Можно ли сказать, что и подписью «в государеве имени дьяка» отмечались указы также ввиду их важности? Если исходить из наблюдений над содержанием подписанных им актов, ответ должен быть отрицательный: как легко убедиться по известным сейчас их образцам, некоторые из них, вероятно даже многие, имели своим предметом распоряжения совсем второстепенного характера [3]. Остается следовательно предположить, не выделялись ли такие указы особым порядком их происхож-

---

приказе великого государя Тайных дел при... Дементье Миниче (Башмакове), как он был в том Приказе во дьяцех, и при дьяке при Томиле Перфильеве». Р. И. Б., т. 21, стр. 819.

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 106. Такую подпись находим на проекте полномочий кн. Мышецкому, отправлявшемуся послом в Копенгаген.

[2] Там же, № 94, л. 4 об.: «а затем наша царская рука в разрядной книге будет потому, что в нынешней службе мест нет и быть всем без мест».

[3] Некоторые примеры таких указов см. у Гурлянда, цит. соч., стр. 126, прим.

дения, и это предположение, можно думать, находит для себя подтверждение в особенностях положения именно дьяка Тайных дел. В обычном порядке указы, мы знаем, давались государем в форме резолюций думным дьякам по их докладам — одному ли государю или в Боярской думе. Но дьяк Тайных дел не был думным и даже получал другое назначение, когда для него приходило время стать думным, хотя он и мог потом не терять с Тайным приказом фактической связи. Зато он был, как о том свидетельствует уже помещение Приказа во дворце, всегда поблизости от государя, и, значит, последний через него имел возможность с наибольшим удобством осуществлять свои распоряжения, не проводившиеся обычным путем. Другими словами, существует, предполагается, в деятельности царя как бы особая сфера, пределы или объем которой формально обозначаются полномочиями дьяка «в государеве имени» или —что в данном случае то же—дьяка Тайных дел. В более конкретных очертаниях эта сфера выступает перед нами, когда мы рассматриваем изложенные наблюдения формального свойства в связи с привычками и взглядами царя Алексея.

Алексей Михайлович известен как автор многочисленных писаний. По манере изложения, витиеватой и многоречивой, можно заподозрить в нем влечение к литературному творчеству; в действительности же писания его имеют деловой, практический характер, и в них гораздо больше, чем игра воображения, сказывается деятельная и вместе экспансивная натура царя, которая требовала немедленной реализации переживаний и зачастую должна была делать для него тягостным обращение к средствам официального посредничества. В известных случаях трудно представить себе, чтобы царь мог спокойно дожидаться, пока овладевшую его вниманием мысль обработают по всем правилам искусства в каком-нибудь из приказов; наоборот, чувствуется именно его темперамент, не допускающий отсрочек, когда он требует, чтобы около него поблизости всегда были наготове письменные принадлежности и секретарь. Сопровождавший царя в одном из его «походов» в подмосковные села подьячий пишет в Тайный приказ, чтобы оттуда прислали «3 ножницы, 2 ножа чистых, да пять дестей бумаги, да воску черного (для печати)», поясняя, что «ножниц и ножиков ничего нет, да бумаги с полдести в остатке», и заканчивает свою «памятцу» просьбой к одному из коллег по Приказу: «пожалуй, государь, изволь прислат поскорее, чтоб покамест не просили»[1]. Царь может писать или

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 525, л. 7.

диктовать и в очень неподходящих, казалось бы, условиях. Дьяка Дементия Башмакова он брал иногда с собой в церковь — на случай, что понадобятся услуги секретаря. Одна из царских грамот кн. Ю. А. Долгорукому дописывалась например за всенощной, о чем писавшему ее дьяку даже было велено поставить адресата в известность: «писана сия припис на всенощном у пресвятыя богородицы честного ее покрова во время егда воспели первый припев: величаем тя пресвятая дево»[1]. Сохранилось много писем Алексея Михайловича совершенно частного характера; но обширнее и содержательнее грамоты его к разным лицам, касающиеся предметов государственного управления, — «указные письма», как они иногда называются в источниках[2]; имеются также собственноручно составленные царем указы (черновики), которые, кстати сказать, он и начинает, как полагалось по тогдашнему стилю, формулой: «указал государь»[3]. К редакции всех таких актов царь относился с чрезвычайной тщательностью, почти всегда по нескольку раз лично переписывая текст или, что бывало чаще, заставляя других переписывать его, всякий раз — по новым переделкам, обыкновенно очень незначительным. Была ли это только литературная щепетильность? Едва ли. У Алексея Михайловича было особое высокое представление о значении «царской руки». «Повелением всесильного, — торжественно начинает царь послание свое к кн. Г. Г. Ромодановскому,— и великого, и бессмертного и милостивого царя царем и государя государем и всех всяких сил повелителя господа нашего Иисуса христа писал сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею»[4] и потом, напоминая о собственноручном своем письме, как о чрезвычайном выражении своего царского благоволения, он укоряет Ромодановского, не оправдавшего оказанной ему милости: «писаны к тебе и посыланы наши государевы грамоты с милостивым словом такие, каких и господам твоим не бывало»[5]. По той же причине царские грамоты, хотя бы и переписанные другими, требуют особого внимания к себе и не должны быть предметом праздного любопытства сторонних людей: лица, их получающие, обыкновенно возвращают их, иногда

---

[1] Гафкэ, Г. А. XXVII, № 99, л. 38.
[2] Там же, № 93, л. 28.
[3] Там же, № 86, ч. I, л. 260.
[4] Там же, № 305, л. 27. Напечатано в Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 770—771.
[5] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 774.

по прямому предписанию царя — «прочетчи», прислать назад. И опять только как знак особого благоволения дается иногда обещание: «аще даст бог да живи будем, впред отдадим» (т. е. возвращенную адресатом грамоту)[1].

Во всем этом сказывается без сомнения столько же темперамент царя, сколько и его общее политическое мировоззрение, в развитом виде уже достаточно выясненное и известное, но описываемый момент был, можно думать, решающим в самом процессе образования этого мировоззрения. До того времени в течение довольно долгого периода молодой царь проходил школу политического воспитания под руководством двух самых близких к нему лиц (правда, и единственных, способных на такую роль) — Б. И. Морозова, который по воле обстоятельств должен был прятать свое действительное значение в государственных делах под покровом личной дружбы с царем, и патриарха Никона, который, нельзя в этом сомневаться, в частых беседах посвящал царя в свои теоретические взгляды на положение верховной власти в государстве, как и в церкви. В согласии с живыми руководителями оказывали повидимому свое влияние на Алексея Михайловича и исторические образцы. Об определенных симпатиях царя в области русского прошлого с полной категоричностью сообщает один из иностранных агентов, бывший в Москве как раз в начале пятидесятых годов. «Царь, — писал он, — так увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что наверное захочет итти по его стопам»[2]. Это — в области внешней политики; а вот наблюдения того же лица относительно политики внутренней: «царь, по натуре самолюбивый и по-варварски жестокий, следовательно на все способный, должен находить наслаждение в повествованиях из истории Ивана Васильевича и его тирании»[3].

У царя Алексея несомненно было живое чувство почтения к творцу идеологии московского самодержавия. Конечно это чувство, а не просто желание замолить чужие грехи, побуждало его время от времени служить панихиды по своем далеком предшественнике[4] и вместе с тем делал

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 762; см. также стр. 758. 771.

[2] Форстен, Сношения Швеции и России во второй половине XVII в., журн. М. Н. Пр., 1898 г., май, стр. 341.

[3] Там же, стр. 345.

[4] Дневальные записки Тайного приказа. Чтения в О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 11.

его чувствительным к проявлениям неуважительного, хотя бы и заслуженного, отношения к памяти Ивана Васильевича. Когда на соборе, судившем Никона, читалась его грамота к константинопольскому патриарху Дионисию, царя задело употребленное в ней выражение, что Грозный «неправедно» мучил митрополита Филиппа, и он с возмущением говорил: «для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну блаженные памяти великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии написал?» [1]. Обоих сближало родство политического мировоззрения и политических задач. Не случайно поэтому из исторических документов в архиве Тайного приказа оказались почти одни только документы, относящиеся к эпохе Грозного; среди них, в частности, находим записку, «как великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич с сыном своим Иоанном Иоанновичем изо Пскова изволили итти войною и полки отпустить под немецкие городы..., и те городы имали и ково в тех городех воевод оставляли» [2]; и еще, быть может, больше скажут нам своими заглавиями два другие, внутренно связанные между собою, документа: «список с грамоты от цареградского патриарха с собором к царю Иоанну Васильевичу, что зватися ему царем» [3], и «столпик», в котором «писаны государские титла, как писали к полским королем блаженные памяти г. ц. и в. к. Иван Васильевич и сын ево царь Федор Иоаннович, и г. ц. и в. к. Алексей Михайлович» [4]. В 1657 г. царем Алексеем учреждается так называемый Записной приказ, назначением которого было «записывать степени и грани царственные» [5]; это та же самая идея, которая положена была в основу составленной при Грозном же «Степенной книги царского родословия».

Как видим, иноземный агент располагал довольно точными сведениями о политическом настроении царя. С началом войны и в созданных ею исключительных условиях, когда на царя сразу легла огромная и совершенно конкретно воспринимаемая ответственность, его политическое мировоззрение, до тех пор слагавшееся под разными влияниями и путем разрозненных впечатлений, должно было

---

[1] Н. Ф. Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, стр. 340.

[2] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II стр. 15.

[3] Там же, стр. 8.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 869.

[5] О Записном приказе у С. А. Белокурова. Чтения в О. И. и Д. Р., 1900 г., кн. 3.

приобрести цельность и поведение — бóльшую последовательность. Еще в 1653 г. ввиду выяснившейся неизбежности разрыва с Польшей царь готовился к ожидавшей его роли и даже начал было в сделанной нарочно для того маленькой тетрадке записывать свои мысли «о ратном деле», о том, «как оберегать истинную и православную христианскую и непорочную веру и святую соборную и апостольскую церковь и всех православных христиан и недругу бы быть страшну и объявить бы себя, великого государя, помощию всещедрого бога и пресвятые богородицы и молитвами всех святых, поспешением в храбрстве и в мужестве к ополчению ратному, такоже бы и людей своих объявить в ополчении ратном храбрствено и мужественно». Из тетрадки узнаем далее, что государь стал «сие благое дело мыслити и советовать с бояры» с понедельника первой недели великого поста, а «соверьшися его государева мысль в сем деле» в понедельник третьей недели: в этот день, «призвав к себе» «разрядных» И. А. Гавренева и думного дьяка С. И. Заборовского, он «приказал» им «сказать всему своему царскому синклиту свое государское повеление — бояром и окольничим и думным людем и стольником и стряпчим и дворяном московским и жильцом и дияком и всему своему государеву двору, чтобы были готовы к его государеву смотру со всею службою»[1]. Царь без сомнения думал не только об этом и лишь не захотел или не сумел высказать всего, что надумал за эти две недели; впрочем то, что не сказалось словами, договаривает тон, в каком ведется повествование. Последний штрих к картине дается событием, которое имело место уже во время похода, и в особенности заставляет вспомнить об уроках из истории Грозного: «июля в 1 день (1654 г.) государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии указал, — читаем в походном дневнике, — свое государское именованье во всяких делех писати — всея великия и малыя Росии самодержцем»[2], т. е. царь произвел формальную реставрацию самодержавия.

Фактически это было единственным напоминанием об ограничении, принятом первым представителем династии, что царь лишь в редких случаях «писался самодержцем». Но имелось налицо ограничение другого рода, налагавшееся на царя не политическими правами Боярской ли думы или всяких «чинов Московского государства», а инерцией законченного правительственного механизма. Этот механизм,

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 85, л. 1—4.
[2] Там же, № 86, ч. I, л. 365.

внося в управление затверделый порядок прохождения дел, несомненно был во многом стеснителен для государя, который обладал бы темпераментом, как у Алексея Михайловича, и захотел бы, если говорить языком Ивана Васильевича Грозного, «сам строить». При таких условиях и свойства личного характера царя Алексея и усвоенные им политические предрасположения делают вполне естественным появление органа, с помощью которого он мог бы проявлять свою инициативу как бы в обход действовавшей системе. И зарождение такого органа мы наблюдаем в первые же годы царствования. В «Книге, глаголемой урядник», составлявшейся при участии царя в 1649—50 г., несколько раз упоминается «верьховый подъячий соколиного пути» или просто «верьховый подъячий» В. Ботвиньев [1]; судя по роли, какая ему здесь отведена, это — подъячий, постоянно состоящий при царе, на что указывает также и эпитет «верьховый». Любивший повидимому с молодых лет окружать в некоторых случаях свои действия таинственностью [2], царь тогда же сообщил Ботвиньеву «тайную азбуку» для секретных поручений, может быть, первую из целого ряда изобретенных им впоследствии. «Ботвиньеву,—записано например рукой царя в «походной смотренной тетради 162-го году», — велеть роспись написать в помесном при(казе) не по руски» [3]. А с открытием военных действий только что перед выступлением в поход возвратившийся из дипломатической поездки в Киев Т. Перфильев получает, как мы знаем, звание «в государеве имени дьяка», и в то же время в его распоряжение даются два подьячих, из которых один — знакомый нам В. Ботвиньев. Другими словами, в соответствии с новыми обстоятельствами вместо полуофициального, можно бы сказать — домашнего, секретаря возникает при государе уже целое учреждение. Пока назначение этого учреждения только намечается, и главным образом титулом дьяка, а самая сфера деятельности еще не определяется. Скоро однако круг проходящих чрез него дел получает, просто путем практики, большую определенность: спустя несколько месяцев Т. Перфильев наделяется новым титулом— дьяка Тайных дел, и теперь эта категория — «тайные дела» — по преимуществу начинает обозначать собой сферу деятельности учреждения, сообщая ему и соответствующее название.

---

[1] Бартенев, Собрание писем царя Алексея Михайловича, стр. 102, 104, 108 и др.

[2] См. например таинственные формулы в «Уряднике» или «тарабарские» письма А. М. у Бартенева, цит. соч.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 86, ч. I, л. 200.

Государевы тайные дела по непосредственному смыслу термина прежде всего — дела, которые ведает лично государь. В случае, если обнаруживался документ, в котором предполагалось «тайное государево дело», требовалось «донести (его) до самого великого государя, не распечатав»[1]. Конечно тайные дела могли стать известными и другим лицам, но только по доверию государя: «в нынешнем, государь, во 166-м году, — пишет например царю один из воевод, — приехал, государь, на заставу с Волока-Ламского от тайных дел подьячей Кирило Демидов, а привез с собою твои, великого государя (т.), тайные дела ис Царевича Дмитреева (т. е. от Ордина-Нащокина)..., а я, холоп твой, принят и переписыват не смею, и о том мне, холопу своему, как ты, великий государь, укажешь?»[2]. Посылая грамоту из Тайного приказа кн. Ю. А. Долгорукому, царь наказывает: «и ты б, боярин наш и воевода, держал бы у себя тайно, чтоб ее нихто б не ведал»[3]. Но конечно самые типичные из тайных дел — те, о которых пишут с помощью тайной азбуки, и к ним в особенности приложимы указанные признаки. Царь нарочно отправил к Ордину-Нащокину тайную азбуку с подьячим Тайного приказа Ю. Никифоровым, сопровождая посылку следующим наставлением: «и ты б тое азбуку и писмо за нашею государевою печатью у подьячего у Юрья принял и ведал один тайно, и по той азбуке о наших великого государя о тайных о всяких делех писал к нам, великому государю, в Приказ тайных дел потому ж один»[4]. Как заполнялась конкретно эта сфера ведомства, очерчиваемая понятием тайных дел, на примере первого дьяка Тайного приказа мы не видим, но перед нами открыта происходившая в таких же условиях деятельность его преемника Дементия Башмакова, который подобно Т. Перфильеву сопровождал царя в его третьем походе (1656 г.) и также с двумя подьячими[5]. Руку Башмакова мы постоянно находим в делах третьего похода: им частью написаны, частью правлены походные «дневальные записки», списки служилых людей, доклады из отписок разных лиц о ходе военных действий, походный маршрут, журнал похода из-под Риги в Москву и т. п.[6]. Некоторые из перечисленных документов, относясь к внешнему распорядку в походной

---

[1] Зап. Отд. Рус. и сл. Арх., т. II, стр. 684.
[2] Г. А., XXVII, № 119, л. 9.
[3] Там же, № 127, л. 99.
[4] Чтения в О. И. и Д. Р., 1901 г., кн. 1, смесь, стр. 15.
[5] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 745, столпик 2, л. 38.
[6] Г. А., XXVII, № 86, ч. I и II, л. 1—9, 10—46, 47—55, 59—88, 89—104 и др.

жизни царя, если могут быть названы тайными, то исключительно разве в формальном смысле, как вышедшие из личной канцелярии царя; наоборот, другие, характеризуя своим содержанием общий план и высшее руководство военными действиями, являются «тайными делами» по существу, и несомненно по преимуществу в них заключается разъяснение, почему дьяк «в государеве имени» получил свой второй титул — дьяка Тайных дел.

Итак, Тайный приказ явился, чтобы содействовать царю в непосредственном осуществлении его деятельности в управлении, и в дальнейшем будет очевидно иметь дело преимущественно с той областью государственной жизни, на которой в тот или другой момент сосредоточено активное внимание государя. Сформировавшись в условиях, созданных войной, он с самого начала и заявляет о себе главным образом в области военного управления. В этой роли он рисуется на первых порах очень скромным по составу учреждением — коллегией из дьяка и двух подьячих; скоро однако мы находим его на пути к превращению в более сложную организацию. Среди разных дел опись отметила между прочим «столп, а в нем писма, каковы посыланы из Приказу тайных дел к великому государю в поход в Полшу, и выписки ис челобитен, записки памятные, белые и черные, и подъяческие грамотки из походов и в поход из Приказу тайных дел о всяких делех»[1]. Значит, в походе с государем — только уже часть приказного состава, другая остается в Москве, и через нее государь, занятый войной, как бы поддерживает непосредственное соприкосновение с остальными областями управления[2]. В приведенном документе только в очень общих чертах намечается круг дел, которые шли из Приказа к государю в поход, и

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 15.

[2] Иногда в первые годы, может быть на время своего отсутствия, государь оставляет в Приказе в качестве доверенного лица кого-нибудь из ближних людей, указывая передавать направлявшиеся сюда отписки этому лицу вместе с дьяком Тайных дел. В такой роли в одни и те же годы (1657 и 1658) встречаем Ф. М. Ртищева (Доп. к А. И., т. IV, ст. 339—400) и Ю. И. Романовского (Г. А., XXVII, № 119, л. 118 и С. А. Белокуров. Чтения в О. И. и Д. Р., 1900 г. кн. 3, стр. 65). Имя Ю. И. Ромодановского, не имевшего отношения к Приказу Большого дворца, как и Томилы Перфильева, бывшего раньше дьяком Приказа Казанского дворца, служит между прочим доказательством того, что между Тайным приказом и Приказом Большого дворца нельзя установить внутренней связи, — по крайней мере тем путем, каким идет Гурлянд, приходя к своему выводу, что Тайный приказ был «как бы новым отделением Приказа Большого дворца» (цит. соч., стр. 65).

другие источники не позволяют сколько-нибудь раскрыть их содержание. Но ясно все же, что в первые годы деятельность его, даже и в сфере военной, остается еще в довольно тесных рамках: об этом говорит, с одной стороны, незначительность приказного штата — в 1656 г. кроме дьяка в Приказе не больше 5 подьячих (В. Ботвиньев, Ф. Казанец, А. Афанасьев, Ю. Никифоров [1] и, может быть, Т. Истомин), так что дьяк Тайных дел вынужден иногда сам принимать участие в ведении приходо-расходных книг [2]; с другой стороны, руководящая роль в организации тыла (продовольствие и набор войск), так тесно связанной с ходом войны, возложена повидимому не на Приказ (т. е. не на оставшуюся в Москве часть Приказа), а на «собинного друга» царя, патриарха Никона [3].

С прекращением военных походов государя, когда он начинает руководить ходом событий из Москвы, т. е. приблизительно с 1657 г., компетенция Приказа все более разрастается и в конце пятидесятых годов приобретает чрезвычайно широкие размеры. Однако и за это время круг подлинного его ведомства с трудом поддается точному определению. Тот источник, который, казалось бы, должен был с наибольшей точностью воспроизвести его, — первоначальная опись, — и создает прежде всего затруднение. Со-

[1] Юрий Никифоров и Протасий Никифоров — не разные лица, как понимает Гурлянд, а одно и то же лицо. См. Р. И. Б., т. 21, стр. 695.

[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 180.

[3] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 591—593. Гурлянд находил возможным определять компетенцию Тайного приказа, даже за один первый год (1655) его существования, с большей подробностью, выбирая для этой цели из зотовской описи все документы с начала царствования Алексея Михайловича, а из полной (по его терминологии — центральной), напечатанной в т. 21, Р. И. Б., «различные смотренные списки и описания похода», — «документы, касающиеся приготовлений царя к первому большому походу» («малыми» автор повидимому считает потешные походы), «всякого рода указы царя по вопросам дворцового хозяйства», «переписку» с кн. Б. А. Репниным за 1652—1654 гг. и другими боярами, наконец, как заслуживающие «особого внимания», 16 «сыскных дел», относящихся к 1648—1654 гг. Прием очень характерный для автора: для характеристики компетенции учреждения за определенный период времени привлекаются документы или вышедшие за несколько лет до появления этого учреждения и неизвестно когда и по какому поводу сюда попавшие, или вымышленные автором («всякого рода указы царя по вопросам дворцового хозяйства»). В то же время почему-то совершенно игнорируются важные и многочисленные дела других категорий от тех же лет (посольские и малороссийские), также отмечаемые описью, или из многих дел определенной категории отбирается незначительная часть (дела разрядные).

ставители описи подвергли найденный ими в архиве Приказа материал классификации, распределив дела по приказам, и среди полученных таким путем нескольких категорий («дела» приказов: Посольского, Малороссийских городов, Хлебного, Разряда, Стрелецкого, Рейтарского, Иноземского и «Сыскные дела») выделили, как мы уже знаем, в особую категорию «дела Приказу тайных дел», тем самым сделав на первый взгляд ненужными дальнейшие розыски по вопросу о компетенции Приказа. В действительности значение их классификации не столь решительное. По первому впечатлению основанием для нее служила принадлежность дел учреждениям по производству, откуда должно бы следовать, что все те документы, которые не вошли в категорию Тайного приказа, в нем не составлялись и попали сюда из других приказов. Правда, и в этом случае компетенция Приказа отличалась бы значительным разнообразием: под указанной рубрикой находим документы, касающиеся частью личных отношений царя, частью дел военных, финансовых и поместных; но безусловно подавляющее большинство их — документы хозяйственного характера, и потому, опираясь на классификацию описи, пришлось бы признать ведомство Тайного приказа по преимуществу хозяйственной организацией и, исходя отсюда, можно бы даже ставить вопрос, почему и каким образом в его архиве оказались дела остальных категорий. Другие наблюдения вносят однако существенную поправку в этот вывод. Среди документов Посольского приказа и Разряда, перечисленных под этими рубриками описью и в настоящее время хранящихся в разных архивах, в очень большом количестве разбросаны подлинные же документы соответствующего содержания, вышедшие несомненно из Тайного приказа. Значит, опись значительную часть дел Тайного приказа отнесла уже не по производству, а по содержанию — к другим приказам и, суживая таким образом действительные пределы его ведомства, не может потому служить безусловным основанием при их восстановлении. Тем большее значение приобретают в качестве источника записные книги Приказа.

Как раньше говорилось, записные книги 1663 г. резко делятся на две, несходные по содержанию, части, из которых последняя, в полном согласии с описью, выдвигает на первый план хозяйственную деятельность Приказа в пределах известной нам территории. Дела, с которыми знакомит нас первая часть, носят, наоборот, общегосударственный характер и, за небольшими исключениями, могут быть сведены в две группы: дела военно-административные и ди-

пломатические. По условиям времени первые, естественно, преобладают. При всей краткости и несомненной неполноте относящихся сюда записей их общий смысл совершенно ясен: перед нами картина высшего и притом систематически осуществляющегося руководства в различных отраслях управления, захваченных войной. Сборы и передвижения войск, закупка и производство боевых запасов, организация продовольствия войск, изыскание средств и раздача денежного жалованья, отдельные военные операции и общее настроение ратных людей, наказы послам и переписка с ними — таковы постоянные предметы исходящих из Приказа государевых грамот и указов. Вернее впрочем сказать: записные книги дают нам не картину всей этой сложной деятельности, а схему, которая конкретным содержанием и в какой угодно мере может быть заполнена уже по подлинным документам (частью напечатанным во 2 и 3 томах «Актов Московского государства»). С другой стороны, в источниках этого периода достаточно ясно обозначаются и те внутренние условия, которые содействуют расширению круга деятельности Приказа, и самые приемы его действий, вырабатывавшиеся в соответствии с этими условиями, и наконец то положение, в какое он, выполняя означенные функции, стал по отношению к учреждениям с аналогичной специальной компетенцией.

Война прежде всего привила царю интерес к военному делу, хотя, может быть, интерес этот и не вырос у него до размеров пристрастия. Царь несомненно хотел быть по-настоящему осведомленным в военном искусстве и теоретически и практически. Так же, как в других случаях, и в этом, не довольствуясь домашней техникой, он рассчитывает на Запад, этот неистощимый источник всяких хитростей. Здесь снова мы встречаемся с Гебдоном в роли исполнителя царских поручений, узнаем например, что в 166 г. царь наказывал ему привезти из-за границы среди других предметов «книгу ратную», которая должна была раскрыть перед царем все тайны военного искусства. По соображениям царя, она должна заключать в себе 4 части: «по которой суды воинские держат — первую часть; другую часть, — по которой всякие огненные хитрости делать, как город имат и из города, в осаде будучи, боронитца; третью часть, — какие пушки надобно ко всякой войне к походной и в обозе и в полкех и о городовом взятье, и какими лехкими снастями их возить, четвертую часть, — образцов обозов мудрых и осторожных как ставить»; для большей наглядности царь вместе с тем хотел бы, чтобы «все четыре части со всем указом были б в лицах, как что

делать»; а сверх того при книге должен быть, разумеется, и особый мастер, «чтоб умел по тем книгам всякие составы составливать и делать» [1]. Неизвестно, разыскал ли Гебдон в Европе такую книгу, какую заказывал ему царь, но в приказном архиве комиссией было найдено несколько сочинений военного содержания: «Книга судебная и о ратном ополчении и о всяких урядствах, 114 году; переведена с немецкого языку на руской язык при царе и в. к. Василье Ивановиче всеа Росии»; «Книга о селитреном варенье и о пороховом деле 161-го году, что поднес великому государю боярин Юрьи Алексеевич Долгоруково» [2]; «Книга о наряде и о огнестрельной хитрости» [3] и «Роспись образцовым артолорейским пушкам со всякими запасы, что к такому строенью надобно» [4]. Царь повидимому думал даже о распространении теоретических сведений по военному искусству в войсках, для чего, надо думать, в Тайный приказ доставлено было по специальному государеву указу (от 16 сентября 1658 г.) из Патриаршего приказа «тысяча книг печатных ратново строю» [5] — вероятно переведенного в 1647 г. немецкого военного устава под названием «Учение и хитрость ратного строения». Царь и практически знакомился с приемами ратного строя и огнестрельной хитрости. Нередко то на «государевом дворе», то на Девичьем поле устраивались смотры, когда перед государем должны были проходить «военным строем» солдатские полки и стрелецкие приказы. На смотрах же производились опыты с огнестрельными орудиями и снарядами, и для этой цели иногда экстренно царь требовал с заводов тех или других «припасов»: так однажды например в Тулу отправлен был нарочный с указом из Тайного приказа (7 марта 1658 г.): «взяти с Тулы от железново дела сто гранатов ручных, да пятдесят середних, что ногами пихают, и привесть те гранаты к Москве марта к 12-му числу, а на Москве отдат Приказу наших в. г. тайных дел дьяку Дементью Башмакову» [6]. Усиленно рекрутируют руководителей-иноземцев, желая иметь специалистов непременно первого сорта. Еще в 1646 г. царский тесть И. Д. Милославский ездил в Голландию нанимать опытных «капитанов» и солдат 20 человек «добрых самых ученых» [7], а в 1658 г. тот же Милославский старается раздобыть для царя и там же—

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 70—71.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 179.
[3] Там же, стр. 681.
[4] Там же, стр. 128.
[5] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 119, л. 8.
[6] Там же, № 512, дело 1, л. 82; ср. л. 84, 93—94, 147—148.
[7] Доп. к А. И., т. III, № 49.

в Голландии — «инженеров таких, что во всей Европии других таких не буд(ет)»[1]. В росписи, данной Гебдону в том же году, сам царь высказывает свои пожелания по этой части, формулируя их с отличающими его мышление конкретностью и некоторой затейливостью. Гебдон должен «призвать из немецких земель»: «полковников самых добрых и ученых ратному строю», «огнестрельных мастеров разумных, которые б умели стрелять из верховова и ис полковова наряду далеко и целно», «гранатных мастеров отзывных (т. е. с аттестатами?), которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек и чтоб пинарды (петарды?) мудрые и прыткие составливали, также бы и под корабли приверчивать умели», «городовых промышленников, чтоб могли не во многие дни город взять»[2]. Царь хотел бы вооружить свои войска и всякими другими техническими изобретениями Запада, о каких знал по наслышке или какие подсказывало ему его живое воображение: Гебдону же поручает он например привезти «снастей подкопных таких, которыми б мошно итти крепкими самыми месты на день человеку по две сажени, а в просторных местех сажен по 10 в сутки»; еще: «стекло такое, как под город пришел и чтоб в городе мочно высмотрить все: станет тот город головою вниз и человека мочно поставит вниз головою», или: «трубочек маленких смотрильных: как смотрит ис шанец, и ее зажать в руку, чтоб не знат было»[3]. Его интересуют даже такие детали военного обихода на Западе, как «платье салдацкое, в чем шпанские салдаты ходят»[4]. По его же инициативе, можем думать, составлялась оказавшаяся также в архиве Тайного приказа «Книга... о Оружейном дому, в чем быти устроенным наряду и всяким ратным припасам»[5], и знаем наверное, что «по наряду» из того же Приказа строился Гранатный двор[6]. После того естественно, что царь считает себя, в той или другой мере, специалистом в военном деле. Остался например памятник его упражнений в стратегии — тетрадь, на страницах которой он старался изобразить расположение военных таборов[7]. Ему представлялись росписи «зелью и иным припасом, которые надлежат к пороховому делу, и в этих росписях находим изменения или поправки, сделан-

[1] Доп. к А. И., т. IV, № 49.
[2] Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 1.
[3] Там же, № 118, ч. IV, л. 43—44.
[4] Там же, № 118, ч. II, л. 2.
[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 681.
[6] Там же, стр. 1011.
[7] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 82.

ные его рукой [1]. Он может даже при случае написать рассуждение о приемах стрельбы в поучение ратным людям. «И полковником и головам стрелецким, — читаем например в царской грамоте Ю. А. Долгорукому, — надобно крепко знать тое меру, как велеть запалить, а что палят в двадцати саженях, и то самая худая, боязливая стрелба, по конечной мере пристойно в десять сажень, а прямая в пяти и в трех саженях, да стрелять надобно ниско, а не по аеру» [2].

В области дипломатической личность Алексея Михайловича, можно сказать, закрыта для наблюдателя крупной фигурой выдающегося тогдашнего дипломата Ордина-Нащокина. Однако документы Тайного приказа не оставляют сомнения, что здесь царь, не довольствуясь декоративной ролью при умном министре, внимательно всматривается в международные отношения, пользуясь тем же аппаратом Тайного приказа. Учитывая разнообразные внутренние интересы, он сам делает выбор между основными вопросами тогдашней московской политики — балтийским и украинским, в пользу последнего и в соответствии с этим заменяет Ордина-Нащокина на посту руководителя Посольского приказа Матвеевым. Инициативе царя принадлежит и то культурное сближение с Западом, в осуществлении которого царь Алексей Михайлович проявляет уже не исчерпывающийся потребностями текущей минуты интерес к западному быту и несомненное тяготение, хотя и остающееся под контролем мнительной осторожности, к более тесному и постоянному культурному общению с западным миром. Убежденный теоретик московского самодержавия, принимаемого им в специфической окраске националистических традиций, царь Алексей непрочь однако усвоить себе некоторые из внешних атрибутов западного монарха и воспроизводить в обстановке своего дворца этот образец. По росписи, посланной из Тайного приказа Гебдону, тот должен был например достать царю «кружив, в каких ходит шпанской корол и французской и цесарь, протозанов, с какими перед ними и около их ходят», также «рукавиц хороших нитяных королевских» и «королевских попон (одеял) бархатных и тканых и простын хороших»; он хотел бы иметь трубы и литавры — тоже королевские, «места (троны) королевские розных государей», всю «убойку полатную королевскую», наконец, «кореты дорогие королевские» [3]. Не довольствуясь заграничными впечатлениями послов, из-

[1] Там же. № 83.
[2] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 764.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 1—6.

лагавшимися в их статейных списках, царь принимает меры, чтобы получить точные сведения о западной жизни, собранные систематически и надежным человеком. Подьячему Тайного приказа Юрию Никифорову, отправлявшемуся при «полномочных послах» в Англию, в Приказе между прочим дана была «Книга космография в лицах и расцвечена красками розными, и на печатных листах на других страницах подписано по руски, которые те государствы и тех земель людей к чему обыкновение и что каких плодов в тех землях и иных вещей есть», — такая книга была дана «для того, что ему, будучи в государствах, в которых он будет, тово что в той космографии описует, в тех государствах досмотреть» [1]. Вместе с тем царь очень чувствителен и к тому, как воспринимаются за границей события из русской жизни, даже пробует пользоваться заграничной прессой, чтобы путем фальсифицированных известий воздействовать на общественное мнение Европы в благоприятном для России смысле. Он предвидит например, что там будут много говорить о разгроме Шереметева под Чудновым, и в целях рассеяния нежелательных толков все тому же Гебдону посылается из Тайного приказа государева грамота, на этот раз с поручением совсем не коммерческого характера: «Как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах и в ыных городех о побое боярина нашего и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и наших великого государя ратных людей их полков учнут выходит, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатат авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею... грамотою». Он знает, что за новые авизы «доведетца и дать», но идет на это, лишь бы «во всех государствах то было явно» [2].

Какова была среда, при посредстве которой царю Алексею приходилось править? Московское боярство решительно не оказывалось повидимому на должной высоте. Уже вскоре по выступлении в первый свой поход царь, присмотревшись к настроению сопровождавших его бояр, писал кн. А. Н. Трубецкому: «А у нас едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть оболока, овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноем и яростью и ненастьем, всяким злохитренным обычьем московским явятся, овогда злым отчаянием и погибелью прорицают, овогда

[1] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела английские, 1662 г., № 5.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 118, ч. II, л. 16; напечатано у Гурлянда, Иван Гебдон.

тихостию и бледностию лица своего отходят лукавым сердцем»[1]. Впоследствии бояре представили немало доказательств правильности этой характеристики. Застывшая в своей сословной исключительности и в мелочных взаимных счетах, эта среда не блистала государственными дарованиями и на служебном поприще, в военных и дипломатических делах, заявляла себя близорукостью или пустым тщеславием гораздо чаще, чем проницательностью и чувством долга. Таким боярство алексеевского времени представляется и сторонним наблюдателям русской жизни. «Вся беда Московского государства, — писал в 1660 г. шведский посланник Эберс, — в том, что у царя нет умных и понимающих что-нибудь советников, кроме одного только Бориса Ивановича Морозова; остальные пренебрегают всем этим и проводят свое время в питье и еде»[2]. По сообщению Эберса, когда в Москве начались новые приготовления к войне с Польшей, «царь находил мало поддержки в дворянстве и духовенстве. Общие интересы государства, — продолжает он, — мало кого вдохновляют, и царь остается одиноким»[3].

При таких условиях царь постепенно все усиливает свое личное участие в управлении государством, осуществляя его вне обычных путей, и в соответствии с этим все шире раздвигаются рамки ведомства Тайного приказа. Действия воевод и посланников берутся под очень бдительный и систематический надзор. Царю должно быть известно все — на театре ли военных действий или на дипломатических съездах. Всякий, кому дается более или менее ответственное поручение, получает непременно и наказ — «писать великому государю почасту» и «с нарочными гонцы»; а сверх того от царя могут явиться к воеводе специальные гонцы с требованием, чтобы «отписал» в Тайный приказ «на спех», «что у него делается»[4]. Неаккуратность в донесениях — важный проступок в глазах царя. «Писал ты к нам прежь сего, а ныне ты, страдник, худяк, ни к чему не надобен, не пишешь ни одной строки, — выговаривает царь Черкасскому-Косому и грозит: отведаешь, как приедешь и увидишь наши очи; мы тебя, страдника, не велим и в город пустить»[5] Мягче, но с глубокой обидой он делает выговор по такому же поводу кн. Ю. А. Долгорукому: «Если б не жалуючи,

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 716.
[2] Форстен, цит. соч., журн. М. Н. Пр., 1898 г. май, стр. 74.
[3] Там же, журн. М. Н. Пр., 1898 г., июнь, стр. 316.
[4] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 279, л. 40—41, 72; Белгор. ст., № 602, л. 95; Г. А., XXVII, № 92 bis, л. 202 и др.
[5] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 731

и я бы с тобою спасова образа (на театры военных действий) не отпускал, и ты за мою, просто молыть, милость и всю любовь ни единые строки не писывал ни о чем»[1]. Еще сильнее возмущает царя желание воеводы скрыть правду в донесениях. Кн. И. И. Лобанову-Ростовскому, который «писал ложно» государю о понесенных войсками потерях, пришлось потом читать суровое внушение в присланной из Тайного приказа царской грамоте. «И так делают недумные и худые люди, — писал царь, — а думным нашим великого государя людем ложно писать не довелось. От века того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном деле, в находках и в потерках, писали неправдою и лъгали»[2]. Обязанный извещать государя о ходе дел, воевода, также и полномочный посол, не может принять ни одного важного решения без специального государева указа. Упомянутый выше кн. Лобанов-Ростовский, действуя против поляков, «приступал» к гор. Мстиславлю, «не отписався об указе... до того приступу», а ему следовало делать иначе: сначала произвести необходимые разведки и, «изготовя все, что надобно, об указе отписать... с нарочным гонцом на спех»; и указывая самовольному воеводе на печальные последствия его поступка («на том приступе наши великого государя ратные люди побиты и переранены многие»), царь напоминает: «а как, по указу нас, великого государя, велено тебе, окольничему нашему и воеводе, быть на нашей великого государя службе, и мы, великий государь, тебе, окольничему и воеводе, приказывали изустно о божии и о нашем великого государя деле промышлять со всяким раденьем, отложа всякую гордость и спесь, и об указех писати к нам, великому государю»[3]. Исключения не допускаются и для лучшего полководца, каким считался тогда кн. Ю. А. Долгорукий. Когда тот отступил от Вильны без государева указа и написал «об указе», придя уже к Смоленску, царь и ему послал грамоту с укором. «Помысли сам себе, — спрашивает он, — по какому указу пошел, какая тебе честь будет, как возьмут Ковну или Гродню?.. И то как и помыслить, что, пришедши в Смоленск без нашего государева указу, и писать об указе?.. Жаль конечно тебя: впрямь бог хотел тобою всякое дело в совершение не во многие дни привесть и совершенную честь на веки неподвижну учинить, да сам ты от себя потерял»[4]. Но всего хуже, когда прямо нарушают государев указ: в

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 757.
[2] Там же, стр. 743.
[3] Там же, стр. 744, 746.
[4] Там же, стр. 757—758.

подобных случаях царь не жалеет крепких слов, чтобы выразить свое негодование. «Врагу креста христова и новому Ахитофелу, княз Григорью Ромодановскому, — начинается государева грамота к Ромодановскому, отступившему в своих распоряжениях от государева указа.—Воздаст тебе господь бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинъскую службу... Якоже Июда продал христа на хлебе, а ты божие повеление и наш государев указ и нашу милость продал же лжею... И сам ты, треокаянной и безславной ненавистник рода христианского... и наш верной изменник и самого истинново сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю, из нея же нихто возвращался» и т. д.[1]. В попытках воевод действовать самостоятельно царь видит только их «возношение» и «упрямство басурманское», а то и просто глупость: кн. Ф. Н. Одоевский «летось ходил дуростью, а ныне, — хвалит царь исправившегося воеводу, — во всем желает от нас указу»[2]. Порицая непослушание, царь в то же время ловит всякий подходящий предлог, чтобы сказать воеводам свое «милостивое слово» и тем побудить их к исправной службе. Но милость, как и наказание, — чисто внешние мотивы, а царь хотел бы, чтобы его родословные холопы служили по совести, прониклись бы сознательным отношением к своему назначению, и в этом — источник рассуждений, иногда очень длинных и довольно темных, о правах государя и об обязанностях бояр, которыми он нередко сопровождает свою похвалу или порицание.

Все это излагалось в государевых грамотах и указах из Тайного приказа. Но письменная форма сношений была удобна, когда надо было передать несложные распоряжения или вполне определенные решения, а между тем руководство военными операциями или дипломатическими переговорами часто требовало известной гибкости руководящих указаний. Отсюда в практике Приказа широкое применение нашла другая форма сообщения государевой воли на места — «статьи» и «наказы». В них ясно обнаруживается стремление составителей предусмотреть разные возможные комбинации и вопросы, причем на каждый возможный случай предлагаются и решения, чаще всего излагающиеся более или менее кратко. Последняя особенность находится в связи с тем, что «статьи» предназначались не столько для адресата непосредственно, сколько для доверенного лица, которое посылалось с ними из Приказа и должно было по ним «говорить» государевы указы. Иногда самое решение

[1] Там же, стр. 771—772.
[2] Там же, стр. 731—732.

лишь слегка намечено и формулируются почти одни темы. Вот для примера отрывок из «статей», посланных в 164 г. к воеводам разных городов с подьячим Тайного приказа Ю. Никифоровым:

«В Переаславле:

О здоровье (т. е. спросить).

О обнадеживанье милости, что выданы не будут, а оберегжены будут ратными людьми, и о повороте в Переаславль Семенова полку Змеева, у которого быт Ивану Чаадаеву, и верному б быть надежну во всем, и впред о верной службе безо всякого сомнения; о побое Чернецкого и о очищенье Быхова.

О писме, о болшом корабле (?) с обнадеживанием, о звании и о укреплении стороны и о другой.

О розлитии негодной крови ни за что и о унятии разрешением Днепром и Киевом.

О миру полском (вписано слово тайнописью), о третьих о том же, и так никогда учинено не будет, хотя разлитие будет...

О житье в подданстве, о могилевских поборах.

О жалованной присылке паче иных, и о сохранении того»[1]. И т. д.

Очевидно, надо было состоять подьячим Тайного приказа или получить от государя «изусно» разъяснения, чтобы «говорить» на поставленные таким образом темы. Так и было в действительности. В грамоте кн. Ю. А. Долгорукому, исправлявшейся царем, приписано например: «а подлинно о том и об иных наших великого государя делех наказано словесно з Денисом Остафьевым (с которым послана грамота)[2]; или царь пишет Ордину-Нащокину: «и ты б божие и наше великого государя дело делал по нашему великого государя изустному наказу и как тебе от нас, великого государя, приказано з головою московских стрельцов с Юрьем Лутохиным»[3]. Статьи по существу являлись секретными, «тайными» инструкциями. Иногда они адресуются «боярину и воеводе с товарыщи»[4]; иногда же в них содержится предписание: «говорить наодине», или «одному сказать тайно», или «наодине будучи»[5]; в одном случае над статьями надписано: «Боярину и воеводе князю Ивану Андреевичу Хован-

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 92 bis, л. 3—5.

[2] Там же, № 93, л. 32—37; Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 518, л. 55, 82.

[3] Гафкэ, А. М. Ю. Д., Дела польские, 1666 г., № 3; ср. там же, 1660 г., Дела шведские, № 3.

[4] Там же, л. 36; № 92, л. 1; № 109.

[5] Там же, № 92 bis, л. 49—50; № 166, л. 85, 87, 100, 192, 202 и др.

скому се тайный наказ и статьи; роспечатать и по них делать в то время, как у него, боярина и воеводы, с полскими и литовскими гетманы или с комисары учнет быт о миру сходство и договор и докончанье; а до того времяни не роспечатывать и самому не честь и товарищам своим не сказывать» [1]. Наказы, отличающиеся от статей связностью изложения, чаще применялись в дипломатических делах. Повидимому было правило, о котором знает и Котошихин [2], что послы, кроме «большого» наказа из Посольского приказа или, как иногда говорится в документах, «сверх приказу и наказу и статейного (списка)» получали особый «тайный» наказ, при Алексее Михайловиче — обыкновенно из Приказа тайных дел. В этой форме непосредственное руководство государя можно проследить во многих случаях дипломатических переговоров со шведами и поляками, начиная с 1656 г. («грамоты и наказы» полномочным послам Н. И. Одоевскому «с товарищи», писанные, как помечено на них, «в наших царских шатрах», и от того же года «наказ и запись присяжная, на каких статьях привесть гетманов к вере», данные из Тайного приказа стрелецкому голове А. С. Матвееву [3].

Конечно материалом, на основании которого составлялись тайные статьи и наказы, служили сведения, поступавшие от воевод и послов или непосредственно в Тайный приказ или через Разряд и Посольский приказ. Случалось, что эти лица обращались в Тайный приказ также со статьями, в которых излагали свои предположения или ставили вопросы, пользуясь иногда теми же гонцами, которые привозили к ним государевы указы. Присланные например В. Б. Шереметевым донесения в форме статей даже и начинаются словами: «известить великому государю» [4]. Не раз представлял свои соображения в Тайный приказ в той же форме Ордин-Нащокин, получая применительно к своим

---

[1] Там же, № 166, л. 245.

[2] «О России в царствование Алексея Михайловича», изд. 4-е, стр. 52.

[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела польские, 1656 г., № 26 и 43; ср Г. А., XXVII, № 109, л. 1—32 и № 110, л. 50—51, 168—170; от 1658 г.— Г. А., XXVII, № 110, л. 112—151, 165—172; Гафкэ, А. М. И. Д., Дела польские, 1658 г., № 7; от 1659 г. — Гафкэ, А. М. И. Д., Дела шведские, № 5; от 1660 г. — Г. А., XXVII, № 166, л. 245—250; Гафкэ, А. М. И. Д., Дела шведские, 1660 г., № 3; от 1662 г. — Гафкэ, А. М. И. Д., Дела польские, 1662 г. № 27; от 1664 г. — там же, Дела польские, 1664 г., № 11; от 1665 г. — там же, Дела польские, 1665 г., № 8; от 1666 г. — там же, Дела польские, 1666 г. № 3; от 1667 г. — там же, Дела польские, 1667 г., № 2; от 1669 г.—там же, Дела польские, 1669 г., № 8; от 1670 г. — там же, Дела польские, 1670, № 4 и др.

[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 92 bis, л. 276—280.

статьям и ответы государя. «Статьи прочтены, — пишет например государь в ответ Ордину-Нащокину с известным нам подьячим Приказа Ю. Никифоровым, — и зело благополучны и угодны богу на небесех, а от создания руку его и нам грешным, кроме 33-й статьи, а 33-ю статью отложили и велели вынять»[1]. Или в грамоте из Тайного приказа тому же Ордину-Нащокину читаем: «Писал ты к нам, великому государю, и по нашему великого государя указу против тех статей посланы к тебе указные статьи, под сею нашею великого государя грамотою»[2]. Приказ был открыт и для мнений добровольных советников. Так, прислали сюда в сентябре 1659 г. с театра военных действий генерал-поручик Томас Даниэль и два полковника, «Индрик» Гулец и Роберт Дуглас, «приговоренные статьи», числом 9, в которых обсуждали затруднительное положение армии Хованского и предлагали свой план, как найти выход. Из 9 статей 8 были одобрены государем и с соответствующими резолюциями отправлены для руководства Хованскому. По адресу авторов в одной из резолюций сказано: «и великий государь за ту их службу и раденье жалует и милостиво похваляет», а сверх того в особой грамоте Хованскому из Тайного же приказа предписывалось, чтобы он от «генерала и поручика» Томаса Даниэля «о делех не скрывался, а он безо всякой прозяби верной слуга, и приластил бы ево ты, боярин и воевода, к себе гораздо»[3]. Очень важным источником сведений служили, наконец, и те доверенные лица, которые посылались из Приказа с государевыми грамотами и наказами. Это были чаще всего подьячие Тайного приказа, нередко головы московских стрельцов и стремянные конюхи, также некоторые из стольников и стряпчих (М. Головин, К. Яковлев). Роль этих посредников далеко не ограничивается простой передачей царских указов или ответных донесений. Иногда они довольно долго остаются на месте их командировки, получая из Приказа дальнейшие распоряжения и от себя посылая туда донесения с гонцами. Тому же например Ю. Никифорову посылается из Тайного приказа грамота уже по приезде его к Ордину-Нащокину. Царю «ведомо учинилось», что Афанасий Лаврентьевич, считая себя скомпрометированным отъездом сына за границу, о государевых делах с шведскими комиссарами «съезжатца втайне не смеет», и подьячему поручается «говорить» Ордину-Нащокину, «чтоб он... с свейскими комиссарами съезжался

[1] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела польские, 1664 г., № 4; ср. там же, 1662 г., № 7.
[2] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела шведские, 1659 г., № 5.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 166, л. 102 и 112—118.

явно и в тай и о совершении вечного миру радел». С этой же грамотой посылается Ю. Никифорову из Приказа «письмо». «И тебе, — говорится дальше,—про то письмо ему сказат, а письмо привесть к Москве с собою». В деле находим еще две отписки подьячего в Приказ — одну об исполнении поручения, другую — о том, что говорил ему Ордин-Нащокин по разным пунктам наказа [1]. В 1762—63 г. Гр. Б. Нащокина, ездившего с дипломатической миссией к датскому королю в «Капнагав», сопровождал, как бывало и в других подобных случаях, подьячий Тайного приказа Ф. Казанец. Состоя при после, он находится в то же время в самостоятельных сношениях с Приказом, посылает например в Приказ подробное описание путешествия и приема посольства. Между прочим подьячий сообщает, что послы были у короля и «речь, что послана ис Приказу Тайных дел, говорили». «И к тебе ж, великому государю, — рассказывается дальше, — дацкой король послал з Григорьем (Нащокиным) две ж грамоты, и с тех, государь, грамот королевский секретарь дал мне, холопу твоему, списки, и те, государь, списки к тебе, великому государю, послал я, холоп твой, с сею отпиской» [2]. Очевидно, государь считал не лишними при официальных представителях глаза и уши человека из своего Приказа. Как мы знаем, своим человеком в Приказе был стрелецкий голова Ю. Лутохин, и этим объясняется щекотливое поручение, данное ему в 1669 г. по отношению к Ордину-Нащокину. Тогда уже вполне обозначилось расхождение во взглядах между царем и знаменитым дипломатом, и Ю. Лутохин должен был допросить последнего по некоторым пунктам его дипломатической деятельности, в результате чего была представлена в Тайный приказ «тетрадь» под следующим заголовком: «По государеву цареву (т.) указу о его царского величества делех спрашивал Афанасья стряпчей и голова московских стрелцов Юрья Петрович Лутохин, и те вопросы писаны статьями, а против всякие статьи под теми ж числами писан ответ» [3]. Помимо специальных поручений, как в приведенных случаях, государевым «посланникам» иногда прямо ставилось в обязанность собирать сведения более общего характера — о положении дел в том районе, куда они командировались. «Статьи», по которым подьячий Кирилл (Демидов) должен был излагать волю государя кн. Б. А. Репнину в Смоленске, заканчиваются например следующим

---

[1] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела шведские; 1660 г., № 3.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 214, л. 29—33.
[3] Там же.

общим наставлением: «Кирилу ж, едучи дорогою и будучи в полку боярина и воеводы, про збор полских и литовских людей и про всякие вести проведывать и порох, который послан из Смоленска в Полоцк, а ис Полоцка в полк к боярину и воеводам, где ныне? и чтоб тот порох к боярину и воеводам везли на спех»[1] Посылавшийся с «статьями» к Ордину-Нащокину Царевичев-Дмитриев подьячий Тайного приказа Артемий (Степанов) должен был вместе с тем «солдатов, которые присланы из Псковского уезду (и среди которых происходили волнения), роспросить изо всякого села и деревни по одному лутчему человеку, для чего они из Лифлянт бегают и чем то укрепит, чтоб им впред не бегат»[2]. Иногда подобные поручения обставлялись согласно требованиям строгой конспирации. Однажды «взяли в Верх» стадных (конюхов) Мишку Алексеева, Зинку Григорьева, Ваську Мясоедова и там объявили им, что они должны ехать во главе с задворным конюхом Максимом Голиковым в Астрахань. Голикову даны были затем статьи, в которых разъяснялась цель поездки и преподавались приемы действий:

«1. Приехав в Астрахань сказатца, что прислан для проведывания кизылбаских купчин и для всяких покупок. И быт в Астрахани, покаместа Яков Безобразов с ратными людми на Яик пойдет.

2. А как Яков Безобразов с ратными людми на Яик пойдет, и ему быт у него ж, Якова, в полку, и проведат подлинно, сколко с ним, Яковом, послано будет ратных людей и которого числа из Астрахани пойдут, а проведав, о том отписат тотчас, а с отпискою прислат стадного конюха наскоро.

3. А как начнут с казаками сходитца и что у них какова промыслу будет, о том отписат и с отпискою прислат другого стадного конюха.

4. А как на весне учинятца бои и после боев что объявитца, о том отписат и отписка прислат с третьим стадным конюхом...

5. А писати б отписки тайно, чтоб нихто не ведал, и спросят, и ему сказыват, что пишет про кизылбаских купчин и о покупке товаров.

6. А самому ему ехат к Москве с последними самыми вестьми, что учнетца у государевых ратных людей с воровскими казаками [рукой дьяка Ф. Михайлова], и не дождався подлинных последних вестей, не ездит»[3].

---

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 497, л. 133.
[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 166, л. 167.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ср., № 610, л. 18—19.

Одновременно с тем астраханскому воеводе боярину И. А. Хилкову послана была из Тайного приказа государева грамота, в которой писалось: «По нашему, великого государя, указу послан с Москвы в Астрахань для проведыванья кизылбаских купчин и для всяких покупок задворной конюх Максим Голиков, да с ним стадных конюхов три человека. И... как ты, боярин наш, учнеш посылат на Яик товарыща своего Якова Безобразова с ратными людми, и задворному конюху Максиму Голикову велети-быти у него, Якова, в полку и дат ему подводы по расмотренью, а Якову Безобразову приказати б тебе, чтоб он, Яков, и ратные наши люди с казаками бились всякими вымыслы...» [1]. Повидимому у государевых воевод появление посланца из Приказа со свитой конюхов вызывало подозрения, и потому желание замаскировать подлинный смысл того, зачем они ездят, заметно и в других случаях. Так, подьячему Тайного приказа Артемону (Афанасьеву), посылавшемуся со статьями к кн. И. И. Лобанову-Ростовскому и стольнику С. Змееву, предписывалось: «а недоезжая полков, оставить стряпчево конюха, где мочно, и, учетчи дни, велеть ему за собою пригнать, бутто с Москвы гонец к нему, Артемону» [2]. Свои наблюдения все эти лица сообщали не только в форме отписок, а и устно в Тайном приказе, — вероятно, так даже чаще. Сохранились например показания стряпчего конюха, возившего государеву грамоту в Царевичев-Дмитриев к Ордину-Нащокину; записаны они дьяком Д. Башмаковым и были без сомнения представлены государю. Вот начало и несколько статей из документа: «166-го апреля в 9 де(нь) стряпчий конюх Любим Ерохов в роспросе сказал: которая де государева грамота послана была с ним в Царевичев-Дмитреев к воеводе к Офонасью Нащокину, и он ему отдал и в Царевичеве-Дмитрееве был толко два дни... А вестей де никаких не слыхал. А ратных людей много, а сколко числом, о том не ведает. Да ис Полоцка де и из Витебска мещаня есть ж, а пришли де при нем, Любиме. И Офонасей де Нащокин говорит, что присланы те люди поздно; а толко де присланы бы они были по зиме, и над Ригою б де промыслу было чаят, а ныне де им делат нечево. А хлебом де и сеном в Царевиче-Дмитрееве не скудно, толко соли нет» [3], и т. д. Сведения, сообщенные в Приказе каким-то Кириллом (вероятно Демидовым, подьячим Тайного приказа), должны были дать характеристику боевого состояния не-

[1] Там же, л. 25 и 29.
[2] Г. А., XXVII, № 166, л. 202.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 279, л. 22.

скольких неприятельских городов — Ковны, Гродны и Бреста — и записаны в такой форме: «В Ковне ратных людей з 200 ч. А хлебных запасов, сказывали, много, а сколко,— того не ведает. А город крепок, — сказывают, приступом зделат нечево, а иного ничево про тот город не ведает...» В конце — новый предмет наблюдений: «как де он, Кирило, был в посылке, и в тамошних городех и в уездех хлеб покупали чет ржи в московскую меру в 2 рубли и менши» [1]

Нетрудно видеть, как близко все это подходит к той картине, которая в общих чертах набросана Котошихиным, когда он характеризует Тайный приказ: «а посылаются того приказу подъячие с послами в государства, и на посолские съезды, и в войну с воеводами, и для того, что послы в своих посолствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в розговорных речах,... а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми, и те подъячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают» [2].

По мере расширения деятельности государя, осуществляемой через Тайный приказ, понятие «тайные дела» получает все более формальный характер. Дела, которые могли быть названы тайными и по существу, т. е. по их значению в государственной жизни, зачастую оказывались в силу связности последней, переплетенными с делами совершенно второстепенными, которые должны были подлежать ведению подчиненных учреждений и тем не менее, становясь по указанной причине предметом внимания государя, втягивались в ведомство Тайного приказа. Этим неизбежно создавались особые, с трудом поддающиеся уяснению, отношения между Тайным и остальными приказами, в особенности теми, сфера компетенции которых затрагивалась им чаще и шире, т. е. Посольским приказом и военными приказами, из последних прежде всего конечно Разрядом.

Сравнительно яснее представляются отношения Тайного приказа к Посольскому. Повидимому в области посольских дел существовало известное, более или менее выдерживавшееся, разграничение сферы действия того и другого учреждения. Через Тайный приказ государь осуществляет свою руководящую роль только в важнейших моментах дипломатических переговоров, давая указания по преимуществу для окончательных решений. К такому заключению можно притти, сравнивая «большой» и «тайный» наказы в том случае, когда оба сохранились: обыкновенно в наказе

---

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 323, л. 120.
[2] Котошихин, цит. соч., стр. 85.

из Тайного приказа (тайном) излагаются статьи, на которых договор мог быть заключен в крайнем случае, «по конечной мере», когда исчерпаны все средства добиться более выгодных условий и оставалось, по выражению одного из наказов, «за тем чаять разъезду на обе стороны без совершения доброго дела»[1]. Такое именно соотношение иногда формулируется в самых наказах из Тайного приказа: прямое предписание в этом смысле содержит например наказ Ордину-Нащокину, данный в 1662 г., — «в посольских делах делать по большому наказу, каков ему дан ис Посольского приказу, а по последнему намерению делать ему по сему тайному наказу»[2]. Более сложное положение создавалось в области военного управления, той самой, где зародился и с наибольшим постоянством действовал Тайный приказ. Здесь с особой принудительностью связь событий приводила к расширению его ведомства, и независимо от того именно в применении к военным распоряжениям наибольшую целесообразность имела авторитетность, какую обеспечивала им подпись дьяка Тайных дел. Формально Разряд действует на прежних основаниях: как всегда, к нему поступают отписки воевод, и разрядной думный дьяк докладывает по ним, когда находит это нужным, государю, кладя тут же на докладах и пометы; в Разряд же время от времени передаются к исполнению на местах именные царские указы. Неприкосновенность компетенции Разряда иногда даже подчеркивается государем. Когда боярин В. Б. Шереметев просил (в 1660 г.), чтобы государь пожаловал его — указал «о всяких делех писат мимо Разряду» в Тайный приказ, ссылаясь на то, что разрядный дьяк «его отписки под стол мечет, а великого государя по них не докладывает», ему ответили, что «для верной и многой службы» его государь указал «писат в Приказ Тайных дел, и в Разряд о том писат же». Смысл просьбы Шереметева не в том, чтобы ему вообще позволено было писать в Тайный приказ, — на этот счет он еще в июне 1658 г. имел прямое предписание: «а что у тебя учнет делатца, и ты б о том писал к нам, великому государю, в Приказ наших тайных дел»[3], — но, известный своим высокомерием, боярин хотел бы «о всяких делех» писать в Тайный приказ и только туда, чтобы совсем выйти из подчинения Разряду, и в ответ получил от государя в милостивой форме отпор. Уже этот случай показывает однако, что Тайный приказ, усвоив себе инициативу, вместе тем и в те-

[1] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела польские, 1658 г., № 7.
[2] Там же, Дела польские, 1662 г., № 27.
[3] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 602, л. 54

кущих делах становился как бы в конкурирующее положение по отношению к Разряду.

Шереметев был не единственный воевода, которому приходилось иметь дело одновременно и с Разрядом и с Тайным приказом. «А что учнетца делат, и о том писат к великому государю в Розряд и в Приказ Тайных дел почасту»[1], так формулируется и в других государевых наказах соотношение обоих учреждений, и среди подлинных документов действительно не редкость встретить воеводские отписки, или совсем одинаковые или близкие по содержанию, направляемые одновременно и в Разряд и в Тайный приказ[2]. В некоторых случаях государь требует только извещений, не указывая, по какому адресу следует их посылать, и как будто предоставляя выбор воеводе: «а что у тебя учнет делатца, или что от кого каких вестей объявится, и вы б писали о том к нам»[3]. Известное ограничение в кругу не лиц, которые могли писать в Тайный приказ, а предметов, с которыми следовало туда обращаться, несомненно всегда предполагалось в принципе, хотя устанавливалось повидимому не указом, а тактом воевод. Круг самих корреспондентов Тайного приказа на протяжении описываемого периода во всяком случае остается очень разнообразным: сюда пишут и лица знатные, как Ю. А. Долгорукий, И. А. Хованский, Н. и Г. Гагарины, И. И. Лобанов-Ростовский, Гр. и Ф. Куракины, П. А. Долгорукий, Б. А. Репнин, Г. Г. Ромодановский, Ю. Н. Барятинский, И. П. Пронский, А. Л. Ордин-Нащокин, А. Бутурлин, Д. Мышецкий, Д. С. Великого-Гагин, С. Вельяминов, и рядовые служилые люди, как Н. Львов, Д. Давыдов, Т. Сафонов, И. Ржевский, И. Захаров, К. Хлопов, И. Батюшков, И. Коробьин, И. Чаадаев, М. Боучаров, Д. Хомяков, С. Карцев, И. Козловский, С. Пальчиков и др. Свобода обращения к государю через Тайный приказ не расстраивает однако порядка в деятельности Разряда, потому что между обоими учреждениями производится своего рода обмен сведениями. Очень часто, если только не всегда, отписка с театра военных действий, поступающая в Тайный приказ, передается в Разряд, где снимают с нее копию («список») или делают «выписку», — и обратно. На отписках же или «списках» делались обыкновенно и соответствующие пометки, например: «списать ту отписку в Розряде, а подлинную взять в столп», такого-то числа «принес в Розряд Приказу Тайных дел подъячей» та-

[1] Гафкэ, А. М. Ю, Моск. ст., № 352, л. 14, 22; ср. А. М. Г., т. III, № 133, 183, 491.

[2] А. М. Г., т. III, 54, 55, 68, 112, 144, 552 и др.

[3] Там же, № 385; Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 352, л. 46, 62—63, 66.

кой-то, «отдана из Тайного приказу», «прислана в Розряд сверху», или: «таков список взят из Розряду», «списана», «списана и чтена» [1] и т. п. Отсюда понятно, каким образом на отписки, адресованные в Тайный приказ, могли отвечать из Разряда или вместо Разряда слал государеву грамоту Тайный приказ [2]. Часто, может быть в большинстве случаев, Разряду сообщаются и государевы указы, посылаемые на места из Тайного приказа. Так, под черновиком государева указа Б. А. Репнину о заготовке хлебных запасов к приходу Хованского помечено: «таково писмо для ведома дано в Розряд, а отдал Артемей Степанов (подьячий Тайного приказа), а сказал, что отдал Федору Никитичу» [3], или в другом подобном случае: «такова великого государя грамота ис Приказу Тайных дел апреля в 5 д. нынешнего 172-го году снесена ис Приказу Тайных дел и списана с чорной для ведома, а подлинную чорную взял в верх подъячей Семен Медведев» [4]. Иногда государев указ объявляется в Разряде кем-либо из подьячих Тайного приказа словесно. «Такова государева грамота, — читаем например в помете, — послана по указу думного дьяка Семена Заборовского, а с тем указом приходил из Приказу Тайных дел подъячей Артемей... словесно» [5], или же, случилось, грамота приносилась в Разряд из Тайного приказа уже написанной [6]; но и наоборот: грамоту, составленную в первом, посылает второй, отмечая ее в своих записных книгах» [7]. При таких условиях Разряд сохраняет свою компетенцию, но стеснен в ее осуществлении и вынужден в своей деятельности сообразоваться с тем, что делается Тайным приказом: в Разряд прислан например именной государев указ, и разрядной дьяк помечает на нем: «169-го октября в 11 де(нь). Справясь о том с Приказом Тайных дел, будет таков государев указ в Смоленск о том послан, и сей государев указ записать в Розряде в записную книгу нынешнего 169-го году, а будет не послан, и о том по сему великого государя указу послать грамоты тотчас без мотчанья» [8].

Какие указы будут посланы из Тайного приказа и какие из Разряда, это в каждом отдельном случае решает, может

[1] Гафкэ. А. М. Ю., Белгор. ст., № 468, л. 301; Новгор. ст., № 165, л. 17, № 304, л. 304; А. М. Г., т. II, № 1145; т. III, № 79, 104, 112, 204, 216, 220, 223, 230, 233, 234, 236, 266, 470, 492 и др.

[2] Гафкэ А. М. Г., т. III, № 59. 558.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 1666, л. 244.

[4] Гафкэ, А. М. Ю., Новгор. ст., № 297, л. 78.

[5] А. М. Г., т. III, № 664; ср. № 213, 332, 529, 663.

[6] А. М. Г., т. III, № 159, 183, 292, 339, 396.

[7] Р. И. Б., т. 21, стр. 979, 994, 1005.

[8] А. М. Г., т. III, № 191.

быть, сам государь. Через Тайный приказ государь руководит иногда обширными и притом совершенно нейтральными операциями. Так, командированные в 1658 г. на театр военных действий с целью организовать снабжение войск хлебными и боевыми запасами стольник К. Щербатов и подьячий Тайного приказа Ф. Казанец все время находятся в сношениях с Тайным приказом, и в сохранившейся обширной переписке их с последним по этому делу мы лишь изредка встречаем упоминание о Разряде [1]. Точно так же Приказ исключительно один ведет другое сложное предприятие — организацию десятинной пашни в трех пунктах, близких к военной окраине, — на Веневе, в Дедилове и Богородицком, и также — в целях снабжения армии [2]. Из операций второстепенного значения, производившихся анало-

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 1091, столпик 3, л. 1—237.

[2] Попытка завести казенное пашенное хозяйство в районе «польских» городов в целях образования постоянных запасов для армии сделана была впервые, как известно, Борисом Годуновым, и с известным успехом: десятинная пашня заведена была в Ельце, на Воронеже, в Белгороде, Курске, Осколе и других городах, причем пахали «тутошние жилецкие всякие люди». С того однако времени, как «почела быть от Ростриги смута», некоторые из городов «по многие годы были в смуте и в непослушанье», и казенная запашка здесь почти прекратилась. С 1615—16 г. правительство Михаила Федоровича принимает меры к ее восстановлению, но встречается с упорным «непослушаньем» местных жителей, хотя размеры пашни были уменьшены наполовину (вместо 200 дес. в поле по 100 дес. на город). Осколяне например писали государю в челобитной, что они «от той десятинной пашни в конец погибли», и просили вместо пашни «имать отсыпной хлеб». В то же время государевой грамотой в Белгород констатируется (в 1635—36 г.,) что «рож и яровой всякой хлеб у белогородцев родится и умолотом не малой, а на наших десятинах рож и овес родится с малым умолотом; и то, — догадываются в грамоте, — знатно, что белогородцы... десятинною пашню пашут не во время... испустя пашенную пору, да и десятинной хлеб жнут не во время». В результате пришлось в некоторых городах заменить десятинную пашню отсыпным хлебом, но от того положение стало немногим лучше: в Курске например не собиралось и половины назначенного количества хлеба, а в Белгороде и того хуже: там, как доносил местный воевода, «десятинного хлеба не пашут и отсыпного хлеба за десятинную пашню не отсыпают». (Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 693, л. 1—27, 240—250, 305—309, 436—441). О печальном состоянии хлебных запасов, составлявшихся путем сбора отсыпного хлеба во многих других городах, также имеются очень выразительные документы, часть которых опубликована Новомбергским («Очерки внутреннего управления Московской Руси XVII в.»). Организация пашенного хозяйства в Дедилове, в Веневе и в Богородицком вызвана была, надо думать, желанием Алексея Михайловича улучшить самую постановку дела. Неудовлетворительность предыдущих опытов объяснялась частью «нерадением и оплошкой» местной администрации, частью особенностями хозяйственных приемов, основанных на принудительном привлечении местных служилых людей разных видов к работам. Первую причину

гичным способом, можно указать командировку стольника Алфимова (в 1658 г.) в Костромской у. для сбора хлебных запасов с монастырских владений [1]. Но нередко следом за указом из Разряда, даже одновременно с ним и по тому же поводу, посылается указ из Тайного приказа. Из сопоставления таких указов можно видеть в некоторых случаях, чем вызывалось подобное удвоение одного и того же акта. В одних случаях грамоты из Тайного приказа содержат в себе добавления или разъяснения секретного характера. Кн. Г.Г. Ромодановскому сообщается например Приказом, что согласно посылаемой одновременно государевой грамоте из Разряда он должен будет отправить из Белгорода в Гродно 500 рейтар с полуполковником, и делается предположение, которого в разрядной грамоте нет: «будет он, полуполковник, добр и с полк ево будет и будет он не полской породы; а будет он, полуполковник, природы полской, и ты б в ево место послал полковника ис пеших полков» [2]. Или другой пример: тому же Ромодановскому велено было по государеву указу и наказу из Разряда итти с ратными людьми в Гродно, где в то время происходили мирные переговоры с поляками, оче-

---

царь думал, очевидно, устранить, лично руководя предприятием через Тайный приказ, а вторую — путем применения иной хозяйственной организации. Назначенный в Дедилов воеводой С. Карцев должен был, согласно наказу из Тайного приказа (от 14 мая 1659 г.), «будучи на Дедилове, рассмотреть порозжих и угожих земель и сенных покосов и рыбных ловель и всяких угодей, и обыскат, где б мочно поселит крестьян 200 семей дворами» и «на угодной порозжей земле посеять яровова хлеба 200 десятин нынешним летом». Устроивши все в Дедилове, Карцев должен был то же самое сделать в Веневе. (Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., столпик 2, л. 8—73.) Гор Богородицкой основывается с той же целью несколько позли в 1662 г. Об его устройстве — см. Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 512, 531, 536, 678. Это предприятие в разных местах имело не одинаковый исход. От Венева пришлось отказаться; на Дедилове работы шли вяло. Причина одна и та же: хотя наказом и предписывалось Карцеву «поселить крестьян 200 семей» там и здесь, однако, пока их искали, приходилось пользоваться принудительным трудом служилых людей. Реакция получилась обычная: «и веневцы, государь, всяких чинов люди, — доносил, например в Тайный приказ веневский воевода М. Боучаров, — не хотя твоего великого государя хлеба ржи и овса молотить... пришли ко мне, холопу твоему, на гумно гилем и з болшим шумом и в хлебной молотьбе отказали». (Гафкэ, А М. Ю., Из неоп. столб. Преображенского приказа.) Яркая картина такого же «непослушания» служилых людей из городов Епифани, Данкова, Ефремова, Михайлова, Крапивны и др., привлекавшихся на работы в Дедилов и Богородицкой, рисуется в отписках дедиловского воеводы Д. Хомякова. (Гафкэ, А. М. Ю., Белогор. ст., № 512, л. 1—11.) Дедилов в 1662 г. отошел к Разряду, а Богородицкой остался за Тайным приказом.

[1] Чтения в О. И. и Д. Р., 1894 г., кн. 3.

[2] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 602, л. 156—160.

видно, для придания большего веса речам московских послов; но потом решение было изменено, и новой грамотой из Разряда Ромодановскому предписывалось, чтобы он «ту гродненскую статью отставил и по ней ничего не делал». Однако вместе с этой грамотой воевода получил еще указ из Тайного приказа, содержавший дополнительные распоряжения. «Как к тебе ся наша великого государя грамота придет, — значилось там, — и ты б отписал от себя в Гродно и послал в станицу наскоро, что бутто велено тебе с нашими великого государя ратными людми и с черкасы итти в Гродно... для обереганья наших великих и полномочных послов». Конечно этот маневр имел смысл только при строгом соблюдении секрета, и отсюда дальнейшее требование указа: «а прочет бы еси сию нашу великого государя грамоту, и зжех сам, чтоб окроме тебя никому про то не ведать»[1]. Иногда Тайный приказ своим указом подтверждает распоряжение, уже посланное из Разряда, в расчете побудить воеводу к скорейшему исполнению: «боярину и воеводе князю Ивану Борисовичу Репнину говорить, чтобы по указу великого государя и по грамоте из Разряду... он хлебные запасы... отпускал ис Полоцка тотчас безо всякого мотчанья»[2]. Можно, наконец, встретить в грамотах из Тайного приказа общие, принципиальные разъяснения, как воеводы должны понимать это двойное руководство, например, в грамоте И. А. Хованскому читаем: «посланы к тебе, боярину нашему и воеводам, наши великого государя грамоты — одна из Розряду, а другая ис Приказу наших великого государя тайных дел. И... ты б божие и наше великого государя дело делал по нашей великого государя грамоте из Розряду, а болши смотрел по нашей великого государя грамоте из Приказу наших великого государя тайных дел»[3].

Так объясняется множество специально разрядных дел, найденных ликвидационной комиссией в архиве Тайного приказа. В большинстве по своему содержанию они не подходят под понятие тайных дел, почему комиссия, может быть, и не решилась описать их под рубрикой «дела Приказу Тайных дел»[4]; но они должны были проходить через Приказ по свойству поставленной ему задачи, как она практически определялась. Благодаря им, работа Приказа конечно осложнялась; однако самые приемы ее, кажется, в существенном не изменились. Правда, относящиеся к этой категории грамоты и указы лишены того индивидуального

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 602, л. 105—106.
[2] Г. А., XXVII № 166, л. 9.
[3] Гафкэ, А. М. И. Д., Дела шведские, 1659 г., № 5.
[4] См. выше, стр. 245.

отпечатка, по которому в других случаях легко угадывается рука царя, тем не менее излагающиеся в них распоряжения всегда, можно думать, исходили от него. Это можно увидеть в распоряжениях, делавшихся во время потешных походов царя. Например подьячий Ю. Никифоров пишет из с. Покровского, куда он сопровождал государя, дьяку Д. Башмакову: «Дементей, государь, Минич! Указал великии государь послати в Белгород пороху 1 000 пуд ручново да 500 пуд пушечново. А положити тот порох на подводу по 15 пуд. А которые, государь, бочки по 12 и по 13 и по 14 пуд, и к тем, государь, бочкам докладыват в 15 пуд порохом же в мелких бочках или в мехах коженых», — дальше излагаются личные указания государя о нагрузке пороха и числе подвод, т. е. о таких предметах, которыми во всяком другом приказе без сомнения распорядились бы, вовсе и не докладывая государю. В том же письме подьячего рисуется и тот официальный путь, который проходили государевы грамоты в подобных случаях, прежде чем выйти из Приказа по своему назначению. «А вместо, государь, Данилы Войнова, — продолжает подьячий, — указал государь боярину князю Б. А. Репнину с товарищи послати с казною в Белгород, ково пригож, и о том ево государева грамота послана к тебе, и ты, государь, извол тое государеву грамоту высмотря отпустит». Таким образом грамота, составленная подьячим в с. Покровском по непосредственным указаниям царя, окончательно редактируется дьяком Тайных дел в Приказе и отсюда отправляется к месту назначения; однако сделанная в конце ее пометка должна свидетельствовать об ее действительном источнике: «писан в нашем великого государя селе Покровском в наших царских хоромех»[1].

Аналогичные отношения устанавливаются между Тайным приказом и другими военными приказами — Стрелецким, Рейтарским и Иноземским, с тем, может быть, различием, что определяются они не столько его распорядительной ролью, сколько осведомительными целями. Как видно из описи, в Тайный приказ довольно регулярно представлялись из перечисленных приказов списки ратных людей соответствующих разрядов, поручные записи по ним, книги «о сыску» беглых, последние особенно в большом количестве. А в той мере, в какой организация военных сил требует особой энергии или выдвигает новые потребности в военном деле, Приказ, оставаясь верным своему основному назначению, выполняет и активную роль. Под его непосредственным руководством производятся иногда от начала до

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 602, л. 125—127.

конца сыска беглых солдат и стрельцов [1], а также розыски о злоупотреблениях «начальных людей» при наборах [2]; наиболее же обычная его функция в этой области — систематическая вербовка иностранных ратных людей, начальных и рядовых, иногда целыми полками, через специальных комиссионеров, как Гебдон и Фан-Горн, и производимые через них же закупки у иностранных коммерсантов часто в огромных количествах «зелья пищальнаго» и разных видов оружия — пушек, мушкетов, «спис, и ольстр, и банделеров» [3]. Близким участием Приказа в этих операциях объясняется и тот уже известный нам факт, что из его средств, а вернее сказать, через него получают в течение известного времени денежное жалованье некоторые солдатские полки и мастера Гранатного двора.

Рядом с военными и дипломатическими делами в архиве Тайного приказа оказались в довольно значительном количестве дела по общему управлению, о которых (за описываемый период) мы узнаем уже не из записных книг, а из описи. Среди них самой крупной является группа дел по челобитьям. Значит, надо предполагать, что через Тайный приказ царь осуществлял свое участие и в области суда мимо других учреждений, как и в области военного управления и дипломатии.

Мы знаем, что на первых порах царствования у царя, проводившего большую часть времени в развлечениях и удовольствиях, было мало охоты близко входить в дела управления, и им изобретена была даже особая тактика с целью избавиться от докуки челобитчиков, как писал своему игумену стряпчий Прилуцкого монастыря, которого приказная волокита целые годы держала в Москве: «да ныне (в 1645 г.) государь все в походех (разумеется, потешных) и на мало живет (т. е. в Москве), как и воцарился; а се будет поход в Можайск; а где поход ни скажут государев, и он, государь, не в ту сторону поидет» [4]. Но перемена обозначилась повидимому довольно скоро, и — любопытное совпадение с биографией Грозного! — современники связывали ее с женитьбой царя. «Здесь говорят, — сообщал например своему правительству шведский агент Поммеринг в 1648 г., — что его царское величество после своей свадьбы стал сам

---

[1] Гафкэ. А. М. И. Д., Прик. д. ст. л., 1658 г., № 24, л. 81—86, 110, 129—137.

[2] Там же, № 98; ср. Р. И. Б., т. II, стр. 119—120, 699.

[3] Г. А. XXVII, № 118, ч. I, л. 55, 154—164, 243—261; Р. И. Б., т. 21, стр. 144, 178, 675 и др.

[4] Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище, вып. VI, стр. 100.

выслушивать челобитья и давать по ним резолюции и посвящает этому один час перед обедом»[1]. В действительности едва ли тут имела значение женитьба. Надо думать, в этом случае оказали свое действие события 1648 г., ясно показавшие между прочим, что должна быть легальная отдушина, через которую могло бы находить выход народное недовольство, вместо того чтобы, накопляясь, служить постоянной угрозой взрыва. И налицо был уже и готовый орган, который мог быть такой отдушиной, Челобитенный приказ, куда поступали подававшиеся государю при его выходах челобитные. Если принимать сообщение Поммеринга в полном объеме, можно допустить, что челобитенный дьяк с докладами по челобитьям стал являться лично к государю.

Но какую роль в подобных делах мог играть Тайный приказ? Он не заменил собою Челобитенного приказа, и при нем последний остается органом непосредственного участия верховной власти в отправлении суда, даже становится, видимо, ближе к царю: челобитенный дьяк сопровождает (нельзя только сказать, как часто) государя в потешных походах[2], а еще характернее, что в этой должности мы находим, по росписи 1675 г.[3], лиц, пользовавшихся особым доверием государя: Никиту Насонова, бывшего ранее дьяком Хлебного приказа, и Дементья Башмакова, оставшегося всегда в близких отношениях к Тайному приказу. Нельзя также сказать, чтобы Тайный приказ занял положение, формально аналогичное с Челобитенным приказом. Сюда не было тех путей, какими челобитные попадали в тот Приказ. Как бывало всегда и раньше, поданные царю челобитные и теперь принимали от него сопровождавшие его при выходах челобитенный или думный дьяки, и нет никаких указаний, чтобы привлекался к этому же в обычных условиях дьяк Тайных дел. С другой стороны, челобитчикам, за исключением тех, которые принадлежали к населению подведомственных Тайному приказу владений, был закрыт и непосредственный доступ в Приказ. Из записных книг узнаем например, что «челобитчики вятчане 4 человека», пробовавшие повидимому подать челобитную в Приказ, были, по государеву указу, посажены в тюрьму[4]; и соответствующие инструкции имели, можно думать, приказные сторожа: коломенского ямщика при подобной же

[1] Якубов, Россия и Швеция в первой половине XVII в., Чтения в О. И. и Д. Р., 1898 г., кн. I, стр. 412.
[2] Дворцовые разряды, т. III, стр. 1410.
[3] Там же, стр. 1411.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 984.

попытке сторож Айгустов, — правда, уже несколько превышая вероятно свои полномочия, — по словам челобитчика, «метал из Приказа на земь и был смертным боем»[1]. Тот же вывод следует из одной отписки Ордина-Нащокина. Посылая однажды в Тайный приказ челобитную псковичей, Ордин-Нащокин писал царю: «Великий государь! Своего царского величества праведного гневу на меня, холопа своего, не вели положить, что челобитная с памятми и со статьями не в Новгородскую четь, но в Приказ Тайных дел послана, для того: во Пскове, государь, велико нестроение меж людми во многих делех, из Новгородские чети дают им грамоты, кто о чем бьет, а по прежним их челобитным за отпуски в Приказе не стоят»[2]. Со стороны человека, имевшего прямое предписание от царя писать в Тайный приказ «о всяких делех», извинения и оговорки в настоящем случае могут означать одно: он знал, что, посылая прямо в Приказ челобитные, позволяет себе нарушение порядка.

Очевидно, что Тайный приказ не предназначался к тому, чтобы служить, подобно Челобитенному, органом непосредственного соприкосновения между верховной властью и населением в осуществлении правосудия и следовательно не был конкурентом для Челобитенного приказа. Но царь мог и по собственной инициативе брать на свое рассмотрение челобитные, как и судные дела, до того момента производившиеся в обычном порядке, и давать им дальнейшее движение через Тайный приказ. Сохранившиеся в самих документах следы того действительного пути, которым они попадали в Приказ, подтверждают это предположение: повидимому дела поступали в Приказ, по общему правилу, из других приказов, в том числе и Челобитенного, а иногда пройдя уже Боярскую думу. Отсюда на некоторых челобитных остались по две дьяческих пометы: одна — думного дьяка, другая — дьяка Тайных дел. Так, на челобитной новгородского митрополита Макария о возвращении в домовую софийскую казну взятых оттуда в новгородскую съезжую избу 700 руб. вверху (на обороте) помечено: «168-го марта в 25 д. государь пожаловал, велел те денги в домовую казну Великого Новгорода отдат боярину князю Григорью Семеновичу Куракину и о том послат грамоту к боярину»; а под этой пометой другая, сделанная Д. Башмаковым: «учинит по помете думного дьяка»[3]. Точно так же на че-

[1] Цит. у Гурлянда, указ. соч. стр. 219.

[2] Доп. к А. И., т. V, № 1, VI; цит. у Гурлянда, который придает документу совсем другой смысл.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 175.

лобитной братии Саввина-Сторожевского монастыря о запрещении поборов с их монастырских «крестьянишек» первая помета: «государь пожаловал, велел», вторая (тоже Д. Башмакова): «166-го марта в 9 д. Учинит по сему государеву указу тотчас»[1]. Ясно, что подтверждением уже состоявшегося решения имелось в виду только обеспечить более правильное и скорое течение дела в дальнейшем. В некоторых случаях этот момент выступает с особенной ясностью. Псковские стрельцы, «выходцы» из шведского плена, бьют государю челом о жалованье «за полонное терпенье»; на их челобитной сначала рукой неизвестного (вероятно думного) дьяка положена резолюция: «166-го июля в 29 де(нь). Государь пожаловал, велел выписат и указ учинит в Розряде околничему Ивану Офонасьевичу Гавреневу», потом уже Д. Башмаковым помечено: «выписать»; тут же, в деле, находим и «выписку» (справку о челобитчиках) и последовавшую затем память из Тайного приказа в Разряд о выдаче «жалованья» просителям[2]. Сохранилось несколько челобитных, помеченных и одним Д. Башмаковым. Как видно из соответствующих указов (или памятей) из Тайного приказа об исполнении, все эти челобитные поданы были государю в с. Покровском[3] и, возможно, в этой обстановке переданы были им вместо челобитенного дьяка дьяку Тайных дел, который затем и делал доклад[4]. Из показаний описи мы знаем, с другой стороны, что во время походов Алексея Михайловича в Польшу к нему посылались из Тайного приказа «выписки ис челобитен». Каких? Без сомнения тех, которые следовало вносить из приказов в думу или к государю и которые в данных условиях иначе оставались бы без решения. Подобные же «выписки» доставлялись государю во время его потешных походов, и он иногда собственноручно подписывал под ними резолюции[5]. Значит, в этих случаях продолжал действовать порядок, установившийся с самого начала существования Приказа.

Не иным путем поступали в Тайный приказ и судные дела. В одном случае сам челобитчик, гостиной сотни тяглец Федор Аврамов, рассказал нам историю своего дела в челобитной, поданной им уже при Федоре Алексеевиче, в 1676 г. По его словам, в 169 г. искал он в Патриаршем разряде на своем зяте Х. Рыльском приданого сестры своей,

---

[1] Там же, № 119, л. 85.

[2] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 119, л. 190—192.

[3] Там же, л. 144—145, 151—152, 156—157, 158—159, 160—161.

[4] О подаче челобитен во время походов см. Котошихин, цит. соч., стр. 104; ср. стр. 101.

[5] Гурлянд, цит, соч., приложение 4.

которая умерла бездетной, и по приказному приговору зять его «был ему, Федору, обвинен». Аврамов однако своего не получил, потому что Рыльский, «не разделався с ним, умре», а «душевные прикащики» умершего путем челобитья добились разрешения продать его имущество, причем «в челобитье своем и иск ево (Ф. Аврамова) утаили». Тогда Аврамов снова бил челом в Патриаршем разряде, который произвел сыск и потребовал от душеприказчиков представления «духовной» Рыльского, причем поданную ими духовную Аврамов объявил «непрямой», и поставленный «для свидетельства той неправой духовной» «отец духовной» завещателя признал подлог. Это было в 174 г. «И по указу великого государя, — сообщается далее, — то ево судное вершеное дело взято в Приказ тайных дел, и по се число (по 184 г.) указу по тому делу не учинено». Челобитчик теперь в третий раз обращается в Патриарший разряд и просит, чтобы «святейший патриарх пожаловал бы ево, велел то судное вершеное дело ис Приказу тайных дел взять в Патриарш розряд»[1]. Из рассказа ясно, что дело было перенесено в Тайный приказ по усмотрению государя, которому оно стало известно по всей вероятности из соответствующего доклада в Боярской думе, куда ввиду спорного характера могло быть внесено Патриаршим разрядом, а, может быть, и из личного доклада, но во всяком случае не по челобитью истца[2]. Имея в виду описанный случай, можно аналогичный ход дел подозревать и вообще там, где опись отмечает

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 807—810, также стр. 527.

[2] Гурлянд, наоборот приводит это дело в доказательство того, что челобитные подавались прямо в Тайный приказ и что последний состоял в непосредственном соприкосновении с населением, которое «рвалось к царю» и этим своим напором вызвало превращение Приказа в «орган высшей справедливости». Вот образцы аргументации автора. Изложенное в тексте дело Ф. А. Аврамова передается следующим образом в его последнем решающем моменте: «душ. приказчики же, путем разных подлогов, доказывали, что расчет был давно закончен; доказательства эти были признаны судом, и Аврамову отказали в иске; Аврамов подал тогда челобитную в Тайный приказ; царь указал: «то судное вершеное дело взять в Приказ тайных дел» (цит. соч., стр. 268). Из сопоставления с подлинником легко убедиться, что в этом изложении дело извращено почти до неузнаваемости. Душеприказчики просто «утаили» иск Аврамова, почему понадобилась и подложная духовная, а главное, в деле нет даже намека на то, что Аврамов подал челобитную именно в Тайный приказ, и вводить в изложение этот момент без всяких оговорок значит, со стороны автора, творить нужные ему исторические факты. С помощью подобных приемов перерабатывается текст описи и в других случаях; ср. например изложенные на 268 стр. дела Скарятина с Стрешневым (Р. И. Б., т. 21, стр. 669) и М. Воропановой с Невежиным (там же, стр. 778—779). В некоторых

участие того или другого приказа в их производстве, например: «дело было в Розряде во 164-м и во 165-м году», или: «судное дело... взято ис Приказу холопья суда во 165-м году»; в одном случае находим заметку: «в-ысподи под делом подписано: подлинное отдано в Розряд» [1], — выходит, в Тайном приказе оставлен только список. Значит, во всех подобных случаях дело велось помимо Тайного приказа и поступало сюда уже вершеным, может быть, для проверки решения, вернее же — для справок при рассмотрении аналогичных дел в самом Приказе. В других случаях дело начиналось в каком-нибудь из приказов или на месте у воеводы простой или изветной челобитной, а «сыскивать» по нему государь указывал из Тайного приказа или, как отмечает опись: «отпуск ему (сыщику) был из Приказу тайных дел» [2]. Чаще всего однако опись обходит этот пункт молчанием, потому что не находит соответствующих указаний в делах: «а ис которого приказу ему (сыщику) отпуск был, того в деле не написано» [3], и по этой вероятно причине она уклонилась от классификации оказавшихся в приказном архиве судных дел, просто выделив их в самостоятельную категорию «сыскных дел» [4] — не по месту производства, а по содержанию.

Но производился ли сыск из Тайного приказа или из какого другого, от этого могла еще зависеть быстрота движения дела, и едва ли менялся в существенном самый результат, так как и в распоряжение Тайного приказа давалось то же самое средство, что и всякому другому Приказу, —

случаях употребляемый Гурляндом прием менее сложен и сводится к тому, что автор вставляет, где ему нужно, в изложении документа термин «Тайный приказ» и получает таким образом требуемый аргумент. Излагая (по архивному материалу) дело Ф. Рахманинова с А. Рахманиновой и ее зятем И. Блудовым, автор — снова беру решающий момент — пишет: «вдова Рахманинова, а главное (!), зять ее, Игнатий Блудов, не стали однако дожидаться, чем кончится дело у воеводы, и подали в Тайный приказ челобитную на Рахманинова», стр. 267). В документе о подаче челобитной в Тайный приказ нет ни слова, а только сказано в приказной «выписке», что «по челобитью» Блудова (и еще одного лица — по другому уже делу) был «послан сыскивать» стрелецкий голова Шишкин (Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 290, столпик 4, л. 141). Шишкин послан был, как делалось довольно часто, «по наряду» из Тайного приказа, но отсюда конечно совершенно не следует, что истец и челобитную свою подавал в Тайный приказ. Между тем автор говорит об этом так решительно, как будто точно воспроизводит данные источника, явно вводя читателя в заблуждение.

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 91, 100, 101, 105.
[2] Там же, стр. 72, 74, 97—98.
[3] Там же, стр. 73, 75, 86.
[4] Там же, стр. 66.

сыщик, вооруженный государевым наказом. Отсюда участие государя в судных делах, поскольку оно осуществлялось через Тайный приказ, может быть, в большей степени выражает собой личный его интерес к тому или другому конкретному делу, чем объективную меру к обеспечению правосудия.

В описанных формах деятельности Тайный приказ резко отличается от приказов обычного типа. У каждого приказа был определенный, отстоявшийся круг дел, в пределах которого он мог действовать с большей или меньшей самостоятельностью. Между тем Тайный приказ ни в одной из областей управления, куда шел за государем, не мог бы обозначить твердой границы своей компетенции, и в то же время внутри этой, всегда колеблющейся, сферы был лишен самостоятельности, поскольку в каждом его акте могла проявляться личная воля государя. Если принципиально каждый приказ есть орган личного управления государя, то по отношению к Тайному это определение может быть признано и фактически исчерпывающим. Отсюда — чрезвычайная разносторонность его ведомства и своеобразие приемов, соответствующие стремлению царя к непосредственности в управлении. Но по мере того как круг дел, вовлекавшихся в сферу ведомства Приказа, в силу логической необходимости расширялся все более и более, должна была возрастать и трудность для государя охватывать все их разнообразие, а вместе с тем создавались условия, при которых деятельность Тайного приказа могла приобрести типичный механический характер. Этого не случилось или, вернее, не случилось в полной мере, потому что в критический момент в постановке деятельности Приказа произведена была важная перемена.

Как отмечалось уже, если судить по записным книгам, главным предметом, на котором сосредоточивается внимание Приказа, становится, начиная приблизительно с 1663 г., хозяйство. Перемена эта значит не просто то, что в составе компетенции Приказа появляется новая отрасль или организуется особое ведомство. Важно еще, что одновременно начинают сокращаться другие его функции и ослабевает непрерывный приток разнообразных дел, которыми он загромождался в предыдущем периоде. Такое наблюдение помимо записных книг поддерживается и описью, которой известно уже сравнительно немного таких дел после 172 г. Эта разгрузка Приказа происходит в разных областях его компетенции не в одно и то же время и начинается с той, где он должен был чувствовать себя наиболее обремененным, — в делах по военному управлению. Согласно записи

от 15 февраля 173 г. в записных книгах в этот день были посланы государевы грамоты в Смоленск, «к боярину и воеводам ко князю Федору Федоровичу Куракину, чтобы впредь о всяких делех кроме тайных писали в Приказы, и в Приказ тайных дел велено писать о самых тайных делех и которые в том Приказе ведомы»[1]. Можно не сомневаться, что подобные же грамоты получили и другие самостоятельные воеводы, и мы вероятно могли бы читать соответствующие записи, если бы записные книги сохранились за весь 173 г. Самая формула, которой должен был на будущее время определяться круг подведомственных Приказу дел, остается как будто прежней; в действительности же она звучит по-новому благодаря усиленному подчеркиванью: «самые тайные дела». Но грамота Куракину выражает собой повидимому только наиболее решительный момент в повороте, начавшемся несколько раньше. Так, мы знаем, что среди разных не-тайных дел Тайный приказ брал по преимуществу на себя организацию продовольствия войск; а в августе 1663 г., вероятно на смену ему, государь указал «учинит в Розряде хлебной стол, а в нем подъячих особо..., и с кого те хлебные запасы збират велено, и зборные списки собрать в тот стол, и с того со всего зделат окладные книги приходу и расходу»[2]. В то же приблизительно время обнаруживается и устранение Приказа от сношений с воеводами по «всяким делам», и непосредственное руководство начинает заменяться систематическим контролем. Так, думается, следует понимать происхождение указа от 18 ноября 1664 г., которым требовалось переписывать в Разряде все вестовые отписки «в тетрати» и присылать эти тетради в Приказ тайных дел[3]; то же требование повторено в указе от 28 февраля 1665 г. с добавлением — «повсядневно»[4]. Мало того, военно-административная деятельность Разряда, стеснявшаяся раньше постоянным вмешательством Тайного приказа, теперь не только восстановляется в прежнем объеме, но рамки ее даже расширяются на счет компетенции некоторых других приказов, в той главным образом части последней, в какой близко соприкасался с ними Тайный приказ: указом от 8 февраля 1665 г. велено было «Белгоротцкого, Севского, Новгоротцкого полков гусарского, рейтарского, драгунского, салдатцкого строев полковников и их полков начальных людей всех ведать в Розряде, и имянам их и что им ево государева жа-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1032.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 545, л. 1—3
[3] Там же, № 520, л. 50.
[4] Там же, Новгор. ст., № 184, л. 34

лованья кормовых денег списки в тетратех... из-Ыноземского приказу послать в Розряд», т. е. вместо Тайного приказа, куда, мы знаем, посылались эти списки раньше. Согласно тому же указу, в Разряде сосредоточивались денежные сборы по таможенным и кабацким откупам в городах Белгородского и Севского полков, ведавшиеся до того времени в Приказе Большого прихода и в Новой чети. «И послать о том, — заканчивался указ, — ево государевы указы в Большой приход и в Новую четь..., да о всем о том в Розряд к думному дьяку Дементью Башмакову» [1].

Дементий Башмаков появляется в это время в Разряде не случайно: при его главным образом участии и произошла совершившаяся перемена. Несомненно это один из наиболее крупных приказных деятелей второй половины XVII в., с которым тесно связаны политические опыты царя Алексея. Простое происхождение и приказная профессия скрыли от нас его личность в ее индивидуальной цельности; но как делец, он хорошо виден из-за той перегородки, которой открытая политическая сцена отделялась от приказных кулис. Изучая дела Тайного приказа и Разряда, исследователь все время, там или здесь, имеет перед глазами эту всегда отчетливо действующую и вместе молчаливую фигуру. Через руки Башмакова прошло невероятное количество всяких бумаг, и мы напрасно стали бы искать в них следов его личных взглядов и интересов; зато массой своей они свидетельствуют, что тут действовала огромная рабочая сила. По твердому размашистому почерку, каким он кладет свои пометы или пишет указы, угадывается решительный характер; а в той легкости, с какой им исправляются черновики подьячих, чувствуется великий мастер приказного стиля, умеющий сразу найти даже для чужой мысли безукоризненно точное выражение. Для царя Алексея, которому редко удавалось написать фразу, не настроив над ней в несколько этажей поправок, это был настоящий клад в качестве личного секретаря. Но Дементий Минич был не просто царский секретарь, а и доверенное лицо, которого царь жаловал близостью, насколько то возможно для приказного. «От царя и великого князя Алексея Михайловича (т.) в нашем государеве имени дьяку Дементью Миничу Башмакову от нас, великого государя, милостивое слово», — начинается необычным в применении к приказному обращением царская грамота Башмакову; и тот в ответ изображает свое отношение к государю: «В твоей, великого государя (т.), грамоте ко мне, холопу твоему, писано твое, ве-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 1029—1032.

ликого государя, милостивое слово. И я, убогой холоп твой, за вашу государскую премногую и пресветлую милость о вашем государеве многолетнем здоровье молю всемилостивого и человеколюбивого бога, и должен молити и работати и до исходу убогой души своей, и по бозе, опричь вас, великих государей, помощи и надежды себе никого не имею»[1]. Убогий холоп, работающий на господина до исхода души своей, был однако уверенным в себе и властным человеком. Заведывавший Записным приказом Т. Кудрявцев однажды просил Башмакова доложить государю о необходимости оставить в Приказе подьячего, которого назначили было «в посылку» с кн. А. Н. Трубецким, — «и Дементей, — записано на докладной выписке Кудрявцева, — мне отказал: не о чем де мне о том докладывать, и велел ево (подьячего) взять»[2]. Когда в Ферапонтовом монастыре получено было из Москвы одно, обидевшее Никона, распоряжение, бывший патриарх с раздражением кричал: «это все делает Дементей Башмаков без государева указу!»[3] «От Тайных дел шиш антихристов», — аттестует Башмакова на своем энергичном языке протопоп Аввакум[4], очевидно чувствовавший в трезвом и деловом дьяке опасного врага для экспансивных ревнителей древнего благочестия. Дементья Минича знают и иностранцы. «Канцелярия секретных дел,—писал например Кунрад фон-Кленк, когда еще Д. Башмаков не был думным дьяком, — находится на верху у его царского величества; в ней председательствует дьяк, или вице-канцлер, имеющий почти столько же значения, как канцлер совета (т. е. Боярской думы), — Дементий Башмаков»[5].

Точно неизвестно, когда Д. Башмаков стал разрядным дьяком; в мае 1664 г. он несомненно был уже в Разряде[6]. Вероятно вместе с новым назначением он получил и звание думного дьяка. В Разряде Башмаков сразу занял исключительное положение. По записным книгам Московского стола за 1664—1666 гг., являющимся, кстати сказать, иллюстрацией его изумительной работоспособности, он действует как полный хозяин в этом учреждении, самостоятельно разрешая самые разнообразные дела по отпискам воевод и совершенно заслоняя собой остальных разрядных дьяков[7]. По докумен-

[1] Гафкэ, А. М. Ю., Моск. ст., № 365. л. 40 и 65.
[2] С. А. Белокуров, О Записном приказе. Чтение в О. И. и Д. Р., 1900 г., кн. 3, стр. 56.
[3] Соловьев, История России, т. III, стр. 271.
[4] Я. Л. Барсков, Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 197.
[5] «Посольство Кунрада фон-Кленка», изд. Арх. ком., стр. 491.
[6] Воронежские акты, т. III, стр. 72; цит. у Гурлянда.
[7] Р. И. Б., т. 11.

там не заметно, с другой стороны, чтобы при нем долго удерживался и контроль над Разрядом со стороны Тайного приказа: регулярно представлявшиеся в течение некоторого времени тетради с копиями разрядных дел довольно скоро потом перестают упоминаться, если только не их разумеет опись под глухим заголовком «столп разрядной о всяких полковых и о вестовых делех» 170—177 и 164—181 гг.[1]. Зато после того как Башмаков в июле 1671 г. ушел из Разряда[2], в архиве Тайного приказа разрядные дела снова появляются в довольно значительном количестве, а в 1672 г. в связи с назревавшей тогда войной с крымцами Приказ даже возвращается к знакомой ему роли организатора продовольствия войск, командируя с этой целью на юг своих агентов — двух своих подьячих, одного (П. Оловеникова) бывшего, другого (А. Озерова) настоящего[3]. Состоял дьяком в Разряде, Башмаков не порывает однако связи с Тайным приказом. Он «сказывает» иногда государевы указы, т. е. лично ему переданные государем, в Приказе и продолжает получать государево жалованье то вместе с своим преемником по дьячеству Ф. Михайловым, то в общем составе приказного штата, причем в росписях его имя ставится обыкновенно на первом месте и его доля размерами превышает остальные[4]. Таким образом можно бы сказать, что с переводом Башмакова из Тайного приказа в Разряд государь начинал руководить военными делами по-новому — через управляющего этой частью, наделенного широкими полномочиями и выдвинутого личным доверием к нему царя.

Через Башмакова осуществляется разгрузка Тайного приказа и еще в одном направлении — в области сыскных дел. Направлявшиеся раньше непосредственно в Тайный приказ сыскные дела, начиная приблизительно с 1667—68 г., поступают в особый Сыскной приказ, находящийся в заведывании Башмакова. Так, в указе от 10 февраля 1669 г. стряпчему И. Волохову, производившему сыск над старцами Соловецкого монастыря в Сумском остроге, предписано «отписку подать» и одного из старцев «объявить в приказе Сыскных дел думному нашему дьяку Дементью Башмакову»[5]. Но этот Сыскной и Тайный приказы находят-

---

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 60—62.

[2] Др. Рос. Вивл., т. 20, стр. 370.

[3] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 1212, л. 16—68; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 1565, 1614, 1618.

[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1134—1133, 1141, 1151,1179, 1254—1255, 1274, 1283 и др.

[5] Я. Л. Барсков, цит. соч., стр. 122.

ся между собой в очень тесной связи. Только что названный И. Волохов в своей отписке государю от 28 февраля того же года пишет, изменяя указанный ему адрес: «а отписку велел подать в Приказе тайных дел думскому (?) дьяку Дементью Башмакову»[1]. Это несомненно не ошибка: и в других случаях мы встречаемся с той же терминологией. В январе 1670 г. разрядному подьячему И. Костоусову велено было по государеву указу ехать в Важский уезд, где в одной из деревень он должен был «взять... бабу вдову Улиту Кирилову дочь Щипакова и обыскать у ней на дворе, в хоромех во всех местех коренья и травы и каменья и заговоров на письмах, чем она помогает больным людем от порчи и от уроков и от приток и... ее роспросит, что из них и от какой болезни годно и все ль у ней в дому, или что сверх того в-ыных местех положено и у ково имяны, и где она то все имала и у кого училас или сама ково учила и сколь давно». Это было «царственное» (политическое) дело, так как государи московские — и Алексей Михайлович не меньше остальных — крайне подозрительно относились ко всяким травам и кореньям в руках самородных лекарей и знахарей, — оттого им и заинтересовались «на Верху». И в памяти, данной из Тайного приказа Костоусову, сказано: «а приехав в Москве явитца и отписку подать и вынятое объявит в Приказе тайных дел думному дьяку Дементью Башмакову»; самая память — за приписью того же Башмакова[2]. Точно так же «сыщик» Евсигней Неелов, посылавшийся в 1669 г. «доискатца про воровство» нескольких «оговорных» лиц, велит свои «отписки и оговорным людем росписи» подавать «у твоих великого государя тайных дел дьяку Дементью Башмакову»[3]. Наконец, судя по некоторым делам, Башмаков самым производством сыска в отдельных случаях руководил из Тайного приказа. Когда в Дмитрове несколько человек «тюремных сидельцев» сказали за собой «великого государя царственные и земские дела», то был послан (в октябре 1670 г.) туда «доискиватца в тех делех правды всякими мерами» тот же Евсигней Неелов, причем память ему писана Башмаковым и в памяти предписывается распросные речи «подать в Приказ тайных дел». Почему-то в Дмитров тогда же прислано было «с Москвы» все к тому же сыщику еще 7 «колодников» для допроса в разных «воровствах», и из наказа Неелову, писанного также Башмаковым, узнаем, что эти колодники уже были «распраши-

[1] Там же, стр. 129.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 426, л. 77—148.
[3] Там же, л. 3940 и 68; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 1491—1492, 1545—1546.

ваны и пытаны в Семеновском» (вероятно в присутствии царя) и что отписки из Дмитрова о дальнейшем движении розыска должны подаваться «в Приказе... великого государя тайных дел... государеву думному дьяку Дементью Башмакову»[1]. Таким образом состоявший в ведении Башмакова Сыскной приказ представляется как бы отделением Тайного приказа, и ввиду этой связи неудивительно, что он заслонен последним и в глазах современников и даже в официальных документах. Московский стрелец Матюшка Михайлов объявил за собой (в октябре 1670 г.) «великого государя царственное дело» и в дмитровской съезжей избе показал, будто знакомый его белгородец, гулящий человек Ивашко Филипов, «говорил... про государыню царевну неистовые речи недобрые»; но когда воевода хотел допросить изветчика, какие именно, последний заявил, что «про то он, Матюшка, скажет на Москве в Приказе тайных дел»[2]. И такие же примеры дают в своих записях записные книги: 6 августа 1667 г. «послана, — читаем в одном случае, — государева грамота в Ряской х Карпу Сацыпорову, а велено ему в Рясском оговорного человека Конона Шунина в государеве деле роспрашивать и пытать накрепко; и будет в том деле учнет на кого говорить, и тех людей потому ж роспрашивать; и будет дойдет до пытки, и их пытать; да что станут говорить, о том писать в Приказ тайных дел»[3].

Выделение сыскных дел в ведение Д. Башмакова должно было приобрести особое значение после того, как он стал челобитенным дьяком. Это назначение могло состояться только после 1668 г.[4], но оно до некоторой степени намечено уже в занимаемом им положении дьяка Сыскного приказа, и Башмаков в некоторых случаях фактически выполнял соответствующую функцию. В январе 1669 г. холмогорские и архангельские стрельцы, «играючи на реке», как писал игумен Соловецкого монастыря в Москву «московские службы строителю Иринарху», столкнулись с сумскими монастырскими крестьянами, и с того времеи у них на монастырь «почала и злоба большая бысть». Архимандрит слышал, что стрельцы написали на него заручную челобитную, будто он их «з голоду морит и жалованья не дает», и, желая предупредить неприятные последствия жалобы, пишет Иринарху: «и тебе б бити челом Дементью Миничю и милости у него просить, чтоб он пожаловал, великого государя доложил о московских сотниках и стрельцах, чтоб великий

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 290, л. 4—13.
[2] Там же, л. 1—3.
[3] Р. И. Б., т. 21, стр. 1340—1341.
[4] Дворцовые разряды, т. III, стр. 840.

государь указал хлеб и на сьестные всякие мелкие запасы давать урочное денежное жалованье помесячно»[1]. Соловецкие власти обращаются к Башмакову конечно прежде всего потому, что, как им хорошо было известно, он заведывал сыскными делами в Тайном приказе и был близок к государю[2]. Когда Башмаков стал дьяком Челобитенного приказа, сыскные и челобитенные дела образовали как бы одно ведомство, во главе которого стоял доверенный человек государя; однако политический сыск, привлекающий к себе все большее внимание Алексея Михайловича, повидимому начинает теперь переходить в другие руки.

С начала 70-х годов в делах Тайного приказа появляется имя дьяка Стрелецкого приказа Лариона Иванова. В 1664 г. он еще только начинал приказную карьеру дьяком Оружейной палаты[3]; вслед за тем мы встречаем его среди дьяков Приказа Большого дворца—последним между другими[4], но уже вскоре по назначении в Стрелецкий приказ, не позднее 1670 г., он получает звание думного дьяка[5]. Если документами скудно освещена личность Д. Башмакова, то Л. Иванова помимо приказной его службы они как будто и совсем не знают. Только С. Медведев отзывается о нем мимоходом, правда, довольно веско, в своих записках: «муж в делах гражданских и посольских был разумен»[6], и такой отзыв заставляет думать, что молчание о нем других памятников не есть еще свидетельство его незначительности. В качестве стрелецкого дьяка Л. Иванов становится довольно рано близок к Тайному приказу; в марте 1670 г. ему дается например государева жалованья осмина грецкого гороху — жалованье конечно не великое, но знаменательна комбинация, в которой выступает в этом случае это новое лицо: горох получили патриарх, 2 митрополита, епископ, Б. М. Хитрово, Р. М. Стрешнев, А. И. Матюшкин, ближний стольник И. Б. Троекуров, дьяки Д. Башмаков, Л. Иванов и Ф. Михайлов, несколько наиболее видных стрелецких голов — все очень близкие к государю люди[7]; в другой раз государь жалует Иванова рыбой—стерлядями и, может быть, в еще более выразительной компании — вместе с А. С. Матвеевым

---

[1] Я. Л. Барсков, цит. соч., стр. 138—143.

[2] Сюда, может быть, следует отнести также случаи подачи челобитных через Д. Башмакова, указанные на стр. 271-272.

[3] А. М. Г., т. III, № 660, 667.

[4] Дворцовые разряды, т. III, ст. 839.

[5] Р. И. Б., т. 21, стр. 1535.

[6] «Записки Медведева», стр. 13. В изд. Сахарова «Записки русских людей».

[7] Там же, стр. 1509.

и Д. Полянским, только троих [1]. Из тайного приказа Иванову выдается и денежное жалованье «в приказ», согласно записям приходо-расходных книг, 500 руб. «против прошлых лет», тогда как дьяку Тайных дел (Д. Полянскому) одновременно с ним назначается только 300 руб. [2]. Несомненно, что в близости Л. Иванова к Тайному приказу сказалось возраставшее значение того учреждения, в котором он был дьяком. Установленное указом из Тайного приказа от 1 января 1672 г. сосредоточение в Стрелецком приказе сбора главнейшей по тому времени стрелецкой подати [3], являясь выражением определенной тенденции финансовой политики московского правительства, служит вместе с тем показателем важной политической роли, какую в царствование Алексея Михайловича играет Стрелецкий приказ, и в этом отношении указанная реформа имеет для себя аналогию в состоявшейся несколько раньше передаче таможенных и кабацких сборов из Большого прихода и Новой чети в Разряд. Равным образом самое положение Л. Иванова в Стрелецком приказе представляется аналогичным тому, какое в Разряде занимал Д. Башмаков. Он также — официальный глава учреждения, которым, кстати сказать, раньше всегда управлял кто-нибудь из наиболее близких к царю бояр (например Б. И. Морозов, после него И. Д. Милославский). Конечно внутренние отношения в Стрелецком приказе, как и во всяком другом, отразились в документах очень слабо; но вот например, как описывается в Дворцовых разрядах командировка одного из стрелецких дьяков: «того же (1675) году послан, по указу великого государя, в Боровеск из Стрелецкого приказу от думного дьяка Ларивона Иванова Стрелецкого же приказу дьяк Федор Кузмишев... А велено ему, Федору, обо всем отписываться к Москве..., за своею рукою, к думному дьяку Ларивону Иванову с товарищи» [4], — как видим, формулировка, явно предполагающая субординацию в отношениях между Ивановым, с одной стороны, и остальными дьяками Приказа — с другой. По росписи 1675 г. ему же подчинены: Приказ Великого княжества литовского, Устюжская четь и Хлебный приказ [5]. К концу царствования Л. Иванов все чаще начинает упоминаться в связи с Тайным приказом или просто с тайными делами, а в делах политического сыска совсем, как

[1] «Записки Медведева», стр. 1689.
[2] Р. И. Б., т. 23, стр. 191, 1392.
[3] Там же, т. 21, стр. 1579—1580; ср. П. Н. Милюков, Государственное хозяйство в России, стр. 60.
[4] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1528—1529
[5] Там же, ст. 1412

сказано, заслоняет собой Д. Башмакова. Он ведет например сыск в двух самых крупных делах последних лет — Арины Мусиной-Пушкиной и слепой Феньки [1]; он же посылается в марте 1675 г. из Тайного приказа «для его великого государя тайного дела» в Ферапонтов монастырь [2].

Все это подготовляет нас к тому акту, которым окончательно определяется положение обоих приказных дельцов, Башмакова и Иванова, при царе Алексее и который вместе с тем характеризует собой последнюю стадию в эволюции Тайного приказа. «Того же числа, — читаем в Дворцовых разрядах под 23 мая 1675 г., — сказано, по указу великого государя, сидеть и ведать тайные дела приказу: думным дьяком Челобитенного приказу Дементью Башмакову, да Стрелецкого приказу Ларивону Иванову, да Тайных дел дьяку Ивану Леонтьеву сыну Полянскому, прозвище Данилу». По смыслу записи указом не просто вводятся в состав Тайного приказа два новых дьяка, а путем этой комбинации над прежним учреждением как бы надстраивается другое, уже самостоятельное и по предмету и по форме деятельности, учреждение, специально для заведывания тайными делами, — иначе какой был бы смысл рядом с дьяками, которым, предположим, впервые «сказано» присутствовать в Тайном приказе, ставить в указе и дьяка Тайных дел? Самый термин «тайные дела» в этом случае употреблен повидимому в специальном смысле «царственных», т. е. политических, дел, но ими функции нового «приказа» указ не ограничивает. «Да ему же, думному дьяку Ларивону Иванову, — продолжает запись, — приказано приказные всякие дела по имянному великого государя указу ведать, да с ним дьяку Челебитенного приказу» [3], — другими словами, к тайным присоединяются всякие чрезвычайные дела и таким образом до известной степени восстановляется, только в существенно иной постановке, первоначальная компетенция Тайного приказа. Параллельно с этим и в том же направлении происходят перемены в управлении посольским делом.

Известно, что после заключения Андрусовского перемирия виновник его А. Л. Ордин-Нащокин становится во главе Посольского приказа с громким титулом «царственной большой печати и государственных дел оберегателя». Можно думать, что новый для Москвы титул не был только личным почетным отличием знаменитого дипломата, а обозначал собою новый строй внутренней жизни самого учреждения. Посольский приказ, состоявший до тех пор

[1] Там же, ст. 1288, 1428—1429, 1443, 1452—1453.
[2] Там же, ст. 1289.
[3] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1398—1399.

всегда в заведывании дьяков и действовавший в тесной зависимости от Боярской думы, получал в лице Ордина-Нащокина начальника, более самостоятельного в силу личного доверия к нему государя и фактически являвшегося ответственным перед ним за все направление посольского дела. На этой вероятно почве возникла и борьба посольских дьяков против Ордина-Нащокина, лишь обострявшаяся благодаря строптивому характеру «Лаврентьевича». При таких условиях и Тайный приказ мог служить царю, оставлявшему за собой последнее слово в руководстве дипломатией, по существу только канцелярскими своими средствами. Когда между государем и Ординым-Нащокиным выяснилась безнадежная разница во взглядах, дьяком в Посольский приказ переводится из Разряда (в 1670 г.) — ясно, с какой целью, — Д. Башмаков, и он же потом (в мае 1671 г.) назначается в «товарищи» к Ордину-Нащокину на предполагавшийся тогда съезд в Андрусове [1], в то время как начальником Посольского приказа становится А. С. Матвеев, «верный и избранный голова» московских стрельцов, только с новым назначением получивший чин думного дворянина и сделавший дальнейшее пребывание Башмакова в Посольском приказе излишним. В применении к Матвееву эта позиция, строящаяся на принципе личного доверия, получила особенно яркое выражение. Вот один из очень характерных случаев. Однажды, еще за много раньше до того, как Матвеев стал во главе дипломатического ведомства, именно в октябре 1663 г., происходило заседание ближней думы: «великий государь (т.), — как записано в протоколе заседания, — говорил с бояры в комнате о делех, что писать в тайной наказ думному дворянину Афанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, а ему, будучи у полского короля Яна Казимера, о тех делех говорить при короле или с паны радою». В «комнате» присутствовали виднейшие члены думы: Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, С. Л. Стрешнев, П. М. Салтыков, Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, сам Ордин-Нащокин и думный дьяк Ларион Лопухин, а протокол писал Д. Башмаков. Принятые решения, «что о делех каких статей постановлено», были изложены тут же в ряде пунктов. Однако в деле же находим собственноручную записку государя, по всей вероятности именно к Матвееву, по поводу того, что было на заседании. Посылая вместе и «статьи», царь знакомит адресата с обнаружившимися разногласиями и предлагает:

[1] Об этом у Эйхгорна, отставка А. Л. Ордина-Нащокина. Журн. М. Н. Пр., 1877 г., июнь.

«Вычесть прилежно и выразуметь на 10-ю, на 11-ю и 12-ю статьи о Киеве:

Бояря говорят: будет под Киевом быть съездом, и поляком будет на руку,

А Офонасей говорит, что поляки тому съезду, чтоб быт под Киевом, не будут ради, а ради будут Черкасы» и т. д.

Изложив по такой же схеме еще один пункт разногласия между боярами и «Офонасьем», царь заключает: «И тебе б помысля о том отписать, что ис тово лутче: будет о Киеве написано будет так, как в ответном письме объявлено и на сейме то ответное письмо закрепят, и не будет ли сомнения у Черкас»[1] и т. д. Значит, царь примет окончательное решение после того, как узнает мнение человека, которого ценит, хотя бы оно и разошлось с «постановленными статьями» в думе. В качестве начальника Посольского приказа Матвеев, как и Ордин-Нащокин, стоит между государем и коллегией дьяков. «Того же году, — записывают например в Дворцовых разрядах под 19 мая 1675 г., — пригнал гонец из Киева, начальной человек, от боярина от князь Алексея Андреевича Голицына... с отписки к великому государю к Москве; а на Москве велено ему явиться в Посольском приказе боярину Артемону Сергеевичу Матвееву да думному дьяку Григорью Богданову с товарищи. И думной дьяк Посольского приказу Григорей Богданов докладывал по отпискам боярина Артемона Сергеевича Матвеева, и он, боярин, о том того гонца и с отписками к великому государю в Остров послал»[2]; или в подобном же случае: «и боярин Артемон Сергеевич Матвеев указал думному дьяку Григорью Богданову того гонца послать» к государю[3].

Ввиду всего сказанного не кажется неожиданностью, что иногда мы застаем Матвеева в составе той коллегии, или, как бы может быть сказали в следующем столетии, консилии господ министров по тайным и чрезвычайным делам, которая составилась из трех знакомых нам дьяков. И такой случай описан в тех же Дворцовых разрядах, где под 1 июня 1675 г. читаем: «Прислан был из походу нарочно конюх к Москве к боярину к Артемону Сергеевичу Матвееву да к думному дьяку Стрелецкого приказу к Ларивону Иванову с тем, что указал им великий государь быть к себе, великому государю, в поход на Воробьеву гору тотчас, не

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 128.
[2] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1392.
[3] Там же, ст. 1486—1487, 1505.

мешкав; а посылал по них, по указу великого государя, Тайных дел дьяк Иван Леонтьев сын, прозвище Данило, Полянский. И бояри (имя), да думный дьяк (имя) тотчас поехали в поход к нему, великому государю, и которые отписки прислал из Киева боярин князь Алексей Андреевич Голицын с товарыщи, и те отписки боярин Артемон Сергеевич Матвеев повез с собой в поход к великому государю в доклад»[1]. Но при государе, как видно из Дворцовых же разрядов, безотлучно находился в походе кроме Д. Полянского и Д. Башмаков, так что обыкновенно поступавшие в Посольский приказ отписки посылались из Москвы на имя того или другого[2]; следовательно вызванные к государю Матвеев и Иванов должны были встретиться с обоими на докладе. Не случайно, думается, Матвеев, Иванов и Полянский назначаются иногда государем также вместе для участия в розысках по важнейшим делам[3].

Можно думать все же, что перед нами учреждение, еще не вышедшее из периода формирования, хотя и имевшее в себе данные для развития в будущем. Бросается например в глаза, что все подьячие Тайного приказа, пользовавшиеся наибольшим доверием царя, в конце царствования начинают распределяться по другим приказам в качестве дьяков, не теряя в то же время связи с тем гнездом, откуда вышли; так, по росписи 1675 г. состояли дьяками: Ю. Никифоров — в Приказе Большого дворца, П. Оловенников — в Сибирском приказе, Ф. Казанец — в Мастерской палате, А. Степанов — в Приказе Большой казны, А. Черной — в Конюшенном приказе; но и теперь временами они исполняют поручения из Тайного приказа и оттуда получают иногда государево жалованье[4]. Конечно для подьячего Тайного приказа звание дьяка было естественной ступенью; однако независимо от того проникновение бывших агентов Тайных дел в другие учреждения могло явиться особым моментом в развитии намечавшейся системы. С другой стороны, появление при государе совета чисто бюрократического характера делало еще более неясным и даже фальшивым положение аристократической думы, попрежнему привлекавшейся в составе «ближних людей» к участию в важных государственных вопросах, а в то же время по действительному значению близкой к превращению в историческую декорацию. И здесь ближайшему будущему предстояло выработать, может быть, более определенные отношения.

[1] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1429, 1430.
[2] Там же, ст. 1459—1462, 1465, 1477, 1483, 1487, 1500, 1505, 1523 и др.
[3] Там же, ст. 1428—1429.
[4] Р. И. Б., т. 21, стр. 1625, 1629, 1710, 1720

После смерти царя Алексея боярство выдвинуло известный проект учреждения наместничеств в противовес бюрократизации управления, оборвав или, точнее, отсрочив осуществление этих возможностей.

По мере того как с развитием описанного процесса все дальше отходит от Тайного приказа роль проводника личной инициативы государя в области общего управления, все шире становится зато, как мы уже знаем, сфера его хозяйственной деятельности. Значит ли это, что хозяйственные функции Приказа явились на смену политическим и Приказ превратился просто в хозяйственную контору царя, сохраняя только в названии память о прежнем своем значении? Очевидно, этот вопрос может быть решен так или иначе в зависимости от того, как будут оцениваться те цели, которым служила состоявшая в ведении Приказа хозяйственная организация.

Совершенно ясна экономическая обстановка, в которой у царя Алексея зародилась мысль организовать с помощью Тайного приказа самостоятельное хозяйство. Это было, как мы знаем, в 1662 г., т. е. в момент наибольшего напряжения того хозяйственного кризиса, который Москва переживала с конца 50-х годов частью вследствие недорода, частью в связи с монетными операциями правительства. Непомерная «хлебная дороговь», какие бы размеры она ни принимала, конечно не могла сделать затруднительным положение царского двора, обеспеченного доходами дворцового ведомства, но она очень болезненно отзывалась на положении служилых людей, поселенных «на вечное житье» в Москве и живших по преимуществу государевым жалованьем. Среди них может быть особенно сильно страдали от нее московские стрельцы, которым с 1649 г. вместо положенных в придачу к денежному жалованью (5—6 руб.) ржи и овса стали выдавать деньгами же по расчету 12 а. 4 д. за четь ржи [1]. Легко представить себе, в какое состояние должен был притти бюджет московского стрельца, когда цена ржи поднялась в Москве до 16 руб. за четверть на медные или до 4 руб. на серебряные деньги [2]. А между тем были обстоятельства, которые заставляли царя с особенной чуткостью отзываться на стрелецкие нужды и которые именно в 1662 г. дали почувствовать себя с наибольшей силой.

Выше говорилось, что Алексей Михайлович начинал

---

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 63, л. 1—2.

[2] Брикнер, Медные деньги в России, стр. 42

свое царствование очень весело [1]. В 1648 г. московская действительность однако нарушила счастливое состояние молодого царя, с укором и угрозами прорвавшись к нему сквозь ряды его охранителей. А за первым уроком последовал вскоре ряд других. Это «закачался» мир, выведенный из терпения произволом власти и тяжким гнетом московской государственности. Под действием пережитых впечатлений царь, прикрывая жестокость расправы, пытался смягчить впечатление от первого, но он и не пробовал изменять системы управления, наоборот, даже способствовал в качестве ее теоретика и отчасти по внешним условиям ее закреплению. Типичный пример — отношение Алексея Михайловича к преступникам: по его же государеву указу, на основании действующих узаконений, им рубили руки и ноги, вырезали языки, а после царь обходил «кажненых» и оделял их своим «жалованьем». И мир, не получая облегчения, продолжал «качаться» на протяжении всего царствования. Недовольство было разлито всюду: служилые люди тяготились походами, посадские — своим тяглом, крестьяне — крепостной неволей, все — растущими платежами и разнообразными натуральными повинностями. «В Москве общественное настроение дурное, — писал шведский агент Эберс в 1663 г., — там недовольны новыми налогами... слышится повсеместно ропот» [2]. Автор специального трактата о войне с Россией, вышедшего в Швеции несколько раньше, находил, что «у царя руки всегда будут связаны внутренними беспорядками и мятежами» [3], и почти теми же словами характеризовал положение дел в Москве де Родес в 1651 г.: «Мне кажется, что им (московскому правительству) нелегко было бы что-нибудь предпринять, что могло бы вызвать войну, и это я вывожу из того, что (здесь) беспрерывно боятся внутреннего восстания и беспорядка» [4]. Всем известные факты из времени царствования Алексея Михайловича подтверждают, что иностранцы не преувеличивали, рисуя настроение страны.

Проявляясь то бурными вспышками, то систематиче-

---

[1] См. выше, стр. 269. По словам де Родеса: «Царское величество совершенно редко заседают», и он долго не мог добиться аудиенции у царя, потому что «их царское величество до сих пор не в городе, а большею частью развлекаются вне его в нескольких верстах, то в одном, то в другом месте, со своей супругой»; Курц, Донесение де Родеса, стр. 50; также 36, 57. Ср. отзывы Поммеринга: Якубов, Россия и Швеция в первой половине XVII в., Чтения в О. И. и Д. Р., 1898 г., кн. I, стр. 449.

[2] Форстен, цит. соч., Журн. М. Н. Пр., 1898 г., июнь, стр. 317.

[3] Там же, май, стр. 340.

[4] Курц, цит. соч., стр. 93.

ским ослушанием государевым указам, народное недовольство заключало в себе угрозу не только для общего порядка, но и лично для царя. По большому количеству сыскных дел по политическим преступлениям, собранных в одном только архиве Тайного приказа [1], можно судить, как часто в то «бунташное» время раздавались в народе «неистовые» и «непригожие» речи про государя. Правда, такими считались и речи, по существу совершенно безобидные, свидетельствовавшие больше о наивности говоривших, чем о каких-либо злых умыслах; конечно не был опасным мятежником Козлитин, сын боярский Шепелев, который у себя дома позволил себе сказать, положа ногу на стол: «У меня де много лучше государя» [2], хотя и за то был бит в Разряде батогами; но уже существенно иным рисуется настроение старца Пахомия и псковского пушкаря Ульяшки Гаврилова, называвших «великого государя... и святейшего патриарха... ворами» [3], или смоленского мещанина Мишки Шершова, уверявшего своих собеседников в кружале, «что де есть на великого государя виселица!» [4]. Оживала и забытая было форма, в которой Московская Русь когда-то выражала свою неудовлетворенность настоящим и свои чаяния лучшего будущего, — самозванство. Известно, как много хлопот наделал московскому правительству самозванец Тимошка Акундинов в 1651 г., выдававший себя за сына царя Василия Шуйского и под этим именем побывавший в нескольких соседних государствах; Тимошку после долгих и настойчивых поисков залучили и казнили, но его участь не остановила других: тот же опыт повторили И. Клеопин и лже-Симеон [5].

Правительству становились известными также случаи, которые при их совершенной фактической безопасности приходилось учитывать по их психологическому значению. В Ефремове некоей «молодице Агапейце» явился (в 1648 г.) «в сновиденье» мученик христов Никита и сказал, чтобы приемный ее отец Степан Корпачов «переставил избу и поставил ее с сеньми, и в тех сенех сидеть ей, Агапейце, а ему б де, Стеньке, быть на царстве». «И он, Степанко, — значится в государевой грамоте, — тому бесовскому мечтанию поверил и избу свою переставливал». Наяву однако обоим вышло другое: Степан был посажен в тюрьму и по-

[1] Р. И. Б., т. 21, стр. 70—72 и др.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., № 162, л. 223—224.
[3] В. И. Веретенников, История Тайной канцелярии петровского времени, стр. 14.
[4] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 512, ч. III, л. 8.
[5] Соловьев, История России.

том «бит нещадно батоги», а молодица «дана за пристава»; чтобы, как пояснялось в грамоте, «иным таким неповадно было в сон верить»[1]. Не меньше наивности, но вместе и такая же близость к действию в факте, о котором доносил в Москву стряпчий Блохин; он видел, как крестьяне сел Васильевского и Михайловского, Тверского у., «расхаживали с топорами, пищалями и красными фатами, привязанными на шесты, носили на носилках человека, у которого надета была коронка, и называли его царем»[2]. Самозванцы могли появляться тем легче, что очень рано была заподозрена подлинность царского происхождения самого Алексея Михайловича. Еще в 1635 г. архимандрит Хутынского монастыря Феодорит высказывал сомнение: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметной ли?»[3]. Некоторые опирались в своих сомнениях на примеры в прошлом: «знаем де мы такие подмены!»[4]; а иные могли представить даже физиологические комментарии к подобным предположениям. Курский рассыльщик Стенька Негин, извещая ложно «на черную старицу» Марфу, приписывал ей следующее соображение, задолго, вероятно, перед тем успевшее потерять своего настоящего автора где-нибудь «на торгу»: «Глупые де мужики, которые быков припущают к коровам об молоду, и те де коровы рожают быки; а как де бы припущали об исходе, ино бы рожали все телицы. Государь же царь (т. е. Михаил Феодорович) женился об исходе, и государыня де царица рожает царевны; а как бы де государь женился об молоду, и государыня де бы царица рожала все царевичи. И государь де царь хотел царицу постричь в черницы, а что де государь царевич Алексей Михайлович, и тот же царевич подменный»[5]. Когда Алексей Михайлович объявлен был царем, нашлись люди, которые уклонились от присяги ему, а некоторые тогда прямо заявляли, что его «напрасно де на государство посадили» и что «посадил де его на царство Морозов»[6]. Те же речи во время московского бунта в 1648 г.: «царствующий государь — не прямой государь»[7]. В свою очередь правительственная политика, направляемая своекорыстными интересами верхов,

[1] Новомбергский, Слово и дело государевы, т. I, № 135.
[2] Опис. док. и бум., хран. в Гафкэ, А. М. Ю., т. 15, л. 502.
[3] Новомбергский, цит. соч., № 61.
[4] В. И. Веретенников, цит. соч., стр. 9.
[5] Новомбергский, цит. соч., № 57.
[6] П. П. Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов, прилож. VIII, стр. 20.
[7] Зерцалов, О мятежах в г. Москве и в с. Коломенском, стр. 196.

могла конечно только усиливать эти выводы в сознании мелкого люда: ефремовец сын боярский Ивашка Ефанов говорил например про государя «неистовое слово» такое, что, по признанию воеводы, «того написать не можно», а причина та: «о чем де они ему, государю, не бьют челом, и он де, государь, за них не стоит»[1]. Так царское имя становилось предметом всякого рода слухов, подозрений, раздражения, и отсюда возможность следующих фактов: два дьячка, Мирошка Симонов и Софронка Кирилов, дядя и племянник, «меж себя бранились» на беседе, и первый в пылу ссоры сказал второму: «ни князь ты, ни боярин, только де назвать тебя царем»[2]. Говоривший хотел этим словом оскорбить своего противника.

Подобные случаи сами по себе, в отдельности, вряд ли могли напугать, но рядом с другими выражениями недовольства, как коллективные челобитные и, еще более, открытые мятежи, они являлись уже внушительными показателями народного настроения и при впечатлительности царя, естественно, должны были вызывать в нем тревогу.

В этой связи становится особенно ясно, почему Уложение с таким вниманием останавливается на преступлениях против государева здоровья и «государской чести» (гл. 2), под формой «указа по рассмотрению» снова вводя в область политического суда отвергнутое предшествующей практикой начало произвольной расправы[3]. И по разным другим признакам видно, что царь не был покоен, обнаруживая несомненно преувеличенную подозрительность. Царь делался жестоким, сталкиваясь с поступками, имевшими хотя бы только отдаленное сходство с коллективным протестом или, по-тогдашнему, с «заговором», особенно в окружавшей его среде. Однажды Алексею Михайловичу подали челобитную с жалобой на неуплату жалованья царские сокольники. Царь увидел в этом заговор и написал в ответ целое послание. Он сам, говорилось там, собираясь в Семеновское «на потеху», хотел «пожаловать их (сокольников) своим государевым денежным жалованьем многим, чего у них и на уме не бывало, и деньги были приготовлены». «И вы, — обращается царь к челобитчикам,—тово не дождалися и завели воровски челобитье». Но заслуживают осуждения и «начальные люди», которые на то и поставлены, чтобы «над своими статьи смотреть и от воровства и от всякого дурна их унимать». «Вспомяните, — говорится по их адресу, — кто каков был и

[1] Новомбергский, цит. соч., № 116.

[2] Там же, № 98.

[3] Г. Г. Тельберг, Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве, стр. 31—33.

[illegible] пришел, и каков ныне стал..., — за милость божию и [illegible] государево жалованье можно бы и унять». Резолюция: главному «заводчику» Федьке Кошелеву указал государь отсечь левую руку, положив «на столбец, к которому [illegible]», остальных «бить кнутом и батоги»[1]. А страх царя перед колдовством и ведовством принимает, можно сказать, прямо болезненный характер. Коновал Левка Сергеев давал боярина Ильи Даниловича Милославского человеку Мишке Серебренину питье сосать хмелевую шишку, завязав в плат, чтоб ему запретить от питья; и тот Левка пытан, что тот плат с хмелем давал пить не для ль порчи, и он с пытки говорил, что давал с пьянства, и за то сослан [illegible]. Дело это было в Тайном приказе, и можно не сомневаться, что строгие меры по отношению к Левке были приняты в предупреждение того, как бы у него не явилось охоты искать клиентов, но уже невольных, выше. Особенно же наглядно размеры подозрительности царя рисуются по упоминавшемуся ранее делу слепой Феньки. Это была «ведомая вориха и ворожея». Жила она во дворе кн. Ф. Ф. Куракина, и когда об этом «ведомо учинилось» государю, последовал указ «взять» ее и «пытать жестокою пыткою», а кн. Куракину с своего двора не съезжать. Пытка производилась сначала в присутствии комнатных бояр и дьяка Тайных дел, потом образован был специально «приказ» в составе Н. И. Одоевского, А. С. Матвеева, Л. Иванова и Д. Полянского, а под конец к нему «в прибавку» присоединили еще нескольких комнатных бояр. Следователи расспрашивали обвиняемую, «где она ездила и по которым боярским дворам, и поскольку жила в котором дворе..., и боярин про то князь Федор Федорович ведал ли и княгиня его, как она, Фенька, ездила с людми его и с девками». Очевидно, искали каких-то далеко идущих следов, но нашли немного: «и она, — заканчивается протокол, — в том во всем в роспросе и с пытки вину свою великому государю принесла, а велели ее Феньку, по указу великого государя, погрести в убогом дому»: страшная ворожея «жестокой» пытки не выдержала и «с тех пыток умерла»[3]. Но таково свойство напуганного воображения: в 1664 г. может быть ближайшим образом под впечатлением событий 1662 г. государь, по рассказу Сильвестра Медведева, сам обратился «с вопрошением... о хотящих быти во гражданстве» к некоему «мужу мудру», который угадывал будущее «от великого случения высочайших небесных планид» и в глазах

[1] Г. А., XXVII, № 549.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 106.
[3] Дворцовые разряды, т. III, ст. 1428—1429.

благочестивого русского человека едва ли был много праведнее слепой Феньки. И царь от него узнал, что «во гражданстве имут быти тайные скипетров похищения, смерти, яко естественные, тако напрасные людей вельможных, им же последуют великия молвы и смущения и различныя постановления уряду гражданского..., и для того великия будут сеймы многонародныя и частвительная,—бог да избавит, да некое злое определенное оттуду выскочит..., поддаяные востанут против правителей своих за то что сердца их суть опечалена и тоскою наполнена, хотя велможи нецыи о успокоении уставительном и помыслят и всяку жилу натянут, чем колеблемый он народ успокоиться мог бы, обаче мало помогут» [1]. Картина, как видим, менее всего успокоительная. Мирское «шатание», делая будущее неверным, естественно, вызывает в царе династические опасения и заставляет его в целях упрочения династии рано вывести своего наследника на политическую сцену. Уезжая в 1655 г. во второй польский поход, царь оставил в Москве «у сына» своего царевича Алексея (с небольшим одного году) и у царицы боярина Г. С. Куракина «с товарищи», которые и были настоящим правительством, а грамоты «о всяких делех» указал писать от имени царевича. Сделав такое распоряжение, он предзидит, что этот прием не на всех произведет желаемое действие, и считает нужным предупредить: «хто станет про те грамоты говорить непристойные слова, и вам бы чинить им, по сыску, жестокое наказанье» [2]. Не без намерения конечно он ставит иногда царевича в такое положение, которое могло обеспечивать ему симпатии начальных людей. Выражая свое недовольство кн. Лобанову-Ростовскому (в 1658—59 г.) по поводу его ложных донесений и самовольных распоряжений, царь пишет, что он указал было виновного боярина «со службы переменить», но, говорится далее, «для прошения сына нашего государева благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича... с нашей великого государя службы, за опалу, тебя, околничево нашего и воеводу переменить не велели» [3]. В другой раз «для нашего и сына нашего... многолетного здоровья» государь милует «изменников, салдацкого строю начальных людей», приговоренных за сдачу Гродны к смертной казни [4]. Имя царевича выдвигалось, как мы знаем, и в тех случаях, когда раздавалось государево жалованье солдатам и стрельцам.

---

[1] С. Медведев. Созерцание краткое, под ред. А. Прозоровского, стр. 38—39.

[2] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., II стр. 717.

[3] Там же, стр. 747.

[4] А. М. Г., т. III. № 37.

Народные волнения и восстания, образующие почти непрерывную цепь на протяжении этого царствования, заставляли искать искусственной опоры в виде вооруженной силы, на которую можно было бы всегда положиться. Такой силой не могло служить дворянское ополчение ни по своим боевым качествам, ни по настроению класса, и царь имел не один случай убедиться в этом. Бесконечные списки нетчиков и беглецов, поступавшие между прочим и в Тайный приказ, с одной стороны, упорное ослушание государевым указам и жалобы на свое положение — с другой, были плохим аттестатом служебного усердия дворян[1]. Но всего важнее было конечно то, что именно служилые люди явились главными деятелями в событиях 1648 г.[2], в первый раз со всей наглядностью раскрывших перед царем рознь между населением и властью, а между тем самый вопрос конкретно и поставлен был как раз под впечатлением этих событий.

[1] Отношение дворянства в лице его лучше элементов — столичных чинов — к обязанностям военной службы чрезвычайно ярко характеризуется в следующем указе (от 1655 г.), редактировавшемся самим Алексеем Михайловичем: «Стольники и стряпчие и дворяне московские и жильцы! В нынешнем во 163-м году октября в 6 д. государь царь и великий князь (подр. титул) у своего государева смотру под Смоленском поволил свой государев указ вам всем сказать, чтобы все со всею службою и з запасы и с конскими кормы на ево государеву службу в Смоленск были нынешняго 163-го году по последнему зимнему бы пути, сами стали в Вязме, а которое число стат, и о том пришлю грамоты. И в городы к воеводам и к приказным людем, по государеву указу, посланы ево государевы многие грамоты, а велено в городех вам всем государев указ сказыват, что по государеву указу велено вам со всею службою и з запасы и с конскими кормы на ево государеве службе ево государева полку в Вязме стать на указной срок, марта в 17 день, нынешнего 163-го году. И вы, забыв головы свои и преслушав ево государевых многих указных грамот, на ево государеву службу в Вязму на указной срок не приехали и за ту вашу вину довелись вы болшого наказанья: и поместьи и вотчины отнять.

И государь царь и великий князь (т.) для нынешния службы и для своего ангела на милость положил, пожаловал вас —наказанья вам за ту вину учинить и поместья и вотчин отнять не велел. А впред хотя едино хто слово молыт и поставит ни во што нашу государскую милость превыше вины нашея или, на нашу государскую милость надеючись, болше тово дуровать начнет и в оплошку поставит наш государев указ, и тем людем быть разоренным бесповоротно и самим быть в нашей государеве опале в Сибири. В вас же враг всеял такие речи: говорите: — лошеди стали, один прибежал; и от ково то сталось? Посыланы многие грамоты по вас, за што исподовол не ехали? И в вас бы таких речей не было, а покрывать службою и кровью с радостию, памятуя ево государеву милость». Г. А., XXVII, № 101.

[2] П. П. Смирнов, цит. соч; ср. того же автора. «О начале Соборного Уложения и Земского Собора 1647—1649 гг.», Журн. М. Н. Пр., 1913 г., кн. 9.

Бывший в 1648—49 г. в Москве шведский резидент Поммеринг имел сведения, что правительство собиралось тогда «вербовать» сильную гвардию «для безопасности его царского величества». «Теперь, — сообщал Поммеринг в феврале 1649 г., — (об этом) не так много слышно», значит, раньше говорилось много [1]. Спустя месяц он, правда, пишет: «о сильной лейб-гвардии его ц. в., которою должен был командовать голландский полковник Исаак Бухгофен, теперь ничего не слышно» [2], однако еще через месяц он узнал, что на место сосланных в Сибирь стрельцов «будет навербовано тысяча всадников и 2 400 мушкетеров», согласно же позднейшему его сообщению, 6 000 всадников, которые и составят «гвардию великого князя» [3]. Эти сведения Поммеринг несомненно почерпнул из ходивших тогда по Москве слухов и повидимому был близок к предположениям правительства, только осуществившимся на самом деле в ином виде.

В донесениях Поммеринга о смуте 1648 г. мелькают также известия о роли стрельцов. Она рисуется до известной степени двойственной. Вначале стрельцы никаким особым образом не связаны с правительством. Наоборот, занятые торгами и промыслами, они в силу общности хозяйственных интересов близко стоят к посадскому населению Москвы, разделяют его недовольство и в первые дни волнений проявляют свою солидарность с ним. Но в дальнейшем их поведение постепенно меняется. Что стрельцы — сила, это обстоятельство хорошо учитывают правящие верхи в стремлении найти опору, и на этом во время беспорядков столкнулись две придворные партии — Б. И. Морозова, за которой стоял повидимому и царь, и Н. И. Романова, рядом с которым держится князь Я. К. Черкасский. Обе партии ухаживают за стрельцами. Князь Яков не раз угощает их у себя в доме [4]. Их же содействием старается заручиться и противная партия. «Патриарх, — сообщает Поммеринг, — обещал каждому стрельцу, который подпишет (прошение) о том, чтобы Морозов приехал в Москву, 4 рубля», а сам царь — по 10 руб. [5]. Он передает далее, что стрельцы «вместо прежнего своего жалованья в 4 или 5 руб. теперь недавно получили от его царского величества 25 руб., а некоторые полагают, и более» [6]. И стрельцы чувствуют свою силу. «Его царское величество, — пишет Поммеринг, — обещал стрель-

---

[1] Якубов, цит. соч., Чтения в О. И. и Д. Р., 1898 г., кн. I, стр. 442.
[2] Там же, стр. 445.
[3] Там же, стр. 447—448.
[4] Якубов, цит. соч., стр. 427, 430
[5] Там же, стр. 429—430.
[6] Там же, стр. 433

цам улучшение; но чью сторону они будут держать, еще неизвестно»[1]. Дело однако уладилось: челобитная была подписана, и Морозов возвратился в Москву. Позднее в челобитной, поданной 17 ноября 1649 г., стрельцы Стремянного приказа напоминали государю о своих заслугах перед ним в те тревожные дни: «В прошлом, государь, в 156-м году, как было шумное время, и в то время мы, холопи твои, помня твое государево крестное целованье, были у тебя государя на Постельном крыльце, оберегали твоего царского величества; и в то время без нас, холопей твоих, домишка наши со всеми животишки и статки пригорели, а у иных у нас, холопей твоих, и женишки згорели. И в нынешнем же, государь, во 157-м году, — дипломатично изображают челобитчики главную свою заслугу, — как просили милости у тебя, праведного государя, всеми приказы о боярине о Борисе Ивановиче Морозове, чтоб ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал велел боярина Бориса Ивановича Морозова взять к своему царскому величеству, и к той челобитной мы, холопи твои, Стремянным приказом преж всех приказов безо всякие задержки руки свои приложили». Мало того: стремянные стрельцы «сверх той челобитной... с великим радением» написали особую челобитную о боярине Борисе Ивановиче Морозове». Из того же документа узнаем, что действительно государь «для всемирные пресветлые радости рождения... благоверного царевича» указал стрельцам всех московских приказов дать «в прибавку... по рублю человеку в оклад» денежного жалованья при соответствующей «хлебной додаче»[2]. Конечно поведение стрельцов в 1648 г. не только двусмысленное, на что намекают даже стремянные стрельцы в своей челобитной («задержка» со стороны других стрельцов в подписании челобитной о возвращении Морозова), но и вызывающее, если принимать сообщение Поммеринга, что стрельцы тогда осмеливались «дерзко выступать против его величества»[3], не могло внушать к ним доверия, и возможно, что в этом была причина, почему предполагалось сначала образовать особую лейб-гвардию[4]. Благодаря последующему их поведению впечатление однако сгладилось, и стрельцы постепенно заняли место, указывавшееся им и всей совокупностью условий момента и положением их, как постоянного, прикрепленного к Москве, войска. Значение их быстро растет, и это сказывается прежде всего увеличением их числа. Са-

[1] Якубов, цит. соч., стр. 427—428.
[2] Чтения в О. И. и Д. Р., 1881 г., кн. 1, стр. 1—4.
[3] Якубов, цит. соч., стр. 427—428.
[4] Так именно смотрит Поммеринг, цит. соч., стр. 439

мый указ об учреждении новых приказов московских стрельцов до нас не дошел, но указания на него содержатся в памяти А. С. Матвееву от 29 ноября 1672 г., которая начинается следующим торжественным воспоминанием: «В прошлых годех, за помощию божиею и крепкой воеводы пресвятые богородицы, всего христианского рода хранительницы, по указу великого государя [illegible], в прошлые военные времена и в приход крымского хана и татар на украинные и северные городы, и для разных неприятелей, прибавлены сверх прежнего Московские стрелецкие приказы»[1]. «Прошлые годы», о которых здесь говорится, по всей вероятности середина пятидесятых годов: уже в 1657 г. по сменам стрелецких караулов, записываемым в Дневальных записках Тайного приказа, можно насчитать до 17 московских приказов, т. е. вдвое больше против прежнего[2]. С другой стороны, едва ли можно сомневаться, что «прибавляли» московских стрельцов не только «для разных неприятелей»: еще в декабре 1655 г. самым государем частью составлялся, частью редактировался указ, согласно которому тогдашний начальник Стрелецкого приказа И. Д. Милославский должен был «приверстать» новых стрельцов в три приказа — С. Полтева, А. С. Матвеева и Якова Соловцова (стремянной) — так, чтобы в каждом вместо обычных 600 чел. было по 1 000 чел.[3], а эти три приказа, как будет видно, по преимуществу составляли личную охрану царя.

Теперь стрельцы всегда вблизи царя, остается ли он в Москве, или едет тешиться в поле, или отправляется в поход. Самые наборы стрелецких приказов чуть ли не всегда производятся по указам из Тайного приказа, иногда даже по росписям, составляющимся лично государем[4]. Царь сам просматривает росписи стрелецких караулов, наряжающихся ко дворцу, случается, — изменяет их[5]. Он придумал и собственноручно записал пароли для стрелецких голов[6]. Стрельцы перед всеми другими людьми пользуются доверием государя; только они одни могли, по словам Котошихина, проходить царским двором «с ружьем и с [illegible]»[7].

---

[1] А. А. Э., т. IV, № 189.

[2] Чтения О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 1—3.

[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 102.

[4] Там же. № 57.

[5] Чтения в О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 176; Г. А., XXVII № 102.

[6] Гафкэ, Г. А., XXVII, 338. Например: «Яков Павлов сын Соловцов—ясак: махай, махай; Семен Федоров сын Полтева—ясак: Полтев, Полтев; Артамон (т. е. Матвеев) — ясак: бождем, бождем» и т. д.

[7] «О России в царствование Алексея Михайловича», изд. [illegible], стр. 20.

В тех случаях, когда московские стрельцы посылаются на театр военных действий, они как будто оказываются под непосредственным ведением Тайного приказа: отсюда даются им указы о выступлении в поход и сообщаются маршруты, а стрелецкие головы шлют от себя туда же отписки о движении своих приказов, по крайней мере с дороги[1]. Во время военных походов государя размещение московских стрельцов — предмет особого внимания. Когда в 1675 г. Алексей Михайлович готовился лично принять участие в войне с крымцами, на юг, как говорилось уже, были посланы бывший подьячий Тайного приказа, а в тот момент дьяк Пушкарского приказа П. Оловеников и подьячий (настоящий) приказа А. Озеров, которые должны были заготовить продовольствие для ратных людей и между прочим приготовить в Путивле, где намечен был государев стан, дворы для сопровождавших государя придворных чинов и московских стрельцов. Вот как извещали государя названные лица об исполнении последнего поручения: «А под стрелецкие, государь, приказы, которые за тобою, великим государем, будут в походе, росписано дворов на 15 тысяч человек 600 дворов, по 20 и по 5 человек на двор, и тем дворам учиня именную роспись в тетрадях, отдали мы, холопи твои, полуголове московских стрельцов Петру Полукнязеву; а затем, государь, в остатке в Путивле бояром и окольничим и думным и ближним людем и столником, и стряпчим и дворянам и жильцам и всяких чинов людем 700 дворов». Итак, думают сначала о московских стрельцах, а затем уже о прочих «всяких чинов людех», в том числе и думных и ближних. «А в которых местех, государь, — снова возвращаются авторы к стрельцам, — под стрелецкие приказы дворы росписаны, и тому мы, холопы твои, учиня чертеж, послали к тебе, великому государю, с сею отпискою, а отписку и чертеж велели подать твоих великого государя Тайных дел дьяку Даниду Полянскому»[2]. Но московские стрельцы не только телохранители царя, но и его доверенные агенты в управлении. Стрелецкие начальные люди постоянно, как мы знаем, исполняют разнообразные хозяйственные поручения и назначаются в ответственные «посылки» военного и дипломатического характера. Они же по преимуществу производят «по наряду» из Тайного приказа сыски, получая иногда при этом полномочие — «по роспросу и сыску» и «указ учинить по...

[1] Гафка, Л. М. Ю., Белгор. отд., № 610, л. 26, 34, 51—52, 58, 67—68, 86, 86—87.

[2] Там же, № 1212, л. 38—39.

государеву указу и Уложенью»[1]. Стрелецкий голова ставит пеню на местном воеводе, если тот окажется «ослушным» государеву указу[2]. В подобных ролях некоторые из стрелецких голов выступают так часто, что как бы примыкают к составу Тайного приказа. Все эти отличия с несущественными отклонениями разделяют под конец с московскими стрельцами и солдаты двух выборных полков, из которых полк М. Кравкова представляет еще ту любопытную особенность, что набирается повидимому преимущественно с наследственных романовских земель[3].

Значением московских стрельцов определяется и мера благоволения к ним государя. Они больше всех других служилых людей, разумеется, в соответствующих рангах, взысканы и близостью и милостью. Стрелецкие головы и полуголовы — обычные гости за царским столом, и нередко — в числе самых избранных людей[4]. Царь очень бережет свою гвардию. Посылая стряпчего Яковлева с выговором Хованскому по поводу неудачного приступа к Ляховичам, он наказывал вместе с тем: «ему ж, боярину и воеводе, говорить, чтоб он голов московских стрелцов и их приказов стрелцов берег, и кроме полевых боев к городам на приступ не посылал»[5]. Повидимому он не находил нужным и скрывать предпочтения, отдававшегося им стрельцам. В 1664 г. ездил в Астрахань с поручениями от царя к воеводе Г. С. Куракину стольник Кафтырев, который вез с собой также и царское милостивое слово находившимся там на службе ратным людям. По наказу, Кафтырев должен был сказать солдатам М. Кравкова и стрельцам трех московских приказов (Т. Полтева, А. Лопухина и Б. Бестужева) «особо», что «великий государь службу их похваляет: будучи они на ево государеве службе, служат ему, великому государю, с великим раденьем...; да и то салдатом сказать, что женам их дают хлебное жалованье, сверх поденного корму (что по отношению к стрельцам вошло в обычай), и они б о том не печалились, жены их и дети сыты; да им же, салдатом и стрельцом, указал великий государь дать своего великого государя жалованья по рублю человеку на кафтаны; и они б, видя к себе такую государскую премногую

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 119, л. 100—103.
[2] Гафкэ, А. М. Ю., Белгор. ст., № 659, л. 39.
[3] Там же, Белгор. ст., № 610, л. 41—42; ср. Р. И. Б., т. 21, стр. 513.
[4] Например 17 марта 1662 г. «у стола были»: власти —кн. А. Н. Трубецкой, Ю. А. Долгорукий, Б. М. Хитрово, думный дьяк И. Лопухин, Д. Башмаков и головы стрелецкие; Чтения в О. И. и Д. Р., 1908 г., кн. I, стр. 130; ср. стр. 41, 52, 57, 66, 97 и др.; см. также Дворцовые разряды, т. III.
[5] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 166, л. 41.

милость, и впредь ему во всем служили с великим раденьем и на ево государскую милость во всем были надежны, а служба их у нево, великого государя, и впред забвена не будет». Остальным ратным людям сказано было много меньше — только то, что «великий государь службу их похваляет», и к этому присоединено увещание, по размерам «милости» уже слабо мотивированное, — чтобы они, «видя к себе такую ево государскую милость»[1], служили и т. д. Если, случалось, награждались за раз, по одному и тому же поводу, «начальные люди» служилых полков и московских стрелецких приказов, то награды последних бывали по меньшей мере вдвое значительнее[2]. А когда однажды двое служилых людей, прося «о подмоге и запасах», указывали в своей челобитной «во всем на московских голов», государь велел разъяснить челобитчикам, что их «с московскими головами сверстать не мочно, потому что многие из них кровию обагрилися ему, государю, а которые и не обагрилися, и они ему, великому государю, во многих службах и во всяких делах объявилися верны и постоятельны, безо всякие лести». Решение было: «и довелося было дат четвертное и годовое жалованье, а за то, что бьете челом с указом и невежливо, отказать во всем»[3] — мотивировка, в которой московское самовластье проявило преувеличенную чувствительность столько же в отношении своих прерогатив, сколько и в отношении престижа своих верных слуг. В некоторых случаях выносишь впечатление, что обиды, причиненные стрельцам, государь готов был принять на собственный счет. Известный казначей Саввина-Сторожевского монастыря вызвал негодование царя Алексея не просто пьяным буйством, а, может быть, главным образом тем, что оно направлено было против поставленных в монастыре московских стрельцов. В этом царь усмотрел, если воспользоваться его пышной фразеологией, «высокопроклятые и гордостные и вымышленные тайные дела», или, как он иначе выразился, «грозы» по своему адресу со стороны буйного монаха. Потому так строго и был поставлен сыск по этому, казалось бы, просто пьяному делу и такой суровой каре подвергнут был обвиняемый: царь распорядился «выслать (казначея) в-ыную келью за стрельцами и не велеть от нево пяди отходить, и чернил и бумаги отнюдь не давать и не пропускать к нему никаково чело-

[1] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 216, л. 21—22.
[2] А. М. Г., т. III, № 151.
[3] Гафкэ, Г. А., XXVII, № 238, напечатано у Гурлянда.

века», а после того — «положя чеп на шею, на ноги железа, и весть к Москве»[1].

Все изложенное позволяет не считать фальшивым освещение, в каком наблюдавшие внутренние отношения в Московском государстве или собиравшие об них сведения иностранцы изображают роль московских стрельцов. Современник царя Алексея Коллинс отожествляет стрельцов с янычарами[2]; но с полной ясностью политическая роль их обрисована у более поздних авторов — Фокеродта и Манштейна, вообще отличающихся значительной осведомленностью в русском прошлом. По сведениям Фокеродта, стрельцов «утвердил» в качестве телохранителей патриарх Филарет «в помощь самовластию», наделив их льготами и правами, но поставив под начальство не знатных дворян, а «выслуженцев», оттого дворянство «донельзя презирало этот отряд и считало для себя позорным и унизительным служить в нем», а в свою очередь и стрельцы ненавидели «знатные роды» и всегда были «в готовности исполнять царские приказания против них». Царь Алексей Михайлович, утверждает Фокеродт, в полноте и независимости своей власти «зашел... так далеко с такими пособниками, что не имел больше надобности щадить дворянские роды, а отважился уменьшить их льготы», раз нашел это нужным «для блага государева»[3]. Манштейн, сравнивая, подобно Коллинсу, стрельцов с янычарами, расходясь — и не к выгоде для себя — с мнением Фокеродта, что стрелецкое войско было «образовано» патриархом Филаретом, думает уже в согласии с ним, что с помощью стрельцов имелось в виду «держать в повиновении вельмож и дворянство» и что они внушали дворянству к себе «настоящую ненависть»[4]. Очень близки к названным иностранцам в своих представлениях о роли московских стрельцов некоторые из русских писателей XVIII в. Так, то же сближение стрельцов с янычарами находим у Матвеева[5]. Голиков, признавая, что стрелецкое войско одно только и было способно стать настоящей вооруженной силой, оговаривается однако, что в действительности «сие самое войско было более государству вредно, нежели неприятелям, и все истинные россияне ненавидели оное за его развратность и наглость». Учреждение стрелецкой пехоты он приписывает, повторяя Татищева,

---

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 685 и сл.
[2] Коллинс, Нынешнее состояние России, стр. 34.
[3] Фокеродт, Россия при Петре Великом, стр. 22—23.
[4] «Записки Манштейна о России», изд. 1875 г., стр. 309.
[5] «Записки Матвеева», стр. 3, в изд. Сахарова «Записки русских людей».

Ивану IV, но присоединяет к этому, может быть следуя автору статьи «О старинных чинах в России», что стрельцы составляли «телохранительную стражу» Грозного, «известную под названием опричнины»[1]. Конечно с такой определенностью политическая роль московских стрельцов могла быть формулирована только уже в XVIII в., когда перед глазами писавших стояли события 1682 г.; воспоминаниями об этих событиях отчасти объясняется и раздражение, которое слышится в отзывах Матвеева и Голикова. Но в 1682 г. без сомнения лишь в резкой форме проявилось политическое самочувствие стрельцов, которое стало складываться много раньше, под влиянием того исключительного положения, в какое они были поставлены при царе Алексее. Они несомненно уже вошли во вкус своей роли, прежде чем потребовали по поводу событий 1682 г., чтобы за ними официально был признан титул «надворной пехоты». А объективным показателем их значения служит судьба Стрелецкого приказа: последний сохранял свое выдающееся положение в системе управления, пока и стрельцы удерживали данное им положение, но с их поражением, еще при Софье, происходит перемена: вскоре после того, как они принесли повинную, признав себя побежденными, сбор стрелецкой подати отбирается у Стрелецкого приказа и передается в четь[2].

Особенно прочным доверие царя Алексея к своей гвардии должно было стать после событий 1662 г. в с. Коломенском, где стрельцы повели себя совсем иначе, чем в 1648 г. в Москве. Стрельцы поспели в Коломенское как раз во-время, к тому критическому моменту, когда на слова Алексея Михайловича, что он идет сам в Москву «для сыску» над лицами, вызвавшими народное возмущение, мятежники «учали говорить царю сердито и невежливо, з грозами», требуя немедленной выдачи бояр «добром». И царь, рассказывает Котошихин, «проведав, что стрелцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел» всем, «которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити»[3]. Стрельцам следовательно выпала при этом решающая роль. Так представляли себе ход событий и другие современники, между прочим и некоторые из участников событий. Сосланные тогда в Казань «воры и бунтовщики», как узнаем из доставленного в Тайный приказ

---

[1] Голиков. Деяния Петра Великого т. XII, стр. 235—239. Др. Рос. Вивл., т. XX, стр. 232—233.

[2] П. Н. Милюков Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII ст., стр. 65.

[3] Котошихин, ник. соч., стр. 103.

языков дела, говорили, когда их на место [illegible] расписывать по полкам: «волен де великий государь, а им де свое взять, опять бунтовать на Москве, бояр побивать и домы на Москве грабить и розбивать и разорять». Бывшие там же несколько солдат из полка М. Кравкова поддерживали бунтовщиков, говоря, что «они де, салдаты, их, бунтовщиков, не покинут, станут с ними вместе бояр побивать и домы разорят». Но не одни бояре вызывают ненависть тех и других: «да те же воры бунтовщики и салдаты, — рассказывается дальше в деле, — грозятца на московских стрельцов и хотят побивать до смерти Яковлева приказу Соловцова, Семенова приказу Полтева, Артемонова приказу Матвеева[1] за то, что они их, бунтовщиков, имали и до смерти их побивали, а бояр побить им и домов разорять и грабить не дали». Отмечено и исключительное благоволение царя к стрельцам как лишняя причина ненависти к ним: «да и за то на тех стрелцов грозятца, — говорится в донесении о солдатах, — что их (стрельцов) великий государь жалует, дает им свое государево жалованье многое, а им, салдатом, дают государево жалованье малое и их де салдатов великий государь ставит ни во что»[2]. Бунт в Коломенском, когда возбужденная толпа вплотную подступила «з грозами» к царю, на Алексея Михайловича произвел, можно думать, чрезвычайно сильное впечатление: не даром же «роспись» коломенским бунтовщикам, «которых велено повесить и в которых местех, а иных... сослать в ссылку», составлена была «за пометою дьяка Дементья Башмакова», т. е. в Тайном приказе; но, с другой стороны, тем лучше запомнил государь и услугу, оказанную стрельцами. Год спустя после того царь в известном нам наказе стольнику Кафтыреву «похваляет» московских стрельцов и солдат полка Кравкова, не примкнувших к бунтовщикам[3], не только за «нынешнюю», но и «за прежнюю (их) службу, как они ему, великому государю, в смутное время служили и к бунтовщиком и к изменником и ни к каким воровским людем не приставали». Прошло с тех пор 3 года, а царь временами все еще возвращается в своих мыслях к этому моменту: в 1665 г., например, он указывает выдать, как записано в приходо-рас-

[1] Т. е. известных нам наиболее приближенных к царю стрелецких приказов.

[2] Гафкэ, А. М. Ю., Прик. ст., 930, л. 4—53.

[3] Часть солдат М. Кравкова несомненно принимала участие в бунте. См. Зерцалов, цит. соч., стр. 294, 323. Не невероятно, что после того и стали приниматься меры к уравнению солдат этого полка с московскими стрельцами.

ходных книгах, солдатам М. Кравкова (1 082 чел.) по рублю своего государева жалованья «да по кумачю человеку» и опять за то же, «что они во 170 году на Москве и в Коломенском к вором бунтовщиком не пристали»[1]. В высшей степени вероятно, что коломенский бунт, усилив внимание государя к стрельцам, явился также толчком к изысканию способов лучшего материального их обеспечения.

Как говорилось уже, в годы хозяйственного кризиса жалованье московских стрельцов в установленных ранее размерах должно было оказываться недостаточным и особенно тягостной становилась для них в этих условиях замена хлебного жалованья денежным. Временами государь приходил к ним на помощь, то уделяя в их пользу часть из случайных натуральных поступлений, как было например при переходе к нему имущества Н. И. Романова, то жалуя хлебом, по крайней мере отдельных лиц, из запасов Приказа Казанского дворца[2]. Это конечно не было решением вопроса, между тем последний с увеличением числа стрелецких приказов приобретал еще бо́льшую остроту, особенно ввиду того, что с самого начала на содержание новых приказов, как сказано в известном нам указе 1672 г., «хлебных запасов, к прежнему окладу, в Стрелецком приказе не положено»[3]. Но в вопросе о содержании московских стрельцов условия момента выдвинули еще другую сторону. Созванные правительством в октябре 1660 г. с целью выяснения причин хозяйственного кризиса, московские торговые люди разных категорий согласно указывали в своих сказках в качестве главной причины «хлебной дорогови» следующую: «преж сего было великого государя хлебное жалованье ружным попам и всем церковникам и стрельцам и государевым дворовым людям; а ныне дают тем всем людям государево жалованье за хлеб деньгами, и те все люди на Москве и в городех стали хлебу купцы». Тут же эксперты наметили и возможный выход из затруднения: гости, гостиной и суконной сотен торговые люди высказали пожелание, чтобы государь указал «хлеб на свое государево жалованье стрельцам взять у патриарха и у властей и в монастырех, который у них будет хлеб в лишке за обиходом», а сотские и старосты черных сотен намекнули и еще на один возможный источник: «преж сего, — говорили они, — из дворцовых сел и из волостей хлеб государев привозили к Москве на Житный дворец; а ныне с тех сел

---

[1] Р. И. Б., т. 23, стр. 628.
[2] Р. И. Б., т. 21, стр. 1001, 1008.
[3] См. выше, стр. 297.

и с волостей емлют за хлеб оброчный деньгами»[1]. Как известно, в 1662 г. правительство решило собирать стрелецкую подать не деньгами, а хлебом со всех областей, осуществляя таким образом мысль торговых людей в более широком применении, но тем самым вызвало со стороны населения, по крайней мере в некоторых местностях, «решительное сопротивление» и на 1663 г. вынуждено было остаться при прежнем способе сбора — деньгами[2]. Можно сомневаться, чтобы при тех условиях оно встретило бо́льшую готовность к замене денежного оброка хлебным и среди населения дворцовых владений, если бы сделало подобную попытку. Во всяком случае окончательный выход был найден, мы знаем, другой: создана была под непосредственным руководством царя хозяйственная организация, посредством которой одновременно и обеспечивались материальные нужды московских стрельцов, а из «дворовых людей» — сокольников,. и еще более скреплялась связь между царем и его лейб-гвардией.

Итак, хозяйственное ведомство Тайного приказа не было только хозяйственным предприятием. По форме оно несомненно подсказано было личными хозяйственными наклонностями царя Алексея и в соответствии с этим строилось во многом по типу частных владений, но основной задачей своей оно отвечало политическим соображениям своего организатора, и его возникновение объясняется общим складом политических отношений в Московском государстве того времени. В этом — внутренняя логика обращения Тайного приказа в орган хозяйственного управления.

Присвоенная ему с самого начала функция верховного надзора при постоянном непосредственном участии царя продолжает осуществляться им и в этой фазе его эволюции, но в измененной форме: рядом с работой постоянного приказного состава, занятого теперь по преимуществу хозяйственными операциями, в общем управлении широкое применение находит система чрезвычайных поручений, причем в роли исполнительных агентов обыкновенно действуют лица особой общественной категории, образующей как бы специальное ведомство Тайного приказа. С другой стороны, условия социально-политической жизни, выдвигая с

---

[1] П. С. З., № 286.

[2] П. Н. Милюков, цит. соч., стр. 58—60. В 1662 г. правительство повидимому не отступилось от своего решения, и трудности, с которыми ему приходилось бороться при сборе стрелецкого хлеба за этот год, хорошо рисуются царской грамотой к ростовскому воеводе Пустошкину от 6 марта 1663 г. Доп. к А. И., № 171.

особой остроты в зависимости от постоянных нарушений политического равновесия вопрос о прочности династии, сообщают и хозяйственной организации Приказа политическое значение. Получающееся в результате своеобразное политическое образование, не укладывающееся в рамки постоянно действовавшего московского порядка, не представляется, однако и совершенно исключительным явлением: поскольку корни его — в присущих московскому самодержавию тенденциях, оно возникает спорадически, в той или иной, но всегда выходящей из норм установившегося строя форме. Его мы узнаем в политическом облике опричины Грозного, и без сомнения не случайность, что в архиве Тайного приказа оказалось между прочим всем известное «прошение князь Ивана Васильевича Московского и детей его к государю и великому князю Симеону Бекбулатовичу всея России о свободе людем»[1]: очевидно, предприятие Грозного интересовало царя Алексея. А с другой стороны, через ту же организацию царь Алексей подает руку своему знаменитому сыну: петровская гвардия в ее политическом значении может быть сближена со стрелецкой надворной пехотой и при наличии последней, может быть, и явилась только потому, что Голицын, друг царевны Софьи, предупредил другого Голицына, воспитателя Петра. Интересно отметить, что эту общность роли между гвардейцами XVIII в. и московскими стрельцами второй половины XVII в. подчеркнул один из носителей верховной власти в России, называя первых так, как современники звали последних, — янычарами.

Хозяйство Алексея Михайловича само по себе было предприятием недолговременным: немногим пережило своего организатора; все же оно существовало достаточно для того, чтобы через него успели проявиться общие, хозяйственные и политические, тенденции того времени.

8735

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 3
Введение 5
Глава первая 16
Глава вторая 45
Глава третья 72
Глава четвертая 98
Глава пятая 147
Глава шестая 187
Глава седьмая 234

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка* св.	*Строка* сн.	*Напечатано*	*Следует*
40	—	3	чуль	куль
66	4	—	подьячей	подьячей»
122	24	—	Львова	Льгова
158	—	8	просто	просо
197	11	—	еблуг	белуг
243	—	10	Романовского	Ромодановского

А. И. Заозерский. Царская вотчина.

2491

особой остротой в зависимости от постоянных нарушений политического равновесия вопрос о прочности династии, сообщают и хозяйственной организации Приказа политическое значение. Получающееся в результате своеобразное политическое образование, не укладывающееся в рамки постоянно действовавшего московского порядка, не представляется, однако и совершенно исключительным явлением: поскольку корни его — в присущих московскому самодержавию тенденциях, оно возникает спорадически, в той или иной, но всегда выходящей из норм установившегося строя форме. Его мы узнаем в политическом облике опричины Грозного, и без сомнения не случайность, что в архиве Тайного приказа оказалось между прочим всем известное «прошение князь Ивана Васильевича Московского и детей его к государю и великому князю Симеону Бекбулатовичу всея России о свободе людем»[1]: очевидно, предприятие Грозного интересовало царя Алексея. А с другой стороны, через ту же организацию царь Алексей подает руку своему знаменитому сыну: петровская гвардия в ее политическом значении может быть сближена со

стрелецкой
может быть
царевны Со
теля Петра.
жду гварде
половины Х
власти в Ро
ли последн

Хозяйст
предприяти
го организа
того, чтобь
венные и п

9735

[1] Зап. Отд. Рус. и Сл. Арх., т. II, стр. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 3
Введение 5
Глава первая 16
Глава вторая 45
Глава третья 72
Глава четвертая 98
Глава пятая 147
Глава шестая 187
Глава седьмая 234

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1200533433